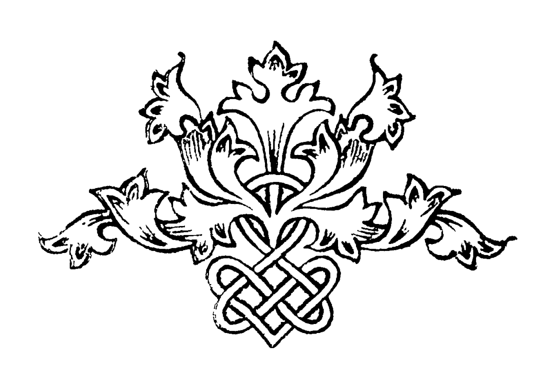
АКАДЕМИЯ НАУК СССР
НАУЧНЫЙ СОВЕТ ПО ИСТОРИИ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ

РУКОПИСНАЯ И ПЕЧАТНАЯ КНИГА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1975

Р $\frac{80104-128}{042(02)}$ 389—75

Задачи изучения связи рукописной книги и печатной

Д. С. Лихачев

История книги едина. Она в целом не может быть разбита на две обособленные истории: историю рукописной книги и историю печатной книги.

Книги Ивана Федорова (и особенно «Апостол») настолько совершенны, что не может быть сомнения, что перед нами не молодое, а зрелое искусство книги. Оно зрелое — по изяществу шрифта, формата, художественного декора, композиции страницы, по совершенству и продуманности текста, его орфографии и т. д. Создавали первые русские книги люди, хорошо знавшие и ценившие их, знавшие — что им следует достигнуть в новом для них виде производства книги.

Если мы сравним федоровские и дофедоровские печатные издания, то с уверенностью можем сказать, что Федоров в своих изданиях не только шел вперед, но и возвращался к лучшим образцам рукописной книги.

Совершенствуя свою технику, Федоров как идеал видел перед собой лучшие рукописи своего времени — их декор, их шрифт, их четкие и прочные чернила, их удобнейшие форматы, их даже «исправленные тексты».

Я говорю это вопреки установившемуся мнению, что первопечатные издания были вызваны необходимостью преодолеть недостатки рукописной книги: неисправность текста в первую очередь.

Первопечатные книги не стремились отойти от рукописей, а напротив, приблизиться к лучшим рукописям, но в новой технике. И это очень важно.

Это единство развития книги подчеркивает в своих работах А. А. Сидоров. Еще в 1946 г. в «Истории оформления русской книги» он пишет: «Первые наши печатники стремились сделать печатные книги как можно более близкими к рукописным. Было уже давно замечено, что в издательских кругах того времени встречалась даже тенденция выдавать печатные книги за выполнение от руки; таким прочным оставался по традиции авторитет нашей рукописной книги» [1].

[1] *А. А. Сидоров.* История оформления русской книги. М—Л., 1946, стр. 52.

Но единство развития не есть отсутствие различий. Печатная книга отнюдь не являлась простым перенесением в новую технику рукописных принципов. Она внесла решительные изменения в книгу. Эти изменения шли по линии усвоения общеевропейского опыта: не немецкого или итальянского, а именно общеевропейского. Это усвоение не порывало с русским рукописным опытом, а преобразовывало и усовершенствовало те принципы, которые традиционно были свойственны русской рукописной книге. И опять-таки здесь принципиально важные положения принадлежат А. А. Сидорову.

В статье 1964 г. Сидоров пишет: «Иван Федоров создал в своих двух Апостолах и Часовниках поразительные по уверенности гравюрные преображения щедрого дара великой эпохи, в которой наряду с Возрождением расцветала и поздняя готика и все еще неумирающий византинизм. Ни «итальянского», ни «немецкого», ни какого еще иного «влияния» или «теории» не надо нам. Но ясными и вдохновляющими нас, потомков, своим богатством представляются нам теперь культурные связи старой Москвы — в век молодости ее! — со всем почти миром» [2].

А. С. Зернова, как мне представляется, несмотря на отдельные ошибочные утверждения, нашла очень убедительный пример того, как общеевропейские традиции и влияния преобразовывались в первопечатных изданиях в духе эстетических традиций рукописной книги. В своем исследовании «Начало книгопечатания в Москве и на Украине» А. С. Зернова писала: «Форма заставок Ивана Федорова свойственна русским рукописям, но, взяв прежнюю русскую форму, он вставил в нее немецкий узор [3], может быть, как уже указано, не впервые, а по примеру рукописей. Рельефность рисунка, которая характерна для орнамента Апостола, не встречается ни у каких его предшественников ни в рукописях [4], ни в анонимных изданиях». Эта рельефность — в орнаменте рукописных заставок старопечатного типа [5].

Резюмируя те обильные наблюдения, к которым приходят за последнее время исследователи связей русской первопечатной книги с рукописной, мы могли бы сделать вывод: в своем развитии, начиная с XI в., русская книга постоянно использовала опыт зарубежной книги, особенно византийской и южнославянской. Этот опыт зарубежной книги приходил к нам иногда бурными потоками, целыми огромными массами. Такова, например, была эпоха второго южнославянского влияния в XIV и XV вв.

[2] *А. А. Сидоров.* Узловые проблемы и нерешенные вопросы истории русского книгопечатания. — «Книга. Исследования и материалы», сб. 9. М., 1964.

[3] Теперь можно думать — не только немецкий, но и итальянский. — *Д. Л.*

[4] Это ошибочно. Рельефность в рукописных орнаментах встречается в первой половине XVI в. и подготовляет собой рельефность старопечатного орнамента. — *Д. Л.*

[5] *А. С. Зернова.* Начало книгопечатания в Москве и на Украине. М., 1947, стр. 39.

Но русская книга, усваивая этот опыт, продолжала, однако, непрерывность и внутреннюю закономерность своего развития.

Середина XVI в. с появлением книгопечатания явилась новой эпохой «лавинообразного» влияния Запада, — на этот раз еще более широкого. И тем не менее, русская книга не прервала своего естественного, единого развития. Усваивалось то, что соответствовало собственным законам развития книги, что отвечало эстетическим принципам всего русского (вернее восточнославянского — украинского и белорусского также) эстетического и собственно книжного опыта.

Такой новый и широкий взгляд историков книги, определившийся в работах по началу русского книгопечатания, требует новых больших исследований и нового подхода.

*

В последние четыре десятилетия в литературе о начале русского книгопечатания приведены разнообразные наблюдения, помогающие нам выяснить отдельные спорные вопросы начала русского книгопечатания, высказаны различные мысли, предположения, гипотезы, часть из которых естественно отпадает, оставляя место для наиболее вероятных, разумных, не вызванных конъюнктурными соображениями. Следует также отметить и значительный прогресс в области самого подхода к проблеме и в постановке отдельных вопросов.

Прогресс этот может быть определен следующим образом. Вопрос о начале русского книгопечатания рассматривается сейчас в связи со смежными явлениями культуры — в контексте эпохи, в контексте развития культур, в контексте развития искусства, литературы, в контексте общего развития книги — европейской и русской. Прогрессивность в подходе к проблеме начала русского книгопечатания была четко определена в новаторском сборнике, изданном в 1935 г. Институтом книги, документа и письма Академии наук СССР — «Иван Федоров — первопечатник». Особенно четко это прозвучало в двух основных статьях — академика — А. С. Орлова «К вопросу о начале печатания в Москве» и рано умершего талантливого исследователя И. В. Новосадского — «Возникновение печатной книги в России».

А. С. Орлов первым начал рассматривать русское книгопечатание в ряду явлений истории русско` культуры XVI в. Он подошел к книгопечатанию как к одному из «обобщающих» или (по позднейшей терминологии) «централизаторских» предприятий Ивана Грозного, таких, как Стоглав, Домострой, Лицевой свод, Великие Четьи Минеи и мн. др.

В статье И. В. Новосадского книгопечатание рассматривается как часть «культурной политики» Грозного, как часть истории образованности, как ступень в истории исправления книг, улучшения дела переводов. Книгопечатание, согласно Новосадскому,

отвечало «потребности в книгах» в связи с присоединением к Русскому государству двух царств — Казанского и Астраханского, в связи с политикой централизации и унификации средств идеологического воздействия. Несмотря на налет «вульгарно-социологической» терминологии, исследование И. В. Новосадского явилось началом широкого исторического подхода к изучению первых лет русского книгопечатания.

В сборнике «Иван Федоров — первопечатник» четко определен подход к книгопечатанию как к явлению истории русского искусства (статья А. И. Некрасова «Первопечатная русская гравюра»). Подход этот оказался в дальнейшем чрезвычайно плодотворным, позволил связать историю книгопечатания с историей русской рукописной книги в единое целое [6]. И здесь особую роль сыграли работы А. А. Сидорова, посвященные искусству книги, интересные тем, что, даже не касаясь первоначально вопроса о начале книгопечатания, они позволили подойти затем к началу книгопечатания как факту истории русского искусства. Такова первая работа А. А. Сидорова, в которой он уделил большое внимание началу русского книгопечатания: «История оформления русской книги» (М.—Л., 1946).

Итак, первыми «расширениями темы» начала русского книгопечатания явились исследования, связавшие историю книгопечатания с историей России в целом (И. В. Новосадский), с историей русской культуры (А. С. Орлов), с историей русского и мирового искусства (А. И. Некрасов и А. А. Сидоров).

Контекст эпохи, контекст культуры, контекст истории русского искусства вскоре был дополнен более частными контекстами: контекстом истории техники, контекстом истории исправления книг, контекстом развития русской литературы и даже контекстом развития русской общественной мысли.

Упомяну некоторые работы по началу русского книгопечатания, которые кажутся мне особенно важными в истории подхода к изучению начала русского книгопечатания.

Вслед за А. С. Орловым и И. В. Новосадским в широкий исторический контекст поставили начало русского книгопечатания работы М. Н. Тихомирова: «Начало московского книгопечатания», «Начало книгопечатания в России».[7]

Только в результате широкого подхода к началу книгопечатания М. Н. Тихомирову удалось нащупать и такую интереснейшую частную тему, как тема о роли церкви Николы Гостунского в общественно-политической жизни середины XVI в. и обратить внимание на связь этой церкви с книгопечатанием.

[6] Общий подход в статье А. И. Некрасова необходимо отделить от целого ряда ее ошибочных выводов. В данном случае мы их не рассматриваем.

[7] Уч. зап. МГУ, вып. 41. История (т. I). М., 1940; сб. «У истоков русского книгопечатания». М.—Л., 1959.

Работы Г. И. Коляды по анализу текста первопечатных книг (главным образом федоровских — Апостола и второго издания Часовника)[8] ясно показывают, что над текстом печатаемых книг велась большая и кропотливая работа. Об этой работе догадывались и предшествующие исследователи. Особенно настойчиво об этом говорил и писал А. С. Орлов. Но правку федоровских изданий надо непременно изучить и сопоставить с правкой и «исправлением книг» предшествующего времени. Предстоит огромная работа, которую нельзя выполнить одному исследователю — даже самому трудолюбивому. Зато изучение всей системы исправления книг в России, начиная с XIV в., даст чрезвычайно важный материал для лингвистов, литературоведов и больше всего, конечно, для историков книги. История первопечатных изданий будет поставлена в ряд истории книги вообще и при этом в части самой важной для книги — в истории книжных текстов.

История книги — это не только история оформления книги, техники создания книги, история ее общественного и культурного значения, история ее внешней судьбы, но это — и история книжных текстов, история отношения к тексту писцов и печатников, история разных приемов «исправления книг».

Техническим и социально-экономическим предпосылкам начала русского книгопечатания посвящены интересные работы Б. В. Сапунова, и, в первую очередь, его диссертация «Исторические предпосылки возникновения книгопечатания в России» [9].

Все эти «контекстные» работы позволили Е. Л. Немеровскому создать обобщающий труд «Возникновение книгопечатания в Москве» (М., 1964), в котором контекст эпохи рассмотрен наиболее широко (ср. особенно разделы его книги: «Социально-политические предпосылки», «Западноевропейская традиция», «Начало славянского книгопечатания», «Материально-технические предпосылки. Рукописная книга»).

Говоря о необходимости изучения истории книги в контексте эпохи, истории общественной мысли, в контексте истории техники, истории культуры, истории письма и пр., я имею в виду именно то, что А. А. Сидоров называет «диалектическим изучением книги», подчеркивая необходимость изучения книги «во всех ее связях, контактах с другими отраслями знания, творчества и производства, и в единстве всей этой «периферии» с тем, что в книге является ее спецификой, ее стержнем, ее основным звеном» [10].

Выделяя работы, в основе которых лежит подход «контекста», я этим отнюдь не хочу умалить те работы, в которых превосходно

[8] *Г. И. Коляда.* Работа Ивана Федорова над текстами Апостола и Часовника и вопрос о его уходе в Литву. — ТОДРЛ, т. XVII. М.—Л., 1961; Иван Федоров первопечатник. Диссертация на соиск. степени доктора филологич. наук. М., 1961.

[9] Автореферат на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Л., 1954.

[10] *А. А. Сидоров.* Советская история книги. — «Книга. Исследования и материалы», 1967, сб. 15, стр. 170.

решены частные вопросы истории русского книгопечатания и русской книги. К ним относятся многие исследования А. С. Зерновой, Т. Н. Протасьевой, Т. Н. Каменевой, А. Гераклитова, Г. И. Коляды, Дж. Симмонса и авторов, которые обогатили и «подход контекста» — А. А. Сидорова, Е. Л. Немировского, А. Х. Горфункеля и др.

Значение исследований частных вопросов и необходимость частных наблюдений не может быть поставлена под сомнение или умалена.

Какие же широкие «контекстные» исследования предстоя. нам в изучении начала книгопечатания?

1. Прежде всего следует указать на необходимость исследования текста первопечатных книг в свете приемов и способов исправления книг в России. Этой темы отчасти касался в своих интересных работах Г. И. Коляда. Но сделанного им недостаточно. Исправление книг в России началось еще в конце XIV в. Исправлением книг — их текста, правописания, даже почерка — занимались в XIV в. деятели южнославянской письменности в Болгарии и Сербии. Под их влиянием стали исправлять переводы и тексты книг и их русские ученики на Афоне, в монастырях Болгарии и в Москве, в Новгороде. Упомяну пропавший «Чудовский Новый Завет» митрополита Алексия [11]. Русские первопечатные тексты должны быть изучены в «контексте» исправления книг, предпринятого в Новгороде Геннадием, в Москве Макарием, Максимом Греком и пр.

Исправление книг на разных этапах русской книжности понималось по-разному и имело своеобразное развитие. То это было исправление переводов, то исправление языка, орфографии и графики, то исправление смысла в соответствии с установлениями церкви и т. д. К исправлению книг был различный подход.

История исправления книг в России позволила бы нам точнее и шире понять ту правку текста, которая была предпринята для федоровских изданий.

2. Было бы крайне важно детально рассмотреть шрифты дофедоровских и федоровских изданий в свете истории письма.

За основу федоровского шрифта был взят несомненно каллиграфический полуустав, но какой его вариант? Установление ближайших аналогов федоровским и дофедоровским шрифтам в рукописных книгах помогло бы сблизить начало книгопечатания с определенной средой и определенным временем.

В XVI в. существовали различные книгописные мастерские, которым были свойственны и определенные почерки. До сих пор почерками XVI в. никто детально не занимался. Когда почерки XVI в. будут исследованы, можно будет сделать и довольно точные выводы о том, к каким из книжных кружков были ближе всего русские книгопечатники.

[11] *А. И. Соболевский.* Переводная литература Московской Руси XIV—XVIII вв. СПб., 1903, стр. 29.

Можно будет точнее сказать: с Новгородом или Москвой связаны дофедоровские издания. Связаны ли федоровские издания с кругом лиц, писавших Лицевой свод или каким-либо другим.

3. Требуют своего изучения дофедоровские и федоровские издания в свете истории русской орфографии.

Еще А. С. Орлов обратил внимание на существование в середине XVI в. в Москве двух законченных орфографических систем: болгарской (с болгарской акцентовкой) и русской, четко выраженной в московских книгах, связанных с деятельностью митрополита Макария. Эта последняя система по наблюдениям А. С. Орлова была принята и в изданиях Ивана Федорова [12].

Но этого важного наблюдения недостаточно. Что значит «болгарская орфография в Москве»? Южнославянская орфографическая реформа на русской почве очень мало изучена, как не изучена совершенно и так называемая «московская орфография», прошедшая через школу южнославянского влияния. Нельзя ли орфографию дофедоровских и федоровских изданий уточнить и связать с определенными кругами книжников?

4. Исследователи выясняли происхождение первопечатного орнамента, видя в нем то итальянское, то немецкое, то южнославянское, то западнославянское происхождение, то смешанное происхождение, а иногда и русское. Не были, однако, исследованы только самые эстетические принципы орнамента в первопечатных книгах, функция орнамента: его расположение на странице и относительно текста, связь с вязью — специфически русским явлением, соотношение с полями и обрамление орнамента (на последнее обратила внимание, как уже упоминалось, только А. С. Зернова).

Между тем именно здесь — в построении страницы, в пропорциях орнаментального пятна и в наличии традиционных способов обрамления — очевидная связь первопечатной орнаментики с рукописной книгой. Очень важный момент — эстетические принципы орнамента. Обращу внимание на следующее. Травный характер орнамента продолжил искания русских орнаменталистов в области растительного орнамента. Следовательно, зарубежные образцы потому и были приняты, что они отвечали собственным внутренним закономерностям развития русского орнамента.

То же самое можно сказать о рельефности русского первопечатного орнамента. Искания рельефа были разнообразны, и они появились в Новгороде и Москве задолго до Федорова.

Некоторые из исследователей первопечатного орнамента писали о том, что новостью была рельефность первопечатного орнамента, но это неверно.

Следовательно, орнамент первопечатных книг также требует своего изучения в контексте истории русского орнамента и художественных «исканий» XVI в.

[12] *А. С. Орлов*. К вопросу о начале печатания в Москве. — «Иван Федоров — первопечатник». М.—Л., 1935, стр. 21.

5. Предстоит шире изучить деятельность Ивана Федорова на Украине и в Белоруссии в свете «украинского и белорусского контекста» — истории украинской и белорусской культуры, вероисповедной полемики, истории украинского и белорусского искусства и т. д. До сих пор таких широких рамок, которые созданы исследователями для деятельности первопечатников в России, — белорусская и украинская деятельность Ивана Федорова не имеет.

В контексте эпохи должен быть понят и самый переезд Ивана Федорова на Украину. Можно было бы на десятках примеров показать, что переезды типографов, ремесленников, художников были нормальным явлением в ту эпоху. Типологически близкие явления мы имеем в деятельности печатников Чехии, Белоруссии, Польши, Германии и т. д. Напомню о том, как меняли места своего пребывания Швайпольт Феоль (из Кракова в Венгрию), Макарий (из Цетинье в Румынию), Франциск Скорина (Полоцк, Прага, Вильнюс, снова Прага) и т. п.

*

А. А. Сидоров говорит о «вселенной рукописной и печатной книге», о «галактике Гутенберга». Действительно, книгу можно рассматривать как некий микрокосмос.

История книги, если ее рассматривать широко, контекстно, а не только как историю книжного оформления, чрезвычайно важная часть истории культуры человечества.

Общение между собой народов, их культур совершается в первую очередь через книги, но и консолидация национальных особенностей культур также совершается прежде всего в книге.

В таком понимании истории культуры книги нет бреши между книгой рукописной и печатной. Изучение истории рукописной и печатной книги как некоего высокого единства чрезвычайно важно.

Я сказал «высокого» единства, и не оговорился. Единство действительно чрезвычайно высоко, так как высота искусства книги определяется высотой самой национальной культуры.

История книги — печатной и рукописной — едина на уровне национальных особенностей культуры: на уровне эстетических представлений народа, на уровне его книжных знаний, на уровне истории литературного языка, на уровне истории национальных филологических представлений и филологических работ и т. д.

Когда будет создан музей книги, а этот музей книги несомненно будет создан, так как это потребность советской культуры, — широкий культурный контекст книги будет в нем особенно ясен. Только так, в контексте истории культуры, можно изучать, экспонировать книгу и воспринимать ее историю.

К определению понятия «книга» в историческом аспекте (по русским материалам XI—XIV вв.)

Н. Н. Розов

В определении понятия «книга» советскими книговедами в настоящее время следует отметить отход от вульгарно-социологических формулировок 1930-х годов и возвращение к представлению о ней как явлении сложном, многогранном. Подводя итог современным определениям этого понятия, автор новейшей статьи пишет: «Вдумчивый и серьезный анализ старых и новых определений книги приводит к выводу, во-первых, о многоаспектности, многофункциональности и универсальности этого продукта духовной и материальной культуры и, во-вторых, о принципиальной невозможности всеобъемлющего определения книги, охватывающего единовременно все стороны этого явления и все возможные подходы к нему» [1]. И с этим определением трудно не согласиться, невзирая на его несколько пессимистический финал, хотя, по мнению книговеда О. Д. Голубевой, оно получилось «ближе к определению через перечисление, чем к теоретическому выражению сущности». Для того же, «чтобы понять сущность книги, надо хорошо знать историю ее развития», — пишет далее Голубева и рекомендует историкам книги применить «синхронистический метод исследования» [2].

Призыв «рассмотреть взаимодействие национальных книг нескольких стран в синхронной плоскости» [3] можно сопоставить со следующим высказыванием В. Н. Ляхова, советского исследователя теории и искусства книги: «Чрезвычайно важным моментом в развитии средневековой книги следует считать то, что на этой ступени процесс формирования книжного организма вышел за рамки одной страны и мало-помалу начал приобретать интернациональный характер. Объяснение этому можно найти в том, что каналы торгового, политического, языкового, военного общения в феодальном мире постепенно расширялись. . . Восточные славяне лишь в IX—X вв. стали ощущать потребность в книжной

[1] *А. И. Барсук.* К определению понятия «книга». — «Издательское дело. Книговедение», 1970, № 6 (12), стр. 3.
[2] *О. Д. Голубева.* Некоторые вопросы изучения истории книги. — Материалы Первой Всесоюзной научной конференции по проблемам книговедения. М., 1971, стр. 78—79. О применении синхронистического метода историками см.: *Б. Ф. Поршнев.* Франция, английская революция и европейская политика в середине XVII в. М., 1970, стр. 21—29.
[3] *О. Д. Голубева.* Указ. соч., стр. 80.

организации письменности и приняли ее. . . уже в готовом виде», содержащей «все характеристики традиционной европейской книги того времени. Существенно также, что средние века подсказали решение ряда проблем, с которыми книга столкнулась в более позднее время. Так была осознана необходимость специализации книг в зависимости от их назначения. . . для церковных служб и личного пользования» [4].

Эти пространные выписки, основанные на материале западноевропейской средневековой книги, с некоторыми коррективами можно отнести и к истории русской книги XI—XIV вв.

Специализация книг в зависимости от их функционального предназначения была свойственна русской книге с самого начала ее существования. В этом убеждает знакомство со всей массой сохранившихся ее экземпляров XI—XIV вв. Изучение же функционального предназначения книги данного периода должно предшествовать знакомству с ее репертуаром. И облегчить это знакомство призвана в первую очередь правильно понятая и разработанная статистика книги.

Исходными данными книжной статистики в наши дни является регистрационная библиография, дающая сведения о репертуаре, тираже и местах выхода книг. Эти же сведения, почерпнутые из архивных материалов, используются для статистики книги прошлого, причем с углублением в века трудности их добывания увеличиваются, а степень достоверности уменьшается. Во всем этом можно убедиться, знакомясь, например, с работами Б. В. Сапунова — единственного советского историка, отважившегося заняться статистикой русской книги древнейшего периода [5]. Следует отметить, что, когда он начал заниматься статистикой русской книги, еще не было полной ясности в представлении о наличном составе сохранившихся древнейших русских книг. Сейчас положение резко изменилось: Археографической комиссией Отделения истории Академии наук СССР издан «Предварительный список славянорусских рукописей XI—XIV вв., хранящихся в СССР» [6]. Внеся в него некоторые статистические коррективы, можно представить достаточно убедительную картину эволюции соотношения различных по своему функциональному предназначению типов и видов книг, а также их взаимосвязей. Что же касается репертуара русской книги XI—XIV вв., то его восстановление — дело пока что неблизкого будущего. Если репертуар богослужебных книг еще можно — с некоторой степенью вероятности — восстановить по уставу церковному, как это сделал Б. В. Сапунов (о допущенных им при этом ошибках говорить сейчас не будем — это особый вопрос), то представление о внебогослужебном круге чтения тех

[4] *В. Н. Ляхов.* Очерки теории искусства книги. М., 1971, стр. 43.
[5] *Б. В. Сапунов.* Некоторые соображения о древнерусской книжности XI—XIII веков. — ТОДРЛ, XI, 1955, стр. 314—332.
[6] Археографический ежегодник за 1965 год. М., 1966, стр. 177—272.

времен можно будет составить лишь тогда, когда палеографы и кодикологи завершат работу по отождествлению сохранившихся фрагментов книг, а литературоведы проделают источниковедческий анализ всех сохранившихся памятников русской литературы XI—XIV вв.

Какие же статистические коррективы следует внести при использовании упомянутого «Предварительного списка» для составления представления о пропорциональном соотношении различных групп сохранившихся русских книг XI—XIV вв.?

Прежде всего обратим внимание на то, что Археографической комиссией издан «список славяно-русских рукописей», точнее — единиц хранения последних, а не книг [7]. Поэтому за единицу учета следует брать — в тех случаях, когда книга сохранилась раздробленной на несколько архивных «единиц хранения», находящихся в одном и том же, а иногда и в разных хранилищах, — совокупность этих фрагментов. Из современной же библиотечной практики в статистику книги далекого прошлого следует внести учет многотомных книг. Таковых русское средневековье знало немало: это — календарные циклы богослужебных и четьих книг — Минеи и Прологи, а также Октоихи и Триоди, парные тома которых постоянно употреблялись один за другим. Что же касается фрагментов, пока что еще не отождествленных [8], то здесь приходится внести некоторую условность: принять за единицу учета лишь фрагменты от 8 листов и более — в объеме не менее одной тетради — этого конечного составного элемента, «атома» книги, и не учитывать разрозненные листы книг — результаты его «расщепления».

На этих принципах мною составлена синхронно-тематическая таблица сохранившихся русских книг XI—XIV вв., статистические показатели которой — по отдельным «вековым» пластам — дают основания утверждать следующее [9].

Уже в XI веке, как об этом свидетельствуют всего около трех десятков сохранившихся русских книг, включая фрагменты, сложились два основных типа книг, различные по функциональному предназначению, но первоначально тесно связанные друг с другом — богослужебная и четья книга. Последняя, состоящая почти целиком из памятников переводной патристики и агиографии, предназначалась прежде всего для толкования первой и демонстрации результатов ее усвоения. Важно отметить, что репертуар сохранившихся русских четьих книг XI в. насчитывает до 10 названий,

[7] Об этом приходится напомнить, потому что очень часто исследователи путают понятия «рукопись» и «книга».

[8] В настоящее время ведется работа по отождествлению фрагментов лишь наидревнейших русских книг — XI и XII вв. (см., напр., монументальнейшее описание пергаменных рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, составляемое Н. Б. Тихомировым. — Записки Отдела рукописей ГБЛ, вып. 25, 27, 30, 33).

[9] См. приложение.

а богослужебных — шесть, если считать в их числе и Псалтирь — книгу по своему использованию «двуединую» — богослужебную и четью, широко распространенную в быту, где она служила различным целям — от повода к сочинительству литературных памятников (например, Поучения Владимира Мономаха) до гадания. Функциональное же предназначение патристики и агиографии — способствовать усвоению книг священного писания — послужило формированию русской литературы, как об этом свидетельствует один из старейших ее памятников — «Слово о законе и благодати». В этом сочинении библейские ситуации и сочинения отцов церкви блестяще использованы для создания оригинального высоко патриотического публицистического произведения. И такой памятник мог появиться лишь тогда, когда в распоряжении его автора был уже достаточно широкий выбор книг разнообразного содержания — гораздо больше тех, что сохранились до наших дней. И была создана первая русская библиотека, в которой был составлен Изборник 1076 года; его составитель, кроме эрудиции, проявил также значительную смелость в обращении с текстами священного писания. Об этом свидетельствует уже «вводная» статья Изборника, где стихи псалмов не только свободно компилируются, но и просто фальсифицируются.

Следующее столетие дает прирост сохранившихся книг за счет богослужебных и церковно-уставных; число же названий четьих книг уменьшается на одно — не сохранилось Изборников типа Святославова[10]. Сочинения же отцов церкви представлены в тех же двух качествах: как авторские сочинения или сборники и как толкования книг священного писания. От конца XII в. сохранился и Пролог, в котором патристический материал объединен с агиографическим и все это организовано по календарному принципу. К этому же времени относится старейший из сохранившихся русский сборник аналогичной конструкции — так называемый Успенский[11]. Тринадцатый век дает приращение трех видов богослужебных книг и двух четьих; в числе последних — старейшие из сохранившихся памятников русской историографии, как переводной (Хроника Георгия Амартола), так и оригинальной (Новгородская летопись).

Значительный скачок общего числа сохранившихся русских книг дает XIV в.: от него их сохранилось вдвое больше, чем от трех предыдущих столетий, взятых вместе. Однако прирост этот — в значительной степени за счет Евангелий, и объясняется резким увеличением в то время числа церквей в России. Однако этим нельзя объяснить значительное расширение репертуара русской

[10] Списки Изборника Святослава и его перекомпоновки появляются в XV в. (*Н. Н. Розов.* Старейший болгарский «Изборник» и его русская рукописная традиция. — ИОЛЯ, XXVIII, 1969, стр. 75—78).

[11] *М. В. Щепкина.* О происхождении Успенского сборника. — Древнерусское искусство. Рукописная книга. М., 1972, стр. 60—80.

четьей книги XIV в. Сохранились списки Шестоднева и Палеи, в популярной форме излагавшие библейскую историю, а также отдельных ветхозаветных книг (до сих пор они читались лишь в богослужебных сборниках — Паремийниках) и Пчелы — собрания кратких изречений и афоризмов, извлеченных не только из книг священного писания и сочинений отцов церкви, но и из произведений античных писателей и философов. Что же касается Евангелия, то тогда еще его не читали дома, а лишь слушали и поклонялись ему в церквах как предмету религиозного культа. Поэтому часто богатые заказчики старались придать его внешности импозантный вид, заказывая драгоценные оклады — иногда даже за рубежом, как это сделал в начале XII в. князь Мстислав. И это часто приводило к гибели книги: летописи пестрят сообщениями о том, как во времена вражеских нашествий и междоусобных войн книги «одирались», т. е. лишались переплетов. Поэтому, конечно, и сохранилось, причем подчас и за границей, такое большое число фрагментов именно Евангелий. Внутреннее же убранство этой книги видели главным образом лишь те, кто читал ее при богослужении. А они часто бывали и книгописцами: из известных по припискам и пометам 147 имен последних в XI—XIV вв. 39 принадлежат к белому духовенству. И не случайно, что именно здесь, во внутреннем убранстве книги, ее мастера могли проявить и проявляли свою инициативу, свой художественный вкус. И так получился в оформлении русской книги тот парадокс, который нельзя игнорировать при определении понятия «книга» для тех времен.

Я имею в виду так называемый тератологический или «звериный», «чудовищный» стиль оформления русских книг XIII—XIV вв. Их орнаментация перенасыщена сюжетами, не только никак не относящимися, но и противоречащими содержанию. Гротескные человеческие фигуры — воинов, охотников, земледельцев, скоморохов — в подавляющем большинстве случаев заполняют — наряду с изображениями сказочных чудищ — заставки и инициалы именно богослужебных книг. Все это находит параллели в прикладном искусстве и несомненно является отражениями быта широких кругов населения древней Руси. Разгадку этого парадокса дает опять-таки знакомство с персоналией мастеров русской книги XI—XIV вв.: из 147 известных по именам книгописцев того времени 91 не указали своей принадлежности к духовному званию.

Несколько иначе выглядит соотношение между различными социальными категориями заказчиков книг XI—XIV вв., хотя сохранившиеся сведения о них гораздо скуднее, чем о книгописцах: известно 65 имен, из которых 32 человека — «мирские люди», преимущественно богатые и знатные. И здесь следует отметить такое важное «статистическое явление»: в XIV в. меняется соотношение между социальными группами «мирских» заказчиков: на шесть князей и пять бояр приходится восемь горожан, причем некоторые из них, равно как и три боярина, названы «старостами»,

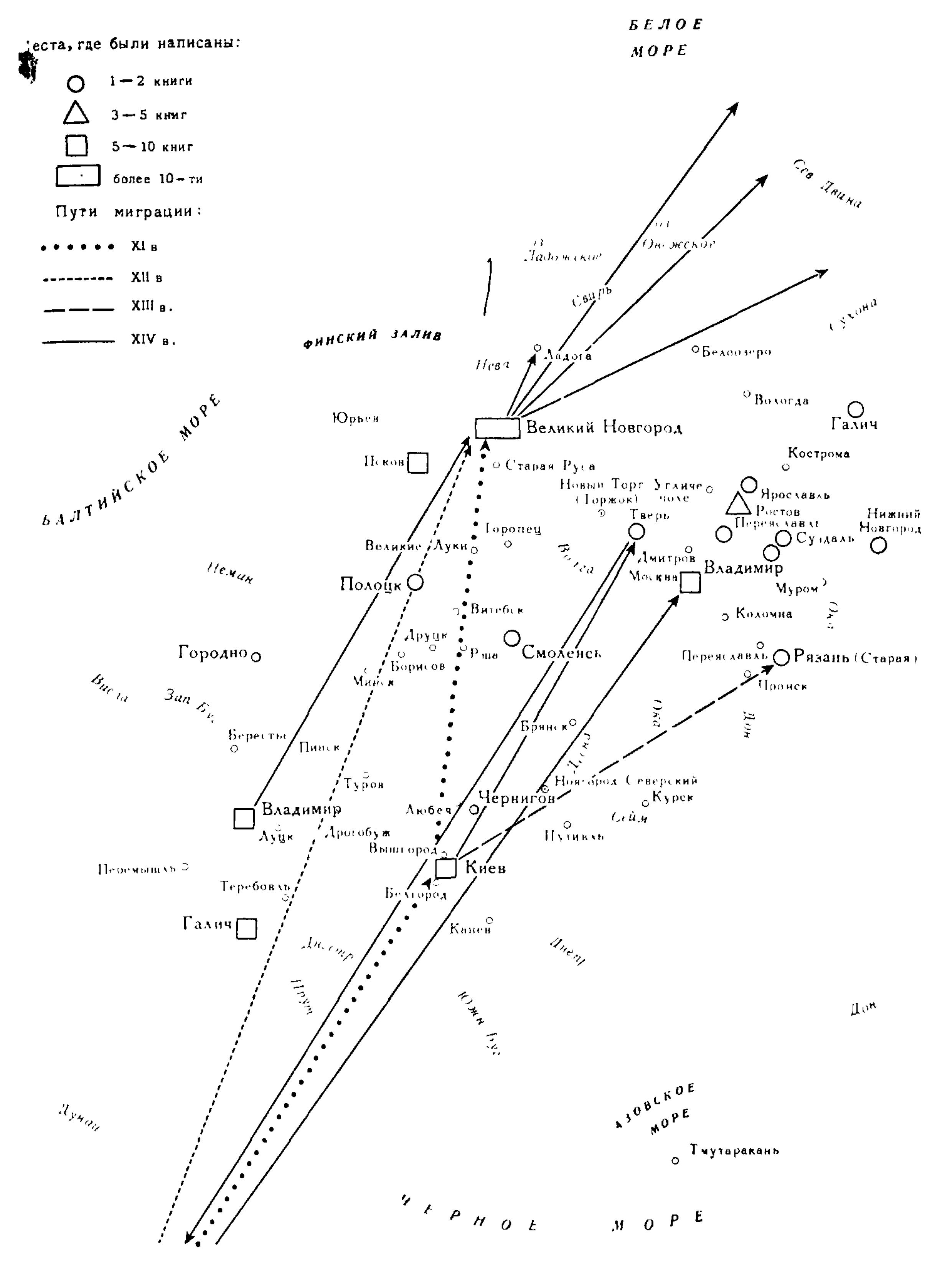
заказывавшими книги по поручению «уличан». Так в истории русской книги на смену индивидуальным, богатым и знатным заказчикам приходят коллективные, состоящие подчас из большого числа прихожан — людей далеко не всегда избыточного достатка.

Итак, «мирская стихия» захлестывает русскую книгу XIV в., невзирая на ее преимущественно богослужебное или религиозно-нравоучительное содержание. И тех, кто заказывал и пользовался этой книгой, очевидно, нимало не смущали не только «веселые картинки» в заставках и инициалах книг, но и приписки их писцов, вроде следующих: «А, братья, черьства коврига! Нѣ ищем еѣ ясти — испьлѣснѣвела» [12]; «Бог даи здоровие к сему богатию — что кун, то все в калите, что порт — то все на себе. Удавися убожие, смотря на мене» [13]; «Даи бог ему съ святыми покушати ужина и обед» [14].

Нетрудно предположить, что книгописцы-ремесленники, внесшие свой вклад в оформление русской книги XI—XIV вв. и отразившие в нем окружавший их быт, могли обеспечить сохранение — путем переписки — памятников светской литературы. Как можно судить по некоторым их припискам, им были известны литературные памятники Киевской Руси — такие, как «Слово о законе и благодати» и «Слово о полку Игореве»; первое цитируется в выходной записи Сийского евангелия 1399 г., а второе — в знаменитой приписке к Апостолу 1307 г. Одна же из приведенных выше приписок — какое-то скоморошье балагурство по поводу бедности — перекликается с оригинальнейшим памятником русской литературы XII—XIII вв. — «Словом Даниила Заточника». Однако, «как бы ни были сильны элементы скоморошьего стиля у Даниила. . . произведение Даниила безусловно книжное, хотя и возникшее на началах народного творчества», — пишет акад. Д. С. Лихачев [15]. И то, что сочинение это сохранилось в списках, отдаленных от времени его создания на несколько столетий, свидетельствует о том, что его в эти столетия, хоть и понемногу, но переписывали, хотя, конечно, никому бы не пришло в голову заказать его для вклада в церковь или монастырь. Большинство же книг в XIII—XIV и в последующих столетиях заказывалось именно для этого. Поэтому, если репертуар богослужебной книги тех веков в большинстве случаев определялся заказчиками, был обусловлен функциональным предназначением этих книг, то формирование и фиксация репертуара четьих книг — кроме тех, что предписаны были монастырскими уставами, — в значительной степени зависели от книгописцев.

Во второй половине XIV в. в истории русской книги можно наблюдать резкое увеличение среди заказчиков лиц монастырской

[12] Минея XIII в. — БАН, 4.9.14.
[13] Приписка писца — поповича Кузьмы — в Прологе 1313 г. (ГИМ, Синод. 239).
[14] Пожелание заказчику книги — архиепископу (ГИМ, Хлуд. 16-д).
[15] Художественная проза Киевской Руси XI—XIII вв. М., 1957, стр. 327.

Карта-схема мест происхождения русских книг XI—XIV вв. и путей их миграции

ПРИЛОЖЕНИЕ

Соотношение различных типов и видов сохранившихся русских книг XI—XIV вв.

Век	Евангелие	Минея	Псалтырь	Изборники	Патристика: толкования	Патристика: сочинения	Агиография	Кондакарь	Стихирарь	Триодь	Апостол	Служебник	Ирмологий	Кормчии, Уставы	Сборники: богослужебные	Сборники: четьи	Паремийник	Часослов	Октоих	Хронограф	Летопись	Шестоднев	Палея	Библейские четьи книги	Пчела	Требник	Обиход церковный	Синодик
XI	4	3	1	2	2	3	3																					
XI—XII		9			1	2		1	1	1																		
XII	7	19	1		3	4	3	1	10	2	1	1	3	3														
XII—XIII	4	4				2		1	3	3					2	2												
XIII	20	7	5	1	5	6	3	2	3		4	4	2	4	3	4	2	1										
XIII—XIV	8	4	1			2				1	2	3		1	1	13	1		1	1	1							
XIV	121	38	27		8	42	11		4	13	21	21	4	11	14	27	16	4	14		1	1	2	1		8	3	
XIV—XV	16	11	4		3	17	18		4	5	3	8	1	3	14	11	5	2	7				1	1	1	1	2	2

администрации и преобладание в четьей книге сочинений аскетических; число же книгописцев-монахов продолжает оставаться меньшим в сравнении с представителями белого духовенства и мирян — 13 на 76. Объяснить это следует тем, что книгописание для грамотных монахов было обязательным, предписанным Студийским уставом, введенным еще Феодосием Печерским. Монашеское же «смирение» — будь оно искренним или показным — не разрешало писцам-«черноризцам» афишировать свои имена. И уж, конечно, трудно ожидать в книгах монастырских библиотек всяческих вольностей в содержании и оформлении, в приписках. Поэтому в книгах монастырского круга чтения сравнительно редко встречается тератологический орнамент и особенно человеческая фигура. Не следует забывать и то, что книги писались монахами «с благословения» настоятеля, контролировались монастырской администрацией. И не случайно появление в это время таких, например, приписок: «Аще ли кто въсхощеть сию книгу преписувати, сматряи не приложити или отложити едино некое слово или тычку едину или крючкы ижи суть под строками в рядах, ниже премените слогню некоторую или приложити об обычных их же первие привык или пакы отложити, но с великим вниманием прочитати учитися» [16]. Если сопоставить этот строгий наказ с тем вольным обращением с текстами священного писания, когда цитаты из них не только свободно компилировались, но и фальсифицировались (например, в Изборнике 1076 г.) или даже пародировались (Слово Даниила Заточника), то вывод напрашивается сам собой. И пародирование книг священного писания надолго, до конца XVII в., уходит из русской литературы, а «звериный» стиль книжного оформления с его чудищами, родственными тем, что порождены были народной фантазией, и с совсем «не благолепными» человеческими фигурками исчезает со страниц русской книги навсегда.

В заключение — о географии распространения русской книги XI—XIV вв.

Мною уже высказывались соображения о необходимости разработки вспомогательной книговедческой дисциплины — «библиогеографии» [17]. Для нее существуют два вида исходных данных — статические (сведения о местах изготовления книг — для древнейшего периода и о конечных пунктах их миграции в XVIII—XX вв.) и динамические. В рассматриваемый период преобладают первые: книжная торговля не была еще развита и книга чаще всего изготовлялась там, где предполагалось ее использование. Что же касается динамических данных, то в выходных записях сообщаются иногда сведения о книжном «импорте» — о привозе ори-

[16] Приписка «грешного инока Лукы смолнянина», на Псалтири 1395 г. (ГИМ, Муз. 4040). Она повторена в Служебнике митрополита Киприана конца XIV в. (ГИМ, Синод. 601).

[17] *Н. Н. Розов*. Об исследовании географического распространения рукописной книги. — Пути изучения древнерусской литературы и письменности. Л., 1970, стр. 160—170.

гинала книги, например, с Афона [18], или о написании ее в Иерусалиме [19], в Константинополе [20]. Это были старые, традиционные пути книжного импорта, образовавшиеся еще в X—XI вв. и первоначально совпадавшие с путем «из варяг в греки», лишь в обратном направлении. В дальнейшем, с начала XII в., в связи с падением значения Византии в европейской торговле, усилилось значение северно-русских речных коммуникаций. И все это отразилось в библиогеографии XIII—XIV вв., от которых сохранились книги, созданные в городах бассейна Верхней Волги. Однако в период феодализма книги распространялись не только по торговым путям: как отмечалось в одной из приведенных мною выше цитат, существовали «каналы политического, языкового и военного общения».

Политические, чаще всего династические связи русских князей с европейскими монархами содействовали международному книгообмену, причем подчас преодолевались не только языковые, но и вероисповеданнические барьеры. Особенно часто это случалось в начале рассматриваемого периода; в качестве примера можно привести книжные связи с Моравией — страной католической, «латиношрифтной», но славяноязычной: известны факты распространения русских литературных памятников в Моравии (например, Жития Бориса и Глеба), а моравских на Руси [21].

Большое значение для распространения книги в феодальной Руси имело интенсивное развитие местного летописания. За образцами и оригиналами летописцы феодальных княжеств обращались прежде всего к книжному наследию Киевской Руси. Поэтому и получалось так, что, например, старейший из сохранившихся списков начальной русской летописи находится в летописном своде Владимиро-Суздальской Руси, переписанном в 1377 г. в весьма отдаленном от Киева и не связанном с ним прямым, «беспереваличным» торговым путем Нижнем Новгороде. Тверской же князь Михаил, окруживший себя греческими книжниками [22], для основания собственного летописания не удовлетворился начальной русской летописью, но раздобыл один из ее источников — византийскую Хронику Георгия Амартола. Наконец, и князья русской церкви иногда вносили свой вклад в распространение русской книги; так, например, рязанский епископ «испросил» оригинал для переписки в 1284 г. Кормчей у киевского митрополита.

[18] Тактикон Никона Черногорца, переписанный в 1387 г. в Новгороде.

[19] В Студийском монастыре Киприаном — впоследствии русским митрополитом — была переписана в 1387 г. Лествица.

[20] Там предшественником Киприана митрополитом Алексием был в 1355 г. переписан Новый завет.

[21] *Н. Н. Розов.* Из истории русско-чешских литературных связей древнейшего периода (О предполагаемых западнославянских источниках сочинений Илариона). — ТОДРЛ, XXIII, 1968, стр. 71—85.

[22] Один из них — «Фома Сирианин» — переписал в 1317 г. в Твери Устав церковный на греческом языке, хранящийся ныне в библиотеке Ватикана.

Специального изучения требует роль Новгорода Великого — крупнейшего в истории русской книги центра ее производства — в библиогеографии Северной Руси [23]. Распространение книги из этого центра было связано прежде всего с колонизацией Новгородом обширных северорусских земель от беломорского поморья до предгорий Урала. И перечисленные выше «каналы общения» не имели здесь почти никакого значения.

Все сказанное должно быть изучено на более широком материале — не только XI—XIV вв. — и, несомненно послужит советским книговедам в их коллективных усилиях определить, наконец, понятие «книга» для первых веков ее существования в нашей стране. Уже тогда русская книга приобрела все те качества, которые были необходимы для удовлетворения читательских запросов всех социальных групп населения.

Вопросы изучения поздней рукописной книги (проблематика и задачи)

А. С. Мыльников

Проблема соотношения двух основных форм книги — рукописной и печатной — относится к числу важнейших, хотя и недостаточно разработанных проблем теории книговедения. Не претендуя ни в коей мере на исчерпывающую ее постановку и, тем более, решение, мы хотели бы обратить внимание на некоторые, наиболее актуальные, с нашей точки зрения, вопросы изучения поздней рукописной книги, т. е. продукции рукописного производства, сохранявшейся «после Гутенберга» и определенное время сосуществовавшей с книгопечатанием.

*

Поднимаемый вопрос до известной степени относится к числу новых, поскольку по традиции в книговедческой литературе принято рассматривать рукописную и печатную книгу как два после-

[23] *Н. Н. Розов.* Искусство книги древней Руси и библиогеография (по новгородско-псковским материалам). Древнерусское искусство. Рукописная книга. М., 1972, стр. 24—50.

довательно сменявших друг друга этапа в истории информации. Соответственно такому пониманию авторы большинства общих курсов истории книги рассмотрение рукописной книги ограничивают, как правило, введением книгопечатания в XV в.[1], в лучшем случае — XVI в.[2]

Такая схема получила широкое хождение и в нашей книговедческой литературе, закреплена энциклопедическим словарем [3]. Применение ее к конкретным условиям России либо слегка корректировалось включением данных о рукописной книге XVII в.[4], либо вполне естественно приводило к выводу о какой-то исключительности — то ли самобытности, то ли анормальности развития здесь книжного дела. Так, комментируя факт устойчивого сохранения рукописной традиции в России XVII в. даже такой эрудированный книговед, каким был покойный Н. П. Киселев, называл это «ненормальным и нигде не виданным порядком». «Во всех странах Западной Европы, — писал он, — типографское книгопроизводство пришло на смену рукописному и вытеснило его; в Московской Руси это не произошло» [5].

Но, во-первых, так ли «ненормальным и нигде не виданным» было сохранение общественной роли рукописной книги после Гутенберга? И на самом ли деле во всех странах Западной Европы типографское книгопроизводство, придя на смену рукописному, сразу вытеснило его?

Вопросы такого рода порождены, в сущности, недостаточной разработанностью общих и частных проблем истории рукописной книги как у нас, так и за рубежом. Что касается России, то важность изучения ее неоднократно подчеркивал, например, Н. Н. Розов, еще в начале 1950-х годов уделивший внимание изучению светской рукописной книги XVIII—XIX вв.[6] Развивая эти мысли, мы обратили позднее внимание на то, что рукописная книга сохра-

[1] Перечень такого рода трудов мог бы составить обширную библиографию. Ограничимся упоминанием лишь нескольких работ последних лет: *F. Funke.* Buchkunde. Leipzig, 1963; *A. Flocon.* L'univers des livres. Paris, 1961; *S. Dahl.* Dzieje książki. Wrocław, 1965; *E. Harley*, *J. Hampden.* Books: from papyrus to paperback. London, 1964; *M. Jacobsson.* Bok och kultur. Stockholm, 1958; Storia dell editoria italiana. A cura di M. Bonetti, t. 1—2. Roma, 1960; Beiträge zur Geschichte des Buchwesens. Leipzig, 1968 и след., и др. Та же двуступенчатая концепция лежит обычно и в основе обзорных книжных выставок. См., напр., каталог выставки: Австрийская книга. Книжные сокровища. М.—Л., 1969.

[2] Чаще всего рукописной книгой XV—XVI вв. на Западе интересуются искусствоведы. См.: *N. Levarie.* The art and history of books. N. Y., 1968, p. 63—65.

[3] *Р. С. Гиляревский.* Книга. — В кн.: «Краткая литературная энциклопедия», т. 3. М., 1966, стлб. 609—612. В Советской исторической энциклопедии такая статья вообще отсутствует.

[4] *Е. И. Кацпржак.* История письменности и книги. М., 1955, стр. 176—178.

[5] *Н. П. Киселев.* О московском книгопечатании XVII века. — В сб.: «Книга. Исследования и материалы», сб. 2. М., 1960, стр. 128.

[6] *Н. Н. Розов.* Светская рукописная книга XVIII—XIX вв. в собрании А. А. Титова. — Сборник ГПБ, вып. 2. Л., 1954, стр. 127—146.

нялась как социокультурное явление в эпоху книгопечатания не только в России. Не касаясь стран Востока (проблема эта заслуживала бы отдельного рассмотрения, поскольку рукописная книга здесь до настоящего времени играет некоторую роль), можно со всей определенностью утверждать, что в той или иной степени рукописный способ книгопроизводства сохранялся в Европе длительное время после изобретения книгопечатания (до XVIII—XIX вв.) не только у народов, ввиду неблагоприятных внешнеполитических факторов (национальное угнетение) относительно отстававших в культурном развитии (словаки, народы Балканского полуострова), но в определенные периоды и в определенной социальной среде у народов, имевших прочные и давние традиции книгопечатания.

Останавливаясь на причинах живучести рукописного способа книгопроизводства, мы связывали это с социально-культурными факторами эпохи, отмечая, что потребность в рукописной книге возникала всякий раз, когда по тем или иным обстоятельствам (факторы внутри- и внешнеполитического характера, круг и социальный состав читателей и их запросов в первую очередь) книгопечатание не могло удовлетворить общественной потребности в той или иной информации. Стало быть, не только для России, но и для стран зарубежной Европы безоговорочное применение традиционной схемы оказывается недостаточным. Рукописная книга — не только предыстория книгопечатания, и потому она заслуживает пристального внимания и изучения на всем протяжении своего существования [7]. Этот вывод, сформулированный нами в 1964 г., получил поддержку в книговедческой литературе [8].

Однако не следует забывать, что он отражает лишь наиболее общую тенденцию. Выявление конкретных причин сохранения рукописного способа книгопроизводства потребует дальнейшего расширения и углубления фронта исследований в этой области, поскольку история книги в соотношении двух ее основных способов производства — рукописного и печатного — шла несравненно более сложным, в ряде случаев — зигзагообразным путем, не укладывающимся полностью в схему из двух последовательных и четко следующих один за другим этапов.

Отсюда следует по крайней мере два вывода. Во-первых, отпадает представление об исключительности и даже «ненормальности»

[7] *А. С. Мыльников.* Культурно-историческое значение рукописной книги в период становления книгопечатания. — В сб.: «Книга. Исследования и материалы», сб. 9. М., 1964, стр. 37—53.

[8] *Е. Л. Немировский.* Проблемы книговедения. История книжного дела. М., 1970, стр. 30. Выступая на Первой Всесоюзной научной конференции по проблемам книговедения, Н. Н. Розов со всей определенностью заявил: «Рукописный период истории русской книги должен быть восстановлен в правах советскими книговедами и при том во всем разнообразии изучения формы и содержания книги этого периода». (Материалы Первой Всесоюзной научной конференции по проблемам книговедения. М., 1971, стр. 129).

сохранения в России после Ивана Федорова рукописной традиции. Наоборот, рассмотрение путей генезиса русской книжной культуры в общеевропейском контексте, не лишая ее национального своеобразия, свидетельствует, что сосуществование рукописной и печатной книги подчинялось закономерностям более или менее широкого характера.

Во-вторых, появляется настоятельная необходимость в целях вскрытия этих закономерностей приступить к изучению истории поздней рукописной книги на материалах отдельных национальных культур в рамках всеобщей истории книги. Это — задачи будущего. Пока же из множества аспектов возможного изучения поздней рукописной книжности в первую очередь следует остановиться на двух ведущих, определяющих — на общих и частных особенностях ее сосуществования с книгопечатанием и на ее функциональной роли.

*

Установление общих и частных особенностей генезиса поздней рукописной книги невозможно без комплексного рассмотрения ее истории в национальных и межнациональных рамках. С учетом нынешней степени разработанности вопроса это может рассматриваться лишь как более или менее отдаленная перспектива. Но уже и в настоящее время представляется возможным наметить некоторые черты такого изучения.

История интересующего нас этапа русской рукописной книги изучена если и не во всех деталях, то, по крайней мере, достаточно для предварительных выводов. Одним из первых, кто обратил внимание на рукописную книгу XVII и последующих веков, был А. Н. Пыпин, приступивший к ее библиографическому учету и изучению [9]. Большой вклад в собирание и изучение рукописных сборников XVIII в. был внесен М. Н. Сперанским, специально обратившим внимание на вопрос о взаимодействии «демократической рукописной литературы с печатной» [10]. Известен интерес к рукописной книге нового времени, проявленный еще в 1920—30-е годы историками русской литературы Г. А. Гуковским, В. А. Десницким, В. Н. Перетцом и др. В последние годы отдельные проблемы истории русской рукописной книги XVII—XIX вв. получили разработку в трудах Н. П. Киселева, И. М. Кудрявцева, С. П. Лупова, В. И. Малышева, Н. Н. Розова и др.

Исследования книговедов в сочетании с наблюдениями историков литературы свидетельствуют, что и после введения книгопечатания рукописная книга в России на протяжении длительного

[9] *А. Н. Пыпин.* Для любителей книжной старины. Библиографический список рукописных романов, повестей, сказок, поэм и пр., в особенности из первой половины XVIII в. — В кн.: Сборник Общества любителей российской словесности на 1891 г. М., 1891, стр. 194—276.

[10] *М. Н. Сперанский.* Рукописные сборники XVIII века. Материалы для истории русской литературы XVIII в. М., 1963, стр. 23.

времени не теряла общественного значения. В зависимости от степени его интенсивности она прошла в своем развитии два этапа, рубежом между которыми являются конец XVII—начало XVIII в. Рукописная книга первого этапа полностью входит в круг явлений древнерусской культуры. «В XVII веке, так же, как и в прежние века, продолжала преобладать рукописная книга, производство ее непрерывно увеличивалось» [11]. В условиях правительственной монополии на книгопечатание при крайней узости сферы приложения (обслуживание нужд церкви и в малой степени — собственно государства) рукописная книга второй половины XVI—XVII в. выступала в качестве важнейшего и естественного канала информации, распространения художественной и научно-прикладной литературы. Рукописные сборники той поры содержали литературные, исторические, религиозно-нравоучительные, естественнонаучные и иные тексты. В рукописной же форме зародилась в России XVII в. периодическая печать [12]. В целом до начала XVIII в. рукописная книга еще живет полнокровной жизнью, мало нарушенной существованием типографского искусства.

На втором этапе положение меняется, и общественная роль рукописной книги постепенно идет на убыль. Правда, произошло это не сразу. Рукописная книга еще сохранила свою значимость. Более того, в XVIII в. происходит даже заметное расширение ее тематики за счет текстов светского характера. «Безавторские «Гистории» первых десятилетий XVIII в. были первыми «ласточками» новой русской литературы, отразившими и круг важнейших общественных явлений Петровской эпохи, и поиски художественных средств для ее отображения» [13]. Наряду с такими «гисториями» репертуар русской рукописной книги к середине XVIII в. включал переводные и оригинальные романы, поэзию, труды по истории, географии, праву, техническим и прикладным дисциплинам [14]. Насколько естественным явлением была в то время рукописная книга, свидетельствуют многочисленные факты. Так, в «Московских ведомостях» за 1772 г. (в Прибавлениях к № 64) было помещено объявление Ф. И. Дмитриева-Мамонова о том, что у него имеются «на российском языке письменные книги без имени автора, которые все суть философические. Желающие оные книги переписать. . . на многое число экземпляров, для раздачи безденежно любителям наук, могут явиться в оном доме». По словам Евгения Болховитинова, «письменный Вольтер был

[11] *Е. И. Кацпржак.* История книги. М., 1964, стр. 219.
[12] Вести-куранты. 1600—1639 гг. Изд. подготовили Н. И. Тарабасова, В. Г. Демьянов, А. М. Сумкина. М., 1972
[13] *Г. Н. Моисеева.* Русские повести первой трети XVIII века. М.—Л., 1965, стр. 3.
[14] Характеристику рукописной книги этого периода см. *Н. Н. Розов.* Светская рукописная книга XVIII—XIX вв.; *А. С. Мыльников.* Указ. соч., стр. 39—46; *Н. Н. Розов.* Русская рукописная книга. Этюды и характеристики. Л., 1971, стр. 68—103.

тогда столь же известен, как и печатный». В записках Г. Винского, относящихся ко второй половине XVIII в., сообщается, что в библиотеке Уфимского губернатора он нашел «все главные произведения тогдашних философов и сам перевел из них много и пустил в тетрадках среди дворянского общества»[15].

В конце XVIII—XIX в. в списках распространялись многие произведения русской литературы, в том числе недозволенные цензурой к чтению (А. Н. Радищева, поэтов-декабристов, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, В. Г. Белинского, Л. Н. Толстого и др.). По предположению В. П. Семенникова, А. Н. Радищев мог предвидеть уничтожение «Путешествия из Петербурга в Москву» и надеялся на распространение своей книги в списках. На эту возможность (на примере «Придворной грамматики» Д. И. Фонвизина) Радищев ссылался в «Путешествии»: «Римский сенат, ползая перед Тиверием, велел, в угождение ему, Кремуциеву книгу сжечь. Но многие с оной осталися списки»[16].

Широкое распространение в конце XVIII—первых десятилетиях XIX в. получили рукописные журналы — эта практика сохранилась и в последующий период. Таковы, например, рукописные журналы, циркулировавшие в декабристских кругах, иллюстрированный журнал П. Л. Яковлева (1789—1833) «Саратовский колонист» (в собрании ГПБ представлены № 1—3, 6—9 за 1828 г., F.XVIII.55), литературный журнал петербургских студентов «Светоч» (в собрании ГПБ хранится № 1 за 1858 г., Q.XVIII.19) и мн. др. Однако под влиянием происходивших в стране социально-экономических сдвигов, обогащения культурной жизни, несмотря на цензурные преследования и другие препоны, тематика и читательская ориентация книгопечатания шаг за шагом расширяются. Соответственно этому с середины XVIII в. намечается оттеснение, а затем и вытеснение рукописной книги, завершившееся в основном к концу XIX—началу XX в.[17]

*

Но если отмеченная эволюция поздней рукописной книги в России к настоящему времени более или менее признана и находит некоторое отражение в учебной литературе[18], то как же обстоит дело с оценкой положения и развития рукописной книги

[15] *В. Боголюбов.* Н. Новиков и его время. М., 1916, стр. 155.

[16] *В. П. Семенников.* Радищев. М. — Пг., 1923, стр. 39.

[17] Отмечая это, мы не касаемся отдельных примеров сохранения рукописных традиций в среде старообрядцев, а равно тех или других современных модификаций рукописной книги (краеведческие летописи и альбомы, стенные газеты, машинописная форма воспроизведения научных работ и т. п.), поскольку эти вопросы носят иной характер и заслуживают отдельного обсуждения.

[18] *И. Е. Баренбаум, Т. Е. Давыдова.* История книги. М., 1971, стр. 74—79, 99—101, 129—130.

в эпоху распространения книгопечатания в странах зарубежной Европы?

То, что и здесь рукописная книга перешагнула рубеж открытия книгопечатания, едва ли может вызвать сомнение. Немало наблюдений на этот счет накоплено в трудах отечественных и зарубежных историков, литературоведов, искусствоведов, занимавшихся историей культуры и литературы европейских стран и, в отдельных случаях, палеографов и книговедов. «Хотя в XV в. и возникла печатная книга, — замечал словацкий исследователь, — рукописная книга полностью не исчезла. Это в особенности относится к началу эпохи Ренессанса» [19]. Число таких суждений можно было бы увеличить. Но, в конечном счете, это лишь частные замечания. Дело заключается в ином — в отсутствии систематического, комплексного осмысления и, особенно, книговедческого изучения отмеченных фактов. Без этого же полноценное исследование истории поздней рукописной книги и книжного дела в целом попросту невозможно. Выяснение ее историко-культурной роли в период сосуществования с книгой печатной во многом зависит от характера и степени интенсивности книгопечатания в тех или иных случаях.

С этой точки зрения страны зарубежной Европы могут быть разделены на две группы. К одной относятся страны развитого книгопечатания, которое, возникнув в XV—начале XVI в. в отдельных национальных центрах, непрерывно расширялось и играло важнейшую роль в развитии науки и культуры, в идейно-политической борьбе. Таковы Германия, Италия, Франция, Англия, Польша и ряд других. Ко второй группе могут быть отнесены страны, где в силу неблагоприятных внешних и внутриполитических условий (главным образом, внешняя агрессия, национально-политическое угнетение и связанное с этим отставание в социально-экономическом положении) книгопечатание развивалось либо с перерывами, либо не смогло удержаться в пределах национальной территории и дополнялось существованием типографий за рубежом, либо, наконец, появилось с большим опозданием, в XVIII, а иногда и в XIX вв. Так обстояло дело у народов Балканского полуострова, словаков, венгров, румын.

Особенности их исторического и культурного развития во многом объясняют, почему в таких случаях и после появления книгопечатания рукописная книга продолжала играть заметную роль. Так, со второй половины XV в. сербские земли на несколько столетий подпали под турецкое владычество. И хотя книгопечатание, возникшее в 1493 г. в Цетинье, спорадически продолжалось в Белграде, Грачаницы, Милешеве и других сербских монастырях и городах, а также в некоторых зарубежных центрах (Венеция в XVI—XVIII вв., Галле, Лейпциг, Петербург, Вена

[19] *J. Špetko.* Knižná kultúra a pismo. Martin, 1968, s. 130.

в XVIII в. и др.) [20], количественно и, особенно, тематически оно долго не могло вытеснить рукописный способ производства книги [21]. В XVIII в. в разных европейских типографиях было напечатано 413 сербских книг, преимущественно духовного содержания. И именно в XVIII в. в Сербии, Боснии, Македонии и других южнославянских землях рукописный способ играл весьма важную роль в общественном и национально-политическом движении: такова, например, антикатолическая рукописная книга, связанная с именами И. Раича, З. Орфелина и Д. Новаковича [22]. Гораздо реже отмечается, что рукописная традиция в сербской среде не исчезла и позднее, о чем свидетельствуют сохранившиеся образцы не только духовной, но, — и это существенно, — и светской рукописной книги XIX в. Например, в небольшом собрании сербских рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина среди сборников XVIII в. (Серб., Q.IV.1; Q.XIV.1') находится трехтомный список 1848 г. «Деяния народа сербского и патриарха Иосифа Раячичья» (Серб., F.IV.2), поступившая в 1871 г. как подносной экземпляр «Свободиада» Петра Негоша (Серб., F.XIV.1), два тома «Сербских народных песен» Вука Караджича [23]. А ведь все это первоклассные памятники сербской книжной культуры нового времени.

Не только в порабощенных сербских землях, но и в Дубровнике, до 1808 г. сохранявшем статус независимой республики, рукописная книга успешно конкурировала с книгопечатанием. Примечательна с этой точки зрения история распространения произведений крупнейшего дубровницкого писателя XVII в. Ивана Гундулича, прежде всего национально-патриотической поэмы «Осман» [24]. «Поэма, написанная в 20—30-х годах XVII века, увидела свет только два столетия спустя, так как была запрещена дубровницкими властями, поскольку содержание ее отличается исключительно острой антитурецкой направленностью. Но она распространялась в рукописных копиях» [25].

[20] *М. Костић.* Књиге, књижарство и књижнице. — В кн.: Српске штампана књига 18 век. Каталог. Нови Сад—Београд, 1963, с. 19; *А. Н. Пыпин, В. Д. Спасович.* Обзор истории славянских литератур. СПб., 1865, стр. 104.

[21] История Югославии, т. 1. М., 1963, стр. 288; *П. К. Симони.* К истории обихода книгописца, переплетчика и иконного писца при книжном и иконном строении. Материалы для истории техники книжного дела и других источников XV—XVIII столетий. Вып. 1. СПб., 1906.

[22] Српска књижевност у XVIII в. Београд, 1923; *С. А. Виноградов.* К вопросу о создании типографии в Сербском княжестве в 30-х годах XIX века. — «Советское славяноведение», 1969, № 5, стр. 76.

[23] *Н. Николић.* Непознати Вукови рукописи у Лењинграду. — «Политика», 19 янв. 1964, стр 18.

[24] *M. Breyer.* O starim i rijetkim jugoslavenskim knjigama. Zagreb, 1952, s. 7—8.

[25] *В. К. Зайцев.* Между Львом и Драконом. Дубровницкое Возрождение и эпическая поэма Ивана Гундулича «Осман». Минск, 1969, стр. 4.

В отличие от сербского, греческое книгопечатание, также появившееся в XV в. [26], вообще не имело возможности до XIX в. нормально развиваться на национальной территории, захваченной Османской империей. Книги и другие виды печатной продукции на греческом языке издавались за рубежом, первоначально преимущественно в Италии, а позднее, особенно в XVIII—начале XIX в., в Париже, Лондоне, Вене. Здесь, например, в 1790—1797 гг. выходила первая греческая газета «Эфимерис». Характерная черта греческой книги — ее патриотическая направленность.

Ясно, что в пределах самой Греции рукописный способ мог длительное время оставаться единственным путем распространения книги. В качестве примера сошлемся на греческую историческую хронику Псевдо-Дорофея, увидевшую свет в Венеции в 1631 г. и затем неоднократно там переиздававшуюся. Она также широко расходилась в XVII в. в списках, каковых к настоящему времени выявлено более полусотни [27].

Для народов этого региона в XVII—XVIII вв. чрезвычайно характерен интерес к историческим хроникам, что, несомненно, было тесно связано с задачами национально-освободительной борьбы. Греческие исторические хроники Псевдо-Дорофея и Матфея Кигалы в XVII в. были переведены на румынский язык и долгое время читались и переписывались. Об этом свидетельствуют сохранившиеся списки их, которые относятся не только к XVII—XVIII, но и к началу XIX в.[28] Напомним, что книгопечатание на территории Румынии существовало с 1508 г., но развивалось с перерывами, до середины XIX в. оставаясь государственным делом и обслуживая преимущественно нужды церкви [29].

В соседней Болгарии типографское дело обосновалось лишь с середины XIX в. [30] До этого болгарское книгопечатание существовало на чужбине [31], первая печатная книга на болгарском языке вышла в свет в Буде в 1806 г. [32] Понятно, что до этого времени рукописный способ книгопроизводства здесь полностью сохранял свою монополию. Из массы переписывавшихся в XVII—XVIII вв. рукописей уцелело около 450 сборников религиозного, нравоучительного, исторического и литературного состава [33]. Яркой страницей в истории болгарской книги явилось распростра-

[26] *R. Proctor*. The printing of Greek in the fifteenth century. Oxford, 1900.
[27] *И. Н. Лебедева*. Поздние греческие хроники и их русские и восточные переводы. Л., 1968, стр. 131.
[28] Там же, стр. 110—114.
[29] *F. Funke*. Op. cit., p. 149; *Д. Думитреску*. Из истории связей румынской, славянской и грузинской книги. М., 1958, стр. 5—6. См. также: *Ш. Н.Курдгелашвили*. Роль Румынии в развитии книгопечатания в Грузии и на Арабском Востоке. М., 1966, стр. 2—3.
[30] *С. Кутичев*. Печатарството в България до освобождението. София, 1920.
[31] *С. В. Овнанян*. Роль армянских книгопечатников Константинополя в распространении просвещения в Болгарии. М., 1966, стр. 5.
[32] *Н. И. Срезневский*. Очерк книгопечатания в Болгарии. СПб., 1846, стр. 6.
[33] История Болгарии, т. I. М., 1954, стр. 209—210.

нение выдающегося памятника национально-патриотической мысли — «Истории славяно-болгарской» Паисия Хилендарского, созданной им в 1762 г. Труд Паисия получил во второй половине XVIII в. значительное распространение в списках (в этом принял участие и Софроний Врачанский, сыгравший огромную роль в становлении болгарского книгопечатания [34]), оказав воздействие на формирование национального самосознания болгарского народа. Как справедливо подчеркивал Н. С. Державин, «значительное количество дошедших до нас рукописных списков и переделок труда Паисия свидетельствует о его популярности среди болгарских читателей. . .»[35] Списки «Истории» продолжали оставаться не только главным, но и единственным каналом информации и в первой половине XIX в. об этом произведении, напечатанном только в 1844 г.[36]

Исторические судьбы болгарской книги отчасти напоминают историю книги Ирландии, где национальное книгопечатание до XIX в. практически отсутствовало. Примечательно, что на важную роль рукописной книги в ирландской культуре и на её репертуар обращал в свое время внимание Ф. Энгельс, исследовавший историю этой страны, ставшей с XVI в. первой жертвой английской колониальной экспансии.

В незавершенной «Истории Ирландии» Ф. Энгельс отмечал, что здесь «. . . существует местная литература, все еще довольно обширная, несмотря на гибель во время войн XVI и XVII веков множества ирландских рукописей. Она содержит вирши, грамматики, глоссарии, анналы и другие исторические сочинения, а также сборники законов. Однако, за весьма немногими исключениями, вся эта литература, охватывающая период по крайней мере от VIII до XVII века, существует только в *рукописном виде*. Для ирландского языка книгопечатание лишь совсем недавно начало свое существование. . .»[37] Как видно, сходные внешние обстоятельства приводили к сходству в закономерностях развития книжного дела.

*

В странах развитого книгопечатания ситуация была, разумеется, иной. Но и здесь, как можно заключить хотя бы по составу отдельных национальных хранилищ (библиотек, музеев и архивов), рукописное книгопроизводство в ближайшие века после появления типографского дела сохранило, по-видимому, определенное значение. К сожалению, тематика, общественная роль и дли-

[34] *П. А. Лавров*. Софрони Врачански. За стогодишницата на новата българска печатна книги. 1806—1906. София, 1906.

[35] *Н. С. Державин*. История Болгарии, т. 4. Национально-освободительное движение в Болгарии (от конца XVIII в. до 1877 г.). М.—Л., 1948, стр. 78.

[36] *М. Арнаудов*. Паисий Хиландарски. Личност, дело, епоха, изд. 2, доп. София, 1972, стр. 88—89.

[37] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Сочинения, т. 16, стр. 504.

тельность сосуществования рукописного и печатного способов производства книги в таких странах, как Германия, Италия, Франция, Англия, Нидерланды и т. п., должного освещения в книговедческой литературе не получили. Между тем исследование указанной проблематики представляет в историческом и теоретическом плане немалый интерес.

Например, среди учтенных в начале XX в. иллюминованных рукописей, хранившихся на территории бывшей Австро-Венгрии, процент поздней рукописной книги достаточно велик. Так, в Зальцбурге рукописей середины и второй половины XV в. насчитывалось 18, XVI и XVII вв. по семь названий [38]. В собрании «Россиана» (Вена—Лайнц) числилось ок. 60 рукописей XV в., порядка 17 списков XVI в., четыре и три списка соответственно XVII и XVIII вв.[39] В тогдашней австрийской Далмации рукописей было: XV в. — 22, XVI в. — семь, XVII в. — семь, а в Истрии и Триесте соответственно 41, четыре [40]. Содержание их разнообразно. Церковные тексты, пожалуй, преобладали: Псалтирь и другие библейские книги, служебники, антифонарии и т. п. Но не только они.

Репертуар рукописной книги, учтенной здесь, включал произведения античных авторов (Аристотеля, Платона, Полибия, Цицерона) и гуманистов (Петрарки, Боккаччо), сочинения по истории, географии, праву, военному делу, бревиарии и т. п. А ведь во всех этих случаях речь идет только об иллюминованных рукописях!

Заслуживает внимания и их происхождение. Хотя часть их происходит из немецких и славянских (балканских) центров, рукописи итальянского происхождения преобладают. Факт этот сам по себе достаточно примечательный, особенно если учесть, что после Германии Италия была следующей страной, воспринявшей книгопечатание. И не только воспринявшей, но и поразительно быстро развившей. К исходу XV в. в Италии насчитывалось 70 типографов, в то время как в Германии их было 41, во Франции — 29, в Испании — 14, а в Голландии — 41. Несмотря на это, до XVIII в. в Италии производство рукописной книги полностью не прекратилось, сохранялись старые и даже создавались новые мастерские письма. Заметным центром книгописания в XV—XVI вв. была Флоренция. Так, по заказу К. Медичи, 45 переписчиков изготовили 200 книг, здесь же на венгерского короля Матвея Корвина, с именем которого связаны успехи книжного дела

[38] Beschreibendes Verzeichnis der illuminierten Handschriften in Österreich. Herausg. von F. Wickhoff, Bd. 2. *H. Tietze.* Die illuminierten Handschriften in Salzburg. Leipzig, 1905, S. 101—102.

[39] Beschreibendes Verzeichnis. . . Bd. 5. *H. Tietze.* Die illuminierten Handschriften der Rossiana in Wien—Lainz. Leipzig, 1911, S. 15, 16, 21.

[40] Beschreibendes Verzeichnis. . . Bd. 6. *H. Folnesics.* Die illuminierten Handschriften in Dalmatian. Leipzig, 1917, S. 169; Bd. 7. H. Folnesics. Die illuminierten Handschriften im Österreichischen Künstenlade in Istrien und der Stadt Triest. Leipzig, 1917, S. 102—103.

в Венгрии XV в., работало четыре писца [41]. Из других центров производства итальянской рукописной книги XV—XVII вв. отметим Венецию (одновременно и крупнейший типографский центр), Тоскану, Рим, Неаполь.[42]

Во многом сходное положение существовало в Германии и Франции тех столетий. Среди образцов немецкой рукописной книги XVI—XVIII вв. находились не только богословские и богослужебные тексты (аналогичные рассматривавшимся в Италии), но и трактаты по истории, географии, праву, сборники законов, художественная литература. Любопытен репертуар поздней рукописной книги во Франции. В XVI в. здесь по традиции создавались иллюминованные рукописи для церковного обихода, исторических и литературных произведений и т. п. В этом и следующем столетии получают распространение подносные экземпляры. Так, герцогине Бургундской был поднесен роскошно оформленный список «Сказок», изданных Ш. Перро от имени его сына Дарманкура [43]. В Парижской Национальной библиотеке хранится поднесенный Людовику XIV список «Рассказа о моем путешествии» Ла Невиля, побывавшего в конце XVII в. в Москве [44]. Бурные политические события XVII—XVIII вв. породили многочисленную рукописную литературу оппозиционного характера, о чем, например, свидетельствует коллекция арестованных рукописных книг в Бастильском архиве из собрания ГПБ. А такие образцы рукописной книги, как иллюминованные часовники, доживают во Франции даже до XIX в. [45] Бытовала рукописная книга в XVI—XVIII вв. и в ряде других стран зарубежной Европы, хотя книгопечатание в них и было достаточно развито [46].

В ряде стран—Италия, Германия, Англия, Голландия, Франция — широко распространялись рукописные газеты и листовки. Некоторое представление об их содержании дает коллекция рукописных газет из архива Бастилии XVIII в. Характеризуя содержащуюся в них информацию, А. Д. Люблинская отмечала: «Сведения о постановлениях Королевского Совета, о судебных процессах, слушавшихся в Парламенте, дипломатические новости перемежаются сообщениями о смерти видных чиновников и придворных, причем эти данные сопровождаются обычно указанием цены на вакантную, вследствие смерти владельца, должность и о кандидатах на нее. Свадьбы, операции рака и других болезней,

[41] *J. Fumel.* Le livre en Italie. Paris, 1970, p. 5.

[42] *F. Funke.* Op. cit., S. 48.

[43] *M. Soriano.* Les contes de Perraulte, culture savante et traditions populaire. Paris, 1968.

[44] *А. Л. Люблинская, И. С. Шаркова.* А. А. Матвеев и его труд. — В кн.: Русский дипломат во Франции („Записка“ Андрея Матвеева). Л., 1972, стр. 5.

[45] *О. А. Добиаш-Рождественская.* Выставка западных часовников с миниатюрами в Публичной библиотеке 28 марта—4 апреля 1926 г. — «Библиотечное обозрение», 1927, кн. 1—2, стр. 7.

[46] *Е. Л. Немировский.* Начало славянского книгопечатания. М., 1971, стр. 55—58; *S. Dahl.* Dzieje książki. Wrocław, Warszawa, Kraków, 1965, s. 116.

заболевания оспой отмечаются почти в каждой газетке. Очень часты сведения о спектаклях и новых книгах и рецензии на них. Нередки также и сообщения из провинции и из заграницы [47].

Насколько привычной была в Европе практика рукописных газет, свидетельствуют знаменитые «Салоны» — журнал Д. Дидро (в ГПБ имеются за 1759, 1761, 1763, 1765, 1767, 1769, 1771, 1775 и 1781 гг. Эрм., Фр. № 42) и литературные бюллетени Мельхиора Гримма, которые он вел с 1753 по 1790 г. для ряда европейских государей [48]. Отдавая дань все тем же обычаям, наследник российского престола Павел Петрович выбрал себе в качестве литературного информатора парижского критика Ж. Лагарпа [49].

Как видно из сказанного, рукописная традиция сохранялась даже в передовых по тем временам странах Европы в течение длительного времени после введения книгопечатания, приблизительно до XVIII—начала XIX в. Примечательно, что процесс оттеснения рукописного способа книгопроизводства носил далеко не всегда прямолинейный характер. На примере истории чешской книги XVII—XIX вв. мы установили, что при определенных условиях (в данном случае иноземное порабощение, общий упадок городов и всей социально-экономической и культурной жизни, репрессии против прогрессивного книжного дела и национально-культурных традиций) даже в стране развитого в XV—начале XVII в. книгопечатания возможно временное восстановление рукописного книгопроизводства и относительное преобладание его над книгопечатанием. Это явление можно назвать рецепцией рукописной книги [50].

Хотелось бы подчеркнуть, что отмеченный процесс не был единичным явлением, о чем свидетельствует хотя бы история румынской книги XVI—XVII вв. «Издания Кореси в XVI в. у румын были последними. Румынское книгопечатание остановилось вследствие бесконечных войн, тяжелого экономического состояния и кровавой эксплуатации Оттоманской Порты. Снова развивается искусство рукописей, графическое оформление которых отличается разнообразием, богатством и оригинальностью» [51]. Есть основания полагать, что дальнейшее изучение истории параллельного развития двух способов книгопроизводства позволит углубить представления об особенностях их сосуществования в отдельных странах, в том числе — и о характере процесса рецепции рукописного производства книги.

[47] *А. Д. Люблинская.* Документы из Бастильского архива. Аннотированный каталог. Л., 1960, с. 180.

[48] *M. Grimm.* Correspondence littéraire. philosophique et critique, t. 1—3. Paris, 1812—1814. Полностью опубликовано там же в 1777—1782 гг.

[49] *Д. Кобеко.* Цесаревич Павел Петрович. 1754—1796, изд. 3. СПб., 1887, стр. 111. Опубл.: *J. F. Laharpe.* Correspondance littéraire adressée a son altesse imp. le Grand—duc. anjourd'hu, Empereur de Russie, et à M. le Comte A. Schowalow. Depuis 1774 jusqu'à 1789, t. 1—4. Paris, 1801.

[50] *А. С. Мыльников.* Чешская книга. Очерки истории. Книга. Культура. Общество. М., 1971, стр. 127—130.

[51] *Д. Думитреску.* Указ. соч., стр. 10.

*

С рассмотренным тесным образом связан другой вопрос — о функциональной роли рукописного способа книгопроизводства. В книговедческой литературе справедливо отмечались такие конкретные причины живучести рукописной традиции в эпоху книгопечатания, как несовершенство техники книгопечатания и дороговизна ее продукции, государственная или церковная монополия на типографское дело и его правительственная регламентация, сила традиций [52]. История русской и зарубежной поздней рукописной книги не только подтверждает эти наблюдения, но и свидетельствует о наличии других, не менее существенных побудительных поводов к ее сохранению: интересы национально-политической или религиозной борьбы, относительно большая простота и оперативность в изготовлении и распространении (особенно «летучих листков» и подобных им текстов), торжественность повода (подносные экземпляры), библиофильство и т. п.

Следует лишь постоянно помнить, что сама по себе поздняя рукописная книга не была статичной. Она постоянно развивалась в зависимости от конкретной исторической обстановки и от того социального круга заказчиков и читателей, которых обслуживала. Рукописная книга в России XVII в. выполняла во многом иные функции, нежели в XVIII, а тем более в XIX в., иным было ее место — существенное дополнение репертуара печатной продукции в одном случае и пополнение его в другом. Примерно такой же была ее эволюция и в других странах, хотя очевидно, что роль рукописной книги в России XVII в. не была, например, идентична роли ее во Франции того же столетия, не говоря уже о более позднем времени. Иными были и выполнявшиеся ими функции. Отсюда вытекает необходимость сравнительно-исторического изучения поздней рукописной книги, разработка ее типологии и научной периодизации, типизация ее репертуара.

Так, в составе поздней русской рукописной книги можно выделить такие ее группы, имеющие достаточно четкое тематическое и социальное (авторское и читательское) отграничение, как списки произведений отечественной и мировой литературы, домашние и семейные альбомы, старообрядческая рукописная книга. За каждой из этих групп стоят отдельные классы и социальные группы русского общества. Сколько-нибудь полное исследование их идеологии и социальной психологии без анализа соответствующей группы невозможно.

Две первые группы находятся в этом списке в выигрышном положении, поскольку давно уже и с успехом исследуются в историко-литературном плане. Показателен и усилившийся в последние годы закономерный собирательский и исследователь-

[52] *И. Е. Баренбаум* и *Т. Е. Давыдова.* Указ. соч., стр. 74.

ский — не только исторический и литературоведческий, но и книговедческий — интерес к старообрядческой рукописной книге [53], во многом отразившей стихийные настроения дореволюционного русского крестьянства.

Особые группы — и у нас, и в зарубежной практике рукописания — составляли масонские книги[54] и подделки памятников древней письменности (списки «Слова о полку Игореве», «Русской правды» и др. А. И. Бардина, фальсификаты А. И. Сулакадзева типа «Гимна» Бояна или «Перуна и Велеса вещания», так называемые «Древнечешские» Краледворская и Зеленогорская рукописи, поэмы Оссиана и др.) [55]. Эти разновидности рукописной книги в настоящее время, к сожалению, серьезно не изучаются, более того, сама идея их серьезного книговедческого и археографического изучения нередко воспринимается иронически [56].

Самостоятельной группой поздней рукописной книги являются, по-видимому, и подносные экземпляры, книговедческое изучение репертуара которых на русском и западноевропейском материале с точки зрения тематики, целевого и читательского назначения дало бы, несомненно, немало любопытных наблюдений над изменением функциональной роли рукописной книги XVI—XIX вв. Этими случаями, впрочем, возможности ее типизации не исчерпываются. Приведенные примеры лишь намечают примерные пути дальнейшего ее исследования. В этой связи внимания заслуживают вопросы искусства поздней рукописной книги, соотношение ее формы читательскому и целевому назначению, воздействие на нее примера печатной книги и т. п., а также характер ее изготовления и распространения.

*

Задачи дальнейшего изучения поздней рукописной книги настоятельно требуют постановки и решения ряда принципиальных источниковедческих и методических вопросов.

Прежде всего, необходимо целенаправленное изучение существующих печатных каталогов [57], описание и комплексное книго-

[53] *Н. Н. Розов.* Мезенские сборники XIX—XX вв. — В кн.: «Рукописное наследие древней Руси. По материалам Пушкинского дома». Л., 1972, стр. 396—400.

[54] Наиболее полный свод материалов по этому вопросу находится в достаточно устарелой монографии: *Г. В. Вернадский.* Русское масонство в царствование Екатерины II. Пг, 1917.

[55] *М. Н. Сперанский.* Русские подделки рукописей в начале XIX века (Бардин и Сулакадзев). — «Проблемы источниковедения», т. 5. М., 1956, стр. 44—74; Rukopisy královedvorský a zelenohorsky — dnešni stav poźnámí t. 1—2. Praha, 1969.

[56] Нет ничего ошибочнее такого мнения. Не касаясь подробно данного вопроса, оставляем за собой право вернуться к нему в будущем.

[57] В настоящее время регулярно публикуются международные обзоры книговедческой литературы и кодикологические бюллетени, учитывающие, в частности, вновь выходящие каталоги рукописных собраний. Таковы,

ведческое и источниковедческое осмысление памятников поздней рукописной книжности (например, французской и итальянской рукописной книги из собрания ГПБ) [58]. Интересен опыт чехословацких и польских коллег. Так, всяческой поддержки заслуживает многолетняя и плодотворная деятельность словацкого книговеда и археографа И. Котвана, последовательно описывающего фонды хранилищ рукописей на территории Словакии [59]. Недавно в Польше был издан «Каталог рукописных газет XVIII в. в собраниях Национальной библиотеки им. Оссолиньских» и готовятся к печати аналогичные каталоги других собраний [60].

При этом все большее внимание уделяется истории отдельных библиотек, коллекций и собраний: здесь приемы и методы книговедения вплотную соприкасаются с методикой палеографии, археографии и кодикологии [61]. И чем полнее это соприкосновение, тем более эффективными становятся общие итоги исследования.

Немалый интерес, например, для истории русской и западноевропейской поздней рукописной книги представляет Эрмитажное собрание Гос. Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Если его русская часть имеет печатное описание [62], то иностранная часть до сих пор отражена лишь в старой инвентарной описи. Между тем здесь достаточно широко и разнообразно представлены рукописные книги XVII—XIX вв. на немецком, французском, итальянском и других языках, расположенные в систематическом порядке и частью относящиеся к истории, географии и культуре России. В составе части Эрмитажного собрания ин-

например, Bulletin codicologique. Bibliographie courante des études relatives aux manuscrits. Publ. avec le concours du Centre Belge d'archéologie et d'histoire du livre. Bruxelles, 1959 и след.; Recent Book and Periodikals в англ. журн. «The Library» и др.

58 *Т. П. Воронова*. Французские средневековые рукописные книги в собрании Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. (Из истории средневековых библиотек и коллекций). —Средние века, вып. 22. М., 1962, стр. 258—266; *Е. В. Бернадская*. Итальянская рукописная книга в собрании Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. — Средние века, вып. 30. М., 1967, стр. 251—260.

59 *А. С. Мыльников*. Книга о рукописях Братиславского университета. — «Советское славяноведение», 1972, № 3, стр. 88—89.

60 *А. Л.* Рукописная пресса в Польше XVIII в. — «Советское славяноведение», 1971, № 5, стр. 96—98.

61 См., напр., «Исторический очерк и обзор фондов рукописного отдела библиотеки Академии наук». Авт.: А. И. Копанев и др. Отв. ред. В. П. Адрианова-Перетц, т. 1—2. М.—Л., 1956—1958; синтетический очерк истории рукописного фонда ГПБ содержится в книге: «История Гос. Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина». Ред. Ю. С. Афанасьев, А. С. Мыльников. Л., 1963. Из последних работ см. *Ж. К. Павлова*. Книжное собрание Эрмитажа 1762—1917 гг. (Из истории русской культуры 2-й пол. XVIII—нач. XX в.). Л., 1972.

62 *Д. Н. Альшиц, Е. Г. Шапот*. Каталог русских рукописей Эрмитажного собрания. Л., 1960. Частично повторено в кн. *Д. Н. Альшиц*. Историческая коллекция Эрмитажного собрания рукописей. Памятники XI—XVII вв. М., 1968.

корпорированы материалы библиотеки императора Петра III и его отца, Шлезвиг—Гольштейн—Готторнского герцога Карла Фридриха [63].

Изучение собраний рукописной книги невозможно без установления критерия и отличия ее от архивных материалов. В настоящее время вопрос этот не только не решен, но как следует даже и не поставлен. Это порой ведет к поразительной разноголосице, особенно в среде «рукописников»—практиков, археографов и архивистов. С одной стороны, имеется тенденция относить к рукописной книге все рукописи, имеющие форму кодекса, с другой — трактовать ее лишь как разновидность архивного материала. Это, конечно, крайности. Но и в первом, и во втором случае за ними стоит объективная недооценка специфики рукописной книги нового времени как источника и носителя информации.

Очевидно, что отмеченная проблема заслуживает специального обсуждения. И такое обсуждение по сути дела уже ведется на страницах печати. Ряд интересных мыслей, например, содержится в предисловии А. Булувной и Ю. Щепаньца к упомянутому выше польскому «Каталогу рукописных газет XVIII в.» Так, касаясь отличия рукописных газет от эпистолярии, А. Булувна замечает: «Рукописная газета имеет характер письма только с формальной точки зрения, но отличается от него элементами существенными: содержанием, внутренней структурой, а также общественной функцией, что обусловливает ее близость к печатной газете того времени» [64]. Называя это наблюдение убедительным, советский рецензент добавляет: «Верность этого наблюдения подтверждается фактом, что нередко рукописные газеты посылались вместе с печатными, как своего рода их дополнение» [65].

Такой подход и в самом деле нельзя не признать плодотворным при поисках критерия отличия продукции рукописного способа производства вообще (а не только рукописных газет) от архивного документа. Последний, как правило, всегда имеет достаточно или относительно точный адрес: должностное лицо или наименование учреждения, которому он предназначен, адресат письма и т. п. Наоборот, рукописная книга (и древняя, дотипографская,

[63] По свидетельству Я. Штелина, Петр III «выписал из Киля библиотеку своего покойного родителя» и — это уместно подчеркнуть — вообще проявлял несомненный интерес к книгам. «Как только выходил каталог новых книг, он его прочитывал и отмечал для себя множество книг, которые составили порядочную библиотеку». Записки Штелина о Петре III, имп. всероссийском. — «Чтения в об-ве истории и древностей», 1866, т. 4, стр. 109. Книжные интересы Петра III значительно корректируют одностороннюю характеристику его личности, закрепленную в тенденциозных мемуарах его политической соперницы Екатерины II и некритически подхваченную в дореволюционной дворянско-буржуазной историографии.

[64] *A. Bułówna*. Katalog gazet pisanych z XVIII wieku w zbiorach Biblioteki Zakładu Narodowego im. Ossolińskich. Warszawa, Wrocław, Kraków, 1969, S. 55.

[65] *А. Л.* Рукописная пресса в Польше XVIII в., стр. 96.

и нового времени), как и книга печатная, имеет заданную функциональную задачу — распространение информации среди неопределенно большого круга лиц или той или иной читательской аудитории (целевое и читательское назначение). Разумеется, в реальной жизни существовали разного рода исключения, но это были именно исключения, отступления от общего правила.

*

Суммируя сказанное, можно прийти к следующим выводам:

1. Поздняя рукописная книга как определенное социокультурное явление была характерна не только для России, но и для стран зарубежной Европы, сохраняя свое (большее или меньшее) общественное значение как источник информации до XVIII—XIX вв. с некоторыми колебаниями в зависимости от конкретных условий развития намеченных групп стран.

2. Изучение рукописной книги «после Гутенберга» заслуживает поэтому столь же пристального внимания, как и «до Гутенберга» и должно стать неотъемлемой частью исследования истории книги и книжного дела как в национальном, так и в более широком (межнациональном, региональном, всемирном) масштабе.

3. Особый интерес представляет проблема функциональной роли поздней рукописной книги соответственно интересам и потребностям тех или иных классов, общественных групп, с которыми она была связана, и с учетом изменения и эволюции этой роли в отдельных странах и на разных этапах ее существования.

4. Для дальнейшего успешного изучения поздней рукописной книги необходимо обеспечение соответствующей источниковедческой базы и решение основных методических вопросов описания рукописной книги нового времени.

Поднятые вопросы имеют, таким образом, не только несомненное историко-книговедческое, но и чисто практическое значение.

Изменение соотношений рукописных и печатных книг в русских библиотеках XVI—XVII вв.

Б. В. Сапунов

Объективные характеристики процесса вытеснения рукописной книги продукцией печатных дворов можно дать только на основе анализа структуры фондов русских библиотек второй половины XVI—XVII века.

В пределах Северо-Восточной Руси инвентаризация и каталогизация монастырских и церковных библиотек стали развиваться с середины XVI столетия. Стоглавый собор 1551 г. постановил, чтоб для учета церковного имущества царские дворецкие и дьяки «ведали» и «описывали» как недвижимое, так и движимое монастырское и церковное имущество, в том числе и книги. В «Царских вопросах и соборных ответах» «Стоглава» было записано: «А монастыри и казны монастырские ведают и описывают по всем монастырям царя и вел. князя дворецкие и дьяки» [1].

С этого момента (1551 г.) в интересах государственного контроля финансовой деятельности монастырей и храмов начали составлять «переписи»-ревизии, в которых фиксировались наряду с разной монастырской казной также книги, находящиеся в собственности монастыря или храма. В XVII в. в тех обителях, где сложились более или менее обширные собрания, составлялись «отписи» — внутренние передаточные акты при передаче библиотеки новому «книгохранителю», либо при смене монастырского начальства [2].

Постепенно обе формы отчетности сливаются. Уже со второй половины XVI в. «переписи» включались в писцовые книги по городу, местности, либо уезду. Таких описей XVI—XVII вв. сохранилось весьма много, по-видимому, несколько сотен.

Инвентаризаторы, видевшие в книге прежде всего «государеву» собственность, отмечали следующие характеристики: 1) название; 2) материал (бумага, харатья); 3) способ изготовления (печатная, рукописная); 4) место происхождения; 5) иногда указывалась типография («печати Ивана Федорова», «Франциска Скорины» и т. п.); 6) язык (латинская, немецкая, польская. . .); 7) встречаются пометки о сохранности («старая», «ветхая», «из переплетов вышла» и др.). Точный год выхода отмечался весьма редко.

[1] Стоглав. М., 1890, стр. 294—295. Акты исторические, т. 1. СПб., 1841, стр. 473.

[2] *М. И. Слуховский*. Термин «библиотека» в феодальной России. — Археографический ежегодник за 1971 год. М., 1971, стр. 106—112.

Не вдаваясь в подробности анализа принципов каталогизации, которые сложились в Московской Руси, следует отметить, что проводились они далеко не последовательно. Инвентаризаторы постоянно отступали от общих правил, часто опускали те или иные характеристики. В результате в сводных таблицах неизбежно возникают пропуски, затрудняющие статистическую обработку материала. Кроме того, книгохранители, вместе со специально уполномоченными лицами составляя опись, не учитывали книги, хранившиеся в церкви или монастыре, но юридически принадлежавшие либо прихожанам («мирского строения»), если описывались книги церковных собраний, либо являлись частью личного имущества монахов и попов, когда учитывались книги монастырских библиотек.

Такое положение вытекало из норм как церковного, так и гражданского права Московской Руси. Не случайно описи имущества высоких сановников церкви составлялись, как правило, в момент смерти их владельцев. При этом указывалась последняя воля усопшего, согласно которой книги кому-то передавались по завещанию, и часть, как выморочное имущество, поступала в государеву казну.

Кроме того, сохранились по преимуществу описи, отражавшие состояние библиотечных фондов в центральных районах страны.

Несмотря на отмеченные неточности и пропуски, описи, сохранившиеся в большом количестве, могут все же дать объективную картину структуры русских библиотек второй половины XVI—XVII в. Подтверждением этого служит тот факт, что описи начинают повторяться и, следовательно, они отражают не случайно выхваченную картину, а основные закономерности явлений.

В московское время на Руси книги по преимуществу были сосредоточены в трех основных группах собраний — церковных, монастырских и частных. В XVII в. возникла еще одна, четвертая, значительная группа — библиотеки, сложившиеся при отдельных государственных учреждениях — Печатном дворе, Славяно-греко-латинской Академии, Посольском приказе и некоторых других.

1. Церковные библиотеки в XVI—XVII вв. охватывали, по-видимому, наибольшее число книг, хотя репертуар их собраний был не велик. Как правило, он ограничивался церковно-служебной литературой. В богатых храмах и кафедральных соборах он мог быть расширен за счет четьей литературы религиозного содержания и небольшого количества книг полусветского и даже светского характера. В связи с тем, что подавляющая масса продукции русских типографий XVII в. состояла из книг, в той или иной степени связанных с богослужением, можно априори предполагать, что состав библиотек этой группы подвергся наибольшим изменениям.

2. Монастырские собрания были более богаты по количеству книг и более разнообразны по составу. Прежде всего в них осе-

дали богослужебные и четьи книги, а затем и светские, прошедшие церковную цензуру [3].

3. Частные библиотеки начали складываться еще в конце XVI в. Это была самая интересная группа, ибо она лучше отражала индивидуальные интересы читателей Московской Руси. В подобных комплексах отмечается высокий процент светских сочинений и весьма значительная прослойка книг, проникших из-за рубежа. Однако описи частных собраний охватывают, по преимуществу, библиотеки феодальной знати и владык православной церкви. Археографические экспедиции в послевоенные годы установили бесспорный факт сложения относительно крупных собраний уже в XVII в. у представителей богатого купечества, духовенства, раскольников.

Крупнейший знаток древнерусской книжности Н. К. Никольский еще в начале XX в. пришел к выводу, что в XVII столетии много рукописей и печатных книг находилось в собственности крестьян, представителей верхов городского посада, дворян [4]. Описей такого рода библиотек практически нет. Вероятно, их и не было. Знакомство с вкладными записями старинных книг, обломки сохранившихся до наших дней комплексов, традиции и предания помогают в какой-то степени реконструировать их первоначальный состав. Но для статистической обработки столь условные данные явно не годятся.

4. Четвертая группа объединяет библиотеки, возникшие в XVII в. в различных государственных учреждениях. Комплектование таких собраний совершалось в зависимости от профиля того или иного учреждения и всегда носило целевой характер. Процент книг духовного содержания в них был весьма скромный. И, естественно, продукция московских типографий не оседала в таких комплексах. Изменение структур служебных библиотек совершалось по совершенно иным законам, чем в трех других группах. В ведомственных библиотеках чрезвычайно высок был процент сочинений по географии, истории, политике, западному богословию и т. п. В них отмечается наиболее высокая прослойка книг, поступавших в результате тех или иных форм международных культурных, дипломатических и иных связей.

В процессе подготовки статьи были учтены данные не менее 223 описей XVI—XVII вв., в которых заинвентаризировано 16 914 книг. На все эти некогда существовавшие книги были составлены инвентарные карточки, которые являются чрезвычайно ценным источником информации по истории культуры Московской Руси.

[3] Считается, что в XVII в. в России функционировало около 200 монастырей. *В. С. Иконников*. Максим Грек и его время, изд. 2. Киев, 1915, стр. 15.

[4] *Н. К. Никольский*. Рукописная книжность древнерусских библиотек (XI—XVII вв.). Материалы для словаря владельцев рукописей, писцов, переводчиков, справщиков и книгохранителей, вып. 1. СПб., 1915.

Таблица 1

Описи церковных библиотек XVII в.

Год	Местонахождение	Всего книг	В том числе печатных	% печатных	Из них московской печати	Из них западно-русской печати
1601	На слободе во храме Рождества, Трифонов монастырь	10	—	—	—	—
1606	Солевычегодский Благовещенский собор	не менее 195	41	21%	не менее 40	*
1621	Московский Успенский собор	103	9	8,7%	7	литовской — 2 **
1638	То же	127	58	45,6%	56	литовской — 2 **
1701 23/VI	» »	171	149	87,1%	142	киевской — 6
1628—1629	Восемь церквей, р-н оз. Выг	69	18	26,1%	13	литовской — 5
1629		12	—	0%	—	
1613—1645	32 церкви, р-н Черды-ни	433	125	28,9%	106	19
1635—1646	Новгородский Софийский собор	45	4	8,9%	3	1
1645	Церковь Николы, Вельский уезд	23	11	47,9%	11	
	Две церкви Вельского уезда	31	25	80,7%	23	литовской — 2
1672	12 церквей Княгининск. уезда	188	172	91,5%	171	литовской — 2
1681—1682	Две церкви Вельского уезда	30	11	36,7%	11	
1683	Церковь Преображения, Костромского уезда	31	15	48,5%	15	
		1468	638	43,4%	598	40

* Опись неполная.
** Описи разные по составу.

Для составления таблиц были использованы далеко не все описи, т. к. некоторые не охватывали всего собрания, в других не до конца было ясно соотношение рукописных и печатных книг.

Наиболее интенсивно вытеснение рукописных книг печатной продукцией прослеживается в церковных библиотеках XVII в. (табл. 1). Всего были использованы описи 63 церквей, датированные 1601—1683 гг. В них зафиксировано 1468 книг, 638 из которых — печатные. Из печатных 598 — были отпечатаны в Московских типографиях, 40 — в друкарнях юго-западных и западных русских областей («львовская печать», «острожская», «литовская», «киевская» и др.). Особенно ярко процесс изменения структуры фондов заметен при рассмотрении его в динамике. В первой по-

ловине века процент печатных книг составлял 27%, во вторую половину века он вырос до 81,5%.

Столь высокий процент печатных книг в церковных собраниях второй половины XVII в. совершенно закономерен. Почти вся продукция русских печатных дворов второй половины XVI—XVII в. шла на комплектование церковных собраний.

Более сдержанными темпами шло изменение соотношения рукописных и печатных книг в монастырских книгохранилищах (табл. 2). В качестве примера были использованы 7 описей монастырских библиотек второй половины XVI в. (с 1551 г. по 1599) и 8 библиотек XVII в. (1601 по 1683 г.).

7 описей XVI в. охватили 1751 том, из которых только 40 было печатных. Это 2,3%. В 8 монастырских книгохранилищах XVII в. было зафиксировано 3144 книги, из которых 1189 — печатных (37,8%). Из печатных — 180 — западнорусской печати. Так же, как и в составе церковных библиотек, в монастырских собраниях

Таблица 2

Опись монастырских библиотек XVI—XVII вв.

Год	Местонахождение	Всего книг	В том числе печатных	% печатных	Из них московской печати	Из них западнорусской печати
1551	Никольский Корельский	49	—	—	—	—
1556	Антониев Сийский	68	—	—	—	—
1584	Спасо-Прилуцкий	40	—	—	—	—
1586	Николы Коряжемский	109	2	1,8%	2	—
1586	Псковско-Печерский	153	3	2%	3	—
1595	Ипатьевский Костромской	182	5	2,8%	5	—
1599	Иосифо-Волоколамский	1150	30	2,6%	27	3
XVI в.	по 7 монастырям	1751	40	2,3%	37	3
1601	Трифонов Успенский Вятский	148	28	18,9%	24	4
1605	Николы на Лятке, Новгород	75	2	2,7%	2	—
1614	Свияжский Богородицы	271	30	11,0%	23	7
1640	Макарьев Желтоводский	69	36	52,1%	33	3
1666	Спасо-Евфимев, Суздаль	301	84	27,9%	74	10
1676	Соловецкий	1478	530	37,8%	483	47
1680	Воскресенский Новоиерусалимский	513	366	71,4%	260	102+4 зап. евр.
1683	Павлообнорский	289	113	39,1%	106	7
XVII в.	по 8 монастырям	3144	1189	37,8%	1005	180+4

хорошо заметно нарастание количества печатных изданий на протяжении XVII в.

В первой половине XVII в. печатные книги составляли 17% от всего числа зафиксированных описями книг, во второй половине столетия этот процент возрос до 42,4%.

Наконец, надо остановиться на описях частных собраний (табл. 3). В список были включены 14 описей с 1578 по 1703 г. В таблице представлены разные категории владельцев — именитые люди Строгановы, царь Федор Алексеевич, патриарх Никон, справщик Печатного двора Епифаний Славинецкий, крестьянин Вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря и др.

Не будем останавливаться на исключительно высокой прослойке печатных книг в собрании именитых людей Строгановых, отмеченной описью 1578 г. Это уникальное явление, которое имеет свое объяснение [5].

В структуре частных библиотек XVII в. различных социальных кругов так же наблюдается общая тенденция. Если в первой половине столетия процент печатных книг достиг 36,3%, то во второй половине века он поднялся до 55,6%.

При всей неполноте и фрагментарности наших сведений, они все же, видимо, в какой-то степени отражают реальную картину изменения структуры библиотечных фондов на протяжении второй половины XVI—XVII в.

Для примера по XVI в. обратимся к сведениям, приведенным Н. Д. Чечулиным [6]. Из писцовых книг восьми указанных городов он извлек данные о книгах, находившихся в 34 церквах и 14 монастырях. Всего книг оказалось 1491. Из них печатных было только 33 (13 Евангелий, два Апостола, 16 Псалтирей и две Триоди). Причем зафиксированы они в тех городах, описи которых были составлены в конце XVI в. — Казань, Можайск и Тула. Исключение составляла опись г. Свияжска 1565 г., в которой значились два печатных Евангелия и одна печатная Псалтирь. В итоге получилось, что в 34 церквах и 14 монастырях к концу XVI в. печатные издания составляли только 2,2% от всего числа зафиксированных книг.

В качестве примера для второй половины XVII в. обратимся к писцовым книгам 1676—1683 гг. одного из самых больших торгово-промышленных центров на северо-востоке России — г. В. Устюга [7]. По всем церквам, количество которых, правда, не указано, зарегистрировано 700 книг 68 названий. Из них —

[5] *Н. Богданова.* Книжные богатства Строгановых в 1578 г. — Сб. в честь А. И. Малеина. ПГР, 1922, стр. 277—284.

[6] *Н. Д. Чечулин.* Несколько данных о книгах по городам Московского государства в XVI в. СПб., 1889 (Свияжск — 1565 г., Лаишев — 1568 г., Венев — 1571 г., Кашира и Коломна — 1578 г., Тула — 1588 г., Казань и Можайск — 1596 г.).

[7] *В. Боцяновский.* К истории просвещения в древней Руси XVII в. Книги в Устюге Великом. Библиограф. СПб., 1892, № 2, стр. 63—78. Устюг Великий. Материалы для истории города. XVII и XVIII вв. М., 1888.

Таблица 3

Описи частных библиотек конца XVI—XVII в.

Год	Владелец	Всего книг	В том числе печатных	% печатных	Из них московской печати	Из них печати не русской
1578	Строгановы	229	86	37,7%	86	
1608	М. И. Татищев	5	2	40%	1	1
1630	Патриарх Филарет Никитич	252	123	48,8%	112	11
1633	То же	158	8	5,1%	2	литовской — 5** греческой — 1
1639	Великий Князь Иван Михайлович	94	60	63,8%	55	литовской — 3 польской — 1 латинской — 1
1642	Царь Михаил Федорович	41	8	19,5%	7	литовской — 1
1646	Царевич Алексей Михайлович	15	4	26,6%	2	литовской — 2 *
1651	Тобольский архиепископ Герасим	110	49	44,5%	47	литовской — 1
1658	Патриарх Никон	1297	986	76,0%	255	литовской, киевской, греческой и др. — 731 из них: зап. русск. — 253
1663	Вологодский архиерейский дом	26	17	65,4%	17	—
1670	Царевич Алексей Алексеевич	174	140	80,4%	13	киевской — 1
1676	Митрополит Сарский и Подонский Павел	398	105	26,4%	33	киевской, латинской* острожской — 72 в т. ч. зап. русск.— 45
1677	Епифаний Славинецкий	64	13	20,3%	9	киевской — 4
1682	Царь Федор Алексеевич	127	44	34,6%	25	украинских изданий — 4, западных — 15
1703	Крестьянин Вологодского Спасоприлуцкого монастыря	2	2	100%	1	киевской — 1
		2763	1435	51,9%	579	856, в том числе западнорусской — 329

* Опись неполная; ** описи разные по составу.

600 были печатные, что составляет 85,7% от всего числа книг. Киевской и литовской печати из 600 было только 4 (0,6%). По-видимому, цифры, отражающие динамику роста удельного веса печатной продукции в составе церковных и монастырских библиотек второй половины XVI—XVII в. по разным районам России, совпадают. Если, для осторожности, округлить прове-

денные процентные показатели до десятков, то в таком виде их можно будет признать, с большой степенью вероятности, вполне объективными.

Изменения соотношения рукописных и печатных книг в библиотеках Московской Руси во второй половине XVI—XVII в. явилось результатом сложного взаимодействия различных факторов как субъективного, так и объективного характера. Среди них следует отметить широкое, организованное распространение продукции Московских печатных дворов, книжные контакты со странами Западной Европы и славянского мира, продолжающееся производство рукописных книг, специфику комплектования различных книжных собраний, изменения читательских вкусов, воздействие религиозной цензуры, соотношение цен на рукописные и печатные книги и т. д. и т. п.

Первое место в этом сложном и огромном по масштабам явлении занимала продукция Московских печатных дворов.

В настоящее время библиографам известны почти все издания с середины XVI в. до 1700 г. Более или менее точно можно реконструировать тиражи русских изданий до начала XVIII в. Результаты интенсивной работы Московских печатных дворов неизбежно должны были отразиться как на абсолютном росте численности томов в книжных собраниях, так и на увеличении числа печатных книг в их составе. Действительно, описи подтверждают это предположение. На протяжении XVI—XVIII вв. наблюдается абсолютный рост численного состава монастырских библиотек.

В Троице-Сергиевой лавре в конце XV в. находилось около 300 томов. По описи 1642 г. в монастыре числилось 748 единиц, в том числе 106 книг было роздано по другим обителям и 19 отослано в Москву [8].

В библиотеке Соловецкого монастыря в 1514 г. находилось 126 книг, в середине XVI в. — 268 книг, в 1676 г. — 1478 книг [9]. Рост собрания богатого Кирилло-Белозерского монастыря можно отразить следующими цифрами [10]: в конце XV в. — 211 книг; 1601 г. — 1065; 1621 г. — 1220; 1635 г. — 1328; 1664 г. — 1916.

Тот же процесс прослеживается на материалах описей церковных библиотек XVII в. Так, например, в Московском Успенском соборе в Кремле в 1621 г. было учтено 107 книг. Опись 1627 г. с дополнением 1638 г. показала уже 127 томов. На 23 июня 1701 г. в соборе зафиксировано 172 книги [11].

[8] *А. В. Горский.* Историческое описание Свято-троицкие Сергиевы Лавры. ЧОИДР, 1878, кн. 4, стр. 166.

[9] *В. Е. Васильченко.* Очерк истории библиотечного дела в России XI—XVIII вв. М., 1948, стр. 62.

[10] *Н. Н. Зарубин.* Очерки по истории библиотечного дела в древней Руси. Сборник Р. П. Б., т. II. Материалы и исследования, вып. 1. Пгр., 1924, стр. 193.

[11] Описи Московского Успенского собора от начала XVII в. по 1701 г. включительно. Рус. ист. биб., т. III. СПб., 1876, № 5, стб. 337—729.

Анализ материалов описей 63 книжных собраний мелких и крупных церквей с 1601 г. по 1683 г. позволяет утверждать, что на протяжении всего XVII в. шел, правда незначительный, процесс абсолютного роста церковных книжных собраний. Если в первой половине века на одну церковь в среднем приходилось по 21 книге, то во второй половине — по 25. Конечно, не следует утверждать, что данные величины носят универсальный характер для всех храмов Московской Руси, но как усредненные характеристики они вполне заслуживают доверия.

Большое значение в изменении структуры русских библиотек на протяжении XVII в. имели международные книжные контакты Московской Руси. Как уже отмечалось, в процессе работы над темой были проанализированы описи не менее 223 церковных, монастырских, частных и учрежденческих библиотек XVI—XVII вв. Из учтенных в них 16914 книг поступивших из-за рубежа было 3002 (18%). Более выразительными оказываются данные по векам:

XVI в. — 127 описей 4154 книги, из них иностранных не более 5 (т. е. около 0,12%);

XVII в. — 96 описей, всего книг 12760, из них поступивших из-за границы 2997 (23%) [12].

В разных типах библиотек процент зарубежных книг в XVII в. резко менялся. Наиболее высоким (50% и выше) он был в ведомственных библиотеках, в частных доходил до 40%, в монастырских падал до 12% и в церковных не поднимался выше 3%.

На основании данных описей русских библиотек XVII в. трудно точно сказать, как распределялись рукописные и печатные книги в составе книжного импорта. Светская литература составляла около одной четвертой части томов, тем или иным способом поступивших из-за рубежа. Церковная литература во всех ее жанрах (богослужебная, агиографическая, поучительная и др.), то есть три четверти книг, ввезенных из-за русских пределов (Украина, Белоруссия, Литва, Сербия, Болгария и другие православные страны) в своей подавляющей массе была выполнена типографским способом.

Только в середине века, в связи с реформами Никона, из древних греческих монастырей в Москву прибыла крупная партия рукописей. Литература из стран Западной Европы в основном состояла из печатных изданий светского содержания.

Отсюда, естественно, следует, что книжные контакты, достигшие в XVII в., особенно его второй половине, значительных размеров, существенно увеличивали процент печатных изданий в составе русских библиотек допетровского времени.

Большую роль в комплектовании библиотечных фондов играла религиозная цензура. В результате ее воздействия изыма-

[12] *Б. В. Сапунов.* Из истории международных книжных связей Московской Руси XVI—XVII веков. — «Книга», т. XXII. М., 1971, стр. 105—126.

лись из обращения не только отдельные книги, поступавшие из-за рубежа, но даже русские печатные издания. Так, в описи келейной казны патриарха Филарета Никитича есть такая приписка: «Устав большой, печатный в десть, отдан из келейной казны 10 мая 1633 г. в разряд князю Андрею Васильевичу Хилкову, и тот Устав государь патриарх приказал сжечь за то, что те книги печатаны без благословления, а справлял Троицкий клирошанин Логин, вор и бражник» [13]. Религиозная цензура в значительной степени определяла репертуар книг, поступавших из-за рубежа и создаваемых на территории России. Начиная с XVI в. свобода переписывания книг в монастырях была ограничена тем, что перед началом работы монах был обязан получить благословение игумена. Светская литература сознательно и планомерно изгонялась из монастырских библиотек. В 1644 г. в виде особого трактата в Кирилловой книге был опубликован список истинных и ложных книг [14].

Книги литовской и украинской печати часто принимались в Москве весьма настороженно, так как верхи русского духовенства опасались, что деятели украинской церкви впали в латинскую веру. Особенно остро воспринималось это в 20—30-х годах XVII в., когда в Москве еще были свежи воспоминания о польской интервенции. При Филарете московские ортадоксы считали, что черниговский архимандрит Кирилл пошатнулся в вере и склонился к латинству. В связи с этим последовал указ патриарха — книги литовской печати — «Учительское евангелие архимандрита Кирилла и иные книги его слогу собрать и сжечь. . . чтобы та ересь и смута в мире не была» [15].

Выполнять это распоряжение было поручено воеводам. Грамоты с соответствующими указаниями были разосланы по местам. В декабре 1627 г. верхотурский воевода князь Семен Гагарин получил окружную грамоту, в которой ему повелевалось собрать и сжечь напечатанное в Литве учительное Евангелие архимандрита Кирилла Ставровецкого и другие книги его же сочинения как исполненные учения еретического и строжайше запрещалось впредь покупать оные книги и ими пользоваться [16].

Во второй половине XVII в. в Устюге Великом у путивльского торгового человека Ивашки Кобылякова досмотрели и отняли книжку «Молитвенник» литовской печати Киевского Богоявленского монастыря на русском языке как не соответствующую догматике православия [17].

[13] РИБ, т. III. СПб., 1876, стлб. 902.
[14] *А. Пыпин.* Летопись занятий Археографической комиссии, вып. 1. СПб., 1861, стр. 50—55.
[15] Акты Московского государства, т. 1. СПб., 1890, № 201, стр. 224.
[16] *В. Шошенко.* Пермьская летопись. Пермь, 1882, стр. 276.
[17] Акты Московского государства, т. 1. СПб., № 297, стр. 311.

Известно большое количество фактов, когда книги украинской, польской и западноевропейской печати изымались на московском книжном рынке [18].

Но все же на протяжении всего XVII в. книги украинской, белорусской и литовской печати относительно широким потоком проникали из-за рубежа и достигали далеких северо-восточных окраин государства.

Однако отношение к ним всегда было несколько двойственное. С одной стороны, в Москве признавали высокую ученость украинского духовенства, а с другой — постоянно опасались проникновения через западнорусские книги католического влияния. Так, например, известно, что иноки Соловецкого монастыря в челобитной царю Алексею Михайловичу ссылались на «литовские» книги [19]. Даже сам патриарх всея Руси Иоаким, включивший Евангелие толковое Кирилла Транквиллиона в число книг, заподозренных в латинской ереси, читал это Евангелие в церкви на неделю православия в 1675 г.[20]

Анализ состава книжных фондов русских библиотек XVII в. показывает, что издания западнорусских (киевских, литовских, острожской, кутеинской, львовской и др.) православных типографий составляли значительную прослойку. Среди печатных изданий, находившихся в церковных библиотеках, книги западнорусских друкарен, правда, не превышали 6,3%, в монастырских хранилищах — уже около 20%, а в частных коллекциях достигали 50%.

Духовные и мирские власти постоянно принимали активные меры в целях обновления состава монастырских и церковных библиотек.

11 января 1653 г. по указу Никона, патриарха Московского и всея Руси, из 39 степенных монастырей было изъято 2672 книги «печатного дела исправления ради». В подавляющем большинстве это были книги старых изводов на харатье. Печатных среди них встречались единицы. Список этих книг, опубликованный В. Ундольским, чрезвычайно интересен [21].

В июне 1675 г. Печатного двора справщик монах Евфимий с ризничьим Иакинфом составил роспись книгам, взятым из Воскресенского монастыря и Иверского подворья. Всего была отобрана 551 книга, входившая ранее в собрание патриарха Никона. Печатных из них было 90 номеров, и только одна книга московской печати. Эти книги были закуплены в греческих монастырях по распоряжению патриарха Никона старцем Арсением Сухано-

[18] *В. Эйнгорн.* Книги Киевской и Львовской печати в Москве в третьей четверти XVII в. — «Книговедение», 1894, № 9—10, стр. 3—19.

[19] Материалы по истории раскола, т. III, стр. 166.

[20] *И. А. Шляпкин.* Св. Дмитрий Ростовский и его время. — Зап. ист.-фил. фак. Спбунг, т. XXIV, стр. 117—124.

[21] ЧОИДР, 1848, № 6, отд. 4, стр. 1—44.

вым. После изъятия некоторые из них были направлены в правильню (редакцию. — *Б. С.*) печатного двора [22].

Сохранилась грамота патриарха Иоакима от 4 декабря 1677 г., в которой глава русской церкви повелевал новгородскому митрополиту Корнилию отобрать по всем монастырям и церквам «старобытные» харатейные книги, не употребляемые при богослужении, а вместо них получить в Москве новые издания с печатного двора. Изъятые книги предписывалось по описи сдать в патриарший разряд Чудова монастыря архимандриту Павлу и боярину Тимофею Петровичу Савелову. Во исполнение этого распоряжения Михайловского Сковородского монастыря (под Новгородом) черный поп Пахомий составил роспись 5 харатейных книжек, которые были взяты из монастырской книгохранительницы. Вместе с тем Пахомий подал заявку на 6 книг, которые были нужны его обители [23].

В истории европейской печатной книги, ее взаимоотношений с книгой рукописной, большое место занимают вопросы их ценообразования и рыночной стоимости. В настоящее время общепризнано, что печатная книга на Западе явилась не только одной из предпосылок становления буржуазных отношений, но по своему характеру была типично буржуазной структурой. Массовое распространение продукции европейских типографий очень быстро и резко снизило цены на книги вообще и на печатные в частности.

Иное дело в России. Русская печатная книга появилась на свет как детище феодального государства, была призвана решать задачи его укрепления, консолидации огромной территории многонациональной страны вокруг Москвы. Книгопечатание входило в систему централизующих мероприятий правительства Ивана Грозного.

Вопрос цен на русском книжном рынке второй половины XVI—XVII в. имеет прямое отношение к проблеме взаимоотношений рукописной и печатной книги в допетровское время.

Существовали ли экономические факторы, которые способствовали укреплению позиций продукции печатных дворов, вытеснению рукописной книги книгой печатной?

У автора имеются сотни записей цен рукописных книг и печатных изданий XVI—XVII вв. Эти сведения собраны из монастырских приходо-расходных книг крупных монастырей [24], описей церковных и иных библиотек, из публикаций и, наконец, записей на книгах, которые приходилось встречать автору во время многочисленных экспедиций на Север. Эти материалы бесспорно говорят, что до середины XVII в. печатная книга стоила не дешевле

[22] ЧОИДР, 1847, № 5, отд. 11, стр. 1—20.

[23] Дополнение к Актам историческим, т. VII. СПб., 1859, стлб. 305—306.

[24] Фонды Антониева Сийского и Соловецкого монастырей находятся в собраниях ЛОИИ и ЦГАДА.

рукописной. При этом необходимо подчеркнуть, что государство в то время никоим образом не собиралось рассматривать Печатный двор как доходную статью.

Известно, что книги, вышедшие из Печатного двора, распространялись централизованным путем. Лицам, сопровождающим партии новых книг, давались особые царские грамоты. В одной из них от 29 декабря 1626 г. писали:

«. . . а за книги указан Г. Ц. и В. К. Михаил Федорович всея Руси и отец его святейший Филарет Никитич патриарх Московский и всея Руси имати деньги по той цене, во что те книги стали в печати без прибыли для просвещенья святых Божьих церквей и для своего государского многолетнего здоровья, чтоб теми книгами святые божьи церкви просвещались и имя бы божие славилось а за них государи бога молили» [25].

Имеются достаточно убедительные данные о том, что на свободном рынке печатные книги стоили почти вдвое дороже, чем их оценивали при выходе из типографии. Известны случаи, когда Московская типография в 1626 г. покупала для своих нужд собственные издания по цене вдвое выше того, что эти книги стоили первоначально [26].

Только с середины XVII в., то есть через 100 лет после основания первой типографии в Москве, современники начали ощущать экономическую выгоду типографского способа производства книг. Связано это было с тем, что примерно с этого времени друкарское дело по своим организационно-структурным характеристикам из ремесла переросло на мануфактурную стадию развития. На большом фактическом материале цен данный процесс хорошо прослеживается [27].

Не вдаваясь в подробности чрезвычайно интересной и сложной проблемы, можно установить следующее. С точки зрения государства, да, по-видимому, и широких кругов читателей, печатная книга как более ортодоксальная во всех отношениях имела явное преимущество перед книгой рукописной. Государство и церковь планомерно стремились в первую очередь заменить весь находившийся в обращении корпус богослужебных и религиозных четьих книг. Можно утверждать, что в данной сфере рукописная книга имела крайне мало шансов уцелеть. С середины XVII в. к политическим и религиозным мотивам добавился экономический фактор — более дешевая цена печатной продукции московских типографий. В области светской тематики растущие интересы читателей могли быть удовлетворены либо за счет рукописного производства книг, либо путем поступления печат-

[25] ЧОИДР, 1883, кн. 2.

[26] *А. А. Покровский.* Печатный московский двор в первой половине XVII в. — «Древности», Труды М. Арх. общ., т. 23, вып. 2. М., 1914, стр. 55—56.

[27] *Б. В. Сапунов.* К истории русской книги XVI в. — Труды Гос. Эрмитажа, т. III. Л., 1959, стр. 5—15.

ных изданий из-за рубежа. Отдельные издания светского характера в Москве («Уложение» 1649 г. и др.) не меняли общей картины.

Итак, на протяжении XVII столетия наблюдается интенсивное вытеснение из обращения рукописных книг печатными изданиями. Это был исторически закономерный процесс, отражавший глубокие перемены в развитии русской культуры. Достаточно очевидно, что изменение структуры книжных фондов библиотек Московской Руси, особенно во второй половине XVII в., имело прогрессивное значение.

Однако было бы неверно замечать только одну сторону рассматриваемых событий.

Если оценить итоги изучения описей русских библиотек допетровского времени с позиций историка культуры, то придется сделать другой, весьма пессимистический вывод. Вытеснение рукописной книги, особенно старых изводов, было связано с переменой читательских вкусов, обновлением состава книжных фондов, что неизбежно влекло за собой огромные утраты рукописного наследия древней Руси.

Приведенные случаи изъятия «старобытных» книг на «телятине» с передачей их для дальнейшего использования были скорее счастливым исключением, чем правилом. В описях часто встречаются фразы — «книги харатейные», «ветхи», «из переплетов сошли». Составители описей, строго учитывавшие государственное имущество, не всегда были в состоянии даже дать этим книгам правильные названия. Много раз фигурируют определения — «связка». Из описей видно, что «старобытные» книги как морально и физически устаревшие не имели уже материальной ценности и не волновали составителей описей. В связи с этим дальнейшая их судьба была предопределена однозначно. Из «книгохранительной палаты» их переносили куда-нибудь подальше — в монастырскую башню, какой-нибудь чулан под колокольней, где они постепенно приходили в полную негодность. О том, как это совершалось в XVIII в., имеется немало показаний очевидцев [28]. Можно только сожалеть о том, какие огромные культурные ценности погибли безвозвратно.

[28] *Н. Барсуков.* Жизнь и труды П. М. Строева. СПб., 1878, стр. 33. *А. С. Архангельский.* Введение в историю русской литературы, т. I. Пгр., 1916, стр. 177.

Сосуществование печатных и рукописных материалов в процессе развития науки

А. И. Маркушевич

Расцвет рукописного дела к началу книгопечатания

Оценивая значение книгопечатания для истории науки, Джордж Сартон отметил, что «изобретение книгопечатания реализовало два замечательных усовершенствования: оказало помощь распространению знаний тем, что сделало возможным дешево производить множество книг и оказало помощь самим ученым тем, что способствовало стандартизации текстов» [1]. Мы выбрали это высказывание знаменитого историка науки потому, что оно является довольно типичным для целого ряда оценок, авторы которых, отдавая должное великому изобретению Гутенберга, фактически зачеркивают роль почти трехвекового периода, предшествовавшего появлению книгопечатного искусства, периода, на протяжении которого производство рукописей значительно продвинулось по пути названных усовершенствований: изготовления множества сравнительно дешевых книг и стандартизации их текстов. Существенно, что на этот «предпечатный» период падает становление и формирование контингентов основных потребителей книги, производителей книжных материалов, наконец, переписчиков книги, которые, многократно расширив географию старинных монастырей, стали группироваться вокруг вновь возникших университетов. Вот список важнейших из них, распределенных по времени их учреждения. Основаны до XIII в. в городах: Салерно, Пиза, Болонья, Монпелье, Коимбра, Орлеан, Париж; в XIII в.: Неаполь, Сиенна, Флоренция, Ареццо, Падуя, Виченца, Павия, Тулуза, Саламанка, Валенсия, Севилья, Лиссабон, Кембридж, Оксфорд; в XIV в.: Рим, Перуза, Феррара, Гренобль, Авиньон, Лерида, Вальядолид, Кельн, Гейдельберг, Эрфурт, Прага, Краков, Вена, Будапешт и т. д.[2]

Впрочем, рядом с университетской читающей публикой в городах росли и другие кадры читателей: врачи, юристы, инженеры, художники. Именно они в массе своей скоро будут довольствоваться печатной книгой и в какой-то мере определять спрос на

[1] *G. Sarton.* Six Wings. Men of Science in the Renaissance. Indiana University Press. Bloomington, 1960, p. 117.

[2] Мы воспользовались здесь специальной картой, приложенной к Enc. de la Pléiade. Histoire de la science sous la direction Mauris Daumas. Paris, 1957, p. 32—33.

раннюю печатную книгу. Но и среди них найдется немало людей, найдется немало автодидактов, таких, как Леонардо да Винчи или Никола Тарталья, для которых тематика печатной книги окажется недостаточной: им придется обращаться к старым рукописям.

Что касается производства рукописных книг, то уже с начала XII в. постепенно распространяется, совершенствуется и дешевеет производство бумаги. Некоторые университеты, например, Парижский, находят выгодным заводить свои бумажные мельницы. Большие ресурсы бумажного сырья, сравнительная дешевизна бумаги создают условия для значительного роста числа рукописей и их удешевления. Этому же способствует рациональная организация труда в университетских скрипториях, позволяющая нескольким десяткам переписчиков одновременно работать над одной и той же рукописью. Речь идет о ставшей к настоящему времени достаточно известной системе так называемых pecia (тетрадей), на которые разделялась стандартная, проверенная и утвержденная специальной ученой комиссией рукопись переписываемого труда. Потребитель платил каждый раз по установленной таксе за пользование одной тетрадью, переписав которую (сам, или при помощи профессионального писца) возвращал ее и брал следующую. Очевидно, что такая система служила не только целям ускорения и удешевления переписки и, следовательно, удешевления самой рукописи, но и, в высокой степени, способствовала стандартизации текста, как в отношении его редакции, так и расположения по листам. Конечно, университетские скриптории не были монополистами по переписке рукописей. Помимо монастырских скрипториев существовали еще и частные ателье, специализировавшиеся, например, на изготовлении молитвенников и других рукописей широкого спроса. Что дело в них могло быть поставлено на широкую ногу, об этом свидетельствует пример частного заказа руководителю ателье, относящегося к 1437 г. Заказчик поручает изготовить для него 200 экз. текста семи итальянских псалмов, 200 экз. двустиший Катона во фламандском переводе и 400 маленьких молитвенников. Все это предназначалось, по-видимому, для продажи студентам факультетов свободных искусств [3].

Наконец, отряд переписчиков мог за короткое время составить по заказу целую библиотеку. Так, по поручению Козимо Медичи (1389—1464) итальянский библиофил и книготорговец Веспассиано да Бистиччи (1421—1498) подобрал 45 переписчиков, которые за 22 месяца красиво переписали и богато украсили 200 различных книг, по заранее предложенному списку [4]. Собира-

[3] *L. Febvre* et *Henri-Jean Martin*. L'apparition du Livre. Introduction (par M. Thomas), p. 35—36.

[4] *Я. Бурхардт*. Культура Италии в эпоху Возрождения, т. 1. СПб., 1905, стр. 234.

тели печатных книг, всегда остро ощущающие свою зависимость от наличия книг на книжном рынке, могли впоследствии не раз вздыхать о возможностях, которые некогда предоставляли хорошо организованные переписчики.

Мы напоминаем обо всех этих известных вещах, чтобы подчеркнуть, что рукописное воспроизведение книг ко времени появления книгопечатания уже имело серьезные достижения как в изготовлении дешевых книг в большом числе, так и в обеспечении стандартизации их текстов. Поэтому книгопечатанию предстояло приступать к решению этих важных проблем не на пустом месте, но внести свой новый существенный вклад, который не зачеркивал того, что уже было сделано, и не отменял начисто ставшего традиционным переписывания.

Печатная книга теснит рукописную, но полностью ее не заменяет

Перед книгопечатниками первых десятилетий XV в. расстилалась обетованная страна рукописных сокровищ, накопленных преимущественно за последние столетия. Здесь были труды греческих и римских классиков, работы арабских ученых, труды переводческой, комментаторской и самостоятельной творческой деятельности эрудитов и мыслителей средневековья, наконец, новые только начинающие жить произведения современников. В эту благодатную пору почти полностью отсутствовала расходная статья на оплату авторского гонорара. Можно, однако, сказать с уверенностью, что каждый из печатников в отдельности имел непосредственный доступ лишь к незначительной части всех этих богатств и никто из них не располагал описанием всей их совокупности (вспомним, что «Bibliotheca universalis» К. Геснера, включавшая 15000 книг и рукописей 3000 различных авторов на латинском, греческом и еврейском языках и, конечно, весьма далекая от полноты, вышла в свет только в 1545 г.). Выбор рукописи для издания зависел во многом от случайности и, при прочих равных условиях, определялся наличием определенного заказа или устойчивого спроса, который далеко не всегда диктовался людьми науки. Впрочем, среди самих издателей XV в. уже были люди с явно выраженной научной направленностью. Яркий пример этого — Эрхард Ратдольт, издавший на протяжении 20 лет целую библиотеку книг, преимущественно астрономического и математического содержания: «Календарь Региомонтануса» (1476, 1478, 1483, 1485), «Элементы» Евклида (1482), «Сферу» Сакробоско (1482, 1485), «Введение в астрономию» Альхабиция (1482, 1485), «Космографию» Мелы (1482), Альфонсовы «Астрономические таблицы» (1482, 1483), «Четверокнижие» Птоломея (1484), «Арифметику» Пьетро Борго (1484), «Астрономию» Гигина (1485), «О секретах природы» Михаила Скотта (без даты), «Астрономи-

ческий нектар» (1488, 1495), «Введение в астрономию» (1489) и «О великих соединениях» (1489) Альбумасара, «Арифметику» Боэция (1488), «Астролябию» Иоганна Энгеля (1488) [5].

И все же немало весьма значительных сочинений не находили издателей, оставаясь в рукописи на протяжении многих десятилетий. С большим запозданием печатались труды классиков греческой науки. «Конические сечения» Аполлония вышли из печати в 1537 г., причем в составе одних лишь первых четырех книг, наиболее элементарных. Но как это ни парадоксально звучит, подобное издание древней рукописи было и тогда еще опережающим эпоху. Уже в XVII в. Кеплер задавал риторический вопрос: «Много ли найдется математиков, которые взяли на себя труд полностью прочесть Аполлония?» [6] Впрочем сам Кеплер, впервые открывший значение конических сечений (эллипсов) в астрономии, не дожил до выхода в свет полного издания сочинения Аполлония. Следующие три книги «Конических сечений» (V, VI и VII дошли до нас только в арабском переводе Сабита ибн Корры, VIII книга вообще не сохранилась) впервые были опубликованы в латинском переводе в 1631 г. Сочинения Архимеда в неполном составе, по старинному латинскому переводу Вильгельма из Мербеке (вторая половина XIII в.) были изданы впервые Н. Тартальей в 1543 г.; в следующем, 1544 г. появился и греческий текст вместе с новым латинским переводом Венаториса. Вот почему, например, Леонардо да Винчи, в заметках которого неоднократно упоминается Архимед, мог знакомиться с ним только в рукописи. Но Леонардо не знал греческого и не имел твердых навыков в латыни. Отсюда вопрос, поставленный Мартином Джонсоном, одним из современных нам историков науки: «Зачем Леонардо стал бы искать научные рукописи Архимеда и как бы он их нашел» [7]. Назовем еще первое латинское издание трудов Диофанта (1575). Издание его произведений на греческом языке осуществил впервые в 1621 г. Баше де Мезириак в Париже. На полях одного из экземпляров последнего издания Пьер Ферма делал свои знаменитые заметки. Именно с этого экземпляра было выполнено Тулузское издание Диофанта (1670); с воспроизведением заметок Ферма — любопытный продукт взаимодействия книги и рукописи.

Конечно, то обстоятельство, что произведения Архимеда, Аполлония, Диофанта, составлявшие, так сказать, высшую математику античной науки (первые подходы к проблемам и методам математического анализа, аналитической геометрии и теории чисел), начали печататься лишь на исходе первого века книго-

[5] *J. L. Thornton* and *R. I. J. Tully.* Scientific Books. London, 1971, p. 357—358.
[6] Из предисловия к «Новой астрономии»; цит. по: *A. Koyré.* La révolution astronomique. Paris, 1961, p. 166.
[7] Léonardo de Vinci et l'expérience scientifique au XVI siècle. Paris, 1953, p. 23—29.

печатания, отнюдь не случайно. Рукописями этих произведений библиотеки больших монастырей и университетов, отдельные ученые обладали задолго до того. Но чтобы издатель рискнул предпринять большой и дорогостоящий труд по их публикации (существенную часть расходов, иногда больше половины, составляла стоимость бумаги) [8], необходимо было, чтобы он мог рассчитывать на соответствующее количество заинтересованных читателей, хотя бы человек на 300, если иметь в виду ограниченность тиража в то время. Но столь обширной группы высоко компетентных ученых (математиков) ни в XV в., ни в начале XVI в. еще не существовало, хотя с годами и росло, и притом все быстрее, число людей, способных подняться до понимания предельных достижений науки. Сходные причины действовали и в отношении ряда произведений средневековых авторов, а также произведений современников, причем именно наиболее оригинальных и глубоких трудов. Заимствуя примеры неизданных или изданных лишь частично средневековых трудов главным образом у Кромби [9], назовем здесь: рукописи Н. Орема «Книгу о небе» (1377), обсуждавшую возможность суточного вращения Земли, «Алгоритм пропорций» (ок. 1350), где по сути дела было разработано понятие степени с любым показателем, «О конфигурации качеств» (до 1371), содержащую прообразы идей функциональной зависимости и ее графического изображения; «Письмо о магните» Пьера де Марикура (1269), предшественника Вильяма Гильберта, которого сам Гильберт знал и цитировал; «Книгу абака» Леонарда Пизанского (1202—1228), излагающую с большей полнотой и глубиной арифметику и алгебру линейных и квадратных уравнений; книгу «О радуге» Дитриха из Фрейберга (ум. в 1292), построившего на экспериментальной основе теорию радуги, и др. Подобную судьбу разделяли и многие рукописи современников книгопечатного искусства. Так, первое в Европе систематическое руководство по тригонометрии Региомонтана вышло из печати в 1537 г. — более чем через 60 лет после смерти этого выдающегося ученого, бывшего также и издателем книг и календарей, а «Наука о числах в трех частях» Николая Шюке (1484), представлявшая наиболее оригинальный и содержательный вклад европейской науки того времени в арифметику и алгебру, оставалась не напечатанной до 80-х годов прошлого века. Своеобразный пример крупного ученого XVI в., которому явно не везло с печатанием его произведений, представляет Франческо Мауролико (1494—1575), математик, механик, оптик и историк. Его парафразы к Архимеду хотя и были напечатаны в 1594 г. в Мессине, но тираж погиб при кораблекрушении и книга была вновь напечатана только в 1681 г.; его перевод Аполлония вышел

[8] *L. Febvre* et *H. J. Martin*. L'apparition du livre. Paris, 1971, p. 170 et suiv.
[9] *A. C. Crombie*. Histoire des sciences de Saint Augustin a Galilée (400—1650). Paris, 1959, p. 312.

в свет в 1654 г.; наконец, его оригинальный труд по оптике, в котором он во многом предвосхищает Кеплера, появился только в 1611 г., через 7 лет после публикации труда Кеплера [10]. Не следует, наконец, забывать о том, что раньше, чем был напечатан великий труд Николая Коперника «О вращении небесных сфер», его содержание в течение длительного времени распространялось в рукописи и что автор только под давлением друзей и учеников согласился на печатание. Как ни разнохарактерны приведенные факты, все они свидетельствуют о том, что одна только печатная продукция, без учета рукописной, ни в XV в., ни в последующие столетия не могла отобразить фактического достижения научной мысли ни по содержанию, ни по уровню. При этом выводе мы опирались только на рассмотрение таких трудов, которые их авторы отрывали от себя, предназначив для самостоятельного обращения среди читателей. Вот почему огромная рукописная продукция Леонардо да Винчи, гениальный автор которой предпринимал немало предосторожностей, чтобы ее не могли воспринимать другие, остается здесь вне нашего рассмотрения. Напомним только, что «Трактат о живописи» Леонардо, в основу которого было положено собрание 944 извлечений из его заметок, вышел впервые в свет в Париже в 1651 г., т. е. через два века после рождения Леонардо.

Неудивительно поэтому, что рукописные части книжных собраний, не только в библиотеках крупнейших монастырей, университетов, но и отдельных ученых, долгое время сохраняли свое значение, несмотря на все успехи книгопечатания. Й. О. Флекенштейн в статье «Петр Рамус и базельский гуманизм» [11] указывает, что книжные сокровища Базеля, которыми пользовались знаменитые базельские издатели XVI в. и университетские профессора, хранились преимущественно в старинных монастырях, секуляризированных во второй половине XVI в. Среди них рукописные тексты арабских переводов, произведений греческих математиков, труды средневековых ученых Орема, Брадвардина, Кампануса, в частности, уже упоминавшийся выше трактат Орема о конфигурации качеств (автор называет еще 3 известных ему экземпляра — рукописи того же сочинения, находящиеся в Национальной библиотеке в Париже и во Флоренции) и «О радуге» Дитриха из Фриберга (называются также экземпляры, хранящиеся в Риме и в Лейпциге).

Замечательное свидетельство о случае перевеса числа рукописей над числом печатных научных книг в научной библиотеке второй половины XVI в. принадлежит английскому математику, алхимику и астрологу Джону Ди (John Dee, 1527—1608): он утверждал, что из 4000 книг его библиотеки на долю печатных

[10] «Histoire générale de sciences», publiée sous la direction de René Taton, t. II. Paris, 1958, p. 41.
[11] «La science au seizième siècle». Hermann, 1960, p. 117, suiv.

произведений приходилось только 1000 [12]. К этому нужно добавить, что среди этих рукописей имелись работы средневековых математиков и физиков: Гроссетеста, Рожера Бэкона, Пэкхама, Брадвардина, Ричарда Валлингфорда [13].

Из более поздней поры отметим еще огромную научную библиотеку английского натуралиста и медика Ганса Слоана (1660—1753), насчитывавшую, помимо 40—50 тысяч печатных томов, еще собрание гравюр, рисунков и картин и до 4000 рукописей [14].

Алфавит и язык

Среди всех книг, напечатанных до 1500 г., латинские составляли около 77% от общего числа (здесь и ниже мы черпаем основные фактические данные из уже цитированного сочинения [15].) Печатники быстро освоили латинские шрифты (готический и антикву). Гораздо труднее им давались шрифты других языков, на которых издавна писались научные произведения: греческий, арабский, еврейский. Поэтому на протяжении первых десятилетий книгопечатания переписчики греческих, арабских и еврейских рукописей оставались вне конкуренции. В отношении греческого языка основную трудность для типографов составляли многочисленные надстрочные знаки, обозначавшие ударения и придыхания, долготу и краткость. Пока речь шла о цитатах, можно было оставлять пробелы в печатном тексте, вписывая греческие предложения от руки. Потом стали составлять алфавит из латинских букв, которые можно было уподобить соответствующим греческим, и некоторых греческих. Первые книги, целиком напечатанные по-гречески, появляются в середине 70-х годов XV в. в Италии. Лишь со второго десятилетия XVI в. книги греческой печати начинают выходить и в других странах Европы (прежде всего во Франции и Германии). Однако по своему научному весу и значению, широте и тематике они не могли сравняться с греческими рукописями, во множестве поступившими в Европу после падения Византии (29 мая 1453 г.). Их захватывали с собой греки, переселившиеся в Италию, купцы из иностранцев, справедливо ожидавшие, что за рукописи они получат хорошую цену. По утверждению Н. П. Киселева, эти рукописи перекочевали еще в XV в. с Востока на Запад и составляют ныне ядро значительнейших рукописных собраний Европы: в Париже (более 4800), Ватикане (около 4000), в Венеции (около 1200), во Флоренции (около 1200), в Лондоне (760) и в других местах [16].

[12] Thornton and Tylly, Sc. Books, p. 340.
[13] *A. C. Crombie.* Op. cit., p. 313.
[14] Thornton and Tylly, Sc. Books, p. 345—346.
[15] *L. Febvre* et *H.-J. Martin.* Op. cit., p. 351, suiv.
[16] *Н. П. Киселев.* Книги греческой печати в собрании Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. — «Книга», сб. XXVI. М., 1973, стр. 126.

В середине 70-х годов XV в. в Италии и Испании выходят из печати и первые книги на еврейском языке, а во втором десятилетии XVI в. еврейские книги выходят во Франции, Германии, Швейцарии, Чехии и других странах Европы. Первая печатная книга на арабском языке «Vocabulista aravigo en letra castellana» была, как это и выражает заглавие книги, напечатана латинским шрифтом в 1505 г. в Гренаде. Полностью набранные арабским шрифтом книги выходят в 1514 (Фано) и в 1516 (Генуя) гг. Но и эти книги и следовавшие за ними были посвящены почти до конца XVI в. преимущественно пропаганде и распространению христианской религии среди мусульман и, следовательно, не представляли интереса для тех, кто занимался естествознанием и математикой. Поэтому арабские (как и другие восточные) научные рукописи еще долго не находили себе соперников со стороны печатной книги. Лишь в последние десятилетия XVI в. типография Медичи в Риме издала такие научные труды, как «Канон врачебной науки» Авиценны (1593) и «Элементы» Евклида в переводе Насреддина Туси (1594). Неудивительно, что просвещенные европейцы не упускали случаев приобретения подобных рукописей в Турции, в городах которой переписчики книги, торговцы и книжные разносчики были весьма многочисленны [17]. Рукописи приобретались по поручению Жан.-Огюста де Ту (1553—1617) и Ришелье (1585—1643). При Кольбере (1619—1683) французские послы в Константинополе, с помощью ориенталиста Галлана, первого европейского переводчика сказок тысячи и одной ночи, и миссионеров-иезуитов вывезли во Францию свыше 2500 рукописей, не считая греческих, армянских, еврейских. От французов не отставали и англичане. Султан Ахмед III (1703—1730), желая воспрепятствовать утечке рукописей в Европу, издал специальный указ, который, впрочем, не достиг цели. С другой стороны, известны лишь немногие случаи, когда научные книги, отпечатанные в Европе на арабском языке, попадали в Турцию. Так, упомянутое выше издание «Начал» (Рим, 1594) было даже снабжено фирманом Мурада III (правил в 1574—1595 гг.), разрешающим продажу книги в Турции. Галлан упоминает, что он видел в книжной лавке в Стамбуле печатное издание Авиценны (очевидно, римское издание 1593 г.), которое оставалось долгое время непроданным, тогда как рукописные экземпляры того же сочинения шли по весьма дорогой цене.

Мы отмечали, что очевидные трудности освоения печати на языках с большими научными традициями способствовали продлению времени активного обращения рукописей на этих языках. Менее значительной и, во всяком случае, не столь очевидной являлась роль, которую брали на себя рукописи, ставившие целью быстрее довести до ученого читателя содержание печатной книги,

[17] Здесь и далее мы пользуемся книгой: *А. Х. Рафиков.* Очерки истории книгопечатания в Турции. Л., 1973.

опубликованной на живом, но незнакомом ему языке. Хорошо известно, что уже в XV в. — и чем дальше, тем больше — начинают складываться научные литературы на живых языках — итальянском, французском, немецком и др. и, сначала медленно, а затем все быстрее — теснить позиции латинского языка как языка международной науки. Значение этого высокопрогрессивного явления достаточно выпукло раскрывается самими авторами книг, желавшими говорить о науке с соотечественниками. Так, Лука Пачоли в посвящении к своей математической энциклопедии «Совокупность арифметики, геометрии, отношений и пропорциональности», изданной на итальянском языке в 1494 г., пишет, что он «все же решил написать свое сочинение на родном языке, чтобы как образованные, так и необразованные могли получить удовольствие заниматься этим в равной мере». Другую грань явления раскрывает Декарт в предисловии к «Рассуждению о методе», к первому французскому изданию которого (1637) были приложены не только диоптрика и метеорология (эти приложения сохранялись и в последующих изданиях), но и его геометрия (аналитическая): «Если я пишу по-французски, на языке моей родины, предпочитая его латыни, языку моих наставников, то это по той причине, что я надеюсь, что те, кто пользуется только своим совершенно ясным умом, будут судить о моих идеях лучше, чем те, кто верит только книгам древних. . .»

Впрочем, привычка к стандартным оборотам и терминам, выработанным в математических сочинениях на латинском языке, была настолько велика, что Галилей публикует свои «Разговоры и доказательства» как двуязычный труд: диалог развертывается на великолепном живом итальянском языке (набор курсивом), математические формулировки и доказательства — на латинском языке (прямым шрифтом, кроме формулировок теорем, которые набраны курсивом). Подобное же двуязычие столетием позже обнаруживается в переписке Эйлера с Гольбахом; только здесь с латинским сочетается разговорный немецкий язык [18].

Одним из естественных следствий того, что латинский язык постепенно терял свою монополию в отношении научных произведений, было увеличение числа случаев, когда ученый не мог непосредственно читать научный труд, в котором был заинтересован, так как он не знал языка, на котором труд был написан. Так, немец Кеплер жаловался на трудности ознакомления с произведениями Галилея, написанными на итальянском языке. Впоследствии с аналогичной жалобой выступил и Лейбниц [19]. Чтобы ознакомить своих коллег — членов Парижской академии с крайне заинтересовавшим их трудом Ньютона «Оптика», впервые изданном в 1704 г. на английском языке, медик и фармацевт

[18] Correspondence mathématique et physique de quelques célèbres géomètres du XVIII-éme siècle, t. I. St.-Pétersbourg, 1843.

[19] *Л. Ольшки.* История научной литературы на новых языках, т. II, стр. 46.

Жоффруа (Etienne—François Geoffroy, 1672—1731) выполнил в рукописи сокращенный французский перевод. Чтение, начатое им 7 августа 1706 г., продолжалось с перерывами, пока не было закончено 1 июня 1707 г. Вероятно, автор опубликовал бы свою рукопись, если бы за это время до Франции не дошел латинский перевод Самюэля Кларка (Лондон, 1706), позволивший французским ученым изучать эту работу без дальнейшего посредничества. А сокращенный перевод Жоффруа так и остался в рукописи, выполнив свою роль. Бернар Коэн, передающий все эти подробности [20], подчеркивает, что французские академики-картезианцы и, следовательно, анти-ньютонианцы, собиравшиеся вместе, чтобы слушать перевод новой книги главу за главой, проявили, таким образом, к труду Ньютона гораздо большее внимание, чем его сочлены по Лондонскому Королевскому обществу.

Если в начале XVIII в. французские ученые еще могли считать приемлемым для себя ознакомление с иноязычным научным трудом посредством перевода, специально выполненного для этой цели одним из их коллег, то уже через несколько десятилетий такой образ действий выглядел бы несколько анахронистично. Дорту де Мэран (1678—1771), бывший одно время непременным секретарем Академии, пишет в 1737 г. своему другу и земляку, провинциальному ученому, хлопочущему об организации Академии в их родном городе: «Вы очень хорошо сделали, что выучили английский, принимая во внимание обилие книг на этом языке. Я тоже взял несколько уроков английского языка, но весьма неприятно в преклонном возрасте листать словарь. Тем не менее я могу пользоваться книгами по физике и математике» [21]. В библиотеке Мэрана, физика, математика и астронома, весьма разнообразной по составу, латинские книги, в общем, представляют все еще значительную часть: 38%. Однако из 1300 его латинских книг большинство (около 900) издано в XVI и XVII вв. Среди же книг, изданных в XVIII в., на долю латинских в библиотеке Мэрана приходится только 22%; остальные почти все французские (только 60 итальянских, около 20 английских и 1 — испанская книга). Важно заметить, что среди французских книг немало переводных. По этому поводу автор используемой нами работы Д. Рош справедливо замечает, что «постепенно эпоха переводчиков приходит на смену латинистов, и библиотека Мэрана показывает нам самое начало этого процесса» [22].

[20] *Mélanges Alexandre Koyré.* L'aventure de la science, t. I. Paris, 1964; *I. B. Cohen.* Isaak Newton, Hans Sloane and the académie royal des sciences, p. 61, suiv.

[21] *Д. Рош.* Ученый и его библиотека в XVIII в. — «Век просвещения». Москва—Париж, 1970, стр. 134.

[22] Там же, стр. 135.

«Если простят — возрадуюсь, если прогневятся — вынесу: жребий брошен, я пишу мою книгу. Безразлично, будет прочтена она теперь или ее прочтет потомство; она может ждать сто лет своего читателя, ибо господь шесть тысяч лет ждал наблюдателя». Так «наблюдатель» законов космоса Кеплер писал в предисловии к своей «Гармонии мира в пяти книгах» [23]. Такая гордая и независимая позиция была, конечно, отнюдь не типична для ученых того времени. По мере того, как число ученых и, выражаясь более точно, число людей, заинтересованных в успехах науки и следящих за развитием ее, возрастало, в разных странах и наука все более ощущалась как дело, успех которого определялся усилиями многих людей, все чаще и острее испытывалась потребность быстрее заявлять о своих открытиях, получать отклики на них, давать разъяснения и оспаривать возражения. Для этой цели фундаментальные монографии и трактаты, печатные или рукописные, были мало пригодны. Поэтому рядом с ними развивались и выступали разнообразные малые формы текущей научной информации в виде брошюр, листовок, плакатов и афиш. Впрочем, эти малые формы вовсе не были вызваны к жизни именно научными потребностями. «Афиша и печатный плакат, — говорит Анри Мартен в цитированном нами «Появлении книги», — являются, как известно, быть может, более ранними, чем печатная книга; среди них многие сообщают сведения, относящиеся к злобе дня...» [24] И далее он напоминает о значительной роли, которую бесчисленные летучие листы («Flugschriften») сыграли во время Реформации.

Непосредственным поводом для того, чтобы пускать в ход всю эту легкую кавалерию под знаменем науки, чаще всего служили научные соревнования и диспуты. Одним из наиболее ранних по времени было знаменитое соревнование в решении кубических уравнений, развертывавшееся в Италии к концу первой половины XVI в. Никола Тарталья — выдающийся математик-самоучка, зарабатывавший на жизнь уроками и консультациями, которые он давал купцам, артиллеристам, архитекторам и инженерам, издал в 1546 г. на свои средства в Венеции своеобразнейшую книгу — «Разные вопросы и изобретения», построенную в виде извлечений из дневников и писем, фиксировавших постановки предлагавшихся автору разными лицами вопросов и их решение. В последней части книги он рассказывает о том, как его еще в 1535 г. вызывал на математический турнир некий Дель Ферро, предложивший ему 30 задач на кубические уравнения, считавшиеся еще в начале века неразрешимыми, и как Тарталья с большим напряжением сил нашел решение всех задач раньше

[23] См. *А. Koyré*. Op. cit., p. 452.
[24] *L. Febvre* et *H. J. Martin*. Op. cit., p. 404.

указанного срока и посрамил противника. Здесь же приводятся письма, в которых Кардано выпрашивал у Тартальи секрет решения, и ответные письма Тартальи, который сначала упорствовал, а затем сообщил путь решения в виде стихотворения, потребовавшего, однако, дополнительных разъяснений со стороны автора. Условие, поставленное Тартальей и клятвенно подтвержденное Кардано, состояло в том, чтобы Кардано нигде и ничего не печатал об узнанном от Тартальи. Сыр-бор загорелся из-за того, что Кардано нарушил обещание, включив в свое сочинение «Великое искусство, или об алгебраических правилах» (1545) решение кубического уравнения и найденное к тому времени его учеником Феррари — также решение уравнения четвертой степени. Естественно, что Тарталья в упомянутой выше книге, которая вышла годом позже, горько сетовал на вероломство Кардано, лишившего его права первой публикации (по первой публикации формула решения кубического уравнения и по сей день носит имя Кардано). После этого выступает на сцену Феррари, который на протяжении полутора лет (1547—1548) буквально засыпал Тарталью памфлетами-вызовами («Cartello»), печатавшимися в Милане брошюрами по 8—12 страниц (лишь одна, пятая по счету, достигла 56 страниц). В них — общим числом шесть — Феррари отыскивал ошибки у Тартальи и, обвиняя его в плагиате, в незнании латыни и греческого, отступлениях от аристотелевой механики, вызывал на научные состязания. Тарталья печатал свои возражения в Венеции и Брешии, не оставляя без ответа ни один из вызовов, отвергал обвинения, предлагая противнику решить математические задачи из другой области (построения с помощью одного циркуля), настаивал, чтобы Кардано перестал прятаться за своего ученика. Интересно отметить, что эта перестрелка печатными памфлетами (которые, по-видимому, широко распространились среди ученых) велась в очень быстром темпе. Например, первый вызов печатался в Милане 10/II—1547, а первое возражение — в Венеции уже 19/II—1547; последний вызов в Милане 14/VII—1548, соответствующее возражение — в Брешии 24/VII—1548. Как и всякий злободневный материал, брошюры эти плохо хранились. Когда в 1876 г. в Милане предпринималась перепечатка всех этих брошюр, каждой из них насчитывалось лишь по нескольку экземпляров, уцелевших в немногих библиотеках Италии [25].

Научные соревнования, проводившиеся в Италии XVI в. с большой пышностью, включая такие аксессуары, как герольды и знамена, позднее происходили и в странах более умеренного климата, где имели значительно более скромный и деловой характер. Непременным условием их была афиша, печатная или

[25] См. «I sei cortelli di matematica disfida. . . di Lodovico Ferrari coi sei controcartelli in risposta di Nicolò Tartaglia. . .» Milano, 1876.

рукописная, возвещавшая о проблемах, которые надлежало разрешить, и о соответствующем вознаграждении.

Перед одной из таких афиш на фламандском языке, расклеенной в 1619 г. на улицах Бреды, однажды остановился Декарт. Находившийся рядом голландский ученый Бекман с улыбкой перевел ему на латинский язык условие трудной математической задачи. Он не ожидал, конечно, что на другой же день молодой 23-летний француз принесет ему полное решение проблемы. Впоследствии Декарт часто участвовал в научных соревнованиях и конкурсах.

Афиша использовалась и для первого оповещения о сделанном открытии, и для ведения полемики. Блэз Паскаль использует простую афишу, напечатанную в весьма малом числе экземпляров, чтобы опубликовать в начале 1640 г. свои первые результаты по теории конических сечений, навеянные идеями Дезарга. Впрочем, афиша эта не только расклеивалась, но и рассылалась; так, 18/III 1640 г. Константин Гюйгенс извещал Декарта, что получил экземпляр для него [26]. Сам Дезарг опубликовал изложение важнейших результатов, предваряющих позднейшую проективную геометрию, в 1639 г. в виде 30-страничной брошюры, тиражом в 50 экз. Единственный дошедший до нас экземпляр ее был обнаружен в середине текущего столетия в Париже в Национальной библиотеке. Брошюры и афиши он использовал также для яростной полемики со строителями и архитекторами, работавшими по старинке и осуждавшими его новшества в перспективе, резке камней и гномонике. Так, только за 1642 г. он издает три афиши, о которых красноречиво говорят их начальные слова (сами афиши не дошли до нас): «Невероятная ошибка». . ., «Искажения и ложь огромные. . .», «Возражение против дел и средств оппозиции» и брошюру «Шесть ошибок на стр. 87, 118, 124, 128, 132 и 134 книги, названной «Практическая перспектива». Противники отвечают ему тем же оружием. Например, один из них, камнерез по профессии, Кюрабель, издает в 1644 г. афишу «Клеветнические измышления, содержащиеся в афише сьера Дезарга, лионезца, озаглавленной «Позор сьера Кюрабеля. . .»» Любопытно отметить, что большинство этих брошюр и афиш, как самого Дезарга, так и его противников, не дошли до нас ни в одном экземпляре. Отсюда можно заключить, что человек, доверивший свои мысли единственной рукописи, быть может, имел не меньше шансов передать эти мысли отдаленным потомкам, чем тот, кто облекал их в форму печатных изданий, самый внешний вид которых, независимо от их содержания, казалось, освобождал позднейших владельцев от заботы о сохранности этих маленьких, неряшливо отпечатанных тетрадок.

[26] L'oeuvre scientifique de Pascal. Paris, 1964, p. 20.

Научная переписка и журналы

«Научное письмо сравнительно поздно стало играть важную роль в научной литературе и время его процветания простирается от больших дискуссий на рубеже XVI и XVII в. до основания первых журналов и выхода регулярных академических отчетов» [27], — пишет Л. Ольшки. Именно в научной переписке вырабатывалась та сжатая целеустремленная и максимально насыщенная форма изложения, которая на долгое время определила особенности естественнонаучной или физико-математической статьи в научном журнале. И эта форма вряд ли могла почерпнуть что-либо новое и существенное в наследии эпистолярной литературы Возрождения, о котором упоминает Ольшки [28]. Гораздо большее значение для ее становления имела уже рассматриваемая нами выше практика использования для научных сообщений брошюр и, в особенности, афиш и плакатов. Необходимость изложить мысли и факты точно, ясно и последовательно на малой площади и в короткий срок (афиши и брошюры печатались типографами между делом), конечно, способствовали точности и ясности выражений [29].

Значение в развитии и организации научных исследований нового времени такого международного центра научной переписки, каким был М. Мерсенн (1588—1648), совмещавший в своем лице и академию, и научный журнал, слишком хорошо известно, чтобы на этом следовало бы здесь останавливаться. Во второй половине XVII в. Генрих Ольденбург (1615?—1677) в Англии, Христиан Гюйгенс (1629—1695) во Франции, Эренфрид фон Чирнгауз (1651—1708) в Германии выступают в качестве продолжателей дела Мерсенна в новых условиях, когда уже функционируют и научные журналы, и академии, и когда научная переписка, осуществляемая, как и при Мерсенне, путем изготовления и рассылки значительного числа копий таких писем ученых, которые непосредственно для печати не предназначались, все еще остается важным фактором научного прогресса.

Старейший научный журнал Европы «Газета ученых» («Journal de savants», первый номер вышел 5/I—1665 г.) сформирован по образу и подобию газет общего типа, которые появились еще в начале века (с 1605 г.). Газеты эти, уделяя основное внимание событиям придворной жизни, политическим, военным и коммерческим, время от времени сообщали также новости из мира науки и литературы. «Газета ученых», а вслед за ней и другие научные журналы избирают новости науки и литературы своей основной

[27] «История научной литературы на новых языках», т. II, стр. 198 (русское изд.).

[28] Там же, стр. 199.

[29] Ср. *Морис Дома.* Очерк истории научной жизни. Encyclopédie de la Pléiade, Histoire de la science. Paris, 1957, p. 75.

и единственной специальностью. Однако, как мы увидим, они далеко не сразу приобретают тот характер и облик, который большинство математических и естественно-научных журналов сохраняют в главных чертах последние 100—150 лет. Страницы «Газеты ученых» посвящаются преимущественно аннотациям и рецензиям на вновь выходящие книги. Все они даются анонимно; подразумевается, что их готовит редактор. Не даром в обращениях он называется «автором журнала». Библиографическая направленность первого научного журнала подчеркивается тем, что, например, содержание комплектов за 1669—1671 гг. и 1672—1674 гг. дается в виде «Каталога книг, о которых идет речь в журнале за такие-то годы». О тематике говорит, например, следующий перечень отделов (1672—1674), в последующие годы расширявшийся и уточнявшийся: теология, история, философия (подразумевается натуральная философия, т. е. физика), медицина, математика и астрономия, право, смесь (сюда входит и художественная литература). Начиная с 1675 г. библиографическая работа еще усиливается: в конце каждого года дается систематический указатель всех книг, вышедших из печати и во Франции, и за ее пределами, сведения о которых дошли до журнала. Относительно скромное место занимают научные сообщения о проведенных наблюдениях или опытах, новых инструментах и изобретениях, доказанных теоремах. Некоторые из этих сообщений средактированы как письма или извлечения из писем к «автору журнала». Рядом с научными сообщениями попадаются и сообщения о монстрах и чудесах — дань прочной газетной традиции. Все материалы «Газеты ученых» публикуются на французском языке.

«Газета ученых» послужила своего рода эталоном для других научных журналов. С 30 марта 1665 г. в Лондоне начинают выходить на английском языке «Философские известия» («Philosophical Transactions»), также раз в восемь дней и такими же небольшими тетрадками формата 4°. Многие материалы из «Философских известий» представляют переводы или переложения французских материалов; воспроизводятся также и таблицы рисунков. Впрочем, вскоре и французский журнал начинает использовать английские материалы. Первым немецким научным журналом является «Медико-физическая любопытная смесь» («Miscelanea curiosa Medico-Physica»), неоднократно менявшая места своего издания (1670 — Лейпциг, 1671 — Иена, 1698 — Нюрнберг). Этот издававшийся на латинском языке журнал хотя и уступал по научному уровню своим старшим братьям, на первых же порах продемонстрировал свое собственное лицо: он полностью отказался от библиографических материалов, предоставив свои страницы одним только «наблюдениям» («Observatio») из области медицины и естествознания.

Мы не ставим целью прослеживать здесь раннюю историю научных журналов. Упомянем только «Ученые деяния» («Acta

Eruditorum»), издававшиеся с 1682 г. в Лейпциге на латинском языке. По типу «Ученые деяния» близки к «Ученой газете» и, следовательно, к «Философским известиям». Цикл статей Лейбница, Иоганна и Якова Бернулли, печатавшихся с первого же года, определил высокое значение этого журнала в истории науки: именно здесь был последовательно разработан и развит тот алгоритм математического анализа, который обеспечил новому математическому методу повсеместное распространение, силу и гибкость. Отдавая должное первым научным журналам — этим своего рода инкунабулам, мы не можем не видеть архаические черты, которые они, в отличие от книг-инкунабулов, унаследовали не у рукописной, а у печатной традиции, а именно у газет. С этой точки зрения поучительно взять для сравнения издание, в котором уже явно выступают характерные черты научных журналов нового времени. В качестве примера приведем старейший русский научный журнал «Commentarii Academiae scientiaruem Imperialis Petropolitanae», Petropoli (начиная с 1728). Это периодическое издание, специально предназначенное для публикации научных статей, содержащих новые научные результаты вместе с развернутым их обоснованием. Все статьи разделены по классам: математика, физика, история, астрономия. На страницах журнала нет места ни для описаний необыкновенных происшествий, ни для рецензий книг самого разнообразного содержания и характера. Наконец, здесь и речи нет об «авторе журнала»: «Commentarii» являются органом Петербургской Академии наук (напомним, что при своем возникновении и на протяжении долгого времени ни «Газета ученых», ни «Философские известия» не являлись официально органами соответствующих академий). Правда, в одном отношении он представляет шаг назад по пути развития научной литературы, а именно, в отличие от «Газеты ученых» и «Философских известий», статьи печатаются здесь только на латинском языке. Известно, что руководители Академии предприняли попытку выпускать параллельное сокращенное издание на русском языке («Краткое описание Комментариев Академии наук», ч. 1. Спб, 1728). Однако оно не нашло достаточного числа заинтересованных читателей (хотя и было отпечатано всего в 232 экз.) и остановилось на первой части.

Что касается традиции научной переписки, о которой говорит Л. Ольшки, то она была журналами усвоена далеко не сразу. Понадобились многие десятилетия, прежде чем основная и часто наиболее ценная часть научной переписки, в которой автор вводил своих корреспондентов в самую сущность своих замыслов, высказывал гипотезы, спорил и нападал, стала в возрастающей мере перерабатываться в статью без определенного адресата и доверяться журналам, постепенно достигавшим необходимой степени зрелости. И все же сборники, содержащие научную переписку ученого, еще долгое время по своему объему, содержанию и научному весу продолжают включать в себя существенную часть

его научного наследства, без учета которой одни лишь монографии и статьи, опубликованные в научных журналах, могут дать лишь неполное и не совершенное представление о его реальном месте в истории науки.

*

Мы оставляем в стороне как предмет, требующий особого рассмотрения, обширный разряд рукописей научного содержания, связанный с педагогической деятельностью ученого, например, записи курсов университетских лекций. Известно, что во второй половине прошлого века К. Вейерштрас, которого Ш. Эрмит называл учителем всех современных ему математиков, упорно не давал согласия на публикацию своих весьма оригинальных и хорошо продуманных курсов лекций. Испытывая, таким образом, «принципиальное отвращение к типографской краске»[30], он противился также и литографскому их воспроизведению, разрешая только переписывание от руки. Можно, конечно, согласиться с тем, что столь поздний случай отказа от услуг печати является исключением в истории науки. Но возьмем случаи гораздо более распространенные, когда курс лекций или научная монография не предназначались автором для печати, но литографировались, гектографировались, стеклографировались, словом, подвергались размножению посредством того или иного множительного аппарата. И вообще как быть с определением самого понятия: «научная рукопись?» Ясно, что не следует настаивать на том, что она, рукопись, должна быть непременно написана гусиным или стальным пером, или, допуская скромную модернизацию, «автоматическим» пером или шариковой ручкой. По-видимому, давно уже примирились с тем, что текст, отпечатанный на пишущей машинке, это тоже рукопись. Еще дальше уводят нас тексты, полученные с помощью разного рода множительных аппаратов, вплоть до ротапринта. Ну, а если наконец, рукопись отпечатана классическим типографским путем, но снабжена кратким определением: «на правах рукописи»? Вероятно, главное и существенное в современной роли рукописи в науке не в техническом способе ее овеществления, а в той степени самостоятельности, завершенности, окончательности, в которой отказывает ей автор, не считающий возможным поэтому напрочь перерезать материнскую пуповину и пустить свое детище свободно и независимо гулять по свету. Впрочем, ограничимся здесь тем, что отметим важную закономерность. Печатная книга и рукопись в историческом развитии науки сосуществовали, не столько соперничая, сколько подкрепляя друг друга и обнаруживая, чем ближе к нашему времени, тем явственнее тенденции к схождению (больше со стороны рукописи, чем книги). Симптоматично, что многие науч-

[30] Выражение Ф. Клейна; см. его «Лекции по истории математики в XIX в.», ч. 1. М.—Л., 1937, стр. 326.

ные работники, задыхающиеся под пирамидами монографий и научных статей, начали мечтать о депозиториях, где каждый новый научный труд представлен одним единственным экземпляром (рукопись?), с которого в любой момент, по требованию, могут изготовляться копии в нужном числе, с использованием соответствующей, весьма высокой техники.

О рукописных традициях первоисточника современного русского типографского шрифта

А. Г. Шицгал

Известно, что при возникновении книгопечатания первые типографские шрифты в России и в зарубежных странах, как правило, создавались на основе рукописных. Так, шрифт изданий Иоганна Гутенберга был создан на основе рукописных готических — середины XV в., латинский шрифт антиква эпохи Возрождения — на основе гуманистического письма конца XV в. и римского архитектурного шрифта античного времени, шрифты анонимных изданий и Ивана Федорова — на основе рукописного полуустава середины XVI в. Неясности в этом отношении долгое время касались первоисточника современного русского типографского шрифта — петровской гражданской азбуки. Вместе с тем, ряд опубликованных работ последних лет выявили национальные рукописные традиции русского гражданского шрифта [1].

Цель настоящей статьи — изложить некоторые положения опубликованных уже работ и осветить дополнительные сведения по затронутому вопросу, появившиеся за последние годы как у нас, так и за рубежом.

Выявление источников графики русской гражданской азбуки является одним из важнейших вопросов, связанных с необходимостью установления ее графической основы.

Еще со времени В. К. Тредиаковского считалось, что гражданский шрифт в России создан на основе латинской антиквы, но при этом недостаточно был освещен вопрос, какая графика рус-

[1] Результаты указанных исследований обобщены в диссертации автора статьи (см. автореферат его докторской диссертации на тему «Происхождение и развитие русского гражданского шрифта (Вопросы истории и практика применения)». М., 1972.

ского письма перерабатывалась на основе латинской антиквы: древнерусская [2] или новая, возникшая уже в конце XVII и начале XVIII в.? (рис. 1).

Чтобы решить этот вопрос, надо было обратиться к палеографическим источникам и провести сравнительный анализ графики древнерусского письма с графикой письма, предшествовавшего гражданской азбуке (конца XVII и начала XVIII в.)

В связи с этим нельзя не отметить, что в классификации древнерусских рукописных шрифтов, принятой еще с давних пор в русской палеографии, много неясностей. Прежде всего, отсутствие четкого деления типов шрифтов в соответствии с их назначением. Устав, полуустав, как правило, книжные типы письма, скоропись, в первую очередь, деловое письмо. В связи с тем, что скоропись получает широкое распространение с XV в., остается не совсем ясным вопрос, какой же тип рукописного шрифта применялся для практических целей с XI до XV в. В русской палеографии, кроме того, не проводится граница между древнерусским письмом и новой графикой письма, возникшей уже в конце XVII и начале XVIII в.

Такое положение, сложившееся в русской палеографии, следует объяснить нечеткостью границ этой дисциплины. В последнее время в научной литературе на это обращалось внимание. Особый интерес представляет статья П. Н. Беркова, который различает старую палеографию (буквально палеографию) от палеографии нового времени — неографии. Если палеография, согласно П. Н. Беркову, имела дело с развитием письма в имманентном плане, «с переходом одних почерков в другие без каких-либо воздействий», то неография должна считаться с такими спутниками письма, как книгопечатание, в том числе гравирование, литография и другими способами печати, которые оказывают большое влияние на развитие письма [3].

Где же рубеж должен быть для палеографии и с чего должна начинаться неография? Если исходить в этом случае от латинской палеографии, то ее рубежи, видимо, определяются периодом возникновения и начала развития книгопечатания, светской культуры и становления новой графики шрифта, что, в основном, завершается в эпоху высокого Возрождения (XV—XVI вв.).

В другом направлении развивается книгопечатание, светская культура и новая графика шрифта в России. Книгопечатание в России появляется в середине XVI в., при котором параллельно господствовала старая графика шрифта до начала XVIII в.

[2] Термином «древнерусское письмо» или «древнерусский шрифт» в статье обозначаются русские шрифты (рукописные или типографские) периода до конца XVII или начала XVIII в.

[3] *П. Н. Берков.* О переходе скорописи XVII в. в современное письмо. — Сборник статей, посвященных 75-летию проф. С. Н. Валка. АН СССР, Институт истории, Ленинградское отделение («Труды», вып. 7. М.—Л., 1964, стр. 36—50).

[1]

Изображенїе древнихъ и новыхъ письменъ славенскихъ печатныхъ и рукописныхъ.

А А а А А А а а Азъ

Б Б Б Б в б в б Буки

В В В В В в в в Веди

Г Г Г Г г г г г Глаголь

Д Д д д Д д д д Добро

Е Е Є Є е Е е е Есть

Ж Ж Ж Ж ж Ж ж ж Живѣте

Ѕ S S Ѕ s s s s Ѕѣло

Дано лѣта Господня 1710.
Генваря въ 29 день

Изображение древних и новых письмен

Поэтому рубеж дисциплины русской палеографии должен быть определен, видимо, периодом развития и становления светской культуры, что осуществляется в течение XVIII и начала XIX в.

Графическая основа русского гражданского шрифта устанавливается в результате изучения не только рукописных архивных материалов (всякого рода грамот, писем), но и гравированных, древнерусских типографских шрифтов, латинской антиквы (в том числе голландской) различных периодов.

Изучение особенностей графики московского письма конца XVII и начала XVIII в. установило ее отличие от древнерусской, главным образом, в изменении начертаний отдельных букв, их округлостей, умеренной контрастности.

Поскольку письмо развивается в неразрывной связи с языком, обращается внимание на то, что в этот период восточно-византийское воздействие в церковно-славянском языке уже уступало дорогу воздействию западноевропейскому [4].

Новые элементы в московской письменности становятся постоянными в почерках передовых людей петровского времени. Об этом говорят образцы писем приближенных Петра — Ф. А. Головина, русских послов и многих других деятелей, хранящиеся в Архиве древних актов. Образцы этих почерков можно видеть и в жалованных грамотах, и в различных писцовых и переписных книгах петровского времени.

Новые почерки значительно отличаются от почерков XV, XVI вв. и начала XVII в. Это различие определяется выпадением элементов, характерных для древнерусского письма и греческой скорописи. Новые почерки по своей графике в известной степени близки к киевской скорости [5] и отчасти к латинскому письму, обнаруживая новые черты и новые начертания букв. Появление новых элементов лучше всего выражено в росчерках отдельных букв (см. *ч*, *д*, *п*, *к*, *н*), в новом начертании *я*, *у*, в начале слов (близком к современному) и в других изменениях, которые должны стать предметом специального исследования.

В начале XVIII в. кроме нового вида скорописи получает распространение и другой тип письма (медленно написанное). Это письмо имеет связь как с полууставом, так и со скорописью конца XVII и начала XVIII в. [6].

Поскольку этот новый тип почерка, появившийся в начале XVIII в. — в период упадка церковной книжной культуры,

[4] *В. В. Виноградов*. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX веков. М., 1938, стр. 16.

[5] *В. Н. Щепкин*. Учебник русской палеографии. М., 1920, стр. 132.

[6] Для графического анализа этого почерка отобраны следующие документы из кабинета Петра в Архиве древних актов: жалованная грамота Петра I малороссийскому гетману Ивану Мазепе, 1703 г.; старательно написанные письма Ф. А. Головина Меншикову, 1703 г.; выпись из письма русского посла в Польше Павла Котовцева Ф. А. Головину, 1703 г.

послужил основой построения гражданской азбуки, мы назвали его гражданским письмом [7].

Факт об установлении новой графики в русском письме конца XVII и начала XVIII в. в последнее время признан многими исследователями (палеографами и историками русской книги). Однако в различных толкованиях этого вопроса допускались поспешные выводы и неточности. Так, например, В. С. Люблинский в статье «К пониманию генезиса гражданского письма» [8] пытается доказать, что один из важных признаков гражданского письма состоит в том, что оно в полной мере отражает минускульный алфавит.

В рассуждениях автора при этом недостаточно четко раскрыта специфика минускульного письма вообще и не приводятся источники русского гражданского письма. Основной признак минускульного письма, согласно автору, — его четырехлинейность. Если стоять на такой точке зрения, то минускульным шрифтом следует считать многие виды скорописи (в том числе и русскую не только конца XVII и начала XVIII в., но и XVI в.)

Между тем отчетливо минускульный алфавит в письме устанавливается только тогда, когда этот алфавит, в отличие от маюскульного, с последним сосуществует. Четко это, в частности, выявлено в латинской палеографии образованием в конце VIII и начале IX в. каролингского минускула, в котором ясно установился алфавит строчного начертания, существовавший одновременно с маюскульным.

В новых почерках московской письменности конца XVII и начала XVIII в. явно выражена тенденция постепенного образования начертаний букв, впоследствии превратившихся в строчные (минускульные). К таким буквам, в первую очередь, относятся *б*, *у*, *р*, которые применялись в графике письма и часто в гравированном виде. Однако приведенные наблюдения ни в какой мере не дают возможности сформулировать положение, что «в гражданском письме Россия получила впервые отчетливо минускульный шрифт» [9]. Почерки гражданского письма не только начала XVIII, но и в течение всего этого века были неустойчивыми. Минускульный алфавит в полной мере в русском письме, видимо,

[7] По Беркову, «парадная скоропись», в отличие от повседневной скорописи, которая применялась в быту и в канцеляриях при писании черновых документов (*П. Н. Берков.* Указ. соч.).

При анализе графики русских почерков XVIII в. в отдельных работах между скорописью и медленно написанными почерками различия не проводятся (*Н. Г. Королева, А. К. Панфилова.* Из истории графики XVIII в. — Труды Моск. гос. историко-архивного института, т. 10. М., 1957, стр. 408—411. Ссылки на эту работу см. *Л. Н. Жуковская.* Развитие славяно-русской палеографии. М., 1963, стр. 134; *С. А. Рейсер.* Палеография и текстология нового времени. М., 1970, стр. 72).

[8] *В. С. Люблинский.* К пониманию генезиса гражданского письма. ТОДРЛ, вып. XVII. М.—Л., стр. 520—527.

[9] Там же.

установился под влиянием типографского гражданского шрифта только в 20—30-х годах XIX в. Вопрос этот требует специального изучения [10].

Сравнительный анализ букв московского письма начала XVIII в. с гражданским шрифтом обнаружил их несомненное сходство. Однако было установлено также, что на графику гражданской азбуки оказали влияние и другие элементы, в частности, древнерусского шрифта. Это относится прежде всего к буквам *з*, *ж*. Буква *к* с плавно нарисованным окончанием имеет сходство с гравированными образцами амстердамской печати, однако в типографском образце это окончание сделано более свободно.

Из букв в гражданской азбуке, отличающихся особой спецификой, следует выделить высокие буквы *ъ*, *ь*, *ѣ*, *ы*, которые придают гражданскому шрифту типичные черты. В литературе можно найти различные толкования рисунка этих букв вплоть до того, что здесь иногда может быть правильно видят элементы стиля барокко. В действительности же высота перечисленных букв, кроме того, отражает специфику гражданского письма, где они чаще всего были высокими; иногда это можно отметить и в русском полууставе середины XV и XVI в. Специфические особенности высоты указанных букв можно объяснить также тем, что буквы эти в употреблении часто оканчивали слово.

Что же касается букв гражданской азбуки, соответствующих латинской основе (например, *р*, *у*, *я*, *м*, *с*), то их построение тоже оригинально, и они связаны в большей степени с рукописным шрифтом или с гравированными образцами.

К начертаниям отдельных букв, которые больше всего сходны с буквами латинской антиквы, относятся *а*, *Вв*, *Ее*, *Тт*.

С введением гражданской азбуки в русском шрифте четко устанавливаются два начертания (прописное и строчное), существующие вместе. Заглавные буквы древнерусского книгопечатания служили главным образом для рубрицирования текста, в то время как прописное начертание шрифта в изданиях гражданской печати имело очень широкое применение (для набора заглавий и формулировок и для выделений в тексте).

В этом отношении особый интерес представляет построение прописных букв в азбуке. Петр при первом заказе нового шрифта в Амстердаме повелел, чтобы рисунки прописных букв были выполнены только для *а*, *д*, *е* и *т*, прочие же прописные Петр указал делать только на основе рисунков строчных: «. . . понеже всех слоф в два манира (как етех четырех) привесть не могли, — писал Петр, — для того протчие слова (кроме сих четырех) та-

[10] По Беркову, процесс перехода скорописи в современное письмо завершается только в первой половине XIX в., при этом к основным источникам данного перехода следует отнести цельногравированные издания и типографский курсивный шрифт (*П. Н. Берков.* Указ. соч.).

ким же маниром, как и в строках в начале употреблять, а величеством протиф сих четырех, что на верху стоят»[11]. Очевидно, рисунки всех прописных букв не были выполнены из-за спешки. И действительно, некоторые буквы, как например *б*, *р*, *у*, в прописном начертании сделаны случайно с выступающими элементами, поскольку они были воспроизведены на основе рисунков строчных. Однако эти буквы были технически так хорошо выполнены, что применялись в гражданской печати вплоть до 40-х годов XVIII в.

То, что Петр в разработке эскизов нового шрифта исходил от русского письма, доказывается, в частности, его указаниями при исправлениях азбуки. В письме к М. П. Гагарину от 8 ноября 1708 г. Петр писал: «Только «добро», «твердо» напечатать, которые сходны к печати, а не к скорописи, как здесь объявлено: «Д», «Т»»[12].

В то же время Петр I в своих письмах, касающихся гражданской азбуки, никогда и нигде не упоминает латинский шрифт. Сама же азбука имеет заглавие «Изображение древних и новых писмен славенских печатных и рукописных».

Проведенный таким образом анализ графической основы русского гражданского шрифта дал основание утверждать, что его первоосновой было главным образом московское письмо начала XVIII в., переработанное на основе латинской антиквы. Этот процесс протекал в некоторой степени аналогично тому, как в эпоху Возрождения латинский шрифт антиква был создан путем переработки гуманистического письма на графической основе архитектурного римского капитального шрифта.

Создание гражданской азбуки включало два процесса: разработку рисунка букв нового шрифта, что являлось наиболее сложным и главным, и воплощение созданных рисунков в металле, т. е. изготовление пунсонов, матриц и литер.

В литературе же при анализе азбуки основное внимание зачастую уделяли второму процессу, т. е. изготовлению литер, а первый процесс чаще всего выпадал из поля зрения исследователей.

Рисунки букв гражданской азбуки были созданы в два приема. Первые тридцать две буквы создавались в Жолкве (ныне г. Нестеров, близ Львова) примерно в январе 1707 г. Разработка рисунков дополнительных букв была начата в Могилеве в апреле—мае 1708 г. и закончена, по всей вероятности, в июле 1708 г. Оригиналы рисунков делал «чертежник и рисовальщик» Куленбах, работавший в штабе А. Д. Меншикова. Куленбаху давались также самые ответственные поручения как военному инженеру[13].

[11] «Письма и бумаги императора Петра Великого», т. V, стр. 53—55.
[12] «Письма и бумаги императора Петра Великого», т. VIII, вып. 1, стр. 289.
[13] «Письма и бумаги императора Петра Великого», т. VII, вып. 1, стр. 144; вып. 2, стр. 634, 665.

Из писем Петра явствует, что Куленбах был лишь техническим исполнителем, предварительные эскизы букв азбуки, видимо, делал сам Петр. Так, в одном письме Петра, направленном в Могилев И. А. Мусину-Пушкину, где в основном говорится о планах войны со шведами, между прочим, указывается: «А в присланных от Вас словах Куленбах ошибся, ибо надлежало б их таким маниром написать, каковы посланы, а оной написал таким маниром те же слова, как я дал ему в Жолкве; и для того при сем вновь посылаю образцы словам, чтобы слово в слово сим маниром написал, а не те, как я дал ему в Жолкве, толко б величиною против Жолковских всех трех рук» [14]. Приведенные факты позволили отвергнуть высказывавшиеся мнения о причастности к созданию азбуки И. Копиевича, В. Киприянова и др.

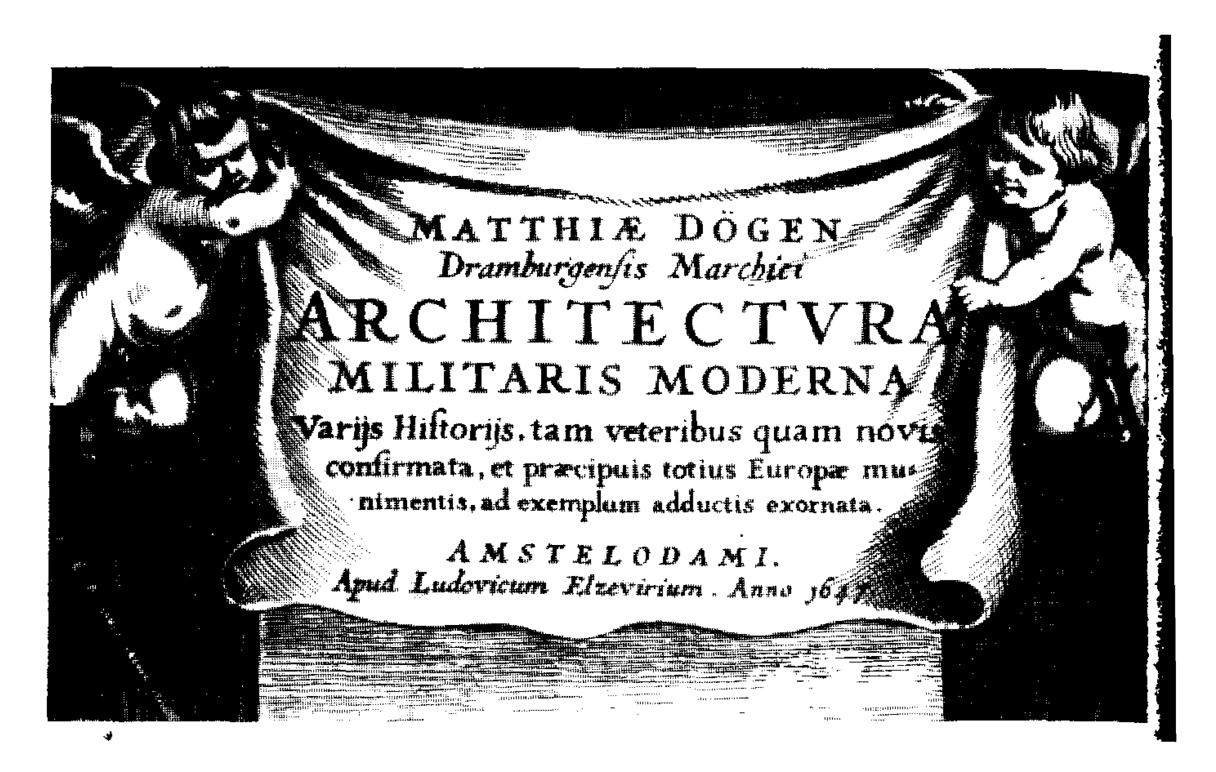
Пунсоны, матрицы и литеры нового шрифта изготовлялись в Амстердаме и Москве. В Москве на Печатном дворе во второй половине 1707 г. согласно указу Петра I словолитцы Григорий Александров, Василий Петров под руководством словолитца Михаила Ефремова изготовили на основе рукописного образца пунсоны, матрицы и литеры. Однако шрифты на оттисках, полученных из Амстердама, оказались по рисунку и технически лучше выполненными, чем московские, и Петр приостановил работу в Москве по изготовлению новых шрифтов и набору учебных азбук до привоза на Печатный двор шрифтов из Амстердама [15]. Как известно, шрифтом, привезенным из Амстердама, набирались все издания гражданской печати начала XVIII в.

Мы считали необходимым привести указанные дополнительные сведения в связи с тем, что в американской печати, в специализированном журнале опубликованы статьи профессора И. Кальдора о происхождении русского гражданского шрифта, на основе защищенной им диссертации в Чикагском университете [16]. В первой части статьи автор касается особенностей графической основы русского гражданского шрифта и его происхождения, во второй части дан анализ отдельных букв гражданской азбуки. Автор представляет свою статью как самостоятельно проведенное им исследование о происхождении русского гражданского шрифта с привлечением соответствующих архивных материалов и других первоисточников. Однако полностью используя первоисточники (в том числе иллюстрации), опубликованные в СССР, автор часто приходит к неправильным положениям, главное из которых состоит в том, что первоосновой русского гражданского шрифта явился не русский рукописный шрифт начала

[14] Там же, вып. 1, стр. 187.

[15] «Письма и бумаги императора Петра Великого», т. V, стр. 53—55, 313. ЦГАДА. Фонд Моск. синодальной типографии 1182/2, кн. 46, л. 70 и об., кн. 47, л. 33.

[16] *I. L. Kaldor*. The Genesis of the Russian Grazhdanskii Shrift or Civil Type.— «The Journal of Typographic Research». USA, Cleveland (Part I, N 4, 1969, p. 315—344, Part II, N 2, 1970, p. 111—139).

Титульный лист (заставка)

XVIII в., а латинский шрифт антиква. Вывод этот высказывается автором на основе привлечения двух дополнительных источников — отдельных примеров из изданий середины XVII и начала XVIII в. (гравированных образцов или набранных голландской антиквой). Однако такое, в основном верное, положение автора не выявляет еще органической природы русского гражданского шрифта.

Американский ученый в данном случае не дает четкого ответа на вопрос, какая графика русского шрифта перерабатывалась на основе латинской антиквы. Если древнерусская, то в этом случае русский гражданский шрифт представляет собой как бы стилизацию церковно-славянского полуустава под латинский шрифт, если новая, приближающаяся по своему характеру к графике современного письма, то в данном случае можно уже говорить об органической природе русского гражданского шрифта. Последнее положение подтверждается прежде всего документальными данными и обликом самого шрифта.

В проведенном автором типографском анализе отдельных букв гражданской азбуки первая неточность касается весьма занимательной и интересной буквы *д*, которая, якобы, заимствована из гравированных образцов [17], а не, как нами доказано, из скорописи [18].

[17] *I. L. Kaldor.* Op. cit., part II, p. 126.

[18] *А. Г. Шицгал.* Русский гражданский шрифт (1708—1958). М., 1959, стр. 101—108.

Другая неточность анализа автора касается происхождения высоких (по размеру) букв *ь*, *ы*, *ъ*, *ь*. Автор объясняет особенность размера этих букв тем, что художник шрифта не был достаточно знаком с функциями этих знаков [19]. Утверждение это неточное, поскольку высота перечисленных букв отражает специфику гражданского письма, где они чаще всего были высокими. Не совсем точно в связи с этим другое утверждение автора, что типографская логичность в построении этих букв ставит под сомнение вопрос о предварительных эскизах букв азбуки, которые мог делать сам Петр, и в то же время о влиянии или прямом участии в создании гражданского шрифта одного из голландских типографов, работавших по заказу царя в Амстердаме. Гипотеза эта не подтверждена доказательствами [20].

Следующая неточность в анализе автора касается и некоторых других букв, в частности букв *Л*, *И*, *Я*, первоосновой которых явился не полуустав (как отмечает автор), а графика русского письма начала XVIII в. [21].

Нам представляется, что автор переоценивает влияние гравированных шрифтов на графику русского гражданского шрифта при его создании. Мы подробно исследовали этот вопрос и на конкретных примерах доказали, что гражданский шрифт специально не создавался на их основе [22]; по начертанию они не сходны. На основании гравированных образцов строились русские шрифты середины XVIII в.[23]. Такая же тенденция отмечается в развитии латинского типографского шрифта (см. образцы Гранжана, Дидо, Бодони).

Во-вторых, гражданский шрифт перерабатывался на основе антиквы голландских образцов, преемственность которых относится еще к антикве эпохи Возрождения и поэтому сохранивших облик рукописной традиции письма. Это в определенной степени относится также к особенностям построения русского гражданского шрифта. Высказывания автора о ложности такого взгляда не точны [24].

Внешний облик и художественные достоинства русского гражданского шрифта вытекают из его графической основы. Декоративный характер нового шрифта, в отличие от строгой по своему построению латинской антиквы, приближает его к графике русского письма начала XVIII в.

Однако при создании гражданского шрифта были использованы различные материалы, но они настолько переработаны,

[19] *I. L. Kaldor*. Op. cit., part II, p. 136.
[20] Ibidem, part I, p. 324.
[21] *А. Г. Шицгал*. Указ. соч., стр. 70, 73, 109.
[22] Там же, стр. 90—102.
[23] Там же, стр. 127—128.
[24] *I. L. Kaldor*. Op. cit., part I, p. 127—128.

SYMBOLA

ET

EMBLEMATA

Jussu atque auspiciis

SACERRIMÆ SUÆ MAJESTATIS

Augustissimi ac Serenissimi

IMPERATORIS MOSCHOVIÆ

Magni Domini CZARIS, et

Magni Ducis

PETRI ALEXEIDIS,

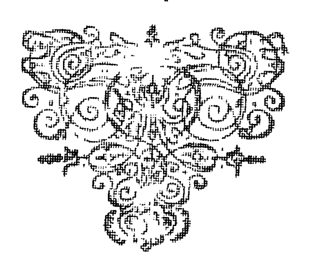
totius Magnæ, Parvæ & Albæ Russiæ, nec non aliarum

multarum Potestatum atque Dom[illegible]

. Orientalium, Occidentalium Aq[illegible]e

SUPREMI MONARCHÆ,

excusa.

AMSTELÆDAMI

Apud HENRICUM WETSTENIUM. Anno 1705.

Титульный лист

что азбуку, утвержденную Петром, можно рассматривать как одно из крупных достижений русской культуры на рубеже XVII и XVIII вв.

В стилистическом отношении гражданский шрифт выражает своеобразный классицизм в сочетании с элементами барокко, отраженными в росчерках начала XVIII в.

Новый рисунок шрифта, по сравнению с древнерусским, прежде всего становится более легким для восприятия. Как доказывается в работе, книга петровского времени, набранная новым шрифтом, приобрела в полной мере светский и национальный художественный образ.

Это в значительной степени и объясняет тот факт, что наборный шрифт становится не только функциональным, но и главным эстетическим элементом в оформлении русской книги первой четверти XVIII в.

Взаимоотношения между почерком, печатным шрифтом и каллиграфией*

А. Капр, ГДР

Изобретательский дух Гутенберга стремился создать нечто подобное рукописной книге. Мы, правда, не знаем, сам ли он сделал наброски шрифта его 42-строчной Библии, потому что уже с самого раннего начала рядом с ним стояли профессиональные каллиграфы Петер Шеффер, а позднее Николас Енсон. Но в то время налицо было только эстетическое образцовое обличие рукописной книги. Именно соответствия с ней стремились достичь Гутенберг и другие первопечатники, если они вообще хотели выдержать соревнование с рукописными мастерскими городов и монастырей. Поэтому первые печатные шрифты были без исключения подражаниями рукописных письмен того времени. Так называемый шрифт ДК, шрифт Б-42, как и большой и малый шрифт Псалтири были не чем иным, как различными степенями текстуры, привычною для почерка рукописных литургических текстов в монастырях. Оба шрифта индульгенций 1454 и 1455 гг. соответствовали готической бастарде средней Рейнской области: а шрифты Католикона, как и Дуранда, подражали почеркам гуманистически ориентирующихся немецких ученых середины XV в. Возможно было, что резчики штемпелей времени инкунабулов копировали совершенно конкретный почерк; может быть, это был почерк, которым был написан образец того текста, который надо было напечатать; предположительно это был пример особенно тща-

*Перевод с немецкого А. А. Сидорова.

тельно избранного художественного почерка, подходящего к тексту.

Несмотря на намерение точно копировать рукописную книгу, вместе с введением печатного шрифта возникло нечто эстетически новое: печатный текст стал точнее и единообразнее, но также и «однотоннее», чем представляющиеся живыми рукописные шрифты-почерки.

Так же и само расположение текста — то, что позднее называли «типография», первоначально подражало кодексам. Пропорции полей у первопечатников соответствовали принятым в рукописных книгах. Организация пространства многострочных столбцов, маргиналий, пририсованных или припечатанных инициалов всецело опиралась на опыт рукописной книги. Несмотря на это, новая техника типографии принесла с собою новые эстетические тенденции. Набор мог быть выключен, была понята имеющая большие возможности гармония строчек одинаковой длины. Построение и общее членение книги сделались точнее. Я не хотел бы утверждать, что это всегда обозначало эстетическое преимущество печатной книги; во всяком случае, это было началом известной самостоятельности типографии.

Начало XVI столетия принесло с собой большую эстетическую независимость печатной книге по отношению к рукописной. Неоспоримо было доказано на рубеже столетий экономическое преимущество печати. С большим осознанием самостоятельности можно было разрабатывать эстетические особенности печатного шрифта. По всей вероятности, первым осознал это Альд Мануций. Он поручил каллиграфу Франческо да Болонья, прозванному Грифо, набросать специально для его малоформатных «Альдин» курсив. Также и римский каллиграф Арриги набросал для своего рукописного трактата о письме новый курсив. Я предполагаю, что Гарамон, Гранжон, Ле Бэ и другие выдающиеся мастера шрифта XVI в. также были каллиграфами, но должен подчеркнуть, что прямых доказательств этому не имеется. Разделение труда, возникшее вместе с организацией специальных словолитен, между книгопечатанием и изготовлением шрифтов связало рисовальщиков шрифтов с словолитней. По большей части в то время безымянные резчики штемпелей были специалистами граверами, но имеются различные свидетельства, что более крупные изменения форм в развитии антиквы часто прямо или косвенно создавались под воздействием каллиграфов художников шрифта. Известный пример — Джон Баскервиль, который ввел шрифт классицизма, а вначале был каллиграфом, затем рисовальщиком шрифта и только затем словолитцем.

Современные нам значительные художники шрифта являются одновременно замечательными каллиграфами. Многие имена могут быть примерами: Джованни Мардерштейг, Георг Трумп, Герман Цапф, Адриан Фрутигер, Ян Чихольд, Новарезе, в Советском Союзе С. Б. Телингатер и В. В. Лазурский. Подъем ис-

кусства письма в этом столетии начался с рукописного письма шрифта. Уильям Моррис, Эрик Гилл, Фредерик Гауди, Стэнли Морисон, Э. Р. Вейс и Эрнст Шнайдлер были вначале великолепными мастерами рукописного шрифта, прежде чем они перешли к рисованию шрифта печатного. Кобден-Сандерсон сказал об этом взаимоотношении: «Печатник в своем шрифте продолжает традиции писца, и притом писца на высоте его искусства. Когда эта традиция с течением времени прервалась, произошел также упадок и искусства печати. Задачей художника письма является вновь оживить искусство печатника и довести его до первоначальной чистоты и совершенства» [1]. Я, правда, не утверждаю, что каждый новый печатный шрифт обязательно должен быть развит из письма, при гротесковом шрифте это не имеет смысла, но художник шрифта по меньшей мере должен иметь опыт в искусстве письма; почерк с использованием широкого пера мотивирует формы многих литер латинского и кириллического шрифта.

Каллиграфия — искусство письма — не анахронизм ли в эпоху пишущей машинки, фотонабора, компьютеров и массовых средств информации, радио и телевидения? Не стало ли это для развития шрифта такой художественной формой, над чем лежит пыль столетий, дух гусиного пера и чернильницы? В современности остается совсем еще немного настоящих каллиграфов. Если же я здесь все-таки с определенностью указываю на роль каллиграфии, то потому, что считаю, что это обосновано ее функцией в общей системе шрифта как средства коммуникации. Шрифт — это визуальная выразительная форма языка. Кириллический или латинский шрифт фактически являются системами различных видов письменности, систем коммуникации, которые включают в себя писание, рисование шрифтов и набор, так же как и чтение или словесную речь. В эту систему входит, с одной стороны, рукописное письмо, с другой стороны, художественно оформленный шрифт, посередине между ними должны быть включены шрифты пишущих машинок, надписи на зданиях, вывески магазинов и учреждений, транспаранты, световые лозунги, указатели улиц, упаковочные надписи, указатели употребления на машинах, титры в фильмах и телевидении и еще многое другое. Письмо сопровождает нас от детства до старости, оно встречается с нами с утра до вечера. Различные качественные ступени записанного языка могут быть сопоставлены с подобными же качественными ступенями произносимого языка. Общеупотребительный разговорный язык соответствует обычному письму; художественно произносимый сценический язык соответствует печатному шрифту. Посередине имеются различные ступени персонально выработ-

[1] *Кобден-Сандерсон.* Идеальная книга, или книга прекрасная. Хаммерсмит, 1901 (*на англ. яз.*).

танного акустического выразительного языка, так же как и персонально выработанного и эстетически выразительного почерка. Значение почерка для всеобщего подъема культуры в наши дни обычно недооценивается. Исторический взгляд показывает, что почерки поднимающихся и относительно прогрессивных обществ и эпох были высоко оцениваемы, что обмен письмами между учеными и художниками во времена Ренессанса и Просвещения имел большое общественное значение. Сегодня есть люди, которые не могут разобрать свой собственный почерк. Многие письма начинаются с извинений по поводу плохого почерка. И, очевидно, многие просто остаются ненаписанными, потому что люди стыдятся своего плохого почерка и поэтому не берутся за перо. А развитие взаимоотношений между отдельными людьми является одним из желательных условий социалистического и коммунистического общества. Писание от руки остается предпосылкой учения как для ребенка, так и для взрослого. Связи мыслей, дискурсивное мышление могут быть лучше зафиксированы письмом, нежели словом произнесенным. При изучении иностранных языков запись от руки является существенным моторным вспомоществованием. Значение пишущей машинки, диктофона, магнитофона никоим образом не должно преуменьшаться, но почерк, письмо от руки остаются незаменимыми в силу их непосредственной простоты и должно было бы быть сохранено в смысле разностороннего развития личности и должно быть обязательно для всех. Каждый из нас должен был бы иметь легко читаемый чистый почерк, сохранять внимание к красоте письменной выразительности.

Само собой разумеется, наши буквы прежде всего — знаки для звука, т. е. носители семантической информации. Но, помимо этого, каждый письменный знак несет с собою эстетические ассоциации, даже если происходит это без намерения писателя или наборщика. Мы ощущаем нечто исключительно персональное, когда смотрим на рукопись Данте, Микеланджело, Гете, Пушкина, Маркса, Ленина. Функциональный механизм такого рода эстетических информаций еще не полностью выяснен, и я хотел бы здесь только указать на эту проблему. Гораздо важнее дать всем детям солидную основу для создания легко читаемого, быстрого, эстетически выразительного письма.

«Вместе с обучением письму ребенок приобретает себе шестой палец на правой руке» — прочел я недавно в диссертации г-жи Ренаты Тост, которая создала новейшую систему начального письма в ГДР. Этот новый способ письма с 1968 г. изучают все дети ГДР. В нем ясно разработаны латинские графемы в их взаимоотношении с печатным шрифтом. Дети поэтому быстрее учатся читать и писать. Отказываются от всяких завитков, оставляют только самые необходимые соединительные штрихи между буквами. Новая школьная система письма ГДР идет навстречу известной тенденции многих взрослых рукописных почерков в странах

латинского и кириллического письма — упростить буквы и частично включить в рукописное письмо заглавные буквы печатного. Это обратное воздействие элементов форм печатного шрифта на письмо рукописное столь же характерно и необходимо для коммуникативной системы письма, как и перетечение известных формальных элементов рукописности в печатный шрифт. В прошедшие столетия каллиграфия в тиши выполняла эти функции посредницы между рукописью и печатью и препятствовала возникновению излишних графем рукописи и печати, не затрудняла функций узнавания различных письменных знаков для одного и того же звука. Это взаимное обогащение почерка и шрифта можно сравнить с языком, в котором элементы языка разговорного обогащали язык литературный, и, обратно, литературный язык облагораживал язык разговорный.

Когда эта роль каллиграфии как посредницы ослабляется, печатный шрифт и рукописный почерк застывают в качестве относительно самостоятельных коммуникативных систем. В кириллическом шрифте (подобно латинскому) имеются некоторые различные графемы для тех же букв в рукописи и в печати. В практике своих каждодневных писаний многие взрослые это нарушают и изменяют, для того чтобы быть более понятными, изобретая более простые формы букв. В практике составления образцов для печатных шрифтов каллиграфические воздействия могут быть раскрыты путем возобновления в течение десятилетий шрифтов прежних эпох или других стран. Изменение шрифта может быть осуществлено только весьма медленно, потому что система знаков письма зависит от быстрого узнавания знаков всеми умеющими читать. Необходимо подчеркнуть, что как кириллический, так и латинский шрифт еще сегодня находятся в состоянии постоянных изменений. Каллиграфия приобретает задачу исследовать и испробовать новые формы в их отчетливо ограниченном назначении и предложить в длительном процессе развития свои выводы для создания всеобщего шрифта как для рукописи, так и для печати.

Каллиграфия — это прежде всего художественное писание курсивом. Курсив был прежде всеобщим письмом общения, быстро написанным письмом, которое понималось как противоположность медленно написанному шрифту книги. Сегодня курсив — это косой и более живой вариант прямолинейного печатного шрифта. Курсив многосторонен и применим индивидуально, и как раз это допускает включение весьма интересных элементов в общепринятую рукописность. Рукописность народа всегда жива и является творческой. По собственным наблюдениям могу сказать, что любители художественных рукописей изобретают новые способы письма и элементы букв, которые сознательно или бессознательно заимствуются другими. Еще более правомерно может каллиграф изобретать или улучшать формы, которые могут быть применены в книгах, газетах, жур-

налах, в титрах фильмов и телевидения и получить еще более широкое распространение. Искусство каллиграфии сегодня применяется при писании поздравительных адресов, дипломов, свидетельств, в большей степени — в книжной графике, в графике прикладной, предназначенных для репродуцирования. Хорошо, когда рисование шрифта и писание шрифта объединяются как можно более тесно. Современная каллиграфия должна была бы использовать не только курсивы, но и все способы и виды шрифта, включая исторические формы техники писания, применением этого может быть достигнуто обогащение и пополнение всех возможностей нашего книжного и печатного дела.

Покуда в типографиях еще нет достаточного количества хороших и выразительных печатных шрифтов, письмо от руки для надписей или для титулов и переплетов является дополнительным и высокоинтересным приемом усиления выразительности печати. В Советском Союзе Владимир Фаворский, Соломон Телингатер, Вадим Лазурский и другие создавали интереснейшие примеры оформления книг с прекрасной каллиграфией. Вместе с тем, я думаю, было бы лучше, если бы в гораздо большем выборе имелись наборные шрифты также в крупных форматах, и вся книга могла бы быть набрана в одном шрифте и в одном «духе». Рукописные надписи оставались бы исключением и обосновывались литературным содержанием книги. Художественно-каллиграфические возможности использовались бы в большей степени в качестве образцов для создания наборных шрифтов, чтобы новые шрифты, более интересные, получили применение к большему количеству книг.

Широкое поле для применения рукописных шрифтов предоставляет обложка. Здесь может быть с энергией и грацией, с остроумием или сочувствием характеризовано содержание книги. Самые различные инструменты письма — кисть, перо, уголь, шпатель и различнейшие материалы, как бумага, текстиль, дерево, могут производить самые различные эффекты воздействия. От обложки ожидают покупатель и читатель содержательного действия. «Новое» и «единственное» в рукописном шрифте здесь более уместно, нежели внутри книги. Но почему может пережить снова свое возрождение искусство книги, написанной от руки? В социалистических странах растет любовь к лирической поэзии, и почти невозможно создать для множества стихотворных видов желательную емкость печати. Уже в школе можно было бы давать задачи каллиграфического писания небольших томиков стихотворений, тем самым объединяя любовь к поэзии и любовь к художественному письму. Прекрасный пример написанных от руки книжек видел я в Москве и особенно в Таллине, где Виллу Тоотс и Пауль Лухтейн посвятили себя искусству письма.

Перед каллиграфией стоит не только очередная задача сделать наши книги, нашу периодику, нашу печать интереснее и выразительнее; она может, сверх того, плодотворно действовать как

катализатор всеобщей системы письменности. Один из пионеров современного движения за искусство письма англичанин Альфред Феэрбенк говорил: «Подобно тому, как мы хотим говорить не только ясно, но говорить с определенной культурной и звучной выразительностью, то так же должны мы и писать, и писание должно вновь заслужить имя „Каллиграфия“ — чем было бы сказано, что на письмо надо смотреть как на вид искусства». Я хотел бы добавить: как всякое иное искусство, так же и искусство письма нуждается в понимающей, внимательной публике, и интерес к письму может стать восприятием художественного качества печатных шрифтов, обогащая всю нашу культурную жизнь.

К истории русского книжного знака конца XV—XVII вв.

Я. Н. Щапов

Открытие Н. Н. Розовым целой серии русских рукописных книжных знаков конца XV—XVI вв. показало перспективность таких поисков и исследований в этом направлении [1]. Как и открытие в Новгороде берестяных грамот, за которым последовали находки таких грамот и в других городах, оно повлечет за собой, очевидно, введение в науку новых книжных знаков. Такой цели служит и это сообщение.

Как показал Н. Н. Розов, есть все основания считать создателем рукописного книжного знака того типа, который получил распространение в Соловецком монастыре в конце XV—XVI вв., игумена Дософея (примерно 1491—1503 гг.) Это заключенное в начальную букву С в виде разомкнутого кольца или просто в кольцо, писанное вязью имя владельца в родительном падеже, с указанием его сана и, иногда, сокращенного обозначения монастыря. Такой тип знака известен с именами самого Дософея, монаха Макария Забелина (начало XVI в.) и игумена Иякова (1580—1590-е годы).

[1] *Н. Н. Розов.* Соловецкая библиотека и ее основатель игумен Дософей. — ТОДРЛ, XVIII. М.—Л., 1962, стр. 294—304. *Его же.* Когда появился в России книжный знак? — Археографический ежегодник за 1962 г. М., 1963, стр. 88—91.

Соловецкий монастырь стал рассадником книжных знаков такого типа в северо-восточной России XVI в. Об этом говорят вновь обнаруженные книжные знаки, имеющие имя того же Иякова, но относящиеся к более позднему времени и к другому месту.

Знаки «архимарита Иякова» находятся в рукописных книгах, принадлежащих, судя по филиграням, к концу XVI в. В Рогожском сборнике молитв и канонов [2] это киноварный квадрат, вписанный в киноварное же кольцо, образованное двумя линиями, с наружным диаметром 54 см. Внутри квадрата надпись чернилами и вязью в две строки. Круг сделан циркулем и центр его также

Книжный знак (заказчика) и владельца книги архимандрита костромского Ипатьевского монастыря Иякова (1597—1606) на Егоровской рукописи.

помечен киноварью. Знак расположен на чистом листе в начале рукописи, в верхней его половине, близко к линии вертикальной оси. В Егоровском списке церковного устава [3] (рис. 1) — тот же знак, имеющий то же расположение на листе и в рукописи. По сравнению с первым он имеет небольшие добавления — киноварные завитки в сегментах круга, образованных сторонами прямоугольника.

О тождестве владельца этих знаков с Ияковом, игуменом соловецким, позволяет говорить, во-первых, временнáя близость рукописей, помеченных этими знаками, во-вторых, сходство типов знака и, в-третьих, биографические сведения о Иякове. Известно, что он был игуменом Соловецкого монастыря с 1581 г., а с 1597 г. был переведен в костромской Ипатьевский монастырь с более высоким саном архимандрита и находился там до 1606 г.[4]

[2] ГБЛ, Рогожское собр., 618, л. 1. Филигр.: гербовый щит с литерами СМ, Брике, № 9344, 1582—1586 гг.; кувшин с литерами IP, Брике, № 12758, 1585—1590 гг. Рукопись-конволют, в конце приплетены части Стоглава серед. XVI. См. «Собрание Рогожского кладбища» (ф. 247). Опись. М., 1968 (машинопись), стр. 441.

[3] ГБЛ, Егоров, 605, л. 1. Филигр.: гербовый щит с литерами LB, Брике, № 1075, 1587 г., варианты 1582—1601 гг.; кувшин, Брике, № 12740, 1588 г., № 15926, 1582 г., варианты 1584—1591 гг. Пользуюсь случаем поблагодарить Ю. Д. Рыкова, указавшего мне на этот знак.

[4] *П. М. Строев.* Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877, стр. 816, 853.

Публикуемые здесь знаки Иякова показывают развитие соловецкого типа знаков от дософеевского С со вписанным текстом, через текст в кольце к тексту в квадрате и кольце. Поиски Ияковом наиболее удобной формы увенчались в последних из них успехом: квадрат представлял значительно больше удобства для расположения в нем текста, а круг сохранял традиционную мягкую форму, отличную от прямоугольника листа книги. Можно считать, что это знаки Иякова, относящиеся ко времени, когда он был архимандритом Ипатьевского монастыря, т. е. 1597—1606 гг., возможно, как показывают филиграни, еще конца XVI в. Содержание обеих рукописей не связано с Костромой (в Рогожском сборнике есть служба явлению иконы в Казани и канон соловецким чудотворцам), но очень вероятно, что они писаны в этом монастыре. Рогожский знак нужно считать несколько более ранним, чем егоровский: на это указывает появление в последнем дополнительного элемента — завитков.

Мы имеем, таким образом, свидетельство распространения книжного знака в конце XVI в. из Соловецкого монастыря в другие монастыри. Вместе с тем оказывается важной роль Иякова в развитии формы знака от первоначальной, дософеевской, к другим, более отвечающим новой текстовой его части.

Соловецкие знаки XV—XVI вв. — это, несомненно, книжные знаки. Но каков их смысл? Какую связь с книгой лица, имя которого носит знак, они характеризуют? На древнерусской (как и средневековой вообще) книге делались именные записи в нескольких случаях.

Известны записи книгописца, изготовлявшего книгу, записи с упоминанием заказчика книги, вызвавшего к жизни данный ее список и материально обеспечившего его выполнение, записи владельца книги, записи вкладчика книги в монастырь или церковь, записи продавшего (или передавшего) книгу другому и, соответственно, купившего (или получившего) ее.

Ранние знаки Дософея 1491—1494 гг. представляют собой особо графически оформленное обозначение имени и сана заказчика, ибо они завершают обычные такого рода записи: «Написана бысть книга сия. . . повелением имярек священно Дософея» (1491 г.) [5]; «Списа же ся сия книга повелением многогрешного и недостойного и худого в иноцех священноинока Дософея. Да послал есмь книгу сию . . . в дом св. Спасу на Соловкы . . .» (1493 г.) Такая же запись 1495 г. с таким же знаком имеет указание «А послал есть в дом св. храма благолепного Преображения . . .» [6] Как указания самих записей, так и перечни книг, следующие далее, свидетельствуют о том, что здесь Дософей выступает в качестве заказчика книг для своего монастыря.

[5] Послание Константинопольского патриарха к русскому иноку об иноческой жизни. — Православный собеседник, 1860, ч. 1, стр. 449—450.
[6] *Н. Н. Розов.* Соловецкая библиотека, стр. 297.

Книжный знак заказчика и владельца книги келаря Троицкого монаст
Авраамия Подлесцева, 1600 г.

Титульный лист книги.

Записи со знаком сделаны в Новгороде от имени самого приезжавшего туда за книгами Дософея.

Можно проследить изменение первоначального значения знака как составной части записи заказчика книги в сторону самостоятельного. Уже более поздние знаки самого Дософея конца XV в. показывают такую эволюцию. Известен знак, включенный в заставку, т. е. выполненный при изготовлении рукописи. Он выступает самостоятельно, без связи с записью, но продолжает оставаться знаком заказчика. Знаки на обороте крышки переплета [7] могут рассматриваться и в другом качестве — не только знака заказчика, но и более узко — только владельца. Впрочем, применительно к Дософею, когда владельцем знака был администратор и книжник, располагавший большими возможностями пополнения библиотеки монастыря специально переписанными новыми книгами, стремление выделить знаки, характеризующие его отношения заказчика—владельца или только владельца, вряд ли оправданно. Тот же комплексный характер имеют, очевидно, и другие соловецкие знаки, и новые знаки Иякова-архимандрита: все помеченные ими книги современны их заказчикам-владельцам, старых книг среди них не видно. Эта особенность соловецких знаков усугубляется и двойственным их отношением к владельцам: ранние знаки Дософея, знаки Макария Забелина и игумена Иякова включают в себя не только имя и сан, но и указание на принадлежность монастырю («Сия книга Мокарья Забелина Соловецкого монастыря», «Игумена Иякова Соловецкого» — очевидно, тоже «монастыря»).

В истории русского рукописного книжного знака конца XVI—XVII вв. можно проследить не одну, а несколько параллельных линий развития [8].

Наряду со знаками соловецкого типа существовали и другие художественно оформленные обозначения заказчиков и владельцев рукописных книг, которые также можно рассматривать в качестве книжных знаков той поры.

В рукописных книгах встречаются записи владельцев книг, заключенные в орнаментированные рамки, которые являются составной частью художественного оформления книги. Публикуемые здесь знаки принадлежат к их числу.

На рис. 2 представлен разворот листов списка Стоглава 1600 г. [9], изготовленного в Троице-Сергиевом монастыре. Здесь заставка, «цветок» и орнаментированная акантовыми листьями рамка для записи выполнены в старопечатном стиле одним мастером. В черно-

[7] Напр., ГБЛ ОР, собр. Овчинникова 791, кон. XV в.

[8] Особого внимания заслуживают также знаки конца XV в., применявшиеся кирилло-белозерским книжником Ефросином, на которые обратил внимание Н. Н. Розов.

[9] ГБЛ, Отдел рукописей, собр. Румянцева, № 426, лл. 9 об. — 10.

белой рамке киноварная владельческая запись «Сия книга Стоглав Троецкого Сергиева монастыря келаря старца Авраамия Подлесц[о]ва. 7108» (1600). Текст Стоглава и текст записи писаны разными руками и разным типом письма: первый — скорописью, второй — полууставом. Возможно, что запись сделана самим владельцем. Книга представляет собой список с другой троицкой рукописи последней трети XVI в. с документом, вписанным в нее в конце 1599—1600 гг. Начальный лист Стоглава в ней имеет заставку того же типа, но выполненную более тонко и в красках; но в этой рукописи нет ни «цветка» на поле, ни рамки с владельческой записью. [10] Таким образом, книга была изготовлена в 1600 г. по заказу келаря Авраамия и книжный знак на ней, совсем иного типа, чем соловецкий, также является знаком заказчика-владельца.

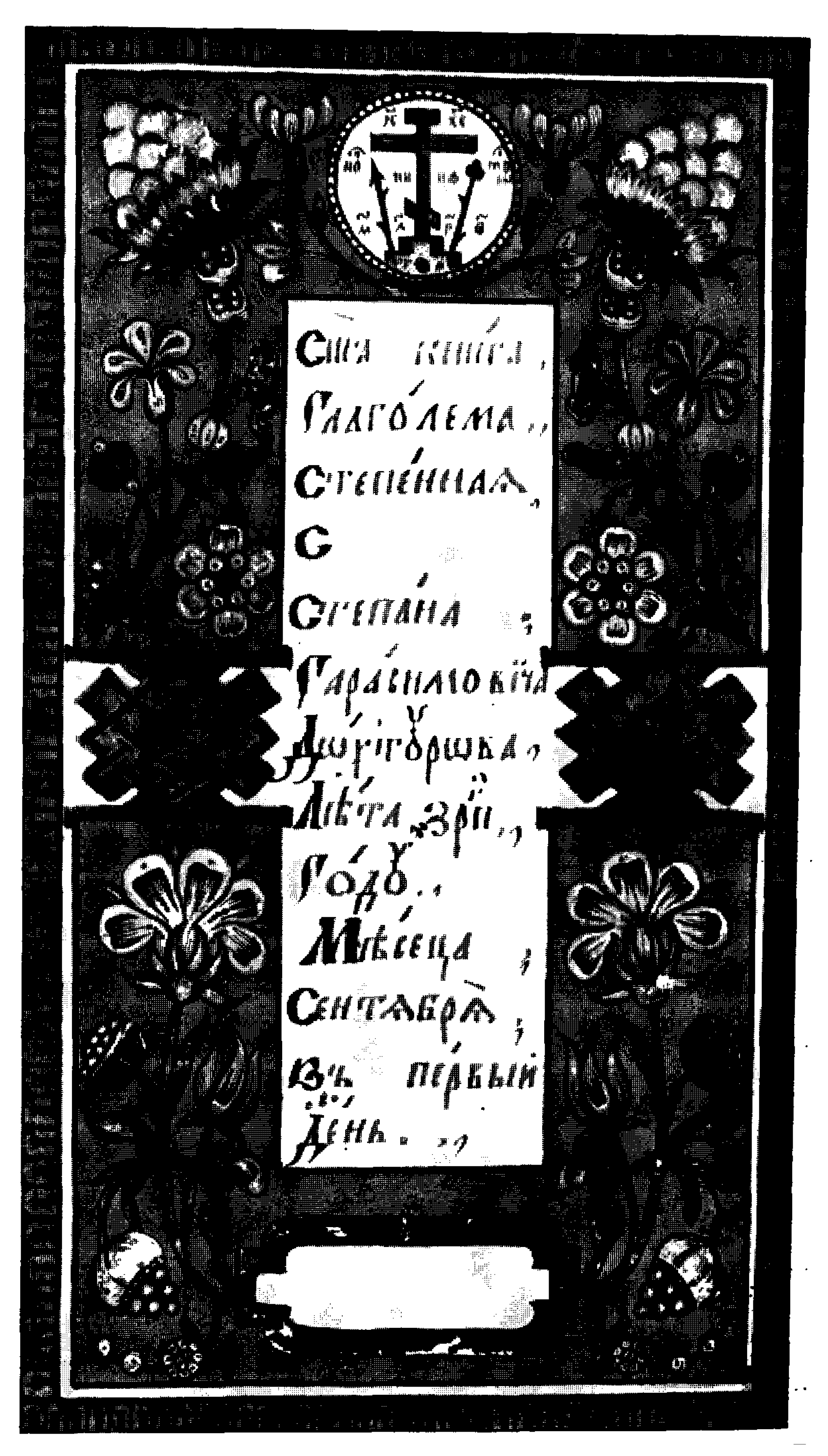
Иной характер имеет орнаментированный владельческий знак, представленный на рис. 3. Он находится в рукописной Степенной книге середины (или начала третьей четверти) XVII в. и представляет собой лист плотной бумаги размером 174×116 мм, на котором в прямоугольной рамке с наружными размерами 145× ×83 мм находится владельческая запись «Сия книга глаголема Степенная С Степана Гарасимовича Дохтурова. Лета 7180 г[о] году месеца сентября в первый день». Рамка выполнена красками — стебли (зелень) с цветами (оранжевый, красный, розовый, голубой) на золотом фоне. Контуры рамки, изображение голгофского креста с буквами в круге, наверху, и заглавные буквы надписи — черной краской, наружная узкая рамка и плетенка в средней части по сторонам текста — черной краской с серебряным фоном. Внизу — картуш, отделанный голубым и черным. Текст записи писан киноварью, полууставом, он акцентирован. Лист со знаком наклеен как фронтиспис на чистый лист перед текстом (л. 7 об.) Кроме записи Дохтурова в рукописи на лл. 754—754 об. две другие владельческие записи — более ранняя «суздальца» Ивана Федорова сына Лихонина и вторая Селивестра Артемьевича Огибалова (последняя писана латиницей) [11]. В первой половине XVIII в. книга принадлежала известному ученому и государственному деятелю Я. В. Брюсу и после его смерти в 1735 г. вместе с его библиотекой была передана Библиотеке Академии наук [12].

Сам список Степенной, как памятник письменности, не выходит из числа рядовых. Он писан скорописью с заглавиями, вы-

[10] ГБЛ, Отдел рукописей, Троицкое собр., № 215. См. *Т. Б. Ухова.* Миниатюры, орнамент и гравюры в рукописях библиотеки Троице-Сергиева монастыря. — Записки Отдела рукописей ГБЛ, вып. 22. М., 1960, стр. 109.

[11] БАН в Ленинграде, 32.8.4. Описание Рукописного отдела Библиотеки АН СССР, т. III, вып. 1. Сост. В. И. Срезневский и Ф. И. Покровский. Л., 1930, стр. 142—144. То же, изд. 2. Сост. В. Ф. Покровская, А. И. Копанев, М. В. Кукушкина, М. Н. Мурзанова. М.—Л., 1959, стр. 502—507.

[12] Материалы для истории Академии наук, т. 5. СПб., 1889, стр. 161.

Владельческий книжный знак С. Г. Дохтурова, 1671 г.

полненными киноварью и отчасти вязью. Переплет книги позднее и значительно богаче ее: доски в сафьяновой коже, с традиционным для русских книг тиснением, но выполненным золотом (орнаментированные рамка, угольники, овальный средник, золоченый тисненый обрез). Изготовление переплета, очевидно, тоже нужно связывать с принадлежностью книги Степану Дохтурову [13]. При переплете в начало и в конец книги были вставлены чистые и более поздние листы бумаги, на один из которых был наклеен интересующий нас знак.

Книжный знак Дохтурова 1671 г., являясь рукописным и индивидуально оформленным именно для этой книги, вместе с тем имеет все основные черты, характерные для более поздних владельческих книжных знаков. Он не связан с заказом книги: последняя старше знака лет на 20 и до Дохтурова принадлежала другим владельцам. Это чисто владельческий знак, выполненный художником. В нижней его части оставлено место в картуше, возможно для каких-то служебных книгохранительских помет. Знак выполнен на отдельном листе меньшего, чем книга, формата и вклеен в нее. Очевидно, он изготовлен и вклеен вместе с изготовлением нового переплета.

Известные сейчас русские книжные знаки конца XV—XVII вв. позволяют проследить несколько независимых друг от друга линий развития. Одна группа знаков связана с Соловецким монастырем и возникла в последнем десятилетии XV в. как составная часть записи заказчика книги Дософея. В процессе развития эти знаки стали самостоятельными, характеризующими отношение к книге заказчика и владельца, объединенного в одном лице. Вместе с изменением текстовой части они меняли свою форму и распространились за пределы монастыря. На рубеже XVI—XVII вв. зафиксирован другой тип художественно оформленного знака, обозначавшего также отношения к книге заказчика-владельца. Знаки этого типа не редки в русских рукописях XVII в. Наконец, к 1671 г. относится наклеенный на книгу рукописный художественный знак, не связанный уже с заказом ее, но представляющий собой чисто владельческий книжный знак (экслибрис).

[13] С. Г. Дохтуров был сыном думного дьяка царя Алексея Михайловича — Герасима Семеновича Дохтурова (см. Описание Рукописного отдела, изд. 2, стр. 503).

Гравюра на меди в русской рукописной книге XVI—XVII вв.

Е. Л. Немировский

В 1962 г. автор этих строк опубликовал сведения о Четвероевангелии середины XVI в. из собрания А. С. Уварова [1]. Книга замечательна тем, что в нее вплетены четыре гравированных на дереве фронтисписа, а на ее страницы наклеено пять гравюр на меди четырех различных рисунков. Фронтисписы большого интереса не представляют — это изображения евангелистов, отпечатанные с досок, впервые использованных в 1627 г. в Четвероевангелии Кондратия Иванова; они неоднократно репродуцировались на протяжении почти всего XVII столетия. Гравюры на меди, напротив, вполне оригинальны.

Если быть точным, надо сказать, что Уваровское Четвероевангелие было известно и раньше — в 1893 г. его описал Л. А. Кавелин [2]. Однако гравюры он посчитал миниатюрами, воспроизведенными «по золотому полю красками, весьма изящной работы».

Среди гравюр на меди наибольший интерес представляют две заставки одинакового рисунка, наклеенные на листах 113 и 180 рукописи. Подробное описание гравюр было дано нами ранее [3]. Отметим лишь, что заставка подписана: «Изограф Феодосие».

Находка позволила выдвинуть гипотезу о начале глубокой печати в России не в середине XVII в., как это считалось ранее, а примерно за сто лет перед этим [4]. Первые опыты углубленной гравюры мы связали с именем прославленного живописца начала XVI столетия Феодосия Изографа, сына знаменитого Дионисия. В Феодосии мы хотели бы видеть главу школы миниатюристов и орнаменталистов, плодотворно работавшей в московской рукописной книге в первой половине XVI в. [5]

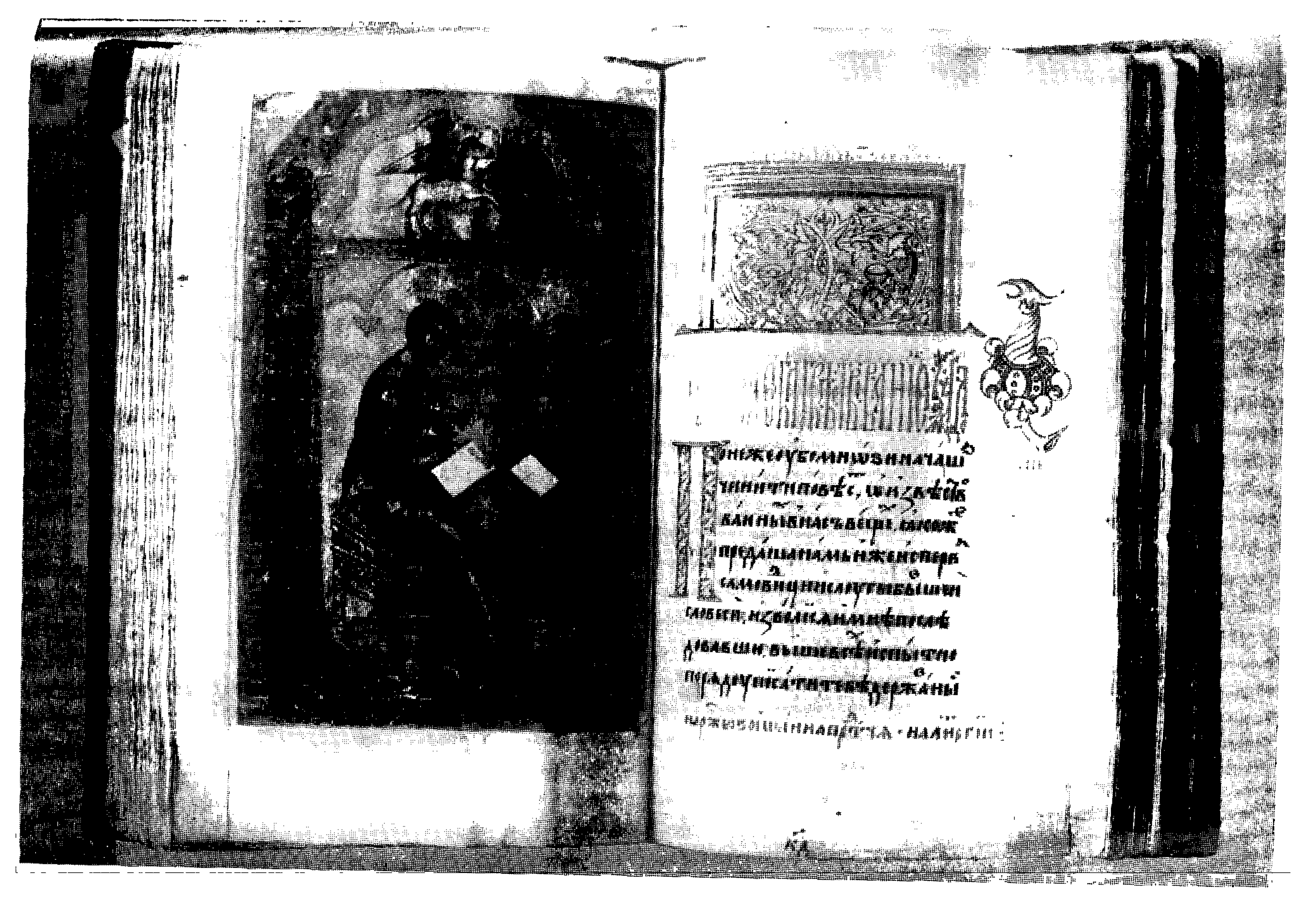
[1] ГИМ, Ув. 77.

[2] Леонид, архим. Систематическое описание славяно-российских рукописей собрания графа А. С. Уварова, ч. I. М., 1893, стр. 48.

[3] *Е. Л. Немировский.* К истории древнерусской гравюры. — «Искусство», 1962, № 6, стр. 66—69.

[4] *Е. Л. Немировский.* Из истории иллюстрационной печатной формы в России. — «Полиграфическое производство», 1962, № 1, стр. 31.

[5] *Е. Л. Немировский.* Возникновение книгопечатания в Москве. Иван Федоров. М., 1964, стр. 115—142. Недавно Г. В. Попов писал о «разновременности» и «разнокачественности декора» памятников, приписанных нами школе Феодосия, и утверждал, что «ни одна из рассмотренных Е. Л. Немировским рукописей не может стоять рядом с памятником 1507 г. — известным Четвероевангелием из собрания М. П. Погодина, единственной из рукописных книг, в которой есть указания на работу Феодосия» (исключая заставки Уваровского Четвероевангелия). См.: *Г. В. Попов.* Дионисий

Разворот Уваровского Четвероевангелия с раскрашенным ксилографическим фронтисписом и гравированными на металле заставкой и «цветком». ГИМ, Ув. 77

По водяным знакам бумаги Уваровское Четвероевангелие датируется 50—60-ми годами XVI в. Но гравированные на меди заставки и «цветки» могли быть вклеены в Уваровское Четвероевангелие позднее — лет сто спустя, после того как книга эта была написана, уже в XVII столетии, когда углубленная гравюра на металле была широко распространена на Руси. Вспомним о фронтисписах книги, выполненных в технике ксилографии — их более позднее происхождение не вызывает никаких сомнений.

Возражая на эти доводы можно сказать следующее. В Уваровском Четвероевангелии наряду с двумя гравированными заставками и тремя «цветками» есть еще 10 заставок и 1 «цветок», воспроизведенные от руки. Характер орнаментики указывает на XVI в. Если гравюры были вклеены в книгу позднее, под ними должны находиться старые рукописные заставки. Однако просмотр листов на просвет убеждает нас, что поля под гравюрами совершенно чистые.

О раннем происхождении заставок Феодосия Изографа говорит и существование ксилографированных копий этих заставок — одной близкой к безвыходной Триоди постной около 1555 г. и второй дословной — в Псалтири 1577 г.[6]

Ныне в нашем распоряжении есть новые факты в пользу данной гипотезы. Нашлись рукописи XVI в., в которых наклеены оттиски той же самой гравированной на металле заставки Феодосия Изографа. Прежде всего это толковый Апостол из собрания Ярославского областного краеведческого музея с записью 1593 г. о вкладе книги в Ярославский Спасский монастырь. Книга была в 1958 г. описана В. В. Лукьяновым, который, однако, не заметил, что «цветная заставка „фряжского“ стиля с подписью Изограф Феодосие» выполнена в технике гравюры на меди [7].

Еще один оттиск той же заставки был обнаружен нами в Четвероевангелии из собрания Кирилло-Белозерского монастыря,

и московская миниатюра. — В кн.: «Древнерусское искусство. Рукописная книга». М., 1972, стр. 257. Однако на страницах того же издания, в котором опубликована работа Г. В. Попова, И. В. Синицына выстроила в один ряд многие книги, которые мы атрибутировали мастерской Дионисия—Феодосия — от Слов Григория Богослова (ОРЛБ, ф. 304, № 137) до знаменитого Четвероевангелия (ГИМ, Муз., № 3443) — на этот раз они связаны с именем писца Михаила Медоварцева. См. *И. В. Синицына.* Книжный мастер Михаил Медоварцев. — В кн.: «Древнерусское искусство. Рукописная книга», стр. 286—317. Вслед за Е. В. Зацепиной и Н. В. Розановой Медоварцеву приписывается и орнаментальное убранство рукописей, хотя указания выходной записи Четвероевангелия 1507 г. на этот счет недвусмысленны — «а златом прописывал Михайло Медоварцов».

[6] *Е. Л. Немировский.* Орнаментика первых московских печатных книг. — В кн.: Сборник трудов, вып. 21. М., 1962, стр. 71 (Научно-исследовательский институт полиграфического машиностроения).

[7] *В. В. Лукьянов.* Краткое описание коллекции рукописей Ярославского областного краеведческого музея. — В кн.: Краеведческие записки, вып. 3. Ярославль, 1958, стр. 213—214.

которое в рукописном каталоге Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина датируется началом XVI в. [8] К слову говоря, составитель каталога и в этом случае посчитал гравюру рисунком: «перед евангелиями заставки и инициалы, писанные красками и золотом, сложного художественного рисунка» [9].

Четвероевангелие, о котором идет речь, написано на бумаге с водяным знаком «перчатка с короной над пальцами», близком к знакам Лихачев, № 1688—1689, которые извлечены из рукописи 1541 г.

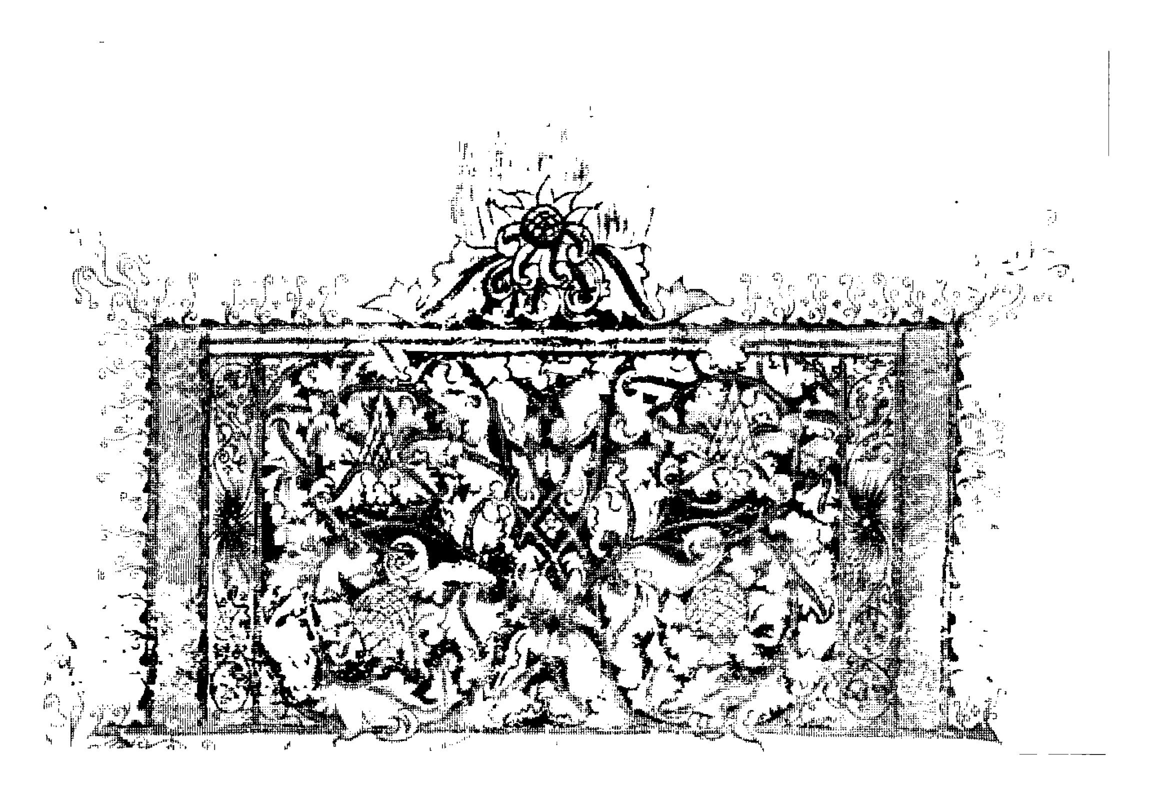
В книге пять заставок. Две из них — перед евангелиями от Матфея (л. 8) и от Иоанна (л. 248) — большого интереса не представляют. Это традиционные заставки со старопечатными клеймами, художественный уровень их невысок. Заставка перед Соборником (л. 318) представляет собой полосу акантового вьюнка, выполненную достаточно грубо. Остаются две заставки. Об одной из них — перед евангелием от Марка (л. 101) — речь пойдет ниже. В заставке же перед евангелием от Луки (л. 155) в качестве клейма (размер 48×82 мм) использована гравированная на меди заставка Феодосия Изографа. По бокам ее — два вертикально расположенных поля, закрашенных синей краской. По полю пущен тонкотравный орнамент с кленовыми листьями. В самой заставке ствол и ветки прописаны золотом, а нижние части цветков и бутонов — киноварью. Листья — зеленые. Щит закрашен белилами так, что надпись «Изограф Феодосие» почти не видна.

На переплетных листах Четвероевангелия запись: «Еуфимия Цыплетова». К этому же лицу восходит еще одна книга из собрания Кирилло-Белозерского монастыря — Апостол XVI в. с записью на обороте верхней крышки переплета «Цыплетевской Апостол» [10]. И в этой рукописи мы встречаем старопечатную заставку, скомпонованную из двух симметричных относительно вертикальной оси частей, в которых мы узнаем нижнюю часть инициала «S» из «Большого прописного алфавита» немецко-нидерландского гравера XV в. Израэля ван Мекенема [11]. Композиция заставки пользовалась большой популярностью. Мы встречаем ее в роскошном Четвероевангелии Государственного исторического музея, в Четвероевангелии Ужгородского университета, в Октоихе 1530-х годов и, наконец, в печатной Триоди постной московского мастера Андроника Тимофеева Невежи (1589 г.) [12]. Рисунок этой заставки в Цыплетевском Апостоле огрублен — он под стать неискусным заставкам Цыплетевского Евангелия, о ко-

[8] ГПБ. Кир.-Бел., № 37/42.
[9] См.: Кирилло-Белозерский монастырь. Опись библиотеки (ф. № 351). М., 1962, стр. 14а (Машинопись).
[10] ГПБ, Кир.-Бел., № 107/112.
[11] *Н. П. Киселев.* Происхождение московского старопечатного орнамента. — «Книга. Исследования и материалы», сб. II. М., 1965, стр. 167—198.
[12] ГИМ, Муз. № 3443; ОРЛБ, ф. 304, № 372.

Заставка Феодосия Изографа из Четвероевангелия Кирилло-Белозерского монастыря. ГПБ, Кир.-Бел. 37/42.

Заставка из Четвероевангелия Кирилло-Белозерского монастыря. Раскрашенная гравюра на меди (?) ГПБ, Кир.-Бел. 37/42.

торых шла речь выше. По всему видно, что художник, оформлявший эти книги, большим мастером не был. Тем разительнее выглядит на страницах Евангелия замечательная заставка Феодосия Изографа и не менее интересная заставка на л. 101, о которой речь впереди.

Итак, в нашем распоряжении имеются четыре оттиска одной и той же гравированной на меди заставки, причем все эти оттиски наклеены на страницы рукописных книг XVI в. — Уваровского Четвероевангелия, толкового Апостола Ярославского Спасского монастыря и Цыплетевского Четвероевангелия Кирилло-Белозерского монастыря. Во всех книгах оттиски прописаны сверху золотом и красками. Оформление этих рукописей разностильно, приписать их одной и той же мастерской нет никакой возможности.

Остается предположить, что оттиски гравированных на меди заставок находились в свободной продаже и специально предназначались для наклеивания на страницы рукописей и последующего расцвечивания.

Еще Т. В. Ухова ставила вопрос о возможности существования орнаментального подлинника древнерусского рукописания [13]. Не исключено, что часть этого подлинника была гравирована на металле с целью более или менее широкого распространения копий. Если это так, должны существовать и другие гравированные заставки, кроме заставки с подписью Феодосия Изографа.

В Цыплетевском Четвероевангелии — перед евангелием от Марка (л. 101) — помещена искусно выполненная заставка со старопечатным клеймом, варьирующим мотивы инициала «Д» «Большого прописного алфавита» Израэля ван Мекенема [14]. По краям клейма — по два вертикальных поля с тонкотравным орнаментом. Крайние поля покрыты синей, а внутренние — розовой краской. Тонкотравный орнамент прописан белилами. Клеймо с внутренними полями наклеено на страницы рукописи — его размеры 51×88 мм. Нам представляется, что и эта заставка выполнена в технике гравюры на меди.

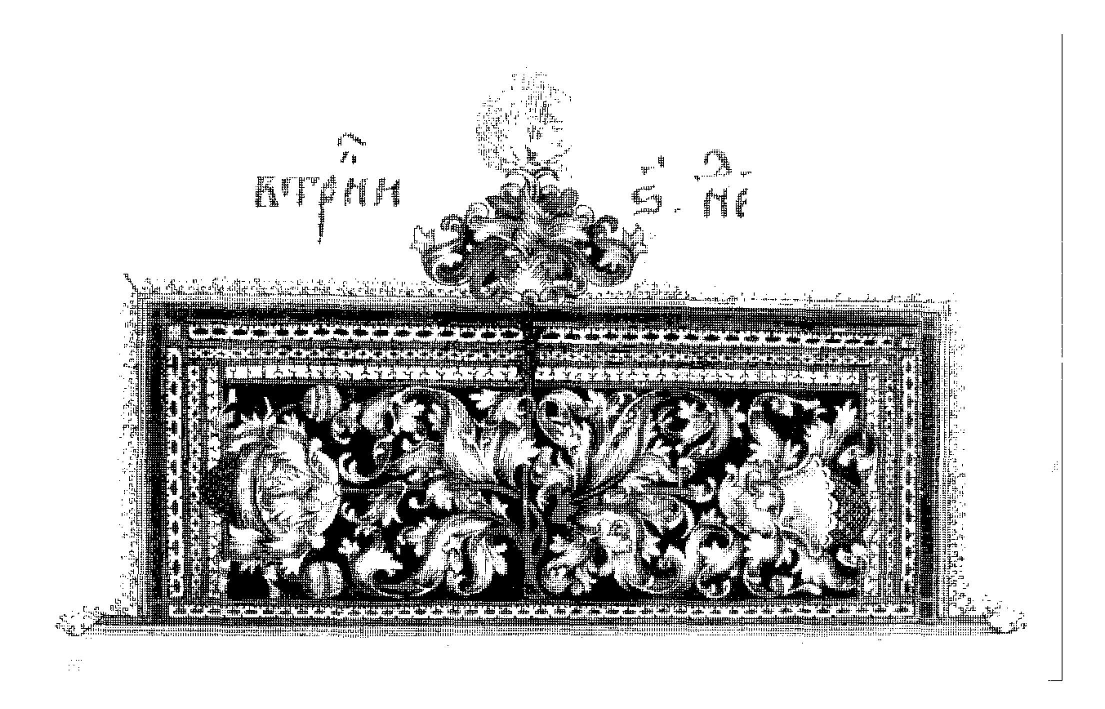
Заставки близкого, а возможно — и идентичного рисунка можно найти и в других рукописях, например, в Пандектах и Тактиконе Никона Черногорца 1550—1560 гг., в Псалтири начала XVII в. и др. [15]

Повторяемость заставок со старопечатными клеймами давно замечена исследователями. Назовем, например, весьма характерное клеймо заставки, которой в альбоме Т. Б. Уховой присвоен № 259. В клейме использованы мотивы инициалов «Н» и «N» «Большого прописного алфавита» Израэля ван Мекенема. Клеймо

[13] *Т. Б. Ухова.* Миниатюры, орнамент и гравюры в рукописях библиотеки Троице-Сергиева монастыря. — В кн.: «Записки Отдела рукописей», вып. 22. М., 1960, стр. 13 (Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина).

[14] Ср.: *Н. П. Киселев.* Указ. соч., стр. 178, 180.

[15] ОРЛБ, ф. 173, № 56, л. 22; ф. 173, № 137, л. 19.

Рукописная заставка со старопечатным клеймом, варьирующим мотивы «Большого прописного алфавита» Израэля ван Мекенема.

встречается нам в Четвероевангелии 1531 г. Исаака Бирева, в Четвероевангелии Государственного исторического музея, в роскошном Апостоле 1540 г. из собрания Троице-Сергиевой лавры [16].

Пока еще никто сколько-нибудь тщательно не сравнивал между собой заставки с близкими по рисунку старопечатными клеймами. Не имеем ли мы дело по крайней мере в некоторых из этих случаев с гравированными на металле (Феодосием Изографом?) композиционными схемами, наклеенными на страницы рукописей и прописанными сверху золотом и красками?

В рукописях конца XV — первой половины XVI в. — от Книги пророков 1489 г. и хорошо известной рукописи Д. М. Пожарского до Пятидесятницы 1541 г. встречается заставка растительного орнамента с вписанными в прямоугольник тремя или четырьмя окружностями, заполненными акантовой листвой. Аналогичную заставку можно видеть и в пока еще не изученной Псалтири Пискаревского собрания, где она наклеена на страницы рукописи и, скорее всего, гравирована на металле [17]. В той же рукописи есть и другая гравированная заставка (л. 258).

Мы помянули Книгу пророков 1489 г. и Слова Григория Богослова со вкладной записью Д. М. Пожарского. Именно в этих

[16] ОРЛБ, ф. 304, № 8659, л. 163; ф. 173, № 5, л. 129; ГИМ, Муз., № 3443, л. 19.

[17] ОРЛБ, ф. 173, № 20, л. 69; ф. 304, № 118, л. 1; ф. 304, № 146, л. 3; ф. 256, № 123, л. 237 и мн. др. Псалтирь Пискаревского собрания см. ОРЛБ, ф. 228, № 15, л. 494.

книгах 80-х годов XV в. в орнаментальном убранстве появляются мотивы, заимствованные с листов немецко-нидерландских граверов по металлу «ES» и «мастера берлинских страстей» [18]. Сюда же следует отнести Четвероевангелие XVI в. рукописного собрания Библиотеки Академии наук СССР [19]. Начальные листы евангелий этой рукописи с чрезвычайно интересными для нас заставками, по-видимому, имеют более раннее происхождение. Написаны эти листы другим почерком — не тем, что в основной части рукописи, и на другой бумаге. Четвероевангелие восходит к богатому собранию Антониева-Сийского монастыря, о чем свидетельствует следующая вкладная запись: «Положил сию книгу Евангелие глаголемое тетр Иоанн Улианов сын нарицаемый Угрим Василевской человек Воронцова в дом живоначалные Троицы и Благовещению пречистой и Сергию чюдотворцу на Двину в Онтониеву пустыню на Сею. А молить бога о нем за здравие и о его жене и детех, а по смерти его написать в вечный сенаник».

Одна из заставок рукописи представляет собой вытянутый по горизонтали прямоугольник, тесно заполненный буйной остроконечной листвой. Ветки, изгибаясь, образуют пять окружностей: одна из них — большая — в центре прямоугольника, а четыре меньших — по углам. Внутри окружностей — изображения ягод, цветов и бутонов, а среди листвы — семи птиц с длинными хищными клювами. Источник композиции мы находим на гравированном на меди листе «Орнамент с 7 птицами», принадлежащем резцу немецко-нидерландского мастера Израэля ван Мекенема [20].

Другая заставка той же рукописи представляет собой близкую копию причудливо изогнутого остроконечного листа, изображение которого находим на листе южнонемецкого «мастера со свернутыми лентами» — «Орнамент с дикими зверями и людьми» [21].

Значительный интерес для нашей темы представляют мотивы «Большого прописного алфавита» Израэля ван Мекенема, о котором уже шла речь выше в связи с Цыплетевским Евангелием. Е. В. Зацепина [22], Н. П. Киселев, а также автор этих строк указали боль-

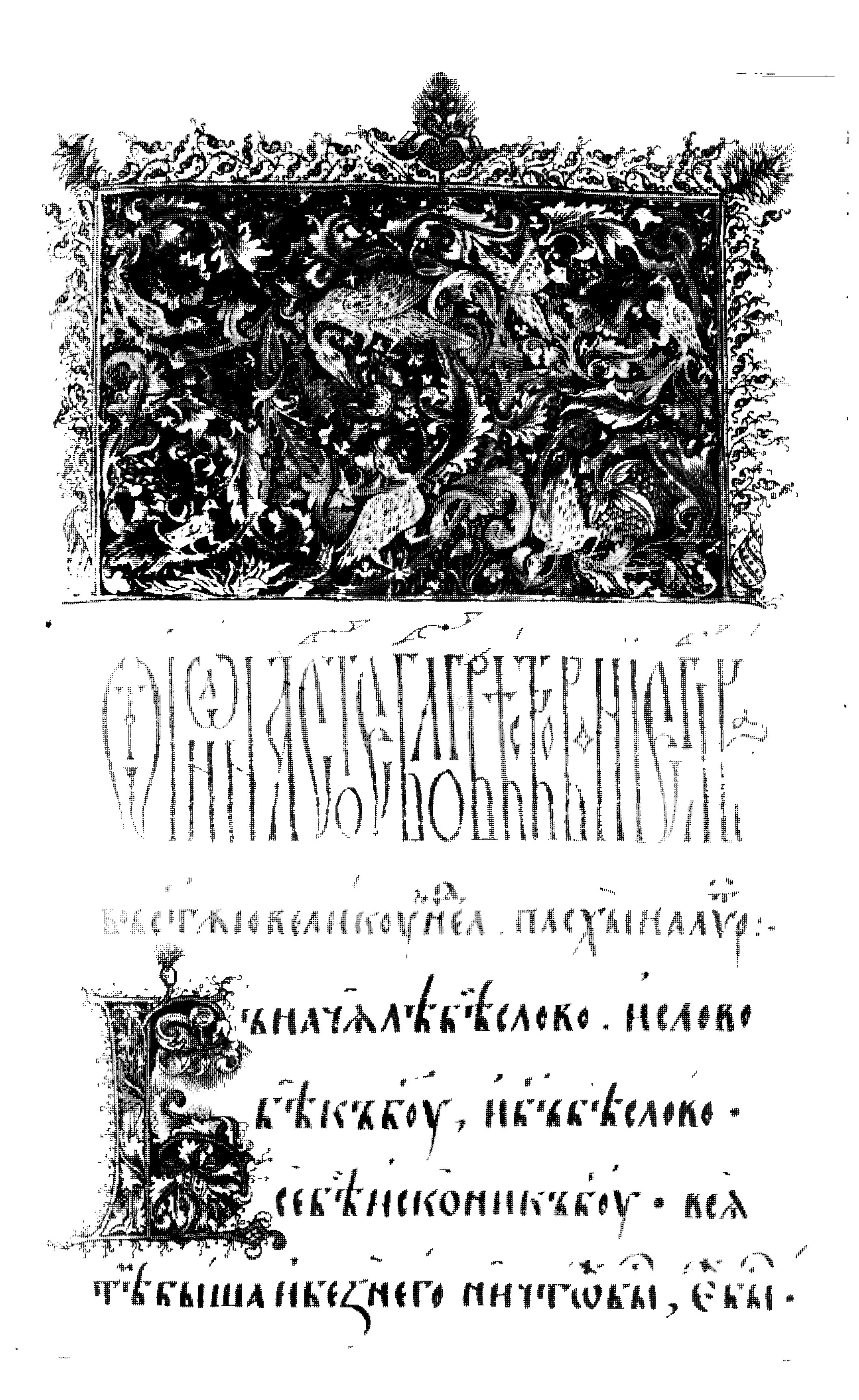
[18] Ср. новую работу: *N. Angermann.* Einwirkungen des frühen deutschen Kupferstichs auf den russischen Buchschmuck. — In: Israhel von Meckenem und der deutsche Kupferstich des 15. Jahrhundert. Bocholt. 1971, S. 123—129.

[19] БАН, Арх. собр., № 1209, инв. № 7409. Вкладная по нижнему краю л. 11—15. Заставка, о которой речь идет ниже, на л. 381.

[20] Репродукцию см.: *M. Lehrs.* Geschichte und kritischer Katalog des deutschen, niederländischen und französischen Kupferstichs in XV jh. 9 Tafelband. Wien, 1934, S. 262, № 629.

[21] «Meister mit den Bandrollen. Querfülung mit wilden Tieren und Menschen».— Репродукция в кн. *M. Lehrs.* Op. cit. Bd. IV, S. 163—164; *N. Angermann.* Op. cit.

[22] *Е. В. Зацепина.* К вопросу о происхождении старопечатного орнамента. — В кн.: «У истоков русского книгопечатания». М., 1959, стр. 101—154. Листов Израэля ван Мекенема Е. В. Зацепина не знала. На них, в качестве источника русской старопечатной орнаментики, впервые указал Н. П. Киселев в цитированной нами выше работе.

Четвероевангелие XVI в. с заставкой, варьирующей мотивы листа «Орнамент с 7 птицами» Израэля ван Мекенема.

шое количество рукописей первой половины—середины XVI в. с заставками, в которых в качестве черно-белых «клейм» использованы элементы алфавита ван Мекенема. Среди них Четвероевангелие 1531 г. Исаака Бирева, Четвероевангелие ГИМ, Муз., № 3443, Четвероевангелие из собрания Рогожского кладбища, Четвероевангелие Ужгородского университета, Апостол 1540-х годов из собрания Троице-Сергиевой лавры и мн. др.

Использование мотивов листовой углубленной гравюры немецких мастеров является тем общим, что объединяет все эти рукописи — от Книги пророков 1489 г. до Апостола 1540-х годов и только что рассмотренного нами Четвероевангелия Антониева-Сийского монастыря. Есть и другие общие признаки, например, использование сходных элементов орнаментальной разделки.

Нам представляется, что знакомство с листами немецко-нидерландских мастеров было первопричиной, побудительным толчком, привлекшим внимание русских орнаменталистов к гравюре на меди, техника которой (исключая стадию получения оттисков) была издавна известна на Руси. Кто был первым русским гравером? Нам представляется, что он сам указал свое имя в заставках из Уваровского и Цеплетевского Четвероевангелий и толкового Апостола Спасского монастыря: «Изограф Феодосие».

Освоенная, таким образом, полиграфическая техника была использована для орнаментирования рукописных книг.

Книгопечатание, начавшееся в России в 50-х годах XVI в., не убило рукописания. В течение долгих десятилетий рукописная книга бытовала параллельно с печатной. Найденные в XVI столетии приемы орнаментации рукописной книги углубленными гравюрами на меди достаточно широко применялись и в XVII в.

Рукописи с гравюрами встречаются во многих собраниях — к сожалению, они по сей день не учтены. Назовем, например, Псалтирь с восследованием XVI в. со вкладной записью 1616 г., обильно орнаментированную ксилографиями, среди которых есть и заставки, вырезанные из московского Часовника 1565 г. Ивана Федорова и Петра Тимофеева Мстиславца. Есть в этой книге и гравюра на меди — розетка растительного орнамента [23].

В XVII в. в рукописях часто встречаются гравированные на металле рамки, вплетенные в начало книги и нередко служащие титульным листом — текст в такие рамки вписывался от руки. Примеры, которые можно привести в этой связи, многочисленны. Назовем рукописный Подлинник XVII в. с записью 1618 г. из собрания А. С. Уварова, Синодик XVII в. и Житие Александра Невского 1683 г. из собрания В. М. Ундольского и мн. др. [24]

Замечательная рамка с изображением «домовой печати» Соловецкого монастыря и цветочным обрамлением, копирующим титульный лист Григория Благушина к «Учению и хитрости рат-

[23] ОРЛБ, ф. 304, № 324, л. 558 об.
[24] ГИМ, Ув. 847, л. I; ОРЛБ, ф. 310, № 154, л. 1; ф. 310, № 275, л. 1.

Гравированная на меди заставка рукописного Сборника XVII в. ЦГИА Карельской АССР, № 37.

ного строения пехотных людей» 1647—1649 гг., в свое время была описана Д. А. Ровинским [25]. Мы обнаружили часть этой рамки, использованную в качестве заставки, в рукописном Сборнике XVII в. из собрания Центрального государственного исторического архива Карельской АССР [26].

В конце XVII в. начинают встречаться рукописные книги, иллюстрированные гравюрами на металле.

Рукописная книга была как бы опытным полигоном для выявления возможностей одной из техник полиграфического репродуцирования — углубленной гравюры на металле. Из рукописной книги техника эта шагнула в книгу печатную. «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей» 1647—1649 гг. — это лишь первый опыт. За ним последовали издания Верхней типографии Симеона Полоцкого, цельногравированный Букварь Леонтия Бунина — Кариона Истомина и, наконец, широкое использование углубленной гравюры в русской книге XVIII в.

И в этом случае, как во многих других, рукописная книга прокладывала дорогу печатной.

[25] *Д. А. Ровинский.* Русские народные картинки, т. 3. СПб., 1881, стр. 424, № 1042.

[26] ЦГИА Карельской АССР, рук. № 37.

Греческая рукописная и печатная книга XV—XVI вв. и ее влияние на книжность других народов

И. Н. Лебедева

Общеизвестно значение Византии в жизни народов той историко-культурной целостности средневековья, которую историки называют Востоком христианским. Гораздо менее известна историческая культура греческого народа в послевизантийский период, в XV—XVI вв. Не изучено еще должным образом само состояние этой культуры. До некоторой степени традиционным стало мнение об упадке греческой культуры после падения Византии. Кроме книги известного румынского историка Н. Иорги, посвященной византийским традициям в культуре Румынии [1], нет ни одного исследования о «Византии после Византии».

Уничтожение турками средневековой греческой империи вовсе не привело к гибели культуры, накопленной за период тысячелетнего существования, потому что остался народ — носитель этой культуры, которая продолжала жить в атмосфере взаимодействия с культурой других народов, и это прежде всего видно при изучении греческой книжности, как рукописной, так и печатной. Изучение этой книжности еще раз подтверждает справедливость сформулированных акад. Д. С. Лихачевым положений: 1) о единстве истории книги, единстве двух ее потоков — рукописного и печатного; 2) о необходимости рассмотрения истории книги в контексте исторических условий [2].

Прежде чем перейти к рассмотрению того, что представляла собой рукописная и печатная греческая книга XV—XVI вв., необходимо напомнить, что еще до гибели Византии начался «великий исход» греков в страны Западной Европы, навстречу растущему интересу к греческой античности и греческому языку [3]. После же 1453 г. эмиграция греков на Запад приняла массовый характер. Греки устремились, главным образом, в Италию. Особенно охотно принимала греческих беженцев Венеция, в которой образовалась самая крупная по сравнению с другими итальянскими городами греческая община, или братство [4]. Эмигранты

[1] *N. Yorga.* Byzance après Byzance. Bucarest, 1935.

[2] *Д. С. Лихачев.* Задачи изучения связи рукописной книги и печатной. — См. стр. 3—10 настоящего издания.

[3] *D. I. Geanakoplos.* Greek scholars in Venice. Studies in dissemination of Greek learning from Byzantium to Western Europe. Cambridge, Mass., 1962.

[4] О греческой общине в Венеции и ее деятельности см.: *И. Н. Лебедева.* Поздние греческие хроники и их русские и восточные переводы. Л., 1968, стр. 10—13 (в серии «Палестинский сборник», т. 18).

органически влились в жизнь итальянских республик, занимаясь торговлей, мореходством, обучением греческому языку, перепиской книг, работой в типографиях. И. Н. Голенищев-Кутузов следующим образом охарактеризовал состояние греческой культуры XV—XVI вв.: «В настоящее время нельзя сомневаться в том, что греческая образованность не заглохла после падения Константинополя, но продолжала развиваться иными путями. «Византия после Византии»... была органически связана с Италией» [5].

Вместе с образованными греками в Италию прибывали сокровища греческой культуры — драгоценные кодексы, содержащие произведения античных авторов, отцов церкви, византийских историков. Эти рукописи пользовались в Европе огромным спросом. Их приобретали для своих библиотек ученые-гуманисты, короли и герцоги, епископы и кардиналы, целые коллективы переписчиков трудились над их копированием. Греческая рукописная книга получает в это время широкое распространение в европейских странах.

Вместе с тем уже развитое европейское книгопечатание откликнулось на приток греков и растущий в связи с этим спрос на греческую книгу. За вторую половину XV в. было издано 28 книг на греческом языке (все они вышли в городах Италии) и 57 книг с параллельными текстами на греческом и латинском языках. В XVI в. в городах Западной Европы было издано 290 книг на греческом языке и 458 книг с параллельными текстами [6].

До сих пор мы говорили о греческой книге в Западной Европе. Но существовала еще и огромная территория бывшей Византийской империи с греческим и грекоязычным населением. На этой территории греческих типографий не было. Лишь в 1627 г. иеромонаху Никодиму Метаксе удалось организовать типографию, которая просуществовала очень недолго и успела выпустить всего две книги церковно-полемического характера на новогреческом языке: 1) трактат патриарха Александрийского Кирилла Лукариса и проповеди Максима Маргуния, 2) сборник антилатинских посланий патриарха Александрийского Мелетия Пигаса [7]. Поэтому из-за отсутствия типографий в Греции книгу переписывали от руки — в монастырях, при церквах, в школах, в больших городах и самых отдаленных уголках. Но попадала в Грецию в это время и печатная греческая книга, привозимая из западных стран.

Таким образом, рукописная и печатная греческая книга существуют в это время параллельно. Как же соотносились друг

[5] *И. Н. Голенищев-Кутузов.* Гуманизм у восточных славян (Украина и Белоруссия). М., 1963, стр. 38 («V Международный съезд славистов. Доклады советской делегации»).

[6] *É. Legrand.* Bibliographie hellénique ou description raisonnée des ouvrages publiés en grec par des grecs aux XV et XVI siècles, t. 1—3. Paris. 1885—1903.

[7] *É. Legrand.* Bibliographie hellénique ou description raisonnée des ouvrages publiés par des grecs au dix-septième siècle, t. 1. Paris, 1884, p. 234—237, 240—243, N 166, 168.

с другом обе эти формы греческой книжности? Вытесняла ли одна другую или они сосуществовали, дополняя друг друга и составляя единый поток книжности? Очень важным для правильного решения этого вопроса является понимание функционального характера рукописного способа производства книги в позднем средневековье, понимание зависимости книги рукописной от книги печатной, что отмечали А. С. Мыльников [8] и А. Х. Горфункель [9]. Другой, не менее важный вопрос — какие культурные тенденции своего времени обслуживала греческая книга, рукописная и печатная, можно ли провести между ними в этом отношении четкую границу? Какие тексты содержит книга рукописная и книга печатная, есть ли между ними разница и в этом?

Изучение греческой книги XV—XVI вв. показывает, что такой четкой границы между двумя ее формами нельзя провести, что каждая из них была связана с двумя основными направлениями или тенденциями поздней греческой культуры, которые условно можно назвать классическим (или гуманистическим) и православно-патриотическим. Эти направления в самом начале рассматриваемого нами периода представлены двумя выдающимися личностями, полемизировавшими друг с другом: Георгием Гемистом Плифоном (или Плетоном, по другому произношению) и Геннадием Схоларием, патриархом Константинопольским. Георгий Гемист Плифон (1360? — 1452) — греческий гуманист, знаменитый философ-неоплатоник [10]. Применение названия «гуманист» по отношению к представителю византийской культуры сейчас уже, как правило, не встречает возражений. В византиноведческой литературе все чаще и чаще встает вопрос о греческом гуманизме [11]. Разумеется, при употреблении термина «гуманизм» к греческой культуре она не приравнивается к гуманизму западному, создавшему эпоху в мировой культуре. Но, тем не менее, в определенных кругах византийской образованности возникают гуманистические тенденции: интерес к античности, особенно к философии Платона, и несогласие с православием, доходящее иногда, как у Плифона, до неопаганизма. Особенно сильно гуманистические тенденции проявлялись у выходцев с Крита. Крит был самым значительным гуманистическим очагом греческой культуры XV—XVI вв. В общей истории европейского Возрождения этот остров сыграл важную роль как родина многих выдающихся ученых-эллинистов

[8] *А. С. Мыльников.* Вопросы изучения поздней рукописной книги. — См. стр. 19—36 настоящего издания.

[9] *А. Х. Горфункель.* Печатная и рукописная книга в Италии XVI в. — См. стр. 114—120 настоящего издания.

[10] О Плифоне см.: *И. П. Медведев.* Мистра. Очерки истории и культуры поздневизантийского города. Л., 1973, стр. 99—122.

[11] *И. П. Медведев.* Византийский гуманизм. — «Вопросы истории», 1972, № 4, стр. 214—217; *Его же.* Мистра. . ., стр. 111—112. В настоящее время И. П. Медведев подготавливает специальную монографию, посвященную этой теме.

и как центр изучения и переписки многих произведений греческой литературы.

Но гуманистические тенденции греческой культуры не встретили широкой поддержки в самой Византии, потому что начиная с XIV в. в духовной жизни Византии преобладает другое направление, которое мы назвали православно-патриотическим (по отношению к XV—XVI вв.) — исихазм, религиозно-философское движение, породившее огромную литературу и оказавшее самое глубокое влияние на древнерусскую культуру [12]. Выразителем этого второго направления греческой культуры в XV в. является прежде всего Геннадий Схоларий, первый после падения Византии патриарх Константинопольский (1453—1459), осмелившийся вести прение о вере с самим Мехмедом Завоевателем и известный в русской литературе по толкованию им пророчества о гибели турецкой державы, якобы начертанного на гробнице Константина Великого [13].

Как же отразились эти направления греческой культуры XV—XVI вв. в книжности этого времени? Гуманистические тенденции представлены прежде всего греческой книгой на Западе, как печатной, так и рукописной. Первой печатной греческой книгой была изданная в Милане в 1476 г. грамматика Константина Ласкариса, второй — изданная в 1484 г. во Флоренции грамматика Мануила Хрисолора, третьей — «Батрахомиомахия» (Венеция, 1486). Среди 28 греческих книг, изданных в Европе в XV в., только две книги имеют отношение к церкви (две Псалтири), остальные 26 светского содержания: грамматики, словари, произведения античных классиков. Среди этих изданий и такой шедевр типографского искусства, как «Большой этимологический словарь», изданный в Венеции в 1499 г. критянами Марком Музурусом и Захарием Калиерги. За столетие, начиная с 1488 г., выпускает одно за другим издания греческих классиков венецианская типография, основанная знаменитым филологом и типографом Альдом Мануцием. Среди изданий этой типографии, называемых теперь «альдинами», почетное место занимает корпус сочинений Аристотеля. Венецианские типографы (Альд Мануций, Захарий Калиерги и др.) создают замечательные по красоте греческие шрифты на основе лучших греческих почерков. Греческие издания XV в. — это книга роскошная, дорогая, главным образом формата фолио.

Существующая наряду с печатной книгой в Италии греческая книга рукописная отражает два направления, соответственно охарактеризованным выше направлениям греческой культуры. Одно из них носит, главным образом, библиофильский характер: роскошные греческие кодексы с текстами античных авторов соз-

[12] *Г. М. Прохоров.* Исихазм и общественная мысль в Восточной Европе XIV в. — ТОДРЛ, т. XXIII. Л., 1968, с. 86—108.
[13] О Геннадии Схоларии см.: *H.-G. Beck.* Kirche und theologische Literatur in byzantinische Reich. München, 1959, S. 760—763.

даются по заказу гуманистов и коллекционеров-меценатов. Такие кодексы переписываются уже не только греками, но и самими итальянцами [14]. Так, например, в первой половине XVI в. Джованни Бернардо Регазола, по прозвищу Феличиано, преподаватель греческого языка и латыни в Венеции, создавал изысканные манускрипты, содержащие тексты греческих медиков. В Библиотеке Академии наук СССР хранится рукописный сборник медицинских трактатов позднеантичного медика Орибазия, переписанный Феличиано (F № 193) [15].

Таким образом, основной круг читателей печатной и роскошной рукописной греческой книги — это гуманисты. Но наряду с этим существовала на Западе, главным образом в Венеции, и другая рукописная греческая книга, попроще — та, что обслуживала повседневную жизнь греческой общины. Главное отличие этой книги в том, что она написана на новогреческом разговорном языке. С конца XVI в. при греческой общине в Венеции появляются свои типографии, выпускающие обширную продукцию. XVII столетие — это расцвет таких небольших греческих типографий в Венеции, когда было издано 715 изданий, большая их часть в первой половине века. Так же, как и рукописная книга греческой общины, продукция этих небольших греческих типографий очень существенно отличалась по своему содержанию от изданий, подготавливаемых гуманистами. Типографии общины издают прежде всего книги на новогреческом языке, практически необходимые школе и церкви: грамматики, словари, руководства по логике и риторике, богослужебные книги, жития святых и т. п.

Кроме того, венецианские типографии издают народные книги для чтения: произведения народной литературы, новогреческие обработки издавна бытующих мифологических и библейских сюжетов, всемирные хроники и т. п. [16] Сам внешний вид этих книг совсем другой, чем у изданий гуманистов, — они малого формата, обычно октавы или небольшие кварты, удобные для частого чтения и перевозки. В некоторых предисловиях к такого рода венецианским народным книгам говорится, что они предназначены

[14] О переписчиках греческих рукописей этого времени см.: *P. Canart.* Scribes grecs de la Renaissance. Additions et corrections aux répertoires des Vogel.— Gardthausen et de Patrinelis. — Scriptorium, t. XVII, 1963, N 1, p. 56—82; *Б. Л. Фонкич.* Греческие писцы эпохи Возрождения. — «Византийский временник», т. XXVI, 1965, стр. 266—271.

[15] *И. Н. Лебедева.* Греческие рукописи с Афона в собрании Библиотеки АН СССР. — «Сборник статей и материалов Библиотеки АН СССР по книговедению», вып. II. Л., 1970, стр. 274—275; *ее же.* Описание Рукописного отдела БАН СССР, т. 5. — «Греческие рукописи». Л., 1973, стр. 85—86.

[16] *J. Irmscher.* Bemerkungen zu den Venezianer Volksbüchern. — «Probleme der neugriechichen Literatur», Bd. III. Berlin, 1960, S. 144—179 (Berliner Byzantinistische Arbeiten, Bd. XVI).

для всех греков, особенно для тех, кто живет в Греции, где нет своих типографий [17].

Еще один вид печатной продукции народных греческих типографий — издания, содержащие полемические антикатолические произведения. Эти книги должны были противостоять римской униатской пропаганде, которая осуществлялась изданиями иезуитской коллегии в Риме и конгрегации «De propaganda fide». Полемические издания венецианских типографий широко распространяются как в самой Италии, так и за ее пределами, среди греческого населения подвластным туркам территорий. Греческая община в Венеции становится оплотом греческого православия, тем центром, где, как считают греки, идейно подготавливается их грядущее освобождение от турецкого владычества, условием чего является сохранение чистоты веры и борьба против «латинства».

Итак, греческая печатная книга на Западе отчетливо отражает обе тенденции, оба направления поздней греческой культуры: гуманистическое и православно-патриотическое. Это же свойственно и рукописной греческой книге на Западе, но тут дает себя знать функциональная зависимость поздней рукописной книги от печатной. На Западе роскошную рукописную книгу заказывают главным образом библиофилы. С ростом числа типографий при греческой общине в Венеции греческая школа и церковь пользуются в основном тоже книгой печатной. В самой же Греции всю книгу переписывают от руки. Привозимая из Италии печатная греческая книга даже в самой малой степени не удовлетворяла существующей потребности в книге, а в отдаленные уголки Греции она не доходила совсем. Рукописная книга, переписываемая на греческих территориях, тоже разнообразна по своему характеру. В монастырях и при церквах переписываются богослужебные книги, жития святых, тексты канонического содержания. Эта книга часто оформлена в стиле традиций книги византийского периода, украшена миниатюрами, инициалами, многоцветным с золотом орнаментом. Излюбленными книгами для чтения являются сборники писем выдающихся деятелей греческой культуры, эпистолографический стиль надолго сохраняет свое значение в греческой литературе, и потому широко распространены письмовники, руководства для обучения этому жанру. Большой популярностью пользуются проскинитарии, описания путешествий в Святую землю с многочисленными раскрашенными рисунками.

Существует в это время в Греции и книга попроще, особенно с текстами на новогреческом языке, которую переписывали для собственного употребления, есть также и дорогая библиофильская

[17] Напр., в предисловии к венецианскому изданию 1631 г. всемирной хроники Псевдо-Дорофея Монемвасийского. См.: *И. Н. Лебедева.* Поздние греческие хроники..., стр. 14.

книга, написанная на особо тонком и тщательно выделанном пергамене. В крупнейших библиотеках Греции сохранилась большая часть рукописных книг этого времени, особенно в библиотеках афонских монастырей [18]. Большая часть рукописей, сохранившихся на Афоне, по-видимому, там же и была написана.

И рукописная, и печатная греческая книга, таким образом, в равной мере отражает существующие в греческой культуре направления и тенденции. Не всегда эти два направления легко разделить, они могут объединяться в деятельности одних и тех же людей. Пример тому — деятельность одного из выдающихся представителей греческой культуры XVI в., гуманиста и филолога Максима Маргуния, епископа о. Киферы. Он состоял в дружбе с многими гуманистами Запада, и в многочисленных рукописных сборниках дошла до нас его обширная переписка с ними. Он известен также своими многочисленными полемическими антилатинскими сочинениями. В хранящихся в ГИМ и других хранилищах рукописях из библиотеки Максима Маргуния (с его владельческими записями или написанных им самим) наряду с творениями отцов церкви, полемическими трактатами и т. п. представлены также и произведения античных авторов [19].

Греческая книжность XV—XVI вв., таким образом, существовала не изолированно, а в тесной связи с общей культурой Запада. Гуманистическая тенденция греческой книги внесла свой вклад в культуру эпохи Возрождения, с одной стороны, и, в свою очередь, греческая книга испытала на себе влияние этой культуры. То же самое относится и к другому направлению греческой книжности, которое оказало огромное воздействие на книжность других народов: русских, румын, арабов-христиан, грузин. Это воздействие выразилось прежде всего в многочисленных переводах произведений греческой литературы, бытующих в греческой книжности этого времени, на языки этих народов. Особенно это относится к XVII в., который по справедливости можно назвать веком переводной литературы.

Для России середина XVII в., период царствования Алексея Михайловича и патриаршества Никона — время наиболее интенсивной переводческой деятельности. Интерес к греческой культуре в России имеет свою политическую и идеологическую основу, будучи связан с известной теорией «Москва — третий Рим» [20]. С греческого языка на русский переводятся в это время многие произведения старой и новой греческой литературы. С чего же именно делались эти переводы, с печатных или рукописных книг, отдавалось ли при этом преимущество какому-либо одному из видов греческой книги?

[18] *Е. Э. Гранстрем, И. Н. Лебедева.* Мировой фонд греческих рукописей. — «Проблемы палеографии в СССР». М., 1974, стр. 194—199.

[19] *Б. Л. Фонкич.* Греческие писцы эпохи Возрождения. . ., стр. 270.

[20] *Н. С. Чаев.* «Москва — третий Рим» в политической практике московского правительства XVI в. — Исторические записки, т. 17, 1945, с. 3—23.

Центром переводческой деятельности при патриархе Никоне становится Печатный двор. Источниками текстов для переводов служили, прежде всего, книги Патриаршей библиотеки, а также книги, принадлежавшие справщикам Печатного двора. Патриаршая библиотека в 1655 г. получила огромное по тому времени количество греческих рукописных книг — 498, которые привез с Афона специально посланный за ними иеромонах Арсений Суханов [21]. Среди этих 498 рукописных книг 88 содержат проповеди и поучения отцов церкви, 76 — богословские трактаты, 57 — толкование Священного писания, 45 — богослужебные тексты, 38 — тексты Священного писания, 16 — книги по каноническому праву и, наконец, остальные 58 — трактаты по логике, риторике и произведения античных авторов.

Меньше сведений сохранилось о печатных греческих книгах, привезенных Арсением Сухановым и входивших в состав Патриаршей библиотеки [22]. Мы можем судить о них, главным образом, по сохранившимся экземплярам в библиотеке Московской Синодальной типографии, хранящейся в настоящее время в Центральном Государственном архиве древних актов. В составе этой библиотеки сохранилось всего 164 печатные греческие книги. Большая их часть — книги богослужебные, творения отцов церкви, библейские тексты, но есть также словари, грамматики, произведения греческих классиков: историков, философов, медиков [23]. В числе этих книг не только те, что входили в состав Патриаршей библиотеки, но и книги, принадлежавшие справщикам Печатного двора: Арсению Греку, монаху Евфимию, иеромонаху Тимофею и др. Сохранились также старые описи книг, принадлежавших справщикам, например, опись книг монаха Евфимия (в рукописи Типографской библиотеки, № 1186) [24]. В этой описи перечислены 28 печатных греческих книг, из которых 12 содержат творения отцов церкви, восемь — богослужебные тексты, три — Священное писание, две — всемирные хроники, две—словари и одна — текст канонического содержания.

По-видимому, именно из имеющихся в их распоряжении печатных и рукописных греческих книг и черпали московские книжники материал для своих переводов. Очень показательна в этом отношении история перевода всемирной греческой хроники Псевдо-Дорофея Монемвасийского [25]. Хроника была переведена на русский язык в 60-х годах XVII в. в Москве справщиками Печатного Двора Арсением Греком и архимандритом Иверского Афонского монастыря Дионисием. Русский перевод хроники Псевдо-Дорофея

[21] *С. Белокуров.* Арсений Суханов, ч. 1. М., 1891, стр. 354—414.
[22] Там же, стр. 410—412.
[23] Библиотека Московской Синодальной типографии, ч. 1. Рукописи, вып. 1. Сборники. Описал А. Орлов. М., 1896, стр. IV.
[24] Там же, стр. XV—XVII.
[25] Об истории русского перевода этой хроники см.: *И. Н. Лебедева.* Поздние греческие хроники, стр. 75—106.

предполагали напечатать, но издание это не состоялось, и хроника широко распространилась в списках. Среди греческих печатных книг Типографской библиотеки удалось найти непосредственный оригинал, с которого был сделан русский перевод, — экземпляр первого издания греческого текста (Венеция, 1631 г.) [26]. По имеющейся владельческой записи на книге видно, что она принадлежала Арсению Греку и что вместе с русским переводом хроники она в 1663 г. была передана на Печатный двор. При сличении текста перевода с греческим оригиналом оказалось, что при переводе греческий текст дополнен из каких-то других источников. Анализ этих дополнений показал, что они греческого происхождения и что искать их надо в тех греческих изданиях и рукописях, которые были доступны переводчикам. Действительно, на одной из греческих рукописей Синод. собр., № 457 (408) в ГИМ оказалась следующая запись: «И сесь гранограф был для свидетельства перевода с печатным гранографом». Источники дополнений к переводу хроники были обнаружены также в других греческих рукописях Синод. собр. Это говорит о том, что для московских книжников не имело существенного значения различие между печатной и рукописной греческой книгой, что первенствующее значение имел сам текст, что печатная книга еще не имеет в это время каких-либо преимуществ перед книгой рукописной.

Связь с греческой печатной и рукописной книжностью характерна в это время не только для русской книги, но и для книги румынской. В княжествах Молдавии и Валахии в XVI—XVII вв. представители правящего сословия тяготеют к греческой культуре и активно насаждают греческую образованность. При дворах господарей в это время много греков, а потому и широко распространена греческая книга. Греческое влияние выразилось также и в обильном количестве переводов памятников греческой литературы: богослужебных, агиографических, народных повестей («Александрия», «Повесть о Варлааме и Иоасафе»), всемирных хроник [27]. Эти переводы делаются с рукописных и печатных венецианских греческих книг.

Арабско-христианские переводы памятников греческой литературы в XVII в. связаны прежде всего с именем патриарха Антиохийского Макария (1647—1672) и его сына архидьякона Павла Алеппского, известного по составленному им описанию путешествия Макария в Россию в 1654—1656 гг. Среди многих переведенных Макарием с греческого языка книг есть и две всемирные новогреческие хроники Псевдо-Дорофея и Матфея Кигалы. В предисловиях к этим переводам Макарий указывает их источники: венецианские издания этих хроник. Любопытно, что хронику

[26] ЦГАДА, ф. 1251, № 3082.
[27] Istoria literaturii romîne. I. Folclorul. Literatura romîna în perioada feudala (1400—1780). Bucureşti, 1964. См. также: *И. Н. Лебедева.* Поздние греческие хроники. . ., стр. 110—116.

Псевдо-Дорофея Макарий переводил в Москве в 1667 г., по-видимому, с того же самого экземпляра первого издания 1631 г., с которого был сделан и русский перевод хроники. Этот экземпляр мог быть указан Макарию архимандритом Дионисием, одним из переводчиков хроники на русский язык, Дионисий состоял в это время при патриархе Макарии толмачем [28].

Наконец, уже в 1706 г. в Москве был сделан грузинский перевод хроники Псевдо-Дорофея Монемвасийского афонским монахом Багратом Сологашвили по инициативе и при непосредственном участии грузинского царя Арчила, жившего в России в изгнании. Очевидно, и этот перевод был сделан с того же московского экземпляра первого греческого издания хроники [29].

Итак, греческая книжность XV—XVI вв. представляла собой единое целое в двух своих потоках, рукописном и печатном. Основные тенденции, свойственные греческой культуре этого времени, отразились и в той, и в другой форме греческой книжности. Греческая книга XV—XVI вв. оказала значительное влияние на книжность других народов, обогатив их национальные литературы многочисленными переводными памятниками.

Печатная и рукописная книга в Италии XVI в.

А. Х. Горфункель

Появление в Италии в последней трети XV в. печатного станка привело уже в первые десятилетия книгопечатания к значительному вытеснению рукописной книги и к почти безраздельному господству печатной книжной продукции.

Прежде всего необходимо иметь в виду чисто количественную сторону дела. Мы не располагаем абсолютными цифровыми данными для ранней истории итальянского книгопечатания; особенно затруднительно положение с анализом книги XVI в. из-за отсутствия пока что не только сводного каталога, но и национальных библиографий. Мы можем — с необходимыми оговорками — воспользоваться опубликованным в 1958 г. Британским Музеем «Кратким каталогом книг, изданных в Италии, и книг, изданных

[28] *И. Н. Лебедева.* Поздние греческие хроники. . ., стр. 117—122.
[29] Там же, стр. 123—128.

на итальянском языке в других странах с 1465 по 1600 г.», на важность изучения которого обращал в свое время внимание В. С. Люблинский [1].

В каталоге описана одна из богатейших в мире коллекций итальянских старопечатных книг, отражающих книжную продукцию страны за первые 135 лет книгопечатания. К сожалению, составители не указывают общего количества учтенных ими изданий. Произведенный нами выборочный подсчет, уточненный благодаря проверкам по указателю типографий и их изданий, дал не менее 20 000 названий. Включение в каталог итальянских книг, изданных вне Италии, не меняет картины, так как их насчитывается не более 1%.

Трудно сказать, какую именно часть итальянской книжной продукции XV—XVI вв. представляет коллекция Британского музея. Но отметим, что составители аналогичного каталога французских книг того же собрания, учитывающего 12 000 названий, полагают, что в их описании учтена примерно седьмая часть французских печатных книг 1470—1600 гг.[2] По данным новейших исследований, в одной только Венеции (правда, являвшейся одним из мировых центров книгопечатания и книжной торговли, где издавалось книг больше, чем в Милане, Флоренции и Риме, вместе взятых) во второй половине XVI в. существовало 113 типографий, которые печатали ежегодно в среднем около 90 книг [3].

Но дело не только в объеме, но и во всеохватывающем характере печатной книги, как XV, так и в особенности XVI столетия. Книгопечатание охватило почти все духовное достояние тогдашней европейской культуры. Не были опубликованы лишь основательно забытые памятники раннего и классического средневековья и сочинения, запрещенные церковной цензурой. Среди инкунабулов представлены и творения отцов церкви, и трактаты средневековых схоластов, и произведения восточных (арабских, еврейских) авторов, усвоенные западноевропейской наукой, и возрожденная гуманистами греческая и латинская классическая древность, и обширная литературная продукция современных авторов.

Мнение о почти полном «засилии» церковно-богословной литературы в продукции раннего книгопечатания является крайне преувеличенным. «На долю церковных книг (в самом широком смысле. . .), — пишет В. С. Люблинский, — приходится хотя и первое место, но все же не более 30% общей массы изданий» [4]. В это число входят далеко не одни библейские тексты и богослу-

[1] «Short-title Catalogue of Books printed in Italy». London, 1958. См. *В. С. Люблинский*. Книга в истории человеческого общества. М., 1972, стр. 176.

[2] «Short-title Catalogue of Books printed in France». London, 1924.

[3] История Италии, т. 1. М., 1970, стр. 473.

[4] *В. С. Люблинский*. Научное значение инкунабулов.— В кн. «Каталог инкунабулов БАН СССР». М. — Л., 1963, стр. 26.

жебные книги, но и творения отцов церкви, и сочинения средневековых богословов, часто имевшие весьма широкое философское значение, и сборники проповедей и поучений, смыкавшиеся с литературой светской и связанные с актуальными нравственными и политическими вопросами своего времени.

Собственно научная книга занимает среди инкунабулов сравнительно скромное место, около 10% изданий; по данным А. И. Маркушевича, это около 3000 книг — характерно при этом, что половина научных книг XV в. была опубликована в Италии [5].

Но книгопечатание не ограничивается изданием богословской, научной, художественной литературы — оно включает в сферу своего безусловного господства все существовавшие в это время области не только книги, но и письменности вообще, хоть в какой-то мере представлявшие общественный интерес. Здесь и публицистика, вплоть до листовок, и информационные публикации, предшествующие возникновению периодической печати, и официальные документы — от правительственных указов до уставов папской канцелярии и индульгенций, даже — до издания материалов судебных дел, притом не только политического характера, но и сугубо частного, примеры чему мы встречаем в XVI в. Здесь и книги массового спроса, от молитвенников до предшественников современной «паралитературы», здесь и рассчитанные на крайне ограниченный круг читателей издания «на случай», торжественные публикации к официальным празднествам и церемониям.

В результате рукописная книга к началу XVI столетия вытесняется из широкого читательского обихода. Разумеется, еще сохраняются богато иллюминованные авторские и подносные экземпляры некоторых сочинений, но и они часто заменяются подносными же экземплярами печатных изданий. При этом следует подчеркнуть, что речь идет об исчезновении именно рукописной книги — рукопись, естественно, продолжает существовать — и в качестве авторского беловика книги, и в виде записей для личного пользования (альбомов, конспектов).

И в оформлении печатная книга, как известно, в начале XVI в. все более разрывает с рукописной традицией.

В результате к первой половине XVI столетия можно с уверенностью говорить об исчезновении из читательского (и в особенности — что чрезвычайно характерно — из книготоргового) обихода рукописной книги. Она сохраняется в старых библиотеках, в книжных собраниях ученых как материал исследования. Зато все чаще мы встречаем ее фрагменты, использованные в качестве макулатуры для начинки переплета, либо для подклейки переплета и для самого переплета, когда речь идет о рукописи пергаменной (отметим, что на переплет наиболее часто шли замененные печат-

[5] *А. И. Маркушевич.* Эволюция научной книги в Западной Европе. — В кн. «500 лет после Гутеборга». М., 1969, стр. 240—286.

ными изданиями богослужебные пергаменные рукописи — рукописей научного значения, в частности, античных авторов мы в качестве материала для переплета не встречали).

Однако в результате специфических обстоятельств эпохи католической реакции и контрреформации в Италии во второй половине XVI—начале XVII в. происходит процесс частичной рецепции рукописной книги. При этом и функции, и формы существования рукописной книги решительным образом отличаются от того, что было характерно для эпохи до возникновения книгопечатания.

Частичное возрождение рукописной книги в эпоху безраздельного господства печатного станка вызвано цензурной политикой воинствующего католицизма, с самого возникновения книгопечатания стремившегося поставить его под свой контроль. «Желая, чтобы дело печатания книг счастливо процветало, — заявлял в декрете от 4 мая 1515 г., принятом на X сессии V Латеранского собора папа Лев X, — . . . мы постановляем и повелеваем, чтобы впредь и на вечные времена никто не смел печатать книги без предварительной их проверки и собственноручного письменного одобрения нашим викарием, епископом или инквизитором». За нарушение запрета виновный подвергался штрафу в 100 римских дукатов, конфискации и сожжению книг, лишению права их печатать и отлучению от церкви [6].

Этот запрет подтвердил в 1543 г. кардинал Караффа [7], и он же, став папой Павлом IV, в 1559 г. запретил «переписывать, издавать, печатать, давать под предлогом обмена или под каким другим видом, принимать открыто или тайно, держать у себя или отдавать на хранение книги или писания из тех, что означены в этом индексе святой службы» [8] — речь идет о первом официальном римском индексе запрещенных книг. Подтвержденный Тридентским собором, он был дополнен и расширен Сикстом V в 1590 г., Климентом VIII в 1596 г.

Как видим, книгопечатание вызвало не одни восторги. «Мы охвачены ужасом, — признавался в своей энциклике папа Григорий XVI, — видя, какими чудовищными учениями, сколь гнусными заблуждениями наводнены мы из-за этого потопа книг, сочинений, всякого рода писаний, коих плачевное извержение рассеяло мерзость по лицу земли» [9].

Прекратить этот враждебный интересам католической церкви поток информации и должны были индексы. В Конгрегацию индекса входили образованнейшие и авторитетнейшие богословы, к их услугам были профессора теологии, философии и права из университетов католических стран Европы. Просматривая страницы индексов, составленных с педантической тщательностью,

[6] Sacrosancti Concilii Tridentini canones et decreta. Paris, 1899, p. 371—372.
[7] *В. С. Люблинский.* Указ. соч., стр. 114.
[8] Die Indices librorum prohibitorum. Tübingen, 1886, S. 177.
[9] *C. Cantu.* Gli eretici d'Italia, v. I. Torino, 1864, p. 245.

нельзя не подивиться разносторонней осведомленности их составителей, от бдительного внимания которых не ускользнуло, пожалуй, ни одно сколько-нибудь значительное и заметное имя и явление культурной жизни эпохи. В этом смысле индексы представляют собой разительную параллель каталогам книжных ярмарок XVI в. и «Номенклатуру» Израэля Шпаха — для историка книги это своего рода рекомендательная библиография наизнанку. Индекс включал не только творения реформаторов различных течений и оттенков. Запрету подвергались сочинения даже других, разрешенных авторов, с комментариями и под редакцией «еретиков», даже издания Библии, выпущенные в странах Реформации, в особенности переводы ее на иностранные языки. Но задача индексов была много шире борьбы с собственно реформационным движением: они должны были охранять духовную монополию католической церкви — на их страницах представлен мартиролог европейской культуры многих веков, но в особенности — культуры Итальянского Возрождения.

Были запрещены: «Монархия» Данте, почти все сочинения Лоренцо Валлы, Поджо Браччолини, даже «История Базельского собора» гуманиста Энея-Сильвия Пикколомини, папы Пия II, даже трактат «О католическом согласии» философа-кардинала Николая Кузанского. Были скопом осуждены немецкие гуманисты — за связи с Реформацией, за попытки спасти от сожжения книги на еврейском языке; сочинения Эразма Роттердамского, автора, пожалуй, самого издаваемого в XVI столетии, были запрещены целиком.

В эпоху, когда обнаженные фигуры «Страшного Суда» Микеланджело были стыдливо задрапированы, не удивительно встретить в индексе «Декамерон» Боккаччо, сонеты Петрарки, «Новеллино» Мазуччо и стихи Луиджи Пульчи, все сочинения Пьетро Аретино, комментарии Кристофоро Ландино к «Божественной комедии» Данте, новеллы Банделло и Фиренцуолы, произведения Джованни Фьорентино и Джованни-Баттисты Джелли, Ф. Берни и Пьетро Бембо, Николо Франко и Луиджи Тансилло — не так уж много имен мог бы добавить к этому списку историк итальянской литературы эпохи Возрождения — разве что мастеров исторической прозы Макиавелли и Гвиччардини, но и для них нашлось в индексе почетное место. Папский индекс составлялся в Италии — отсюда преимущественное внимание к творчеству соотечественников. Он и осуществлялся усерднее всего в Италии — и ограждал итальянцев от опасных влияний — иноземных и своих.

Еще не настало время Николая Коперника. Осуждение коперниканства в 1616 г. и процесс Галилея явятся заключительным этапом трагедии европейской мысли, а пока что разыгрывается первый ее акт. Уже запрещены философские сочинения Джироламо Кардано, все труды Генриха Корнелия Агриппы Неттесгеймского, философская поэма Марчелло Плинджению Стеллато

(псевдоним-анаграмма Пьер-Анджело Мандзолли) «Зодиак жизни», трактат «О причинах естественных явлений» Пьетро Помпонацци, трактат Симоне Порцио «О бессмертии души», сочинения Джованни-Баттисты Делла Порта. На исходе столетия наступит черед «Новой философии Вселенной» Франческо Патрици и книги Бернардино Телезио «О природе вещей согласно ее собственным началам», а юбилейный год 1600 будет отмечен не только казнью Джордано Бруно, но и запретом всех его книг.

Издание индексов не сводилось к благим пожеланиям нетерпимых прелатов католической церкви. «Святая церковь скорее согласится, чтобы на много лет прекратилось книгопечатание, чем допустит приумножение вредных книг», — писал 4 июля 1576 г. секретарь Конгрегации индекса фра Дамиано Рубео Болонскому инквизитору [10]. Упомянутый выше каталог итальянских книг Британского музея отражает безрадостную картину последствий деятельности Конгрегации индекса для итальянского книгопечатания. С 1550-х годов в Италии не издавались произведения Макьявелли. Ни разу не печатались проповеди и трактаты Савонаролы. Не издавались Валла и Эразм, Аретино и Банделло, Мазуччо и Пульчи, Порцио и Помпонацци. Если и издавались, то за пределами Италии. Рукописи Помпонацци были тайно вывезены за границу и опубликованы в Базеле через несколько десятилетий после смерти автора. Для посмертного опубликования предназначал свой антикатолический памфлет «Деяния на пап» Аонио Палеарио; свои письма он попытался обнародовать анонимно, а когда, из-за тщеславия издателя, это не удалось, он был схвачен и казнен. Запрещенная цензурой «Новая философия Вселенной» Патрици была в листах скуплена венецианским издателем Мейетто, вывезена им из Феррары в Венецию и там опубликована в виде нового издания. Все произведения Джордано Бруно были изданы вне Италии, равно как и большая часть произведений Кампанеллы.

Одновременно авторы и в особенности читатели запрещенных и недопущенных к печати книг «преодолевали Гутенберга», тайно переписывая книги от руки — через сто с лишним лет после изобретения печатного станка. До наших дней дошло немало экземпляров книг, несущих на себе следы цензурных искажений: книги Эразма с вычеркнутым и выскобленным на титульном листе и даже в колонтитуле на всем протяжении книги именем автора, с зачеркнутыми особо опасными фразами и т. п. Но встречаются и иные книги, где неизвестной рукой восстановлен устраненный цензурою текст — по авторской рукописи или по более раннему и более полному изданию (таков экземпляр «Писем» Николо Франко в ГПБ).

[10] *А. Rotondo.* Nuovi documenti per la storia dell' Indice dei libri proibiti. «Rinascimento», 2 serie, vol. III. Firenze, 1963, p. 162—163.

Мы располагаем крайне неполными и весьма отрывочными данными о рукописях этого позднего периода. Но и немногие сведения, в частности, приведенные в первых двух томах монументального справочника П.-О. Кристеллера «Iter Italicum» [11], достаточно характерны. Там упоминаются списки трактатов Помпонацци, переписанные несколько десятилетий спустя после смерти автора, распространявшиеся только в рукописи и самим автором уже не предназначавшиеся для печати. Но особенно интересны рукописные книги, представляющие собой списки, сделанные с печатных книг. Таков список книги Ванини в собрании рукописей ГПБ. Таков список философской поэмы Дж. Бруно «О тройном наименьшем и мере», сделанный с франкфуртского издания 1591 г. В справочнике Кристеллера встречаются упоминания о трех поздних списках с парижского издания комедии Бруно «Подсвечник» (1582 г.). В списках, сделанных с печатных изданий, распространяются сочинения Макьявелли, Телезио, Патрици. В списках с изданий XVI в. фигурируют сочинения Аонио Палеарио, «Зодиак жизни» Марчелло Плинджениo Стеллато и др. Списки эти часто и во внешнем оформлении повторяют облик печатного оригинала и являют собой совершенно новый тип «после-печатной» рукописной книги. Такая книга по самому происхождению своему могла иметь лишь весьма ограниченное распространение. Одновременно возрождается и изначальное рукописное бытование отдельных сочинений — не предназначенных, в силу цензурных условий, для печати. Таковы многочисленные сборники политических трактатов, донесений послов, полемических сочинений, особенно характерные для первой трети XVII в. Немало таких сборников встречается в наших рукописных собраниях — в библиотеках Ленинграда, Москвы, Киева. В составе таких сборников получали широчайшее распространение написанные в тюрьме политические сочинения Томмаво Кампанеллы. Его «Монархия Мессии» и «Испанская монархия» получили распространение задолго до их опубликования (к тому же в итальянском оригинале, тогда как напечатан был лишь авторский латинский перевод первой и поздние латинский и немецкий переводы второй).

Эти новые виды рукописной книжной продукции заслуживают самого тщательного исследования. Благодаря им часто были спасены от гибели и забвения и стали достоянием современников и потомков многие выдающиеся памятники общественно-политической и философской мысли XVI—XVII вв.

[11] *P. O. Kristeller.* Iter Italicum, vol. I—II. Italy. London—Leiden, 1965—1967.

Литературное значение русских старопечатных книг XVI—XVII вв.

А. С. Демин

Еще сохраняется представление о литературной косности русских старопечатных книг допетровского времени. Если за единичными из них признаются идейные связи с современностью, то в литературном отношении старопечатные издания рассматриваются как почти механическое продолжение старинных рукописных традиций.

О неправильности такого представления свидетельствуют, например, печатные московские «Прологи», состав и язык которых менялся от издания к изданию. Но особенно ярко связь с литературной современностью видна у оригинальных текстов старопечатных книг, в частности, у предисловий и послесловий печатников к своим изданиям.

Предисловия и послесловия, нередко очень большие, составляют значительный пласт старопечатных текстов светского содержания. Их количество за XVI—XVII вв. огромно: всего более 500. При их изучении основное внимание необходимо направлять не на привычные для нас текстуальные связи между печатной и рукописной книгой, а на иные, малоизученные связи жанрово-стилистического характера. Тогда общая картина резко меняется.

Прежде всего становится заметной органическая связь старопечатных текстов с широким кругом современных им рукописных литературных произведений. Обратимся, например, к первому на Руси светскому печатному сочинению — знаменитому послесловию к Апостолу Ивана Федорова 1564 г. По своему стилю и композиции оно сходно с произведениями официальной письменности середины XVI в. Торжественные формулы, употребляемые послесловием к Апостолу, находят свою аналогию в речах Ивана Грозного, посланиях митрополита Макария, в соборных грамотах. О введении книгопечатания на Руси Иваном Грозным послесловие к Апостолу рассказывает в тех же выражениях, в которых Летописец начала царства, Стоглав, Никоновская летопись и другие письменные официальные памятники повествуют о различных эпизодах из жизни Ивана Грозного и митрополита Макария. Если в послесловии к Апостолу мы читаем, например, о щедрости царя, который «нещадно даяше от своих царских сокровищ делателем» (т. е. печатникам), то сходные выражения находим в Никоновской летописи, сообщающей, как финансировал царь «нещадною десницею украшение» строений [1]. Предисловие

[1] ПСРЛ, т. 13, вып. 1. СПб., 1904, стр. 273.

к Великим Четьим минеям в сходных же выражениях говорит о митрополите Макарии, который «не щадя сребра и всяких почестей» покровительствовал книжному делу [2]. До середины XVI в. эта формула о «нещадности» расходов не имела такого распространения. Послесловие к Апостолу Ивана Федорова стилистически тесно связано с официальной литературой своего времени [3].

С соблюдением норм официально-торжественного стиля сочинялись послесловия к печатным книгам в течение всего XVI в. Рассказ о царе, в сердце которого «возсия свет» или «возжеся великий пламень» к исправлению книжному, неоднократно повторялся в изданиях Андроника Невежи и Ивана Невежина.

Но как только произошли изменения в официальном стиле, изменился и стиль сочинений русских печатников. С начала XVII в., в Смутное время официальные грамоты и послания стали излагаться иным языком, чем раньше. Обычно его называют более пышным. Но это была пышность особого рода. Авторы стремились изложить все одной непрерывной взволнованной фразой, со множеством придаточных предложений и вставных словосочетаний, с массой побочных напоминаний, пояснений, объяснений, восклицаний и обращений.

На перемены официального стиля русские печатники откликнулись сразу. Уже в 1604 г. в Триоди цветной Иван Невежин извинялся за «неукрашение в словесех» (л. 368 об.) и опубликовал более витиеватое, чем он делал ранее, предисловие о «всепремудром хитреце» Борисе Годунове (л. 1 об.). Другой печатник — Анисим Радишевский, писавший вначале в обычном стиле, в 1610 г. в Уставе тоже выступил с огромным, «вся превосходящим», по его выражению, предисловием, со множеством цитат и развернутых сравнений.

Новым официальным стилем искусно владел печатник Никита Фофанов. Его сочинение, напечатанное в Нижнем Новгороде в 1613 г., стилистически близко к рукописным произведениям о Смуте. Описание того, что сделали «безъбожные польские и литовъские люди . . . пришед в . . . град Москву», развязка рассказа об избавлении, горестные, а затем радостные восклицания [4] — все это у Фофанова напоминает стиль повестей Смутного времени и «Грамоты утвержденной» 1613 г. Крайняя усложненность синтаксиса фофановского сочинения наводит на предположение о его общности с языком «Временника» Ивана Тимофеева. Оба эти произведения — современники.

[2] ВМЧ, сентябрь. СПб., 1868, стр. II.
[3] Подробнее см.: *А. С. Демин.* Послесловие к первопечатному Апостолу Ивана Федорова 1564 г. как литературный памятник. — ТОДРЛ, т. 26. Л., 1971, стр. 267—279.
[4] Текст см.: *А. С. Зернова.* Памятники нижегородской печати 1613 года. — Публичная библиотека СССР им. В. И. Ленина. Сборник 1. М., 1928, стр. 87—96.

Можно еще привести примеры постоянной связи старопечатных текстов с литературой своего времени. В 30—40-х годах XVII в. характер печатных предисловий и послесловий вновь изменился. Они постепенно оформились в поучительно-исторические сказания, и в книгах, начиная с 50-х годов, уже так и озаглавливались: «Сказание вкратце», «Сказание известно» или «Предисловие и сказание».

Эти «сказания» в основном сообщали различные сведения по истории русского книгопечатания. Изложение обычно начиналось от сотворения мира или от Адама. Далее излагалась церковная история «от божественнаго писания въкратце избрана». Рассказ по русской истории увеличивался от издания к изданию, стал очень большим, например, в Соборнике 1647 г., и поистине грандиозным в предисловиях к Апостолу и Кормчей 1653 г.

Стиль этих «предисловных сказаний», как они названы в «Книге о вере» 1648 г., был не похож на взволнованно-витиеватую манеру предисловий начала XVII в. Теперь авторы уже не стремились все сказать, все вставить в одну бесконечно разветвленную фразу. Сведения из истории излагались размеренно, систематично, понятно. Прежняя манера повествования казалась авторам хаотичной: прежде излагали «ниже яко прилучися», — было замечено о ней в послесловии к Соборнику 1647 г. Авторы избегали заполнять свои «сказания» не идущими к делу подробностями и напоминаниями. «Зде же не суть время всего писати», «начнем же о том, о нем же ради слову предлежит», — вот чем руководствовались сочинители предисловий и послесловий 30—40-х годов XVII в. Они старались писать просто, что и подчеркивали: «В просте сие предисловие вам плетено», — предупреждали они читателей в «Кирилловой книге» 1644 г. (л. 12).

Жанрово-стилистические перемены в печатных сочинениях, по-видимому, были связаны с эволюцией письменной литературы, преимущественно официальной. Во второй четверти XVII в., после Смуты, официальная литература стала гораздо разнообразнее, круг ее жанров расширился. Ведущее значение в ней приобрели, пожалуй, историко-поучительные сказания, на которые и ориентировались старопечатные предисловия. Напомним, например, о «Новом летописце», о «Повести и писании о еже случися быти в нашей Рустей земли», о «Повести о зачале Москвы» и о распространенной «Истории еже о начале Руския земли». В письменной литературе имело хождение «Сказание известно о воображении книг печатного дела» на Руси, композиционно и стилистически во многом аналогичное старопечатным текстам.

Историко-поучительная традиция приобрела такую силу, что отразилась даже на далекой от официальной литературы «Повести о Горе-Злосчастии». Повесть начинается от Адама и Евы, притом в тех же выражениях, как начинались историко-нравоучительные сказания, в том числе старопечатные: «Изволением господа бога

и спаса нашего Иисуса Христа вседержителя, от начала века человеческого. . .» [5], — и далее о сотворении мира и об Адаме и Еве.

К сожалению, русская литература второй четверти XVII в. изучена слабее, чем другие периоды литературы этого столетия. Необходимы более ясные и точные наблюдения над связями старопечатных текстов с современной им рукописной литературой 30—40-х годов XVII в.

Предварительные наблюдения над более поздними периодами подтверждают наш основной тезис о литературной актуальности русских печатных произведений. Когда развернулась деятельность Никона и разгорелась полемика между сторонниками и противниками реформ, то «предисловные сказания» в издаваемых книгах стали превращаться в полемические сочинения. Они восхваляли деяния «сей премудрой двоицы» — царя и патриарха и нападали на «несмысленных ропотников» и «еретиков» — раскольников. Особенно резкий обличительно-полемический характер имели тексты, напечатанные в книге Симеона Полоцкого «Жезл правления», 1667 г. Предисловие «К благочестивому читателю» по своему содержанию и стилю было таким же полемическим произведением, как и основная часть книги. Обличая раскольников, предисловие призывало читателей к борьбе: «На сие же позорище духовныя брани, — писал Симеон Полоцкий, — молим, да изыдет всяк православный мысленныма, благоразумныма смотрети очима» (л. 18).

Если охватить общим взглядом оригинальные печатные тексты XVI—XVII вв., то видно, что они преимущественно входили в состав русской официальной и околоофициальной литературы, своевременно отражали ее жанровые и стилистические изменения, в пределах этой литературы были связаны с соответствующим кругом рукописных произведений. В этом, по нашему мнению, прежде всего и заключается литературное значение русских печатных книг XVI—XVII вв.

Однако в таком случае закономерен вопрос: какой смысл для историка древнерусской литературы имеет деление книг на рукописные и на печатные? Такое деление существенно, например, для археографов, книговедов или искусствоведов, так как известно историческое различие между этими типами книг в технике изготовления и во внешнем облике. Но можно ли заметить именно историко-литературное различие между рукописными и печатными произведениями XVI—XVII вв.? Мне кажется, что можно. Старопечатные тексты не безлико повторяли своих рукописных собратьев по официальной литературе, но проявляли некоторые тенденции к жанровому своеобразию.

Первое же светское печатное произведение — послесловие к Апостолу Ивана Федорова — было явно лаконичнее и короче

[5] Памятники старинной русской литературы, издаваемые Г. Кушелевым-Безбородко под ред. Е. Костомарова, вып. 1. СПб., 1860, стр. 1.

своих образцов из официальной литературы. Это отличие сохранялось и в дальнейшем. Вместе с тем сочинения печатников вбирали в себя элементы проповеди и поучения, обращенного к читателям. В результате возникла особая жанровая форма торжественного «объявления» о царской деятельности, о книге и книгопечатании перед множеством читающих. Эта жанровая разновидность официальной литературы получила наибольшее распространение в печатных книгах и менее активно развивалась в рукописной традиции. В печатных изданиях 1630-х годов такие предисловия и послесловия уже так и назывались «объявлениями»: «Описание и объявление книги сея», «Описание еже есть объявление сея книги» (Трефологионы, 1638; Канонник, 1641 г. и др.).

Свое выразительное завершение форма «объявления» нашла в книге «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей» 1647 г. Выгравированный мелким шрифтом, весь текст «объявления» был умещен на лицевой стороне одного листа и оформлен как царская грамота, с украшениями на полях, гербом и пр.

Приведем еще один пример видоизменения литературных рукописных форм в печатных книгах. Как мы уже говорили, с 30—40-х годов XVII в. печатные предисловия и послесловия сочинялись уже преимущественно в виде историко-поучительных «сказаний», распространенных и в рукописной литературе. Но в печатных «предисловных сказаниях» наметились некоторые отличия от рукописных. Во-первых, все эти печатные предисловия и послесловия с еще невиданной настойчивостью побуждали читателей к чтению. Постоянные призывы и увещания к читателям стали обязательной, иногда довольно пространной частью старопечатных текстов. «Аще еси исперва не разумел сего прочести, — говорил, например, Василий Бурцев в предисловии к Букварю 1634 г., — то ныне будеши очеса своя привнести и узриши, яко по делу и по действу сложено» (лл. 10—10 об.). «Учайся и внимаяй ... Мног бо есть разум и велий прибыток, аще кто сему делу вонмет», — призывало читателей послесловие к «Службам и житию Николая чудотворца» 1643 г. (л. 247—247 об.)

Во-вторых, «предисловные сказания» в печатных книгах окружались занимательными и развлекательными статьями, которые облегчали читателю обращение к «серьезному» предисловию. Чаще всего «сказание» окружалось стихами, трактовавшими ту же тему, что и основное предисловие. Рифмовалось даже заглавие, как, например, в Кирилловой книге 1644 г.: «Предисловие и сказание в кратце о добрей сей и блаженней книзе, яко бы о некотором драгоценном низе» (т. е. ожерелье; л. 6.). В «Жезле правления» 1667 г. стихотворным было даже послесловие. В изданиях Верхней типографии Симеона Полоцкого, например, в «Истории или повести о Варлааме и Иоасафе» 1680 г., рядом с обычным «Предисловием к читателю», содержавшим настояния читать книгу, помещались загадочные буквенные таблицы, в которых был зашифрован тот же призыв к чтению. Стихотворные предисловия у Си-

меона Полоцкого дополнялись живыми диалогами отроков на тему книги, например, в той же «Истории о Варлааме и Иоасафе». И все это делалось для того, чтобы книгу захотели, по выражению Полоцкого, «в домех часто читати» (Псалтирь рифмотворная, 1680 г., л. 6 об.).

Печатные книги стали «обрастать» целыми комплексами предисловий и послесловий. Это литературное явление, по-видимому, было монополией книгопечатания. В рукописной традиции оно, насколько мне известно, не привилось. Циклизацию предисловий можно отметить лишь в тех рукописных книгах XVII в., которые предназначались для печати или подражали печатным изданиям.

Таким образом, старопечатные тексты проявляли тенденцию к образованию своеобразных жанровых форм. Одной из причин назревания новых жанровых форм послужил сам характер книгопечатания. Принципиальное отличие печатных книг от рукописей общепризнано. Почти нет рукописных произведений, которые по количеству своих сходных списков могли сравниться даже с разовым тиражом старопечатных книг. А ведь в России книги печатались при поддержке государства и некоторые издавались тиражом 1500—2000 и более экземпляров, не говоря уж об их переизданиях.

Тираж книг казался печатникам огромным, удовлетворяющим, как говорилось, например, в послесловии к декабрьско—февральскому Трефологиону 1638 г., читателей «во всем царствующем граде Москве, и по всем градовом, и по обителем, по малым же и по великим, и по селом и прилежащим к ним жилищам, кто восхощет во всей Росии» (л. 726 об.). Уже в начале XVII в. Анисим Радишевский адресовал в заглавии свои предисловия и послесловия «ко всякаго чина читателем» («Евангелие». М., 1606). И последующие книги, как правило, предназначались «всем повсюду и коемуждо особно всякаго чина и возраста читателем», «тиснением печатным всем обще православным христианам . . . и российскому честному множеству» (Грамоты и поучения Никона, изданные в 1656 г.; «Евангелие» 1657 г., л. 1; «Рай мысленный» 1659 г., л. нн. 2 об. и мн. др.). То, что эти книги читали «всякаго чина» люди, красноречиво подтверждают многочисленные владельческие записи, сделанные вскоре после выхода книг в свет. С введением книгопечатания на Руси появились печатные произведения официального стиля, предназначенные для массового чтения во всех слоях общества.

«Массовая» предназначенность наложила отпечаток на форму текстов, сочиняемых книгоиздателями. Предисловия и послесловия превращались в «объявления», затем в комплексы разных «объявлений» и «сказаний», рассчитанных на разнородное множество читателей. Литературное значение русских старопечатных произведений XVI—XVII вв. заключается в том, что, относясь к светской официальной литературе, они составляли хоть и не самую важную, но наиболее распространенную и широко

читаемую ее часть. Перед нами, возможно, зачатки так называемой массовой литературы, которая утвердила свое право на существование позднее, в России XVIII в.[6]

Термин «массовая литература» имеет разный смысл в зависимости от обозначаемой исторической эпохи. Но, думается, нельзя сужать это понятие и под «массовой литературой» подразумевать лишь то, что сочинялось и читалось только демократическими слоями общества. Еще М. Н. Сперанский на примере рукописных сборников первой половины XVIII в. показал общность круга чтения дворянских, купеческих и самых широких демократических слоев [7].

Зарождение светской массовой литературы в России XVII в. не изучено. Ее изломанные границы в конгломерате рукописных и печатных книг не ясны. Из представленных нами материалов следует, что в формировании массовой литературы в России, по-видимому, не последнюю роль играло государство и официальное книгопечатание. Это предположение нуждается в проверке.

Изложенные мною наблюдения являются предварительным и неполным наброском темы, которой в ближайшие годы предполагает заниматься группа древнерусской литературы Института мировой литературы АН СССР. Планируемая ею серия монографий более подробно и всесторонне ответит на вопрос о литературном значении русских старопечатных книг и их связях с рукописным наследием.

Отражение историко-политических идей русской письменности в западноевропейской печати XVI—XVII вв.

А. Л. Гольдберг

В первой четверти XVI в. сложились историко-политические идеи, определявшие на протяжении полутора веков представления правящих кругов русского общества о месте России во всемирном историческом процессе и в кругу современных ей государств.

[6] Ср. замечания Д. С. Лихачева о «порывах к массовости» в русской литературе XV—XVII вв.: *Д. С. Лихачев*. Своеобразие пути русской литературы X—XVII веков. — «Русская литература», 1972, № 2, стр. 31.

[7] *М. Н. Сперанский*. Рукописные сборники XVIII века. М., 1963.

Эти идеи были широко распространены в тогдашней русской письменности, но почти не нашли отражения в отечественных печатных изданиях XVI—XVII вв.

Однако уже с середины XVI в. и особенно в конце его и в начале следующего столетия русские историко-политические идеи в той или иной форме появились на страницах немецких, польских, шведских, английских, французских книг и брошюр. Изучение процесса проникновения идей русской письменности в западноевропейскую печать позволяет восстановить пути и каналы, соединявшие в XVI в. сферы рукописной и печатной книжности, и одновременно получить новые данные для восстановления литературной истории важных идеологических явлений того времени.

*

Наибольшее распространение в русской светской письменности XVI—XVII вв. получила идея, объяснявшая — в соответствии с тогдашними представлениями — исторические корни суверенной власти и царского титула московских правителей. Воплощением этой идеи явилась легенда о происхождении русских государей от римского кесаря Августа и о переходе на Русь византийских императорских регалий («даров Мономаха»).

Рассказ об Августе и дарах Мономаха содержится в рукописных памятниках различного характера (сказания, послания, летописные повести, родословные книги и др.). Множественность редакций и наличие большого числа списков ряда из них осложнили для исследователей решение задачи о происхождении этого рассказа.

Наибольший вклад в его изучение внесли И. Н. Жданов [1], Р. П. Дмитриева [2], А. А. Зимин [3]. Продолжая их разыскания и привлекая некоторый новый материал, удалось установить, что первоначальный текст рассказа сложился в конце 10-х — начале 20-х годов XVI в. О взаимоотношении его дальнейших редакций приходится судить в значительной степени гипотетически, так как протограф рассказа до нас не дошел, и мы располагаем лишь последующими вариантами текста. Не входя в подробности, основные редакции можно сгруппировать следующим образом:

[1] *И. Н. Жданов.* Русский былевой эпос. СПб., 1895.

[2] *Р. П. Дмитриева.* Сказание о князьях владимирских. М.—Л., 1955; К истории «Сказания о князьях владимирских». — ТОДРЛ, т. 17, 1961, с. 343—346.

[3] *А. А. Зимин.* Основные проблемы реформационно-гуманистического движения в России в XIV—XVI вв. — История, фольклор, искусство славянских народов. М., 1963, стр. 105—106; Античные мотивы в русской публицистике конца XV в. — Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972, стр. 129—138; Россия на пороге нового времени. М., 1972, стр. 137—139.

— самые ранние варианты (конец 10-х—20-е годы XVI в.): «Послание Спиридона-Саввы» [4], текст, включенный в вводную главу Воскресенской летописи [5];

— переработки конца 40-х годов: «Чудовская повесть» (или «Повесть, начинающаяся с разделения вселенной Августом») [6], «Корень родства государей великих князей русских» [7], «Сказание о князьях владимирских» (две редакции) [8], «Повесть о разделении вселенной Ноем» [9];

— особая редакция, дополненная известиями из «Повести временных лет» (сложилась до 1526 г.): фрагмент, включенный в основной текст Воскресенской летописи [10], «Сказание о родословии великих князей от летописца» [11], родословные книги второй половины XVI в.

Начиная с 40—50-х годов XVI в. идея исторической давности права русских самодержцев на царский титул стала входить во многие официальные документы московского правительства и часто повторялась в дипломатической переписке с иностранными державами [12].

Почти одновременно с этой историко-политической идеей сформировалась идея «Москва — третий Рим». Общее в них состоит в том, что главным фактором, определяющим историческую роль Русского государства, они объявляют преемственную связь этого государства с Римской империей.

Как известно, традиционная христианская историография отводила Римской империи исключительное место во всемирной истории, исходя из того, что в пределах Римской империи при императоре Августе родился Христос, и поэтому державе Августа суждено было, якобы, стать самым могущественным государством на свете [13]. Начиная с III в. христианские богословы и историки придерживались такого толкования библейских пророчеств, согласно которому существование «Римской монархии» объявлялось залогом длительности земной жизни человечества.

4 *Р. П. Дмитриева.* Сказание о князьях владимирских, стр. 159—170.
5 ПСРЛ, т. 7, ст. 231—232.
6 *Р. П. Дмитриева.* Сказание о князьях владимирских, стр. 196—200.
7 Государственный исторический музей (ГИМ). Отдел рукописей. Вахрамеев, 435, л. 138—142.
8 *Р. П. Дмитриева.* Сказание о князьях владимирских, стр. 171—178, 185—191.
9 Там же, стр. 206—210.
10 ПСРЛ, т. 7, стр. 268—269.
11 ГПБ, Отдел рукописей, Q. XVII, 32, л. 220—221.
12 См., напр. «Сборник Русского исторического общества» (РИО), т. 59, СПб., 1887, стр. 345, 437, 519; «Послания Ивана Грозного». М.—Л., 1951. стр. 158, 201—202.
13 О распространенности на Руси этих представлений свидетельствуют слова Ивана IV в его послании к А. Полубенскому: («Христос) божественным своим рожеством Августа кесаря прославив, в его же кесарьство родитися благоизволи, и его и тем воспрослави и распространи его царство, и дарова ему не токмо римскою властию, но и всею вселенною владети» («Послания Ивана Грозного», стр. 200).

Идея преемственности авторитета римских правителей связывала Русь с Римом посредством легендарных генеалогических связей (происхождение русских князей от Августа) и столь же легендарной версии о переходе на Русь императорских регалий второго Рима — Царьграда. По содержанию своему она была, таким образом, чисто светской.

Иное дело идея «Москва — третий Рим». Объявляя Москву преемницей первого и второго Рима и утверждая, что третьему Риму суждено быть последним, она придавала Русскому государству эсхатологические функции. А поскольку объявлялось, что от сохранения на Руси «истинного христианства» будет зависеть существование человечества и отсрочка прихода антихриста, то естественно, что это обязывало московских правителей проявлять особую заботу о делах церкви.

Таким образом, хотя в основе обеих упомянутых историко-политических идей лежало общее представление о великом «вечном» Риме, однако содержание их существенно различалось, и идея «Москва — третий Рим» по своей форме и целевому назначению носила сугубо церковный характер.

Наиболее ярко эта идея отражена в цикле памятников, именуемых «посланиями старца псковского Елеазарова монастыря Филофея» [14]. Изучение этих сочинений показывает, что формула «Москва—третий Рим» и объяснение ее впервые появились в «Послании Филофея к дьяку Мисюрю Мунехину на звездочетцев» (1523—1524 гг.), а так называемые «послания Филофея к великим князьям Василию Ивановичу и Ивану Васильевичу» представляют собой позднейшие переработки этого первоначального сочинения, созданные в 30—40-х годах в среде московской церковной иерархии. Тексты «Послания Филофея к Мунехину» и его переработок воспроизводились, главным образом, в сборниках духовного содержания.

Опираясь на эти выводы о времени происхождения и последовательности основных редакций произведений, содержащих русские историко-политические идеи первой четверти XVI в., мы можем восстановить пути проникновения этих идей в западноевропейскую печать.

*

Первым печатным изданием, изложившим легенду о происхождении русских правителей, была знаменитая книга о Московии С. Герберштейна (1549 г.) [15]. Очевидно, во время одного из своих

[14] Тексты «посланий Филофея» (по небольшому числу списков) были изданы в кн.: *В. Н. Малинин.* Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901. К настоящему времени разыскано около ста списков этих посланий, неизвестных Малинину и позволяющих по-новому рассматривать их литературную историю. См. *А. Л. Гольдберг.* Три «послания Филофея» (опыт текстологического анализа). — ТОДРЛ, т. 29, 1974, стр 68—97.

[15] *S. Herberstein.* Rerum Moscoviticarum Commentarii. . . Viennae, 1549.

приездов в Россию (в 1517 и в 1526 гг.) Герберштейн имел возможность ознакомиться с рукописью, содержавшей эту легенду. Какой же редакцией рассказа о потомках Августа воспользовался Герберштейн?

Приведем его известие о первых русских князьях:

«Русские хвалятся, что эти братья происходили от римлян, от которых повел, как он утверждает, свой род и нынешний московский государь. Вступление этих братьев в Руссию было, по хроникам, в 6730 году от сотворения мира» [16]. И далее следует рассказ из «Повести временных лет» о расселении братьев-князей и о смерти Рюрика.

О «дарах Мономаха» Герберштейн упоминает дважды. При описании правления Владимира Всеволодовича, «по прозвищу Мономах», говорится, что он «снова обратил всю Руссию в монархию, оставив после себя некоторые драгоценные украшения, которые и поныне еще они употребляют при венчании князей» [17].

Второй раз Герберштейн рассказывает о великокняжеских регалиях, описывая обряд венчания русских правителей:

«Бармы представляют собой род широкой цепи из мохнатого шелка и снаружи обильно украшены золотом и различными драгоценными камнями. Владимир отнял их у некоего разбитого им в бою генуэзца, начальника Кафы. Шляпа, которую они называют «шапка», употреблявшаяся Владимиром Мономахом, украшена жемчугом, а также нарядно убрана золотыми бляшками, которые при движении колыхаются и переливаются» [18].

Оба приведенных фрагмента не совпадают с текстом русского рассказа о «дарах Мономаха»: там, как известно, говорится о посылке регалий на Русь византийским императором Константином Мономахом, а не о захвате их в качестве военного трофея в Кафе. Следовательно, Герберштейн почерпнул свои сведения о Мономахе не из этого рассказа, а из какой-то другой (устной?) легенды.

Таким образом, отмечая знакомство Герберштейна с рассказом о происхождении первых русских князей, можно, вместе с тем, предположить, что источником для Герберштейна послужила такая редакция рассказа, в которой отсутствовал фрагмент о Мономахе, а сообщение о первых князьях было дополнено известиями из «Повести временных лет».

Подобные особенности свойственны редакции, представленной в «Сказании о родословии великих князей от летописца», в кратком летописном рассказе сборника БАН 33.7.11, в сборнике БАН, Арх.Д.193 и др.

[16] *S. Herberstein.* Rerum Moscoviticarum Commentarii. . . Viennae, 1959, f. III.
[17] Ibidem, f. IV.
[18] Ibidem, f. XI.

Ряд авторов (А. В. Флоровский [19], Ю. А. Лимонов [20]) стремились связать известия Герберштейна о происхождении первых русских князей и о регалиях Мономаха с каким-либо из летописных сводов первой четверти XVI в. Следует, видимо, полагать, что источником для Герберштейна послужила не найденная до сих пор летопись, включившая модифицированную редакцию рассказа о потомках Августа, которая распространялась поначалу в качестве самостоятельного произведения и лишь позднее проникла в летописные своды.

Книга С. Герберштейна выдержала множество изданий на разных языках и в течение целого столетия оставалась самым популярным сочинением о России [21]. К этой книге восходит ряд известий о происхождении русских князей и их регалий в сочинениях иностранных авторов XVI—XVII вв. В некоторых случаях эти заимствования очевидны, но случалось и так, что позднейшие издания далеко уходили от своего источника.

Особый интерес представляет сопоставление с книгой Герберштейна известий, содержащихся в «Польской хронике» (1582) Мачея Стрыйковского [22], использовавшего, как показал А. И. Рогов [23] большое количество различных источников и, в том числе, литовских хроник и русских летописей. Не опирается ли на эти дополнительные источники рассказ Стрыйковского о потомках Августа и о регалиях Мономаха?

В самом деле, по сравнению с Герберштейном одно из этих известий весьма расширено:

«Владимир Мономах. . . несколько раз побеждал поганых половцев и генуэзцев-итальянцев, которые тогда владычествовали в Таврике, где ныне властвует Перекопская орда, и взял у них Кафу, или Феодосию, славный столичный город. Когда же он в другой раз столкнулся с генуэзцами у моря, то вызвал на рукопашный поединок их военачальника, старосту Кафы, и когда они сошлись (на поединок), Владимир сбросил его копьем с коня и, поймав, связал и привел вооруженного к своему войску; снял с него большую золотую цепь, искусно украшенную жемчугом и драгоценными камнями, и оставил ее своим потомкам — великим князьям, и сейчас она находится в казне у московитов, и когда они ставят на престол московских князей, на них всегда надевают

[19] *А. В. Флоровский.* Каким летописным сводом пользовался Герберштейн? — «Ученые записки Высшей школы г. Одессы. Отделение гуманитарно-общественных наук», т. 2, 1922, стр. 71, 79.

[20] *Ю. А. Лимонов.* Герберштейн и русские летописи. — Вспомогательные исторические дисциплины, т. 2. Л., 1969, стр. 218.

[21] В фонде ГПБ хранится 14 различных изданий книги Герберштейна XVI века. (*А. Л. Гольдберг, И. Г. Яковлева.* Коллекция «Россика» ГПБ. — «История СССР», 1964, № 5, стр. 96).

[22] *M. Stryjkowski.* Kronika Polska, Litewska, Żmódzka i wszystkiej Rusi, t. I. Warszawa, 1846.

[23] *А. И. Рогов.* Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения (Стрыйковский и его хроника). М., 1966.

эту цепь, именуемую «бармами»; (снял) также пояс с золотом и жемчугами и княжескую шапку, богато украшенную золотыми бляхами, жемчугами и драгоценными камнями и (предназначенную) для венчания и поставления на престол. Эти драгоценности и поныне используются и очень чтятся московскими великими князьями — потомками Мономаха. Об этом упоминает Герберштейн, л. 22.

А поскольку тот Владимир, государь, сражался один на один с врагом, его прозвали по-гречески «Мономахом». От этого Владимира Мономаха ведут свою генеалогию великие князья московские и другие русские князья, и поэтому именуют себя самодержцами и царями всея Руси, и не хотят уступать ни одному народу в своем происхождении» [24].

А. И. Рогов объясняет особенности рассказа Стрыйковского тем, что польский хронист обратился, помимо книги Герберштейна, к тому ее источнику, который содержал отсутствующую в русских памятниках версию легенды о Мономахе. По предположению А. И. Рогова, таким общим для Герберштейна и Стрыйковского источником послужило произведение, отрицавшее связь русских князей с византийскими императорами (регалии перешли на Русь, якобы, не из Царьграда, а из Кафы), сложившееся не на Руси, а в Польше и именуемое А. И. Роговым «контр-повестью о князьях владимирских» [25].

Однако сопоставление книг Герберштейна и Стрыйковского и анализ различий между ними приводит нас к другому выводу. В тексте Стрыйковского (в отличие от Герберштейна) приведено второе название Кафы (Феодосия) и она названа «славным столичным городом». Эти слова ниоткуда не заимствованы Стрыйковским, а принадлежат ему самому, так как в другом месте книги (в рассказе о Владимире Святославиче) он также называет «Кафу, или Феодосию» «славным городом» [26].

Стрыйковский более подробно, чем Герберштейн, рассказывает о поединке Владимира Мономаха с генуэзцем. Основной смысл его дополнений состоит в том, что они объясняют происхождение имени Мономаха дословным переводом греческого слова «единоборец». Склонность к подобного рода объяснениям проявляется на протяжении всей книги Стрыйковского: так, он пытается вывести имя легендарного предка литовских князей Палемона от римлянина Публия Ливия [27], приписывает мифической киевлянке Лыбеди основание города Либича (Любеча) [28] и т. д.

Следовательно, детали рассказа о регалиях Мономаха, отсутствующие у Герберштейна, принадлежат, видимо, самому

[24] *M. Stryjkowski.* Kronika Polska. . ., S. 188.
[25] *А. И. Рогов.* Русско-польские культурные связи. . ., стр. 94.
[26] *M. Stryjkowski.* Kronika Polska. . ., s. 129.
[27] Ibidem, s. 65—66.
[28] Ibidem, s. 112.

Стрыйковскому, и, значит, гипотеза об использовании им неизвестной нам польской «контр-повести о князьях владимирских» не подтверждается.

*

В 1578 г. в Москве побывал императорский посол Д. Принтц, написавший сразу же по возвращении на родину книгу «Начало и возвышение Московии», увидевшую свет лишь в 1668 г. [29]. По словам Д. Принтца, «в их (русских) хрониках, копию которых мы с трудом получили, написано, что брат Августа Прус поселился у Балтийского моря и Вислы и дал свое имя Пруссии. Говорят также, что он занял город Мамборок . . ., Торунь и Гданьск на реке Неман. Эти братья (первые русские князья) являются, якобы, четвертым коленом от Пруса» [30]. И далее приводится известие о расселении братьев Рюрика, об Олеге и т. д. — по «Повести временных лет».

Как видим, легендарный Прус назван у Принтца «братом Августа» — такая деталь встречается лишь в текстах, включенных в Воскресенскую летопись, в «Сказании о родословии от летописца» и в родословных книгах конца XVI—XVII вв., тогда как во всех других редакциях рассказа Прус именуется «сродником» Августа. Рюрика с братьями Принтц считает потомками Августа в «четвертом колене». В подавляющем большинстве русских текстов речь идет о «четырнадцатом колене», и лишь в «Сказании о родословии» и в родословных книгах — о «четвертом».

Видимо, именно к данной редакции рассказа и восходит сообщение Принтца о потомках Августа.

Труднее выявить источник сведений Принтца о русских царских регалиях, так как его упоминания о них очень кратки. В первом случае (после рассказа о Владимире Святославиче) говорится:

«Русские утверждают, что поскольку Владимиру была послана с митрополитом от константинопольских королей какая-то императорская шапка и оплечья и дано имя Мономаха, то по этой причине потомки Владимира по праву именуются царями» [31].

Это известие близко к традиционной русской версии, хотя Принтц и перепутал Владимира Всеволодовича с Владимиром Святославичем. Другое упоминание Принтца о Мономахе не имеет аналогии в русских источниках и, вероятно, представляет собой развитие аналогичной мысли Герберштейна:

[29] *D. Printz a Bucchau.* Moscoviae ortus et progressus. Nissae Silesiorum, (1668).
[30] Ibidem, p. 6—7.
[31] Ibidem, p. 15. Ср. там же, p. 206; «Они пишут, что константинопольские короли, находившиеся в родстве с киевским князем Владимиром, прислав тому с митрополитом шапку и драгоценные императорские оплечья, возвели его в это (царское) достоинство».

«Потомок Владимира и его тезка — сын Всеволода — как сказано в русских хрониках, побив и победив почти всех родичей, стал править один и был прозван Мономахом, но я не обнаружил, чтобы кому-нибудь после него было передано это имя» [32].

Существует несомненная связь между книгой Д. Принтца и изданным в кельнской брошюре 1580 г. (содержащей документы о войне Стефана Батория с Иваном IV) [33] «Кратким изложением генеалогии великих князей московских, извлеченных из их рукописных хроник» [34]. Высказано мнение, что автором «Генеалогии» был Д. Принтц, переработавший свой первоначальный текст [35]. Может быть это было и так, а может быть составитель кельнского сборника, использовав сочинение Принтца, дополнил его по добавочному русскому источнику. Как бы то ни было, дополнительный русский источник был несомненно привлечен, и это отразилось в особенности в известии о Мономахе.

После упоминания о князе Всеволоде в «Генеалогии» говорится:

«Его сын Владимир занял старинный город Киев на Днепре и после многих усобиц с родичами подчинил себе поочередно все земли и был назван Мономахом. Следует рассказать то, о чем говорится в их (русских) рукописных хрониках: он (Владимир) вел войну с константинопольским королем Константином и когда, разграбив Фракию и захватив большую и богатую добычу, вернулся домой и стал готовиться к новой войне, Константин отправил к нему митрополита Эфесского Неофита и двух епископов, префекта Антиохийского и архимандрита Иерусалимского Евстафия и послал ему множество даров, а именно — частицу креста Христа Спасителя, золотую диадему и золотое ожерелье и даровал ему титул «царя» (который, если точно перевести, означает «короля», а не «императора») . . . и объявил о нерушимой дружбе и прочном союзе с ним» [36].

Этот подробный рассказ довольно точно воспроизводит традиционный русский текст, причем, судя по некоторым деталям (отсутствие развернутого титула эфесского митрополита и др.) использован памятник, близкий к «Сказанию о князьях владимирских» [37].

Книга Д. Принтца и «Генеалогия» передают в совокупности наиболее эквивалентную русским источникам версию историко-политической идеи, содержащейся в рассказе о происхождении великих князей и их регалий.

32 Ibidem, p. 204.
33 Edictum serenissimi Poloniae regis ad Milites, ex quo causae suscepti in magnum Moscoviae ducem belli cognoscuntur. . . Coloniae, 1580.
34 Magni Moscoviae ducis genalogiae brevis epitome ex ipsorum manuscriptis annalibus excerpta.
35 *A. Kappeler.* Ivan Groznyi im Spiegel der ausländischen Druckschriften seiner Zeit. Bern, 1972, S. 62.
36 Edictum. . ., f. F_2.
37 *Р. П. Дмитриева.* Сказание о князьях владимирских, стр. 177.

В 1600 г. английский перевод «Генеалогии» был напечатан в известном сборнике путевых записок, изданном Р. Гаклюйтом [38]. Этот перевод послужил, в свою очередь, источником записи о потомках Августа и о дарах Мономаха в «Краткой истории Московии» Д. Мильтона (1682 г.) [39].

*

Легенда о римском происхождении русской правящей династии стала объектом критики во многих польских и немецких изданиях 1580-х годов (книги Д. Германна [40], Х. Варшевицкого [41], П. Одерборна [42] и др.). Во всех этих сочинениях более или менее точно передается содержание изданного в 1579 г. «Свирского эдикта» короля Стефана Батория, отвергавшего право Ивана IV именовать себя потомком Пруса. Баторий обвинял московского царя в том, что тот «приписывает себе права на наше Польское королевство и великое княжество Литовское, суетно утверждая, что он является четырнадцатым потомком Пруса, хотя такой никогда не существовал среди смертных. Этого брата цезаря Октавия (!) он именует основателем своего рода [43].

«Свирский эдикт» имел в виду многократно повторявшиеся в русской дипломатической переписке того времени утверждения о древности рода московских царей. К русским дипломатическим документам восходит, вероятно, и упоминание о родстве русских князей с Августом и о значении их регалий в «Московии» А. Поссевино:

« (Иван IV) ссылается на то, что происходит, якобы, от брата цезаря Августа по имени Прус» [44].

И далее: «Когда (царь) сидит на троне, он имеет при себе или одевает на голову тиару, украшенную жемчугами и драгоценными камнями, не только (из-за ее ценности), но и суетно преувеличивая этим обширность (своих владений), ибо он причисляет к ним и Византию» [45].

На один из дипломатических документов содержится прямая ссылка в книге о русско-польской войне Р. Гейденштейна:

[38] *R. Hakluyt.* The principal navigations, voyages, traffiques and discoveries of the English Nation, vol. 1. London, 1600, p. 221—225.

[39] *J. Milton.* A brief history of Moscovia. . . London, 1682, p. 37—40. Об использовании Д. Мильтоном «Генеалогии» см. *Ю. А. Лимонов.* Русские источники «Истории Московии» Д. Мильтона. — «Проблемы истории международных отношений». Л. 1972, стр. 245—246.

[40] *D. Hermann.* Stephaneis Moschovitica. . . Gedani, 1582, p. 8.

[41] *Ch. Warsewicius.* Ad Stephanum Regem Poloniae oratio. Cracoviae, 1582 f. C_1.

[42] *P. Oderborn.* Ioannis Basilidis. Magni Moscoviae Ducis vita. Witebergae. 1585, f. D_4.

[43] Edictum regium Svirense ad milites. . . Varsaviae, 1579, f. A_4.

[44] *A. Possevino.* Moscovia. Vilno, 1586, f. 29.

[45] Ibidem, p. II, ф. 3—4.

«(Иван IV) прислал с дороги через посла Ходкевича — Александра Полубенского письмо королю, повелевая тому полностью отступиться от Ливонии и утверждая, что его (Ивана) род происходит от брата цезаря Августа — некоего Пруса, доныне никому не известного, который некогда владел Хойницей и Мальборком и всей остальной Пруссией. . .» [46]

Р. Гейденштейн имел в виду уже упоминавшееся выше письмо Ивана IV к послу А. Полубенскому (1577), где, среди прочего, говорилось:

«. . . сице обладающу Августу всею вселенною и посади брата своего Пруса во град глаголемый Малборок и Торун и Хвойницу и преславный Гданеск по реке глаголемую Неман. . . И живоначалные троицы десницею и милостию воздвижеся царьство в Руси сице: под Пруса четвертое надесять колено Рюрик прииде нача княжити в Русии и в Новегороде. . .»[47]

Таким образом, связь изложения в западноевропейской печати XVI в. легенды о потомках Августа и о регалиях Мономаха с русскими сочинениями и документами прослеживается достаточно отчетливо.

Известия авторов XVII в. о русских историко-политических идеях восходили, как правило, не к оригинальным источникам, а черпались из вторых рук. Показательной в этом отношении является книга шведского писателя П. Петрея «Московитская хроника» (1615 г.). Часть известий заимствована П. Петреем у Герберштейна, и в числе их уже знакомое нам сообщение:

«Мономах в память о себе велел изготовить драгоценные вещи и облачение, чтобы великие князья, принимая власть, могли украсить этим свое коронование, как они и делают до сих пор» [48].

Кроме того, П. Петрей широко использовал издания конца XVI в. и, в частности, уже упомянутую нами «Генеалогию», к которой очень близки его известия о потомках Августа и о Мономахе:

«Тиран Иван Васильевич утверждал, что он ведет свой род от брата славного римского императора Августа по имени Прус, жившего в Пруссии. Все историки отрицают это, и он сам ничем не мог это доказать» [49].

«(Владимир Всеволодович) по примеру своего отца заставил всех князей в стране покориться ему, и поэтому был назван Мономахом» [50].

46 *R. Heidenstein.* De bello Moscovitico quod Siephanus Rex Poloniae gessit commentariorum libri VI. Basileae, 1588, p. 17.
47 «Послания Ивана Грозного», стр. 200—201.
48 *P. Petrejus.* Muskowiterske Cronika. Stockholm, 1615, Book II, 17. Ср. Ibidem, Book III, p. 2—3 — описание регалий русских государей.
49 Ibidem, Book II, 4.
50 Ibidem, Book II, 17.

Своеобразным курьезом является воспроизведение легенды о происхождении русских правителей в книге Ж. Маржере «Состояние Российской империи. . .» (1607 г.) [51]:

«Согласно русским хроникам, считается, что великие князья происходят от трех братьев, пришедших из Дании и овладевших Россией, Литвой и Подолией около 800 лет назад. Старший брат Рюрик стал именоваться великим князем Владимирским, и от него произошли по мужской линии все великие князья до Ивана Васильевича, который первым получил императорский титул от императора Максимилиана после завоевания Казани, Астрахани и Сибири».

Как видим, первоначальная версия искажена здесь самым фантастическим образом. В таких случаях исчезает возможность возведения известий к оригинальному источнику и можно лишь в общих чертах говорить о том, какая именно историко-политическая идея получила здесь отражение.

До сих пор речь шла об идее, трактующей происхождение русских царей и их регалий. Совсем иначе сложилась судьба идеи «Москва—третий Рим». Она продолжала существовать лишь на страницах рукописных сочинений преимущественно духовного характера и ни разу не проникла в книги иностранных авторов, писавших о России. Единственный случай печатного воспроизведения этой идеи связан с изданием в Москве «Кормчей», где была помещена уложенная грамота об учреждении в России патриаршего престола, включавшая формулу «Москва—третий Рим» [52]. Как видим, и эта публикация не выводит данную идею за пределы церковной сферы тогдашней русской жизни.

*

Сопоставление русских рукописных источников и западноевропейских изданий XVI—XVII вв. дает дополнительные данные для изучения генезиса русских историко-политических идей и для восстановления литературной истории содержащих их сочинений. Вместе с тем, комплексное изучение рукописных и печатных памятников позволяет более обоснованно судить о степени распространенности той или иной идеи в духовной и политической жизни Московского государства.

Приведенные материалы показывают, в частности, что для обоснования роли России в мировом историческом процессе привлекалась в основном идея давности происхождения и непрерывной преемственности власти русских правителей, тогда как идея «Москва—третий Рим» не вышла за рамки чисто церковной среды.

Подобный вывод сложился, в данном случае, на основе исследования конкретных фактов истории рукописной и печатной книж-

[51] *J. Margeret.* Estat de l'empire de Russie et grand duché de Moscovie. (1607). Paris, 1860, p. 9.
[52] Кормчая. М., 1653, л. 15.

ности в контексте общения культур различных народов. Это наглядно показывает широкие возможности книговедения не только в решении своей собственной проблематики, но и как хорошего союзника литературоведения, истории общественной мысли и других смежных наук.

Первые издания русских Прологов и рукописные источники издания 1661—1662 гг.

В. А. Кучкин

К печатанию Пролога, одного из распространеннейших и популярнейших рукописных сборников средневековой Руси, на московском Печатном дворе приступили поздно — спустя более 80 лет после начала книгопечатания в Москве. До сентября 1640 г. основным и почти единственным видом печатной продукции различных русских типографий была богослужебная литература: евангелия, апостолы, триоди цветные и постные, псалтири, часовники, служебные минеи и т. д. Книг для чтения, пусть даже религиозного содержания, если не считать двух букварей Василия Бурцева, не издавалось. Выход в свет печатного Пролога, заключавшего в себе краткие жития святых, поучения отцов церкви, религиозные повести и рассказы, нарушал старую традицию и знаменовал собой начало новой тенденции в московском книгопечатном деле. «Это был первый, пусть самый малый шаг в том направлении, чтобы сделать содержание книги предметом чтения и обдумывания», — писал известный историк книги Н. П. Киселев [1].

Первое издание Пролога, именно его сентябрьской половины, вышло в свет 29 августа 1641 г. Только через 15 месяцев, 6 декабря 1643 г., была издана вторая половина Пролога — мартовская, причем в двух вариантах [2]. С некоторыми русскими дополнениями

[1] *Н. П. Киселев.* О московском книгопечатании XVII века. Книга, сб. II. М., 1960, стр. 148.
[2] *А. С. Зернова.* Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI—XVII веках. Сводный каталог. М., 1958, № 156, № 167.

сентябрьская половина была перепечатана в 1642 г.[3]. Третье издание сентябрьской половины Пролога было закончено в июне 1659 г., а на следующий год из печати вышло второе издание мартовской половины Пролога. Всего же в XVII в. Пролог (годовой) был напечатан семь раз [4].

Несмотря на то, что с Пролога началась новая веха в истории русского книгопечатания, обстоятельства его первого издания, определение использованных при издании источников, выявление последующих редакционных переработок совершенно не исследованы и не сделаны. В литературе имеется ряд беглых замечаний или самого общего, или случайного характера, причем высказанных, как правило, не в результате конкретного рассмотрения материала, а на основании более или менее априорных соображений. Так, А. И. Пономарев утверждал, что «печатный пролог (1-е изд. 1641 г.) в своих исправлениях и дополнениях прямо уже становился в зависимость от Макарьевских Четьих Миней. . .» [5] Отдельные указания относительно источников некоторых статей печатного Пролога есть у Н. И. Серебрянского [6].

Не входя в данной работе в рассмотрение тех рукописных материалов, что легли в основу первого издания Пролога (тема эта весьма ответственная и требует большого текстологического исследования), ограничимся определением источников, по-видимому, крупнейшей в XVII в. переработки Пролога — издания 1661—1662 гг.

Вначале несколько слов о людях, руководивших этим изданием. Судя по документам, во время печатания Пролога (с 18 января по 17 августа 1661 г. — сентябрьская половина и с 23 сентября 1661 г. — 17 марта 1662 г. — мартовская половина) справщиками Печатного двора числились Захарий Афанасьев, старец Арсений грек и старец Иосиф. Несколько позднее в штат двора был зачислен старец Александр Печерский, а во главе справщиков поставили известного деятеля Арсения Суханова [7]. Эти лица и занимались подготовкой издания 1661—1662 гг.

[3] *Н. П. Киселев.* Указ. соч., стр. 150; *А. С. Зернова.* Указ. соч., № 163.
[4] *А. С. Зернова.* Указ. соч., № 282, 285, 290, 296, 340, 344, 394, 396, 421, 422, 468, 469.
[5] *А. И. Пономарев.* Речь о прологе. СПб. 1890, стр. XIV. Это положение А. И. Пономарева вошло даже в энциклопедическую статью о прологе в «Словаре» Брокгауза и Эфрона.
[6] См., напр., *Н. И. Серебрянский.* Древнерусские княжеские жития.— «Чтения в обществе истории и древностей российских», кн. 3 за 1915 г., отд. II, стр. 254, прим. 1.
[7] ЦГАДА, ф. 1182, оп. 1, кн. 56, лл. 422 об. — 423 об., лл. 496 об. — 498 об.; кн. 62, лл. 1 об.—3. Арсению Суханову и Александру Печерскому жалованье стали выплачивать с 1 марта 1661 г. — кн. 56, л. 496 об. См. также *С. А. Белокуров.* «Арсений Суханов. Часть I. Биография Арсения Суханова». — ЧОИДР, кн. 2 за 1891 г., стр. 431—432. Арсений грек не получал жалованья за 1 сентября 1661 г. — 1 марта 1662 г. — ЦГАДА, ф. 1182, оп. 1, кн. 62, лл. 1 об. — 3, но жалованье за 1 сентября 1662 г. — 1 марта 1663 г. ему выдали. — Там же, кн. 63, л. 5 об.

По сравнению с предшествующим изданием Пролога 1659—1660 гг. в издание 1661—1662 гг. были внесены значительные изменения. Прежде всего нужно отметить, что в новом издании были удалены две статьи, читавшиеся в Прологе 1659—1660 гг.: под 13 января «Слово, о еже не имѣти злобы» и под 31 марта «Слово Иоанна Златоустаго о милостыни и о рабѣхъ» [8]. Однако вставок в издание 1661—1662 гг. было сделано значительно больше, чем изъятий, причем количество вставок в сентябрьской и мартовской половинах Пролога было разным. Так, только в мартовской половине Пролога, изданной в 1662 г., встречаются краткие перечни святых, чего нет в предшествовавшем издании 1660 г. Вставки такого рода обнаруживаются под 3 марта (л. 12 об.), 4 марта (л. 17 об., лл. 24 об.—25), 6 марта (л. 26 об.), 8 марта (л. 36 об.), 9 марта (л. 43), 10 марта (л.47), 11 марта (л. 48 об.), 12 марта (л. 62), 13 марта (л. 65 об.), 17 марта (лл. 97 об. — 98), 18 марта (л. 105 об.), 21 марта (л. 119 об.), 22 марта (л. 127), 23 марта (л. 132), 24 марта (л. 135 об.); под 2 апреля (л. 199), 3 апреля (л. 202), 5 апреля (л. 211 об.), 6 апреля (л. 218 об.), 7 апреля (л. 222 об.), 8 апреля (л. 228), 10 апреля (л. 234 об.), 11 апреля (л. 238), 12 апреля (л. 246), 15 апреля (л. 256), 18 апреля (л. 271), 22 апреля (л. 287 об.), 28 апреля (л. 314 об.), 30 апреля (л. 322 об.); под 3 мая (л. 340 об.), 6 мая (л. 354 об.), 13 мая (л. 417 об.), 18 мая (л. 444), 26 мая (л. 496); под 3 июня (л. 11), 6 июня (л. 26 об.), 13 июня (л. 65), 21 июня (л. 94); под 3 июля (л. 145 об.), 5 июля (л. 158 об.), 7 июля (л. 167 об.), 16 июля (л. 260 об.), 25 июля (л. 299 об.), 27 июля (л. 308), 28 июля (л. 312), 30 июля (л. 320 об.); под 5 августа (л. 347 об.), 7 августа (л. 362), 12 августа (л. 387), 13 августа (л. 390), 16 августа (л. 405), 17 августа (л. 408 об.), 18 августа (л. 412), под 28 августа (л. 451). Источник этих дополнений устанавливается довольно просто. Под 10 и 25 марта, 17, 18, 22 и 24 апреля помещены стихи тем святым, которые здесь перечислены. Наличие стихов указывает на использование в издании 1662 г. стишного пролога. В приходно-расходной книге Печатного двора имеется запись от 20 января 1661 г.: «Куплена книга харатейная пролог, дано один рубль, шесть алтынов, четыре деньгы» [9]. Покупка пергаменного пролога по времени совпадает с началом работы по печатанию сентябрьской половины Пролога. Для этой части издания данные рукописной книги уже не могли быть использованы. Купленная рукопись могла послужить источником только для мартовской половины Пролога. При предположении, что в издании 1662 г. был использован лишь один рукописный пролог, можно смело утверждать, что последний был русским, поскольку в дополнениях издания 1662 г. встречаются указания на русских святых. Так, под 4 марта в издании 1662 г. впервые в печатном Прологе появляется дополнение о праздниках в честь

[8] Пролог. М., 1659, стр. 2548—2549; Пролог. М., 1660, стр. 343—344.
[9] ЦГАДА, ф. 1182, оп. 3, кн. 56, л. 338.

перенесения мощей князя Федора Смоленского и Ярославского и «чадъ его Давыда и Константина» (лл. 24 об.—25), под 3 июня упоминается о перенесении мощей Дмитрия Углицкого (л. 11), под 27 июля отмечается память новгородского юродивого Николы Кочанова (л. 308), а под 13 августа — перенесение мощей московского юродивого Максима (л. 390).

Помимо стишного пролога, справщиками Печатного двора при подготовке издания 1661—1662 гг. были привлечены и другие рукописные памятники, которые послужили основой для написания отдельных, иногда довольно значительных по объему, проложных статей, причем не только мартовской, но и сентябрьской половины Пролога. Отметим ряд статей, посвященных византийским святым. В конце месяца ноября в издание 1661—1662 гг. по сравнению с изданием 1659—1660 гг. вставлено большое Похвальное слово Иоанну Златоусту (лл. 1—23 об. нового счета), под 29 февраля — житие Кассиана Римлянина (лл. 500 об.—500 второй); под 27 марта — повесть Даниила о Евлогии каменосечце (лл. 155_1—155_6); под 5 апреля — сказание аввы Серапиона о Марке Фрачском (лл. 215 об.—217); под 29 мая — житие Иоанна Милостивого (лл. 514—515); под 8 июня — житие Федора Стратилата, которое, как указано в издании, «новопреведено от греческого языка во славенский» (лл. 31 об.—44); наконец, под 9 июля — житие Федора Едесского (лл. 180—181). Источник или один из источников перечисленных статей определяется записью в уже упоминавшейся приходно-расходной книге Печатного двора: «Куплена книга пролог греческий в правильню для справы у рамановца у Терентья Онтонова, денег по цене рубль»[10]. Запись датирована 2 мая 1660 г. Покупка сделана после окончания издания Пролога 1659—1660 гг. (его мартовская половина вышла в свет 1 марта 1660 г.). Очевидно греческий пролог служил «для справы» всего издания 1661—1662 гг. Так определяется еще один источник русского печатного Пролога 1661—1662 гг.

Статьи, посвященные византийским святым, составляют лишь незначительное меньшинство по сравнению с теми статьями о русских святых, которые впервые появились в издании 1661—1662 гг.

Под 9 сентября вставлено житие Иосифа Волоцкого (лл. 49—50); под 25 сентября — Евфросинии Суздальской (лл. 112 об.—112_3 об.); под 7 октября приведено житие Сергия Нуромского (лл. 190—191), под 20 октября — Артемия Веркольского (лл. 258—258_2); под 22 ноября — Михаила Тверского (лл. 448 об.—450); под 7 декабря — Нила Столбенского (лл. 63—63_2); под 23 января — Геннадия Костромского (лл. 311 об.—311_3); под 28 января — Ефрема Новоторжского (лл. 334 об.—336 об.); под 12 февраля — большое похвальное слово митрополиту Алексею (лл. 413 об.—430); под 4 марта впервые напечатаны «Повѣсть о великомъ князѣ Данилѣ Александровичѣ Московскомъ» (лл. 20—

[10] ЦГАДА, ф. 1182, оп. 3, кн. 56, л. 331.

21) и «Страдание блаженнаго князя Василька Ростовского» (лл. 21—21 об); под 14 марта — повесть о Костромской Федоровской иконе богоматери (лл. 72 об.—74); под тем же 14 марта вставлено «страдание» митрополита Феогноста (лл. 74 об.—75); под 16 марта — житие Серапиона, архиепископа Новгородского (лл. 82 об.—83 об.); под 7 апреля — житие Даниила Переяславского (лл. 225 об.—226 об.); под 10 мая — житие архимандрита Троице-Сергиевского Дионисия (лл. 399—407 об.); под 19 мая — преставление князя Ивана Андреевича Углицкого (лл. 452 об.—453 об.); под 20 мая — статья о перенесении мощей митрополита Алексея (лл. 458—460 об.); под 21 мая — память муромских князей Константина и его сыновей Михаила и Федора (лл. 464 об.—466) и житие Кассиана Учемского (лл. 466—468 об.); под 23 мая — житие Евфросинии Полоцкой (лл. 481 об.—484 об.); под 24 мая — Никиты Переяславского (лл. 486 об.—490); под 27 мая — статья о перенесении мощей митрополитов Киприана, Фотия и Ионы (лл. 499—500) и житие Ферапонта Белозерского (лл. 500—502 об.); под 29 мая — житие Иоанна Устюжского (лл. 511 об.—514); под 5 июня — «страдание» князя Игоря Ольговича (лл. 23—24); под 9 июня — житие Александра Куштского (лл. 51 об.—52); под 16 июня — житие Тихона Луховского (л. 76 об.); под 29 июня— — житие царевича Петра Ордынского (лл. 134—134 об.); под 3 июля — житие Никодима Кожеозерского (л. 146—147, как обозначен этот лист в издании, и об. этого листа); под 7 июля — повесть о княгине Евдокии — Евфросинии, супруге Дмитрия Донского (лл. 168—170); под 8 июля — житие Прокопия Устюжского (лл. 176—179); под 14 июля — житие Стефана Махрищского (л. 252); под 20 июля — житие Авраамия Чухломского (лл. 285—285 об.); под 26 июля — память Моисея угрина (лл. 305 об.—306); под 29 июля — повесть о Николе Зарайском (лл. 319—319 об.); под 21 августа — житие Авраамия Смоленского (лл. 424 об.—426); под 24 августа — житие Арсения Комельского (лл. 432—434); под 28 августа — житие Саввы Крыпецкого (лл. 454—454 об.). Всего в Прологе 1661—1662 гг. напечатано на 39 русских статьи больше, чем в предыдущем издании 1659—1660 гг.

Уже самый перечень статей заставляет отвергнуть мысль А. И. Пономарева о том, что печатный Пролог «в своих исправлениях и дополнениях прямо» зависел от Макарьевских Четьих Миней. Даже если и будет обнаружена такая зависимость, Макарьевские Минеи Четьи не могут быть признаны единственным источником русских дополнений печатного Пролога. В своих дополнениях Пролог зависел и от других памятников. В самом деле, согласно исследованию В. О. Ключевского, житие Евфросинии Суздальской окончательно сложилось после 1580 г., житие Артемия Веркольского написано в 20-е годы XVII в., житие Геннадия Костромского — в 80-х годах XVI в., примерно в то же время было написано и житие Ефрема Новоторжского, житие Тихона Луховского составлено в 1649 г., житие Никодима Кожеозерского —

в третьей четверти XVII в., а житие архимандрита Троице-Сергиева монастыря Дионисия, кстати, принимавшего участие в работах Московского Печатного двора, написал в 1654 г. Симон Азарьин и редактировал московский соборный ключарь Иван Наседка [11]. Все эти жизнеописания составлены гораздо позже последней редакции Макарьевских Четьих Миней, но все они в краткой форме имеются в Прологе 1661—1662 гг. Очевидно справщики Печатного двора пользовались не Великими Минеями Четьями, а иными материалами.

В настоящее время трудно указать рукописи (их могло быть несколько), откуда издатели Пролога 1661—1662 гг. заимствовали тексты для пополнения своего труда, но важно подчеркнуть, что ими была использована самая современная по нужной тематике литература. Тем самым обнаруживается прямая связь печатной продукции с новейшими рукописными сочинениями своего времени.

Хотя, как было сказано, конкретные рукописи, послужившие источником печатного Пролога 1661—1662 гг., определить нелегко, тем не менее можно высказать одно предположение. Скорее всего, жития русских святых, послужившие материалом для написания проложных статей, были не разрознены, представляли собой в большинстве случаев не отдельные списки, а были соединены в определенных сборниках. И здесь обращает на себя внимание то обстоятельство, что такие редкие жития, как Константина-Кассиана Углицкого-Учемского, Ферапонта Белозерского, Александра Куштского, Тихона Луховского, Стефана Махрищского, Саввы Крыпецкого встречаются в одном рукописном памятнике, именно в Минеях Четьих Иоанна Милютина, работавшего над их составлением в 1640—1654 гг. Как установила Т. В. Дианова, Милютинские Минеи, в настоящее время хранящиеся в Синодальном собрании Отдела рукописей ГИМ'а, попали в это собрание из библиотеки Печатного двора [12]. На Печатном дворе Минеи были уже к 1680 г.[13] Возможно, они поступили туда еще раньше и уже служили источником дополнительных статей печатного Пролога 1661—1662 гг. Для проверки высказанного предположения необходима тщательная сверка проложных статей 1661—1662 гг. с названными Минеями, которой должна предшествовать работа по определению редакций указанных житий в труде Иоанна Милютина, выявление степени их оригинальности. Если в Прологе отразятся особенности, присущие только текстам Иоанна Милю-

[11] *В. О. Ключевский.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, стр. 285, 323—324, 303, 335—336, 330—331, 334—335, 350—353.

[12] *Т. В. Дианова.* Палеография Милютинских сборников, стр. 5—6 (Рукопись). Выражаю признательность Т. В. Диановой за возможность ознакомления с ее работой в рукописи.

[13] Архив Юго-Западной России, т. 5, ч. 1. Киев, 1872, стр. 278—279.

тина, использование последних в издании 1661—1662 гг. будет вполне доказано.

Но для некоторой группы дополнительных статей рассматриваемого издания Пролога источник определяется уже не предположительно, а вполне точно. Ознакомление со статьями, посвященными русским князьям, причтенным церковью к лику святых, обнаруживает для большинства из них стереотипное начало. Так, проложная статья о Данииле Московском под 4 марта начинается следующим образом: «Сеи блаженный великий князь Даниилъ бѣ четвертый сынъ святаго и приснопамятнаго князя Александра Ярославича Невскаго, от великаго же князя святаго и равноапостальнаго Владимира бысть девятый степень» (л. 20). Сходно начало статьи под 23 мая об Евфросинии Полоцкой: «Сия блаженная и преподобная Еуфросиниа бяше дщи князя Георгиа, сына князя Вячеслава Полотскаго, прежде же бяше имя еи Предислава» (л. 481 об.). С указания на предков начинается и статья под 5 июня о князе Игоре Ольговиче Черниговском и Киевском: «Сеи святыи преподобный великий князь Игорь внукъ Святославль, правнукъ Ярославль сына Владимирова, крестившаго Российскую землю» (л. 23). Однотипно с приведенными началами и начало статьи о Евдокии — Евфросинии, жене Дмитрия Донского (под 7 июля): «Сия бяше дщи великаго князя Димитриа Константиновича Суждалскаго. Поживе же с супругомъ своимъ великимъ княземъ Димитриемъ Иоанновичемъ благоугодно господеви» (л. 168).

Такое стилистическое однообразие начала статей, где подробно перечисляются родственники и предки основных персонажей проложных рассказов, дает основание предполагать использование какого-то одного источника. Намек на этот источник содержится в статье о первом московском князе Данииле Александровиче, который «бысть девятый степень» от жившего в X—XI вв. Владимира Святославича Киевского. Указание на «степень» заставляет вспомнить о «Книге Степенной царского родословия» — памятнике XVI в., содержавшем жизнеописания князей. Эти жизнеописания были расположены по «степеням» (т. е. ступеням, коленам), в зависимости от дальности родства того или иного князя с легендарным Рюриком. Как показывает сличение текстов, Степенная книга действительно послужила источником целого ряда дополнительных статей в печатном издании Пролога 1661—1662 гг. По Степенной книге составлены проложные статьи под 22 ноября о Михаиле Ярославиче Тверском, под 4 марта о Данииле Александровиче Московском и Васильке Константиновиче Ростовском, под 14 марта о митрополите Феогносте (его поездке в Орду и «страдании» там за церковные доходы), под 7 апреля о переяславском игумене Данииле, под 20 мая о перенесении мощей митрополита Алексея, под 23 мая о княжне Евфросинии Полоцкой, под 5 июня о князе Игоре Ольговиче, под 7 июля

о княгине Евдокии — Евфросинии [14]. Чтобы убедиться в справедливости такого заключения, необходимо рассмотреть каждую из названных статей в отдельности.

Правда, установление источника первой из названных статей — о Михаиле Тверском — представляет некоторые трудности. Дело в том, что незадолго до издания Пролога 1661—1662 гг. в конце 50-х годов XVII в. в Твери была составлена особая редакция Повести о Михаиле Ярославиче, в основу которой была положена Степенная книга [15]. Поэтому и непросто решить, повлияла ли на проложную статью о тверском князе Степенная книга непосредственно, или же она повлияла опосредствованно, через так называемую вторую редакцию Повести о Михаиле Тверском 50-х годов XVII в. Н. И. Серебрянский, например, склонялся к последней мысли [16].

Однако сопоставление некоторых мест, несмотря на сильное сокращение, проложной статьи о Михаиле с текстами Степенной книги и Повести о Михаиле Тверском во второй редакции 50-х годов XVII в. показывает, что составители Пролога использовали именно Степенную книгу.

Статья о Михаиле Тверском

Пролог 1661 г.	*Степенная книга (ПСРЛ, т. XXI, ч. 1. СПб, 1908)*	*Вторая редакция 50-х годов XVII в.*[17]
Михаил «внукъ великаго князя Ярослава, правнукъ же Всеволода Георгиевича Долгорукого». *л. 448 об.*	Михаил «внук великого князя Ярослава, правнук Всеволода Юрьевича Долгорукого», *стр. 333.*	Михаил родился «от благочестиваго си отца богомудраго и державнаго великаго князя Ярослава Ярославича, внука великаго князя Ярослава, правнука великаго князя Всеволода Георгиевича Долгорукаго». *л. 15.*

[14] ПСРЛ, т. XXI, ч. 1. СПб, 1908, стр. 333—342; 296—297; 298; 266—267; ч. 2. СПб., 1913, стр. 345—346; 615—616, 620—621, 625; 364—369; ч. 1. стр. 207—219, 203—206; ч. 2, стр. 408—409, 411.

[15] *В. А. Кучкин.* Повести о Михаиле Тверском. М., 1974, стр. 188—200.

[16] *Н. И. Серебрянский.* Древнерусские княжеские жития, стр. 254, прим. 1. Н. И. Серебрянский полагал, что проложная статья составлена на основании «подробных редакций» Повестей о Михаиле Тверском, под которыми он подразумевал первоначальную (XIV в.) редакцию памятника и вторую редакцию 50-х годов XVII в.

[17] Цит. по списку ГБЛ, ф. 310, № 341.

«преставльшусядвоюродному брату его, великому князю Андрею Александровичю Владимирскому. . .» *л. 448 об.*	«брату же его из двуродных, великому же князю Андрею Александровичю преставльшуся. . .» *стр. 333.*	«брату же его из двуродныхъ, великому князю Андрею Александровичю о господѣ конецъ жития приимшу. . .» *лл. 21—21 об.*

Приведенные отрывки из Пролога почти буквально повторяют соответствующие места Степенной книги, но не Повести о Михаиле Тверском во второй редакции 50-х годов XVII в. Итак, источником статьи о Михаиле Тверском в Прологе, изданном в 1661 г., явилась Степенная книга. Еще более широко Степенная книга была использована в мартовской половине Пролога, изданной в 1662 г. Хотя составители Пролога в своем труде помещали лишь основные биографические сведения о русских исторических лицах, причтенных церковью к святым, все же статьи о русских князьях и митрополитах удержали много мест, текстуально совпадающих со Степенной книгой или очень близких к ней.

Статья о Данииле Александровиче Московском

Пролог 1662 г.	*Степенная книга*
«Возрасти же и снабдѣ его богъ нератуема ни от кого же, и поручено бысть ему в наслѣдие богоснабдимое державство преименитаго града Москвы в роды и роды». *лл. 20—20 об.*	«Сего блаженнаго Данила избра богъ и возрасти и снабдѣ нератуема ни отъ кого же; ему же и поручено бысть въ наслѣдие богоснабдимое державство преименитаго града Москвы, его же и праведное сѣмя возлюби богъ и прослави, наипаче имъ же благоволи царствовати въ роды и роды». *стр. 296.*
«Егда же случашеся въ братии его или в сродницѣхъ междоусобнымъ бранемъ близъ державы его воздвизатися. . .» *л. 20 об.*	«Егда же нѣкогда и случашеся во братии его и въ сродницехъ межюусобной брани близь державы его воздвигнутися. . .» *стр. 296.*
«И тако богоугодно государствуя на Москвѣ и честенъ монастирь возгради, иже зовется Данииловской. . .» *л. 20 об.*	«. . . на Москвѣ богоугодно господьствуя, идѣ же и монастырь честенъ возгради (*списки ИЧД*), иже зовется Даниловский. . .» *стр. 298.*
«Конечнаго же ради смиренномудрия пе изволи въ церкви положитися, но на монастирѣ...» *л. 21.*	«Конечьнаго ради смирения не изволи въ церкви положенъ быти, но на монастыри. . .» *стр. 298.*

Статья о Васильке Константиновиче Ростовском

Пролог 1662 г.	*Степенная книга*

Совпадает текст от слов «его же противнии. . .» до слов «скверному обычаю» включительно (Пролог, л. 21; ПСРЛ, т. XXI, ч. 1, стр. 266).

Пролог 1662 г.	*Степенная книга*
«Блаженный же князь Василий не токмо не повинуся богомерзскому ихъ обычаю и беззаконному повелѣнию, но ни брашна и пития никако же приять». *лл. 21—21 об.*	«Блаженный же князь Василий не токмо не повинуся богомерзскому (*списки ИЧД*) ихъ обычаю и не покорися безаконному ихъ велѣнию, но ни брашьна, ни пития тогда никако же не приять». *стр. 266.*
«О злотемное и сквернавое царство». *л. 21 об.*	«О злое царствие темьное и сквернавое». *стр. 266.*
«Безбожнии же проклятии татарове того ради скрежетаху на нь зубы своими». *л. 21 об.*	«Безбожнии же проклятии татарове скрежетаху на нь зубы своими». *стр. 266.*
«Увѣдавши же сие княгиня его и епископъ Кириллъ Ростовский, пославше, взяша тѣло его. . .» *л. 21 об.*	«Увѣдавше же се княгини его и епископъ Кирилъ Ростовский, пославше, и взяша тѣло его». *стр. 267.*
«И положиша въ церкви святыя Богородицы, идѣ же мати его положена бысть». *л. 21 об.*	«И положиша въ церкви святыя Богородица, идѣ же мати его положена бѣ». *стр. 267.*

Статья о митрополите Феогносте

Пролог 1662 г.	*Степенная книга*
Феогност «от российскихъ злодѣивыхъ мужъ оклеветанъ бысть тому злочестивому царю Зянибѣку. . .» *л. 74 об.*	«отъ нѣкоихъ рускихъ злодѣивыхъ мужь оклеветанъ бысть злочестивому царю Зянибѣку. .» *стр. 345.*
«. . .а самъ себѣ на нихъ дани взимаетъ безчисленно много злата и сребра и всякого богатства, а тебя царя преобидитъ». *л. 74 об.*	«а сам себѣ на нихъ дани безчислено много злата и сребра и всякого богатства взимаетъ; а тебя царя преобидитъ». *стр. 345.*
«Царь же, слышавъ сие, проси у митрополита полѣтнихъ даней». *л. 74 об.*	«Царь же проси у митрополита полѣтнихъ даней». *стр. 345.*
«Почто ты не даеши дани царю от своего церковнаго чина?» *л. 74 об.*	«По чьто ты не даеши дани царю отъ своего церковнаго чина и всего ихъ причьта?» *стр. 345.*

«и раздая тогда суровѣишымъ татаромъ сребра яко до шестисотъ рублевъ». *л. 75.*

«и раздал тогда суровѣйшимъ татаромъ сребра, яко до шьтисотъ рублевъ». *стр. 346.*

«И по сихъ пребысть 10 лѣтъ, добрѣ управляя богомъ порученную ему паству, с миромъ преставися». *л. 75.*

«И по сихъ пребысть десять лѣтъ, добрѣ управляя богомъ порученную ему паству, съ миромъ преставися къ богу». *стр. 346.*

Статья о Данииле Переяславском

Пролог 1662 г.

«И тако сугубы подвиги полагаше и всегодищное время божественную службу по вся дни свершаше». *л. 226.*

«И умершихъ поверженыхъ звѣремъ на снѣдение на рамѣ свои взимаше». *л. 226.*

«. . . повелѣ преподобному преселитися из Горицкого монастыря во свою ему обитель. . .» *л. 226.*

«. . . в монастырѣ же святаго Даниила тогда братии вящше седмидесяти и мирянъ доволно». *л. 226.*

«Святыи же прииде самъ к житницѣ и видѣ муки мало, вящше триехъ оковъ». *л. 226.*

«И погребоша его во своемъ ему монастырѣ у церкви святыя Троицы у самыя стѣны святаго жертвеника». *л. 226 об.*

Степенная книга

«И тако сугубы подвиги полагаше и во многи нощи безъ сна пребываше, иногда же и всегодищьное время божественую службу по вся дьни служа. . .» *стр. 616.*

«Умершихъ же различьными бедами и поверженыхъ звѣремъ на снѣдение и сихъ на рамѣ свои взимаше». *стр. 616.*

«. . . повелѣ преподобному самому преселитися изъ Горицького монастыря во свою ему обитель. . .» *стр. 620.*

«. . . въ монастыри же Даниловѣ тогда бяше братии вящи седьмидесять и мирянъ довольно». *стр. 620.*

«Он же самъ прииде къ житьнице и видѣ муки мало, вяще триехъ оковъ». *стр. 620.*

«. . . и погребоша его честно во своемъ ему монастыри у церкви святыя Троица у самыя стѣны святаго жертвеника». *стр. 625.*

Статья о перенесении мощей митрополита Алексея

Пролог 1662 г.

«В лѣта благочестиваго и христолюбиваго самодержца Московскаго и всея Российския земли великаго князя Василия

Степенная книга

«В лѣта благочестиваго и христолюбиваго самодержьца Руськия земли великаго князя Василия (*списки ИЧ*) Василье-

Василиевича внука побѣдоносыа великаго князя Димитриа Иоанновича Донскаго, украшающу тогда Российския митрополии престолъ преосвященнѣйшему Фотию митрополиту. . .» *лл. 458—458 об.*	вича, внука достохвальнаго побѣдоносьца великаго князя Дьмитрия Ивановича, украшая же тогда престолъ всея Руськия митрополия пресвященнѣйший Фотий митрополитъ. . .» *стр. 365.*
«Храмный святаго архистратига Михаила древяный верхъ, юже чюдотворецъ Алексии созда, от ветхости весма обвалися». *л. 458 об.*	«Церковный верхъ святаго архистратига Михаила, юже церковь чюдотворивый Алексий созда, отъ ветхости весьма обвалися». *стр. 365.*
О новом соборе Чудова монастыря: «. . . прекрасенъ, имущь трикровны выспрь восходы. . .» *л. 459.*	«. . . прекрасна и трикровна, выспрь восходи имѣя». *стр. 366.*
Прежний храм «. . . всюду пространство имѣя, но единокровенъ бѣ и помостъ на земли имущъ». *л. 459.*	«. . . пространнее была всюду, но обаче единокровно быша и единъ помостъ токмо на самой земьли имущи. . .» *стр. 366.*
«. . . архимандритъ именемъ Геннадий разуменъ и сановитъ и добродѣтелен. . .» *лл. 459—459 об.*	«. . . архимандритъ именемъ Генадий, иже бѣ мужъ сановитъ (*списки ИЧД*), разуменъ же и добродѣтеленъ. . .» *стр. 366.*
«. . . попечение вручаетъ общникомъ своимъ самобратии Димитрию и Георгию велможема и сыну Димитриеву Георгию, зовомому Малому». *л. 459 об.*	«. . . попечение вручи сообѣщьникомъ своимъ, иже бяху самобратии вельможи Дьмитрий и Сергий и сынъ Дьмитриевъ Юрьи, зовомыи Малы. . .» *стр. 367.*
«. . . велие и тамо попечение о храмѣ святаго Алексиа имѣя. . .» *л. 460.*	«И велие тьщание имѣя о церкви святаго Алексия». *стр. 368.*
«. . . совершенъ бысть храм и трапеза велми чюдно велика же и высока и имѣя многи полаты в себѣ долния и горния, удобны на всяку потребу монастирскую. . .» *л. 460.*	«. . . совершена бысть церковь и трапеза вельми чюдна и высока и велика, имѣя многи полаты горняя и долняя (*списки ИЧД*), удобны на всяку потребу монастырскую. . .» *стр. 368.*
Мощи Алексея «в рацѣ на десной странѣ у стѣны, идѣ же суть и до нынѣ всѣми зримы». *л. 460 об.*	«. . . въ рацѣ на десной странѣ у стены, идѣ же суть и до нынѣ видимы всѣми». *стр. 368.*

Пролог 1662 г.	*Степенная книга*
«Она же видѣвши юность ея. . .» *л. 482.*	«И видѣвши она блаженная жена уность ея. . .» *стр. 208.*
«Увѣдев же отецъ ея и прииде в монастирь». *л. 482.*	«И увѣдевъ отецъ ея, скоро шедъ въ монастырь. . .» *стр. 209.*
«. . . дабы повелѣлъ ей пребывати у святыя Софии во единой каморѣ». *л. 482.*	«. . . дабы ей повелѣлъ ту пребывати въ церкви святыя Софьи каменыя въ голубьцы». *стр. 209.*
«. . . посла ко отцу своему, глаголя: да послетъ к ней сестру ея Градиславу да научитъ ю святымъ книгамъ». *л. 482 об.*	«. . . посла ко отьцу своему, глаголющи: пусти ко мнѣ Гордиславу сестру да научится грамоте». *стр. 211.*
«. . . повелѣ постринщи ю и нарече имя еи Евпраксиа. . .» *л. 482 об.*	«. . . повелѣ иереови пострищи ю и нарече имя ей Евпраксия (*список Д*)» *стр. 212, вар. 37.*
«Иоанне, воставъ, поиди на дѣло вседержителя Спаса». *л. 483.*	«О Иоанне, востани, поиди на дѣло вседержителя Спаса». *стр. 213.*
«Ты ли, госпоже, присылая, понуждаеши мя на дѣло?» *л. 483.*	«Ты ли, госпоже, присылаеши понужати меня на дѣло?» *стр. 213.*
«Посла же слугу своего Михаила в Константинъ градъ ко царю Мануилу и ко вселенскому патриарху Лукѣ, просящи у нихъ иконы пресвятыя богородицы». *л. 483.*	«И посла слугу своего Михаила въ Царьградъ къ цареви, нарицаемому Мануилу, и къ патриарху Луцѣ з дары многоцѣнными, просящи отъ нею образа святыя богородицы». *стр. 214.*
«Азъ хощу пострищи чяда твоя Киринию и Олгу». *л. 483 об.*	«Азъ хощу пострищи Кираанну и Ольгу». *стр. 216.*
«Он же смятеся о словеси семъ. . .» *л. 483 об.*	«Смяте же ся отецъ ею о словеси семъ». *стр. 216.*
«Поимши же с собою брата своего Давыда и Евпраксию». *л. 483 об.*	«Поемьши брата своего Давида и сестру свою Еупраксию». *стр. 216.*
«Сея же ради болѣзни не возможе итти на Иорданъ». *л. 484*	«И тоя же ради болѣзьни не може ити на Иердань». *стр. 218.*
«. . . облився по всему тѣлу своему». *л. 484.*	«облияся по всему тѣлу своему». *стр. 218.*

Статья об Игоре Ольговиче

Пролог 1662 г.	*Степенная книга*
«Егда же убо боговѣнчанный царь и великий князь Владимиръ Монамах ко господу отъиде. . .» *л. 23.*	«Бысть егда боговѣньчанный царь и великий князь Владимеръ Манамахъ къ богу отиде. . .» *стр. 203.*
Игорь «угонзе от убийства его в блато». *л. 23.*	«угоньзе отъ убийства, уклонися во блато. . .» *стр. 203.*
Изяслав Мстиславич «собра воинство много, хотя ратовати брата его Святослава Черниговскаго» *л. 23.*	«собра много воиньство и хощетъ ратовати брата его Святослава Ольговича. . .» *стр. 203.*
«Изяславъ же повелѣ его пострищи епископу Переяславскому Еуфимию». *л. 23 об.*	«Великий же князь Изяславъ Мьстиславичь Киевский повелѣ епископу Переславскому Еуфимию пострищи его во иноческий чинъ». *стр. 203.*
«По лѣтѣ же единомъ паки восколебашася киевстии людие яко пияни. . .» *л. 23 об.*	«По лѣте же единомъ паки восколебашася киевстии людие, помрачишася безумиемъ и быша яко пьяни. . .» *стр. 204.*
«Тако же и князь Владимиръ Мстиславичь, братъ великаго князя Изяслава, и два тысяцкие Ладарь * и Рагуйло, и два болярина, посланная великимъ княземъ Изяславомъ, тако же возбраняюще имъ». *л. 23 об.*	«Тако же и князь Владимеръ Мьстиславичь, братъ великого князя Изяслава, купно же и два тысячьские, Лазарь и Рагуйло, и два болярина, посланая великимъ княземъ Изяславомъ Мьстиславичемъ, много возбраня имъ. . .» *стр. 204.*
«Нечестивии же киевляне и князей биюще и с Михалка княжскую утварь и крестъ и златую гривну и чепи оборвашя». *л. 24.*	«Неистовии же кияне и князя Михалка биюще и оборваша на немъ златую утварь, честный крест и чѣпи, и гривны». *стр. 205.*
«Наутрии же митрополитъ Климентъ посла игумена Ананию Феодоровскаго монастыря». *л. 24.*	«Наутрия же Климентъ митрополитъ посла игумена Ананию монастыря святого Феодора». *стр. 205.*
«И внезапу явися столпъ свѣтозаренъ над церковию от земли до небесе и потрясеся земля, людие же вси ужасошася и зваху. . .» *л. 24.*	«И внезапу стоя столпъ свѣтозаренъ надъ церковию отъ земля до небеси, и потрясеся земля, и ужасошася людие и вопияху. . .» *стр. 205.*

* Так в подлиннике.

Пролог 1662 г.	*Степенная книга*
«Сия бяше дщи великаго князя Димитриа Константиновича Суждалскаго». *л. 168.*	«Дщи же бяше великаго князя Димитрия Костянтиновича Суждальскаго». *стр. 408.*
«Како сия державная нашя в самовластии и в нѣговании вдовствуищи цѣломудрено жити возможеть?». *л. 168 об.*	«Како сия державная в самовольствии и в негодовании (нѣговании — *список Ч*) вдовствуя возможет цѣломудрено пребыти?» *стр. 409.*
«И призвавъ вся сыны своя и велия слезы от очию испущаше, начать имъ глаголати». *л. 168 об.*	«И сего ради призва къ себѣ вся сыны своя и начать имъ глаголати, огненыя слезы отъ очию испущая». *стр. 409.*
«. . . и показа часть от утробы своея». *л. 169.*	«. . . и показа имъ малу часть тѣлеси утробы своея». *стр. 409.*
«И запрѣти сыновомъ своимъ, да никому же повѣдаютъ сие». *л. 169.*	«И запрѣти сыновомъ своимъ, да никому же не повѣдятъ, яже показа имъ. . .» *стр. 409.*
«И паки рукою помавая повелѣ написати инѣмъ образомъ». *л. 169.*	«И паки рукою помавая повелѣ инымъ (*списки Ч, Д*) образомъ написати икону анггела господня». *стр. 410.*
«. . . токмо воззрѣ на образъ той блаженная и абие разрѣшися уза языка ея и начатъ наглаголати ясно. . .» *л. 169 об.*	«. . . токмо святаго образа того видѣвши блаженная, и абие разрѣшися юза языка ея и начатъ глаголати чисто. . .» *стр. 410.*
«. . . яко и по преставлении у гроба ея многажды свѣщамъ самимъ о себѣ возгаратися». *л. 170.*	«. . . и по преставлении ея многажды у гроба ея свѣща о себѣ возгаряшеся». *стр. 411.*

Приведенные примеры с бесспорностью свидетельствуют о том, что Степенная книга послужила источником Пролога 1661—1662 гг.

Установление источников Пролога 1661—1662 гг. не только вскрывает тесную связь печатной и рукописной книги в XVII в., но и позволяет внести коррективы в общую оценку московского книгопечатания XVII в. В свое время Н. П. Киселев писал о том, что в книжной продукции XVII столетия «отсутствуют имена крупнейших писателей, таких, как Авраамий Палицын в начале века или Сильвестр Медведев в конце, не говоря о множестве апо-

нимных повестей, о множестве произведений предшествующих веков и переводной литературе, которые вполне заслуживали издания» [18]. В свете рассмотренного материала эта характеристика представляется не совсем справедливой. С несомненностью устанавливается, что произведения предшествовавшей переводной и русской литературы (среди последних — такое крупное, как «Книга Степенная царского родословия») использовались в печатной продукции XVII в. И можно не сомневаться в том, что будущие разыскания в области рукописных источников книг московской печати значительно расширят и обогатят наши представления о влиянии русской рукописной литературной традиции на издания XVII столетия.

Московские старопечатные прологи и болгарские рукописные книги в XVII—XVIII вв.

Петр Атанасов, НРБ

В условиях жестокого, бесчеловечного оттоманского ига в Болгарии даже на протяжении XVII—XVIII вв. так и не появилось ни одной типографии. Все болгарские книги по-прежнему продолжали распространяться путем переписки от руки. Не изменялись существенно жанры и тематика этих книг. Лишь язык и само предназначение рукописных книг свидетельствовали о некоторых сдвигах в развитии литературы. Живой разговорный язык постепенно вытеснял трудный для понимания церковнославянский. На смену традиционному типу болгарского книжника — епископам, екзархам, пресвитерам — приходит новый социальный тип, представленный людьми, вышедшими из низов: грамматиками, дьяконами, учителями. Их уже не привлекает византийская риторика, витиеватый стиль и слова, написанные в духе строгой религиозной догматики Средневековья. Они пишут увлекательные, понятные широкой читательской среде поучения и слова. Подобного рода произведения часто встречались в греческой и русской печатной проповеднической литературе того времени. Однако в науке влияние этой печатной продукции на болгарскую книжность XVII—XVIII вв. изучено слабо. Если оно и рассма-

[18] *Н. П. Киселев.* Указ. соч., стр. 185.

тривалось, то весьма односторонне. Главную роль буржуазные ученые отводили греческому влиянию, а огромное воздействие русских старопечатных книг еще не раскрыто.

Действительно, на болгарских книжников еще в конце XVI в. сильно повлияли произведения греческого проповедника Дамаскина Студита. Его слова и поучения, изданные в Венеции в 1558 г. под заглавием «Сокровище», вскоре переводятся в Болгарии и служат образцом для подражания на протяжении конца XVI—XVII вв. В словах Дамаскина Студита болгарских книжников привлекали простота языка, ясность и убедительность, обилие примеров из реального быта. Благодаря этим особенностям они стали любимой духовной пищей болгарского читателя.

О большой популярности проповедей Дамаскина свидетельствуют многочисленные их переводы, выполненные в различных уголках страны. Вначале состав этих сборников неизменен, но со временем в них начали включать проповеди других авторов. Во второй половине XVII в. «дополнительный» материал в ряде случаев превалирует, вытесняя значительное количество слов Дамаскина. Но и тогда сборники сохраняли свое название «дамаскины» в силу традиции.

О дамаскинах, которые в Болгарии являлись самым распространенным видом сборников в XVII—XVIII вв., писали ученые Б. Цонев, Л. Милетич, Ст. Аргиров, П. А. Лавров, А. С. Одинцог, Е. Демина, П. Динеков, Б. Ст. Ангелов, К. Куев, Д. Петканова-Тотева, Д. Иванова и др.[1] Все исследователи отмечают, что вряд ли можно найти два дамаскина смешанного типа с одним и тем же содержанием. Чаще всего выбор слов, включаемых в состав сборника, определялся вкусом его составителя. Именно это обстоятельство создает трудности при уточнении источников.

Считалось, что дополнительный материал для дамаскинов в основном заимствовался из староболгарских рукописей и переводов с новогреческого. Лишь некоторые ученые допускали известное влияние русских старопечатных книг на дамаскины, но эти соображения не подкреплялись какими-либо фактами. Напри-

[1] *Б. Цонев.* Новобългарската писменост преди Пансий, сп. Бълг. преглед, год. 1, С. 1894, кн. 8; *Л. Милетич.* Копривщенски дамаскин. София, 1908; същият: Свишовски дамаскин, София, 1923; *С. Аргиров.* Люблянският български ръкопис от XVII в., сб. НУ, XII, 1895; *П. А. Лавров.* Дамаскин Студит и сборник его имени «дамаскины» в югославянской письменности. Одесса, 1899; *А. С. Одинцог.* Тичко — slavіca. К изучению турецких елементов в языке дамаскинов XVII—XVIII вв. Труды Моск. гос. института истории, философии и литературы, 1941, т. 7; *Евг. И. Демина.* Тихонравовский дамаскин, български паметник XVII в., София, 1968—1971; *П. Динеков.* Българската литература през XVII и първата половина на XVIII в. — История на българската литература, т. I. София, 1962; *Б. Ст. Ангелов.* Съвременници на Пансий, т. I, II. София, 1963—1964; *К. Куев, Д. Петканова.* Нови вести за дамаскинаря Йосиф Брадати, сп. Език и литература. София, 1959; кн. 4; *Д. Петканова-Тотева.* Дамаскинарската литература в България. София, 1965; *Ана Иванова.* Троянският дамаскин. София, 1965.

мер, Б. Цонев, который первый оценил значение дамаскинов в развитии болгарской литературы, становится предельно краток, когда речь заходит о влиянии старопечатной русской книги: «В середине XVII в. появляются русские церковные книги, которые влияют на язык некоторых книжников» [2]. Более конкретно пишет Б. Пенев: «В течение двух веков [XVII—XVIII вв. — *П. А.*] идет интенсивное общение между болгарами и русскими, которое в XVIII в. приобретает большие масштабы. Русские книги переписываются в большом количестве» [3].

Подобными лаконичными формулировками о воздействии русской старопечатной книги на болгарскую литературу указанного периода ограничиваются и современные ученые. П. Динеков не уступает в краткости Б. Пеневу, упоминая о том, что в продолжение XVII—XVIII вв. «в Болгарию проникает все больше русских печатных богослужебных книг». При этом добавляя: «Их язык и правописание оказывают значительное влияние на наш литературный язык» [4].

В 1953 г. академик Ив. Снегаров опубликовал книгу «Културни и политически връзки между България и Русия». Однако и здесь ничего не говорится о русском влиянии на дамаскины. По свидетельству известного болгарского библиографа Т. Борова, попыток выявить подобное влияние еще не предпринималось [5].

Недостаток внимания болгарских и зарубежных ученых к данной проблеме создал серьезный пробел в истории болгаро-русских связей. На самом же деле обращение болгарских книжников к русской старопечатной книге принимало такие широкие размеры, что если собрать все материалы, они составили бы десяток внушительных томов. Поэтому в нашей статье мы укажем лишь на некоторые примеры огромного воздействия московских старопечатных Прологов на болгарскую книжность XVII—XVIII вв.

Проникновение московских старопечатных Прологов в Болгарию начинается с середины XVII в. Так, например, в 1652 г. кюстендилский митрополит Михаил привез из Москвы наряду с другими русскими печатными книгами несколько экземпляров Пролога московского издания 1641—1642 гг.[6]. Прологи изданий 1689 г. и 1696 г. попали в Болгарию посредством монахов Кирилла и Мефодия, приписанных к Кукленскому монастырю близ Асеновграда [7]. В Рильском монастыре и поныне хранятся свыше 30 московских Прологов изданий разных лет. Не будет преувеличением

[2] *Б. Цонев.* История на български език. София, 1919, стр. 271.
[3] *Б. Пенев.* История на новата българска литература, т. II, 1932, стр. 7.
[4] *П. Динеков.* Указ. соч., стр. 403.
[5] *Т. Боров.* Руската литература на XVIII век в България през епохата на Възраждането. — Годишник на Соф. Университет, Философско-исторически факултет, кн. VI. София, 1966, стр. 321.
[6] *Л. Стојановић.* Стари српски записи и надписи, т. 1. Београд, 1902, стр. 371.
[7] *Ив. Гошев.* Стари записки и надписи. Годишник на Соф. Университет, Богословски факултет, кн. VI. София, 1929, стр. 2.

сказать, что в XVII—XVIII вв. московские печатные Прологи были основной религиозной пищей болгарских духовников. Их воздействие не ограничивалось узким кругом грамотных лиц — через церковно-религиозный быт (проповеди, службы и т. д.) оно распространялось и на неграмотных. Популярность московских печатных Прологов сказывалась и при составлении дамаскинов смешанного содержания. Проверить наше утверждение довольно просто: достаточно сопоставить московские Прологи, хранящиеся в старых болгарских церквях и монастырях, с дамаскинами.

Приведем некоторые из многочисленных примеров, подтверждающих нашу точку зрения. Для иллюстраций воспользуемся четырьмя дамаскинами XVII в.: Копривштенским, Тихонравовским, Луковитским и сборником Народной библиотеки «Кирилл и Мефодий» в Софии (далее — НБКМ).

По мнению Л. Милетича, Копривштенский дамаскин был создан в начале XVII в., а Тихонравовский в конце того же века.[8] Однако советский ученый Е. Демина считает, что Копривштенский дамаскин восходит к Тихонравовскому, который она относит к середине второй половины XVII в.[9] Такая датировка нам кажется более верной. Она подтверждается и наличием в указанном дамаскине слов и поучений, заимствованных из московских печатных Прологов. К тому же времени или даже к концу XVII в. относятся Луковитский дамаскин [10] и сборник № 685—НБКМ [11].

Ярким свидетельством использования материалов из московского старопечатного Пролога в Тихонравовском дамаскине служит «Слово о осми помІслѣх» известного монаха Нила Сорского (1433—1508 гг.).

Пролог, Москва, 1689 г.	*Тихонравовский дамаскин.*
Въ той же день, ѿ главъ стагѡ НІла, ѡ осми помъІслѣх,	Слово ѡ главь стаго Нила осми помыІслѣх
Вѣждь чадо, Ꙗкѡ осмь есть помыІслѡвъ, иже вѧ ЅлаѦ содѣвающІи. ЧревобѣсІе, блꙋдъ, сребролюбІе, Іарость, печаль безвременнѧ, оуныІнІе, тщеславІе, гордыІнѧ. СІѧ сꙋть борюшаѧ всѧкаго члка. ТыІ же чадо, аще хощеши побѣдити чревобѣсІе, возлюби воздер-	Знай чедо, оти са Н҃ помислове дето сичко зло стрꙋвать. ЧрѣвообыІаденІе, кꙋрвавство, сребролюбство, каразь, грижа нехарнаство залꙋдо почитанІе, комсꙋванІе. Това са сичките злини щото са борѧть със сѣкого члка. А тыІ чедо ако щешь да навиешь на кꙋрвовство а ты

[8] *Л. Милетич.* Копривщенски дамаскин. София, 1908, стр. XXI.
[9] *Евг. Демина.* Op. cit., т. II, стр. 37—39.
[10] *Е. Спространов.* Опис. на ръкописите в библиотеката на св. Синод. София, 1900, № 132.
[11] *Б. Цонев.* Опис. на славянските ръкописи в Софийската народна библиотека, т. II. София, 1923.

жанїе, и имѣи страхъ бжїи, и побѣдиши, аще хощеши побѣдити блѫдъ, возлюби алчбѫ. и жаждѫ, и бдѣнїе, и возпомѧни смерть, и никогда же бесѣдѫи съ женою, и побѣдиши.

. . . Аще хощеши побѣдити тщеславїе, не люби похвалы, ниже почести, ниже добрыѧ ризы, ниже предпочитанїе, ниже прѣдсѣданїе. Но паче возлюби да тѧ сукорѧть. и ѡхѫждаютъ. и безчестѧтъ лжѫще. и держи себе всѧкагѡ грѣшника грѣшиѣйша. Аще хощеши побѣдити гордынѭ, что либо аще твориши, не глаголи ѩкѡ ѿ твоегѡ трѫда. или ѿ твоегѡ мѫжества бываеть. Но любо постишисѧ, любо бдиши. любо молишисѧ, любо низѫ леглеши, любо поеши, любо слѫжиши, любо метанїѧ многѡ твориши, глаголи: ѩкѡ не ѿ моегѡ тщанїѧ, не ѿ бжїѧ помощи и заступленїѧ бываетъ.

възлюби гладѫванїе и жьдѫванїе и бдѣнїе, и смисли сьмрьть и никоги не дѫмаи съ жена замь да навїешь.

. . . Ако ли щеш да навїеш на празно почитанїе, а ты нѣдѣй любы похвала, ни почесть, ни хѫбави прѣмѣни, ни наи прѣд да сѣдишь, ами повече възлюби да те фѫвать и осѫждать, и да те стрѫвать льжа. а ти се дрьжь самь себе сиѿсичкитѣ грѣшници най-грѣшень. Ако ли щешь да навыешь на комсолѫкь, а ти ако сторишь нѣчто нѣдѣй дѫма отиѿмои сам трѫд или ѿмоа хитрї на та сам ст/о/риль. Ако постишь или бдишь, или се млишь, или низко лѣгашь, или пѣешь, или слѫгѫвашь, или метанїе мнѡго стрѫвашь, а ты дѫмаи оти нѣ е това ѿ мое подканенїе, ами е ѿ бжїа помощи и пазенїе бива [12].

Из сопоставления текстов явствует, что болгарский книжник придерживался русского текста, передавая его, однако, средствами разговорного народного языка.

Это же слово помещено в так называемом Македонском сборнике XVIII в.[13], но в нем отражены особенности юго-западного болгарского говора. Е. Демина считает, что сначала сборник появился на народном языке в восточной Болгарии, а затем через Средногорие перекочевал на юго-запад [14].

«Поучение о вреде пьянства» в Тихонравовском дамаскине также заимствовано из московских старопечатных Прологов. Текст поучения передан на разговорном языке.

Пролог, Москва, 1689 г.

Въ той же день. Поученїе къ цремъ, и кнземъ, къ еп҇-

Тихонравовский дамаскин

Слово поученїе кь цремь и воеводамь, и влⷣка, и поповѡм,

[12] *Евг. Демина.* Op. cit., т. II, стр. 226.
[13] *Й. Х. Васильевић.* Маћедонски зборник прошлога века. Скопље, 1940, стр. 6—36.
[14] *Евг. Демина.* Op. cit., т. I, стр. 182.

кпѡмъ, и попѡмъ, и ко всѣмъ хрстІанѡмъ, еже не супиватисѧ

«. . . ПІѧнство въ црковь ити возбранѧетъ, и не п8ститъ молитисѧ бг8. Книгъ чести не даетъ, страхъ бжІи ѿ срдца ѿ гонитъ. Смерти предаетъ во огнь вѣчньІй посьІлаетъ. пІѧнство красот8 пог8блѧетъ, смѣхъ трезвьІмъ сотворѧетъ. Ком8 молва пІѧницѣ. Ком8 смѣхъ, пІѧницѣ. Ком8 сини очи: пІѧницѣ. Ком8 охъ, и ком8 горе и люте: пІѧницѣ. Ком8 ранѡ Іасти: пІѧницѣ. Ком8 за8трина пропати, пІѧницѣ. Кои побльванъ лежить, пІѧница. Кого пьі лиж8ть онь не вѣсть. пІѧница. Всѧкъ бо пІѧница ѿл8читсѧ ѿ бга и ѿ людеи, и ѡблечетсѧ в разараннааѧ р8бища.

и въсѣм хрстІанѡм, не опивати се винѡм.

«. . . ПІанство в черкова брани да не идешь, да се молишь б8. кнІгьІ да не четешь, страх бжІиѿ срдцето ѿ пъжда на съмрьть прѣдава и въ огнь вѣчньІ проважда, пІанство х8бость заг8бѣ. и на трѣзви смѣх стр8ва. Ком8 мльва бикрІю. ком8 присмѣх, бикрІю. ком8 синьІ очи, бикрІю, ком8 ѡх, и ком8 тежко и горко, бикрІю, Кои рано да Іаде, бикрІю. кои с8трина мнѡго да спи, бикрІа. кои побльвань лежи, бикрІа, кого псета лижать, а той не знае, бикрІа, ето сѣкьІи бикрІа та е ѿ льчень ѿ ба, и ѿ людІе, и облачи се въ раздрани чюлетиньІ[15].

«Поучение о вреде пьянства» имеется и в Копривштенском дамаскине[16]. Текст поучения полностью совпадает с текстом из Тихонравовского дамаскина, что дает основание говорить об общем протографе.

Болгарский ученый Б. Пенев, которому была неизвестна церковно-славянская редакция поучения, пытался сравнить новоболгарский перевод поучения с текстом русской рукописи № 1420 новгородской софийской библиотеки, изданным В. Н. Перетц в «Отчете об Экскурсии семинария русской филологии в С.-Петербурге 13—18 февраля 1911 г.» (Киев, 1912 г., стр. 113—114). Но в этой рукописи помещена иная церковнославянская редакция Поучения, что привело Б. Пенева к неверному заключению о более реалистичном повествовании в Копривштенском дамаскине. На самом же деле, новоболгарский перевод поучения передает текст московских печатных прологов.

Почти полностью выдержана проложная редакция поучения и в Луковитском дамаскине:

«. . . ПІанство въ црковь ити възбранІаіет, млити се б8. книг8 чьтати не даеть, страхь бжІи ѿ срдца ѡгонить. сьмрьти прѣдасть, и въ ог'нь вѣчньІи посилаеть, пІанство красот8 погоублюеть,

[15] Ibidem, т. II, стр. 227—228.
[16] *Л. Милетич.* Копривщенски дамаскин. . ., стр. 106—107.

смѣхъ трѣзвомь твореть, комꙋ млъва пїаници, комꙋ смѣхъ пїаници, комꙋ ѡхъ и комꙋ горе и лютѣ, пїаници, кои поблъвань лежить, пїаница, кого ѱїи лижꙋть онь не вѣсть, пїаница. Въсакъ субо пїаница ѡлоучи се ѿ ба и ѿ люди, и облѣчет'се въ раз^драни рꙋбища» [17].

Однако наиболее полное совпадение текстов Поучения наблюдается в сборнике № 685, НБКМ:

Пролог, Москва, 1689 г.	*Сборник № 685.*
Поученїе къ црёмъ, и кнземъ, къ еп^скпѡмъ, и попѡмъ, и ко всѣмъ хр^стїанѡмъ, еже не оупиватисѧ	Слово поꙋченїе кь црем и и кнъм и кь еп^скпѡмъ и поповом и кь вьсѣм хр^стїанѡм, еже не спивати се вином.
Благ^венїе оца дховнагѡ ѡ г^сдѣ къ дѣтем. ѡ чада, видите же ми далъ есть бгъ талантъ. егоже хощет ѡ мене и истѧзити бъіти на страшнѣмъ сꙋдищи. что же есть талантъ. еже есть пещисѧ вашими дꙋшами, и сѣѧти въ вашы дꙋшы сѣмѧ бж^ственное.	Бл^венїи оца дховнаго ѡ ги кь дѣтемь, ѡ чеда, видѣти иже ми даль ес бь таланть. егоже хощеть ѿ мене истезань бъіти на страшнѣмь соудищи. Что же ес таланть, иже ес пощи се дщами вашими и сѣати въ ваши дши сѣме бж^ства.

«Поучение о вреде пьянства» часто переписывалось и в XVIII в. В качестве примера укажем на сборник № 86, БАН, Свиштовский дамаскин 1753 г., сборник № 134 Церковно-исторического и археологического музея в Софии (далее — ЦИАМ), сборники № 340, № 1055, № 1056, НБКМ, в которых явственно прослеживаются следы русской печатной редакции.

В Тихонравовском и Копривштенском дамаскинах помещено и произведение Иоанна Златоуста «Слово о злых женах», заимствованное из московских печатных Прологов. Оно передано на разговорном болгарском языке. С небольшими языковыми различиями Слово встречается в Люблянском, Дряновском (Б) и Трявненском дамаскинах. К печатному тексту Слова ближе всего его перевод в Люблянском дамаскине:

Пролог, Москва, 1689 г.	*Люблянски дамаскин.*
«. . . И оубоѧвсѧ Илїа. бѣжа въ пꙋстъінію. Оувы мнѣ, пр^ррокъ оубоѧвсѧ жены, иже дождь посѧ на ѧзъіцѣ вселеннѣй, и огнь съ небесе снесе, и мертвъіѧ воскреси. ѡ ѕлое	«. . . И Илїа се ꙋплаши и бѣга вь пꙋстъінїа, тежко мене, про(о)кь се ꙋбоїа ѿ жена, дето дьждь носи на сичките езъіци: и огньѿн(е)бето сведе, и мрьтвеые вьскрѣси. ѡ злое остро

[17] *Ст. Аргиров.* Op. cit.; *Б. Цонев.* История на бълг. език, стр. 292—294.

острое дїаволе ор8жїе. (И самаго Златоуста Еvдоїа изгна, и во арменьї заточи). Женьї ради Адама из раѧ изгнань бьїсть. Женьї ради Двдь кроткїи прелщенъ, и Ї8рїю субити сотвори. Жена ми дїаволъ премдраго Соломѡна в прест8пленїе, вверже. Жена бесст8дна никогѡ же стьїдитсѧ: ни сщенника чтить, ни чтителѧ срамлѧтсѧ, ни пророка боитсѧ. ѡ ѕло! всегѡ ѕлъе ѕлаѧ жена».

дїаволско ор8жїе. И самаго Златоуста Іѡанна Евдокїа царица испьди, и вь ерменлїиска землїа запрѣ. Зарад жена Адамь из раи испьдень бьї. Заради жена Двдь кроткьї, прводи та8биха 8рїа. Зарад жена дїаволь прѣм8драго Соломона вь прѣст8плюнїе вьврьже. Жена безсрамна, ни ѿкого се не срамѣ, ни сщенника почита, ни читателїа срамлѣетсе, ни ѿ пророка се бои. ѡ зло! ѡ сичко най злое зла жена» [18].

Обличение «злых» женщин Иоанном Златоустом часто встречается и в дамаскинах XVIII в., хранящихся в: № 340, № 1066, № 1073, НБКМ, где помещена редакция Тихонравовского дамаскина.

Слово переводилось в Болгарии и с греческого: например, во Врачанском дамаскине 1761 г. книжника Тодора (№ 338, НБКМ): сборнике 1793 г. (№ 91, НБКМ) и др. Переводы слова, сделанные с греческих источников, сильно отличаются от списков, выполненных с московских печатных прологов.

В Тихонравовском дамаскине также помещены 9 поучительных слов церковнославянской редакции и, по-видимому, их источники нужно искать в русских печатных книгах. По крайней мере, три из них: «Слово о некрщеньмь дьтищи», «Слово Бьседїи», «стго Григорїа»», «Слово о посьщати большихь», без сомнения заимствованы из русских печатных Прологов. Сравним:

Пролог, Москва, 1686 г.

Въ той же день, Слово Їако добро присѣщати болѧщьїа

Не лѣните се присѣщати болѧщьїѧ гⷭда ради. Равно бо есть млⷭтьїни, еже присѣщати, болѧщьї. Сльїши гⷭда глюша: боленъ бѣхъ, и посѣтисте мене, а иже заградить оуши свои не сльїшита болѧщаго, и той помолитсѧ, и не б8деть посл8шающа егѡ, аще бо в велиць

Тихонравов дамаскин.

Слово о посѣшати болещихь

Не лѣните се посѣщати болещехь га ради. Равно бо. юс млⷭтьїни, еже посѣщати болещих, сльїши га глюща: болень бѣхь и посѣтисте мене, а иже заградить 8ши свои не сльїшати болещаго и той егда помлитсе и не б8деть посл8шающа его, аще бо во велицѣ

[18] *Ст. Аргиров.* Op. cit., стр. 560.

санѹ еси, болшѹю Хр҇та мздѹ прїимеши, и сегѡ ради возлюбленъ бѹдеши. Аще ли еси нишъ, и не имаши что донести на потребѹ имъ, то себе донеси, и еже ѿ словесъ сутѣшенїе томѹ принеси. И такѡ во онь день оуслыішиши ѿ негѡ: прїидите бл҇гословениїи оц҇а моегѡ, наслѣдѹйте оуготованное вамъ цр҇тво. їакѡ боленъ быїхъ и посѣтисте мене.

санѹ. еси болшѹ ѹбо ѿ Х҇а мьздѹ прїимеши, и сего ради возлюблѥнь бѹдеши. аще еси нищьи не имаши что донести на потрѣбѹ имь, то себе донеси, и еже ѿ словесь ѹтѣшенїе томѹ принеси. И тако вь онь дн҇ь оуслыішиши ѿ г҇а: Прїидѣте бл҇венїи оц҇а моего, наслѣдѹите оуготованное, вамь цр҇тво нб҇сное. Їако болень быї и посѣтисте мене [19].

Эти слова помещены и в рукописном сборнике начала XVIII в. № 1053, НБКМ. Значительная часть статей в Луковитском дамаскине тоже заимствована из московских печатных Прологов. Такими статьями являются:

1. Слово о женѣ заклавши двѣ чеда своа мѹжа ради;
2. Слово давшаго одеждѹ свою нищомѹ;
3. Слово о Малха мн҇иха како плѣнѥнь быіс ѿ страцини;
4. Слово ст҇ыіх ѿцъ неѡбидѣти вдовицѹ и сироти;
5. Слово о порѹчивши женѹ свою ст҇ой Бц҇и;
6. Слово поѹченїе ст҇го Григорїа о гнѣвѣ;
7. Слово о патерика їадѹщих хлѣб на трапезѹ.

Указанные Слова московской печатной редакции встречаются вместе или порознь в сборнике XVII—XVIII вв., № 86, БАН и сборнике XVIII в., № 1056, НБКМ.

Из московских печатных Прологов в Луковитский дамаскин попало и «Слово како хвань быіс хр҇тїанин за еврейско злато и закле се». Это же Слово находим и в дамаскинах № 86, БАН, № 134, ЦИАМ, который относится к XVIII в. В последний сборник из московских печатных Прологов вошла и «Паметь стыіх (60) трок иже вь Ефеть».

С увеличением числа русских старопечатных книг в болгарских землях, особенно во второй половине XVIII в., ширится использование их текстов в болгарских рукописных сборниках. Даже те болгарские книжники, в чьих сборниках преобладают греческие переводные статьи, все чаще обращались к русской старопечатной литературе [20]. Появляются и такие сборники, в которых начинают преобладать русские статьи. Примерами могут служить сборники Слов и Поучений: № 1053, 1056, 1057,

[19] *Евг. Демина.* Op. cit., т. II, стр. 238.
[20] *М. Стоянов, Хр. Кодов.* Опис на ръкописите в Софийската народна библиотека, т. III. София, 1964, стр. 347.

НБКМ; № 86, 90 и 91, БАН; № 135, ЦИАМ и др. Очень показателен в этом отношении объемистый сборник книжника Пунчо из села Мокреш, расположенного неподалеку от города Лом.

Сборник Пунчо создан в 1796 г. В рукописи около 400 лл. Пунчо собирался отпечатать сборник, как это явствует из замечания в самом начале предисловия: «сІѧ словеса савакѹпихь ва единно место и на печать поставихь». То же самое повторено и в конце: «ѿ бжствни книги христови произведох и написах и напечатах» [21]. Но по неизвестным причинам сборник так и не был напечатан, и теперь рукопись хранится в НБКМ под № 693.

Об этом сборнике писали болгарские ученые Б. Цонев, Д. Петканова-Тотева и Б. Ст. Ангелов [22]. Сообщая о статьях, помещенных в сборнике, исследователи пытались определить и их источники. Но за исключением точного указания на источник вошедшей в сборник сокращенной «Истории славяноболгарской» Паисия Хилендарского, ученые не высказывали ничего определенного в отношении источников других статей. Считалось, что основными источниками при составлении сборника были греческие издания и старые болгарские рукописи. Однако предположения подобного рода мало согласуются с послесловием, в котором составитель ясно указывает, откуда он заимствует статьи: «ѿ различии книгь, истории и пролог, и маргарить» [23]. Более того, Пунчо называет свою книгу «Прологом»: «Сьврьших книгѹ сІю. глаголемІ и нарицаемаго Пролог» или «Почехь писати сІе сказанІе глголеми Прологь». Он уточняет и вид источника: «произведохь ѿ щампу на простаго езика ради прости людІе да разѹмеють всаческое» [24]. А церковнославянские «Щампени» Прологи в XVIII в. издавал, главным образом, Московский печатный двор.

Из московских печатных Прологов книжник Пунчо «произвел» на «простаго езика» свыше 25 Слов и Поучений, среди которых: «Воздвижение честного и животворящего креста», «на Собор святого пророка и предтечи Крестителя», «Как Иоанн Богослов научил человека писать иконы», «Память преподобной Параскевы Тырновской», «Сказание о чудесах святого Ивана Рильского», «Слово о пресвитере, впадшем в прелюбодеяние», «Слово о двух монахах, которые спасли блудницу», «Память мученика и исповедника Гурия», «Сказание о мученнице Рипсимии», «Слово преподобного Давида о разбойниках», «Сказание о Таисии младой девице», «Память великомученника Мина и два сказания о его чудесах»,

[21] *Б. Цонев.* История на български език. София, 1919, стр. 283—284.

[22] *Б. Цонев.* Един български книжовник от края на XVIII в. Поп Пунчо от Мокреш, сп. Училищен преглед, год. XXII. София, 1923, кн. 1—2, стр. 1—10; същият: Опис на ръкописите. . ., т. II, стр. 284—306; *Д. Петканова-Тотева.* Дамаскините в българската литература. София, 1965, стр. 190—196; *Б. Ст. Ангелов.* Съвременници на Паисий, т. II, стр. 158—170.

[23] *Б. Цонев.* История на български език, стр. 284.

[24] Ibidem.

«Слово о человеческом теле и душе, и о воскресении мертвых», «Слово о целомудрии духовника Евагрия», «Слово о христолюбивом торговце и дьяволе», «Слово о царе Савории и мучении Геведия», «Слово о житии Андрея и Епифания», «Слово Захария пророка к немилостивным», «Как жили три женщины на горе», «Слово о человеке, посадившем лозу» и т. д.

В большинстве из этих слов и поучений повествуется о моральной стойкости, нравственном совершенстве. Их герои — носители добродетели, они — обыкновенные люди. В словах и поучениях подчеркивается стоицизм героев, их умение с честью выходить из любых испытаний, сохранив свои нравственные принципы. Проводятся идеи о вознаграждении человека за добрые дела, соблюдение христианских заповедей в Словах всегда влечет за собой всенародное прославление. Широко представлена и тема милосердия. Она имеет различные аспекты. В условиях оттоманского феодального гнета, при котором бедные прозябали в ужасной нищете, призыв к милосердию был вполне закономерным. Он имел своей целью смягчить социальное неравенство и угнетение. В Словах находят свое отражение острые социальные конфликты между бедными и богатыми. Алчность имущих классов сурово осуждается, беспощадное угнетение бедных осыпается укорами. Имеется и целый цикл рассказов о лжи и борьбе против нее, о покаянии грешников и блудниц, о наказании разбойников и скряг, о человеческих слабостях и страстях. По-видимому, такая тематика вызвала большой интерес у читателей и слушателей. Только этим можно объяснить предпочтительное отношение книжников к таким рассказам при составлении сборников.

Следует отметить, что большинство «типографени словеса» московских печатных Прологов книжник Пунчо помещает в свой сборник с учетом возросших культурных потребностей болгарского читателя того времени. Он подвергает переработке целый ряд статей. Местами Пунчо сокращает их или, наоборот, старается расширить и оживить их диалогами, прилагая усилия сделать повествование доступным читательскому восприятию.

Подобная тенденция заметна в «Слове о св. Димитрии», что привело болгарского исследователя Д. Петканову-Тотеву к неправильному выводу. Она решила, что Пунчо обработал творение Дамаскина Студита и сделал новый «своеобразный» перевод Слова. В действительности же Слово заимствовано из московского печатного Пролога.

Пролог, Москва, 1735 г.	*Сборник Пунчо.*
Мⷭ҇ца октѡврІа. В к҃ѕ день, памѧть стагѡ и славнагѡ великомꙋченика ДимитрІа.	Мⷭ҇ца октомвриа, вь к҃ѕ день. Паметь и стаго и славнаго великомꙋченика Димитриа. ИсканІе чꙋдеса какво имаше Маѯимиань цр҃ь едного юнака име мꙋ беше Лиа и дꙋмаше

ПреславнЫ и великІи м8ченикъ ДимитрІи, бѧше в цр͠тво МаѯІмІана, и ДІсклитІана ѿ сел8нскагѡ града. Бл͠агчестивъ сьІи, и оучитель Хр͠товѣ вѣрѣ, шедъ же МаѯІмІанъ в Сел8нь, и оувѣрѣвъ ѡ ст͠ьмѣ ДимитрІа, ѣакѡ Хр͠тІанинъ есть, емь его всади в темниц8. Имаше же МаѯІмІ анъ воина нѣкоего самоборца, именемъ Лvа, и хвалѧшесѧ ѡ немъ глаголѧѣакѡ не имать никтоже ѡбрьстисѧ иже поборет Лvа. И се сувѣдѣвъ юноша нѣкІи именемъ Нестѡръ, поревновавѣ, и шедъ в темниц8 к ст͠ом8 ДимитрІю. И прІемь ѿ негѡ бл͠гословенІе и мл͠тв8 и вшедъ на позорище, и сплетсѧ с с8постатом Лvемъ, и низложивъ оуби его. Печален же бьІвъ царь смерти ради самоборца. Посѣмъ оувѣдѣвъ ѣакѡ повиненъ есть ДимитрІи смерти Лvевь, посла в темниц8 идѣже бѧше стрегомь ст͠ьІи ДимитрІи, и на томъ мѣстѣ сбодоша ребра егѡ копІи. И тако ѡстави д8ш8. МнѡгІѧ цельбьІ и ч8деса преславнЫ по кончинь творѧ.

цр͠ь, че не може никои да прероби Лию и ѣако го хвалеше.

Преславии велики м͠чникь Димитриа беше во цр͠тво Маѯимианово и Диѡклианово ѿ Сел8нскаго града и бл͠гочестив беше много л8ге чеше на Хр͠тов8 вер8. а Маѯимиань ѡтиде 8 Сел8нь градь и разбра за стаго Димитрию, че е хр͠тианинь и фана го и т8риго 8 темниц8, паимаше Маѯимиань едного воина, та беше юнакь и борець. име м8 беше Лиа и хвалеше се и д8маше не може се намери нигде ч͠лвк да пребори Лию, това изрече Маѯимиань и намери се едно младо момче 8 тою часъ и нем8 беше име Несторь и ѡно като ч8 таІа фала, а нем8 се разиср͠цето и ѡтиде 8 темниц8 при ст͠го Димитрию та м8 се помоли и 8зе бл͠говенІе ѡ него, па излезе на полѣан8 детосе беха збрали свише кнезове и войводи и г͠ре Маѯимианови и Маѯимиань седи на столь, та гледа ч8до и д8ма що ще да стори Несторь. може ли он преборити моего самоборца Лию и рече Маѯимиань: Махни се Несторе, ще да ти строши кости мой борець Лиа. И Несторь потайне се б͠гу и Димитрию молеше. и са плетох8 се двоицата саоь Лию. И Несторь заврьте Лию и оудари го на землю и свите м8 стави испребива и челюсти и з8би м8 и очи испадн8ха тогива. Виде цр͠ь Маѯимиань, че зле 8би Несторь Лию и ѣако се ѡскрьби да не би 8мрель самоборець Лиа и помисли цр͠ь и рече това момче никоги не би преборито Лию, но раз8мехь че м8 е дал Димитриа бл͠гославенІе, та сас негова сила посрамень 8стахь ѣа пред кнезове мои. и по това скоро запрати воине 8 темниц8, дето беше врьзань ст͠и Димитриѣа и на това место збодоша ребрата м8сась копІе и

престави се сти Димитриа и тако ѡстави дшѫ свою и много исцеленїе и чудеса преславнаїа посамрьти чинеше сти Димитриа. . .

В сборнике Пунчо после отрывков из «Истории славяноболгарской» Паисия Хилендарского следует сочинение о крещении Руси.

Об этом сочинении вышеупомянутые исследователи пишут, что оно выписано из русских летописей. По мнению Б. Ст. Ангелова, рассказ о крещении является «оригинальным болгарским произведением, непосредственно связанным с древней русской литературой» и представлен единственным списком в сборнике Пунчо [25]. В произведении перепутаны две исторические личности, жившие в разные исторические эпохи — князь Владимир и царь Буро, названный в крещении Петром. Несомненно, что при составлении сборника в основу рассказа о крещении легли русские источники. Сходные мотивы проскальзывают в русской статье «О послах различныIх въ вь рь Владимира оувьщевлющих» из киевского Синопсиса Иннокентия Гизела. Рассказ книжника Пунчо более подробен и в нем сильнее представлены легендарные моменты. Главный герой рассказа — царь Буро — смелая, энергичная натура, полностью оправдывающая свое языческое имя. Б. Ст. Ангелов сравнивает его с Петром Великим, чья слава реформатора и полководца распространилась и на Балканах. В качестве основного аргумента Б. Ст. Ангелов указывает на конец рассказа, где говорится о непобедимом «московском царе». Мы можем отметить и краткое предисловие книжника Пунчо, в котором он подчеркивает племенную и религиозную близость болгарского и русского народов: «И ради то зговорихѫ се црїе бльгарски да бѫдѫть братиа [с русскими после их крещения] и све един род, и един крсть и една вера, и единь пость, и единь гсдь Їсь Хрстос». Пунчо не преминул напомнить читателю о великой миссии России в избавлении болгарского народа от «проклятых агарян».

Эту мысль, которая пробуждалась в умах болгарского читателя XVIII в., книжник Пунчо настойчиво проповедует в своем произведении.

Б. Ст. Ангелов допускает, что это произведение может быть целиком делом рук книжника Пунчо [26]. Однако наиболее предположительно, что это произведение является компиляцией. Возможно, автор с большой творческой свободой использовал какие-либо русские летописи.

Недавно молодая румынская славистка Ирина Драгомир сообщила мне, что в отделе рукописей и старопечатных книг библио-

[25] *Б. Ст. Ангелов.* Op. cit., стр. 158—159.
[26] Ibidem.

теки Румынской Академии наук, находятся десять рукописей на румынском языке, содержание которых совпадает с содержанием третьего издания киевского Синопсиса (1680 г.). В девяти из них после текстов Синопсиса помещено житие Петра Великого, хотя рукописи были написаны в разных монастырях и в различное время. По-видимому, указанное житие было переведено на румынский язык с какого-нибудь московского печатного пролога. Возможно, создавая свой сборник, книжник Пунчо также располагал подобным изданием.

Почти все дамаскины имеют хорошее художественное оформление. Богато украшен и сборник Пунчо. Он представляет яркий образец искусства оформления болгарской книги в XVIII в. В сборнике имеется более ста заставок, инициалов, больших и малых иллюстраций. Заглавия статей обычно украшены цветными заставками. Чаще всего заставка выполнена в виде прямоугольника, внутренняя часть которого заполнена витыми, переплетающимися лентами. Цветовое озвучивание заставок удивительно гармонично сочетается с ритмом переплетения линий.

Удачное художественное оформление сборника в немалой степени обязано искусной орнаментации инициалов. Главным изобразительным средством в украшении инициалов являются фантастические звери и птицы, переплетающиеся ремни и растительный орнамент. Умелое сочетание тератологических элементов с растительным орнаментом в отдельных случаях создает оригинальные декоративные фигуры, полные динамики, силы и прелести.

Желая помочь читателю легче воспринимать слова и поучения, составитель сборника использовал многочисленные иллюстрации. Четыре из них образно повествуют о библейских событиях: грехопадении, создании Евы, о том, как Адам обрабатывает землю после изгнания из рая и как Исаак встречается со своей невестой Ребеккой. Эти рисунки оформлены наивно и непосредственно. Более строго выписаны лики канонических святых. Как правило, они изображаются в традиционной иконописной фронтальной позе. Едва означены нос и губы, зато, как и полагается, резко очерчены контуры головы. Условная плоскостная трактовка фигур подчеркивается одеждой святых. Пустое пространство возле фигур заполнено не обычным для миниатюры золотистым фоном, а сложным орнаментом. Чаще всего образ героя повествования окружен фантастической растительностью, как если бы он попал в какую-то сказочную оранжерею.

В сборнике Пунчо даны два автопортрета самого составителя — явление исключительное для дамаскинов. Здесь Пунчо выступил как родоначальник нового жанра в болгарском изобразительном искусстве. В первой иллюстрации Пунчо изобразил самого себя за работой над сборником, во второй — автор сидит на низком табурете. На автопортретах Пунчо выглядит молодо, хотя в послесловии он пишет, что ему было 50 лет. Вряд ли Пунчо стремился изобразить самого себя моложе, чем в действительности. Скорее

это получилось из-за схематизации образа. Мы не должны строго судить автора. Главное то, что Пунчо руководствовался патриотической мыслью о важности своей работы.

Московские печатные Прологи являлись главными источниками для болгарских историографов второй половины XVIII в. Еще раньше на протяжении целого века они создавали предпосылки для возникновения болгарской историографии. Из московских печатных Прологов, помещенных в них статьях о византийских, русских, болгарских и сербских национальных просветителях болгарские читатели черпали сведения об историческом прошлом своей и соседних стран. Так, например, читая «Память св. Кирилла и Мефодия», они узнавали о жизни и деятельности составителей славянской азбуки, о выходе славянской культуры на мировую арену и ее соперничестве с византийской, латинской и арабской культурами. Такие произведения формировали у болгар чувство национального достоинства и усиливали сознание принадлежности к семье славянских народов. Особенный интерес вызывало у болгарина чтение «Памяти св. Ивана Рыльского». Читатель узнавал, что в далеком прошлом болгарский народ перенес не менее страшное византийское иго. Однако «хрстолюбивый» царь Иван Асень II разгромил угнетателей и спас страну от рабства. В сердце читателя возникала надежда на освобождение и от турецких угнетателей.

Неменьший интерес вызывало и слово «ПренесенІе мощей ст҃го ІларІ на еп҃кпа Меглинскаго». В нем, наряду с важными историческими событиями из народного прошлого, говорилось о могуществе болгарской державы. Болгарский царь Калоян, брат старого Асеня, успешно воевал с греками и расширил границы своих владений, включив в состав царства Грецию, Македонию, Иеаду и Элладу. Достигнув Меглена, Калоян преклонил колени перед мощами преподобного Иллариона и повелел перенести их в свой престольный град. В сопровождении царского экскорта ковчег с мощами был доставлен в Тырново, где навстречу им вышли патриарх со всем духовенством и все население города от мала до велика. Это событие произошло дня 21, месяца октября, под котором и читается слово. Через много лет царский скипедр перешел к Ивану Асеню II, который подчинил греков, фрягов, арбанасов и расширил значительно владения болгарского царства.

Пробуждали интерес к историческому прошлому у болгар и чтение памяти преподобной Параскевы и слово «УспенІе ст҃агѡ и пр҃бнаго Михаила воина», помещенных в московских печатных Прологах под 14 октября и 22 ноября. В этих произведениях прославлялась столица болгарского царства Тырново, которая как центр православия соперничала с Константинополем.

Наряду со статьями о болгарских национальных просветителях, в московских печатных Прологах имелись статьи о византийских святых. В них часто описывались битвы между болгарами

и греками, где победителями нередко становились болгары. Слова подобного рода повышали чувство национального достоинства болгар и укрепляли волю болгарского народа к борьбе с турецкими угнетателями и их помощниками, греческими фанариотами. Вполне естественно, что такие произведения заставляли болгарского читателя задавать себе вопрос: справедливо ли по божественным и человеческим законам угнетать болгарский народ, который в прошлом был такой могучий и просвещенный. Невольно возникала мысль о равенстве болгарского народа среди других народов. Росла воля к сопротивлению и уничтожению турецкого ига и рождалась мечта о новой болгарской державе. Чувство о несправедливости истории к достойному лучшей участи болгарскому народу еще более усиливалось у болгарского читателя, когда в его руки попадали русские переводы исторических сочинений Цезаря Барония и Мавро Орбини.

Из предисловий указанных произведений читатель узнавал, что обрести народную свободу можно лишь возвысившись в собственных глазах, только лишь возродив национальное самосознание, только лишь узнав историю своего и других народов. У читателя росло стремление собирать и обобщать всевозможные исторические сведения о болгарском народе.

Впервые это было реализованно хилендарским монахом Паисием. Свою «Историю славяноболгрскую» он начал писать в 1760 г. в Хилендарском монастыре и закончил два года спустя в Зографском монастыре. Главными источниками «Истории. . .» Паисия были московские старопечатные Прологи и многочисленные русские старопечатные книги. В самом начале своей истории Паисий пишет, что он «съвъкупил и написал» и переработал тексты «от руските прости речи. . . на български и славянски прости речи». В другом месте он добавляет: «прилучи сѧ намъ много крать прочитати различнIи IсторIи рукописнIи щамби, что извадили руси и москове особно ради словенскаго народа. . .» Обвиняя греков в лукавстве и подтасовке исторических фактов, Паисий аргументирует таким образом: «но руски и московски печатни истории показуеть извѣстно, како е црь гречески Мануиль призвал турци исперво на БолгарIа. . .». Он также указывает, что использовал при составлении своей истории труды Мавро Орбини и Цезаря Барония, изданные на русском языке в 1719 и 1722 гг. Иногда Паисий цитирует их, указывая листы русских изданий: «Въ первaꙇа часть Барониа на листе Ф҃ѯ҃з (567) или «БаронIѧ пише на листь ЦИ» (908). Неоднократно Паисий упоминает, что сведения о некоторых важных исторических событиях он почерпнул из московских печатных Прологов.

Те же источники использовал неизвестный книжник, автор Зографской болгарской истории. Он был современником Паисия. Известна также «История во кратце о болгарском народе славянском», написанная в 1792 г. иеросхимонахом Спиридоном спустя

тридцать лет после создания паисиевской истории. Но в то же время, как эти книжники ограничились лишь подбором «деяний болгарского народа», и созданные ими сборники покрывались пылью на полках монастырских библиотек, их предшественник Паисий, верно оценив значение некоторых статей московских печатных Прологов, сделал их достоянием народной аудитории. Он расширил круг читателей, вдохновил их, побудил распространять книгу, в которой он отразил потребности времени и очертил духовную и политическую программу болгарского Возрождения.

О том воодушевлении, которое произвела книга Паисия на современников, красноречиво говорят более шестидесяти ее рукописных копий. Но следует отметить, что интерес к историческому прошлому болгарского народа в самой Болгарии был в значительной мере еще ранее вызван московскими старопечатными Прологами и русскими старопечатными книгами. Тот самый интерес, который все больше увеличивался, охватывая все более широкие слои болгарского населения, перерастал в народное движение и восстания вплоть до 1878 г., когда болгарский народ с братской помощью русского народа обрел освобождение.

Неизвестные петровские «Ведомости» и их рукописные оригиналы по материалам Центрального Государственного архива древних актов

С. Р. Долгова

Для истории периодической печати в России знаменательной датой является 16 декабря 1702 г.[1] В этот день Петр I издал указ, который гласил: «Куранты по нашему «Ведомости». . . продавать в мир по надлежащей цене».

Первая русская газета появилась еще в XVII в. Это были рукописные «Куранты», выходившие в Посольском приказе. Но они предназначались только для царя и некоторых его приближенных. Печатные «Ведомости», как называлась газета, выходив-

[1] ПСЗ, т. IV, № 1921. Первый номер вышел в Москве 2 января 1703 г.

шая с января 1703 г. до 1728 г., была рассчитана на широкое распространение, сыграла большую роль в общественно-политической жизни страны, она расширяла кругозор читателя, приобщала его к политической жизни, воспитывала в нем чувство патриотизма. «Ведомости» издавна привлекали к себе внимание исследователей; на продолжении ряда десятилетий, начиная с 40-х годов прошлого века, их изучали, описывали, публиковали [2].

Исключение составляли комплекты «Ведомостей» из собрания Московской Синодальной типографии [3], для этого достаточно назвать наиболее крупные работы по переизданию «Ведомостей» за те или иные годы.

В 1885 г. Публичная библиотека (ныне Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина) переиздала «Ведомости» за 1703 г. под редакцией и с предисловием академика А. Ф. Бычкова [4].

К 200-летию газеты появилось факсимильное издание «Ведомости времени Петра Великого» в двух выпусках: выпуск 1, 1703—1707 гг. (М., 1903) — составитель и редактор В. Погорелов; выпуск 2, 1708—1719 гг. (М., 1906) — составитель и редактор А. А. Покровский.

В. Погорелов указал в предисловии к первому выпуску [5], что переиздание «Ведомостей» основывалось главным образом на коллекции Румянцевского музея (ныне Государственная библиотека им. В. И. Ленина), недостающие номера были взяты из библиотеки Московского главного архива Министерства иностранных дел (МГАМИД — сейчас коллекция в Научной библиотеке ЦГАДА) и Публичной библиотеки.

В основу издания второго выпуска [6] А. А. Покровский положил коллекцию «Ведомостей» из Кабинета Петра (сейчас в ЦГАДА), а также собрания Румянцевского и Исторического музея в Москве; в библиотеках: Академии наук, Публичной, Московского университета и МГАМИД. Покровский [7], знаток архива Московского

[2] В дореволюционное время газету изучали историки, библиографы, литературоведы: Г. В. Балицкий, А. Ф. Бычков, В. В. Каллиш, П. П. Пекарский, В. Погорелов, А. А. Покровский, А. П. Пятковский, А. Н. Шлосберг, К. В. Харламкович. Из советских ученых: П. Н. Берков, Т. А. Быкова, Б. И. Есин, В. В. Данилевский, В. Д. Дацюк, К. Л. Ковалевский, С. Я. Марлинский, С. М. Томсинский, Е. А. Хромова.

[3] Сейчас хранится в Научной библиотеке ЦГАДА.

[4] «Первые русские «Ведомости», печатавшиеся в Москве в 1703 г.». Новое тиснение по двум экземплярам, хранящимся в Публичной библиотеке. СПб., 1855.

[5] «Ведомости времен Петра Великого», вып. 1. М., 1903, стр. VIII.

[6] «Ведомости времени Петра Великого», вып. 2. М., 1906, стр. 98.

[7] *А. А. Покровский* (1875—1954), известный археограф и архивист, всю свою жизнь отдал работе в архивах; с 1900 по 1917 г. библиотекарем, а затем заведующим архивом Печатного двора. См. его работы, написанные на основе материалов Московской Синодальной типографии: «Календари и святцы в России». М., 1911; «Печатный двор в Москве в XVII в.»

печатного двора и Синодальной типографии, несомненно знал комплекты корректурных «Ведомостей» из этого собрания, но в основу переиздания счел нужным положить беловые экземпляры газет. Не были комплекты «Ведомостей» Московской Синодальной типографии описаны и в наше время [8]. Между тем именно в этой коллекции сохранились чрезвычайно редкие номера газет, причем некоторые из них были отпечатаны в единственном экземпляре. В основу этого собрания легла книжная коллекция Московского печатного двора (учрежден в 1553 г.) и сменившей его в 1722 г. Московской Синодальной типографии. Типография должна была не только печатать, но исправлять, переводить и даже сочинять книги, поэтому в библиотеке типографии собирались книги и рукописи, необходимые для работы. Одна из достопримечательностей типографской библиотеки — наличие большого архива корректурных экземпляров.

«Для окончательного исследования «Ведомостей», — писала в своей статье «Первая русская газета» известный книговед Т. А. Быкова, — желательно выявить все сохранившиеся в архиве б. Московской Синодальной типографии (ныне хранящиеся в ЦГАДА) рукописные экземпляры, а также все сохранившиеся как в б. библиотеке Московской Синодальной типографии, так и в делах Кабинета Петра I печатные номера, т. к. на них могут быть разъясняющие пометки» [9].

Для выполнения этой задачи и в связи с выявлением уникальных книг гражданской печати для дополнительного тома «Сводного каталога книг гражданской печати XVIII века, 1725—1800» (М., 1962—1967) нами были просмотрены комплекты «Ведомостей» в фонде Кабинета Петра I и книжное собрание Московской Синодальной типографии. В результате удалось выявить большое количество «Ведомостей», которые сейчас известны лишь по дореволюционной библиографии [10].

М., 1913; «Иностранные книги XV—XVII вв. в архиве Печатного двора». М., 1913.

Жизни и деятельности А. А. Покровского посвящены ряд статей: *М. Д. Рабинович*. Выдающиеся ученые-архивисты. (А. А. Покровский, М. С. Вишневский, А. М. Сперанский) — «Вопросы архивоведения», 1963, № 3; *Н. Р. Прокопенко*. Исследователь-энтузиаст. — «Архивное дело», 1940, № 4. Биографические сведения об А. А. Покровском — см. архивные фонды ЦГАОР СССР, № 4737, ЦГАДА, № 1623.

8 «Описание изданий гражданской печати 1708 — январь 1725 г. Составители Т. А. Быкова и М. М. Гуревич. М.—Л., 1955; «Описание изданий, напечатанных при Петре I. Сводный каталог. Дополнения и приложения». Составители Т. А. Быкова, М. М. Гуревич, Р. И. Козинцева. Л., 1972. В этом каталоге описаны некоторые «Ведомости» за 1725—1726 гг. из собрания Московской Синодальной типографии.

9 *Т. А. Быкова*. Первая русская газета. — «Книга. Исследования и материалы». Сб. 3. М., 1960, стр. 249—250.

10 В каталоге «Описание изданий гражданской печати 1708—январь 1725 г.» необнаруженные составителями «Ведомости» напечатаны мелким шрифтом с ссылкой на издание «Ведомости времени Петра Великого». М., 1903—

Укажу экземпляры «Ведомостей», которые выявлены нами по этим собраниям. Одни из них известны сейчас лишь по дореволюционной библиографии, другие являются сигнальными экземплярами, которые не увидели свет по разным причинам, а содержание их полностью или частично вошло в другие номера; здесь же имеются различные варианты с текстами, которые не вошли в беловые экземпляры газет. И, наконец, в корректурных комплектах обнаружено несколько неизвестных «Ведомостей». Так, например, в Кабинете Петра I были выявлены следующие «Ведомости»: за 1712 г. «Реляция» [11], за 1713 — «Ведомости» (без номера), напечатанные в Петербурге 29 марта 1713 г.[12], за 1721 г. № 22 и 24 [13].

В собрании Московской Синодальной типографии: за 1715 г. две «Ведомости» (без номера), напечатанные 27 июня [14] и 23 декабря 1715 г.[15]; за 1716 г. (без номера), напечатанные 3 сентября 1716 г.[16]; за 1725 г. № 49 и 52 [17] и другие, которые не были обнаружены составителями каталогов изданий Петровского времени, указанных ранее.

На анализе отдельных «Ведомостей» мы остановимся в дальнейшем более подробно. Основные источники, помогающие осветить ряд вопросов, связанных с изданием «Ведомостей», хранятся в ЦГАДА. Они могут дать ответ на такие вопросы: находились ли русские «Ведомости» в полной зависимости от западноевропейской прессы; кто был автором оригинальных русских известий; почему некоторые подготовленные «Ведомости» так и остались в рукописи, а другие были отпечатаны в единственном экземпляре? В настоящее время эти вопросы еще недостаточно изучены. В ЦГАДА в фонде Рукописного отдела Московской Синодальной типографии (ф. 389) [18] хранятся описанные В. Погореловым (впрочем, далеко не полно) рукописи «Ведомостей», полученных типографией из Посольского приказа, а позднее, с 1719 г., из Коллегии иностранных дел. Как свидетельствуют архивные материалы, все переданные на Печатный двор известия внимательно просматривались, а в более ранние годы переписывались, что можно было сделать при наличии большого штата работников — переводчиков,

1906 г. или *П. П. Пекарский.* Наука и литература при Петре Великом, т. I—II. СПб., 1862.

[11] «Ведомости времени Петра Великого», вып. 2, стр. 123—126. ЦГАДА, ф. 9. Кабинет Петра I, отд. I, кн. 68, лл. 6—12 об.

[12] Там же, стр. 153—155. ЦГАДА, ф. 9. Кабинет Петра I, отд. I, кн. 68, л. 20, 20 об.

[13] ЦГАДА, ф. 9. Кабинет Петра I, отд. I, кн. 69, л. 180—181 об.

[14] «Ведомости времени Петра Великого», вып. 2, стр. 216. Московская Синодальная типография, № 13.

[15] Там же, стр. 223—224. Московская Синодальная типография, № 13.

[16] Там же, стр. 236—239. Московская Синодальная типография, № 14.

[17] Московская Синодальная типография, № 193.

[18] Обзор ф. 381 ЦГАДА по этому вопросу см. также в кн. *С. М. Томсинский.* Первая печатная газета в России. (1702—1727 гг.). Пермь, 1959 г.

справщиков, копиистов. Их имена иногда встречаются на страницах рукописей: «Принес справщик Иван Степанов»[19]; «Отдал подьячий Мефодьев, чтец Илья Васильев. . .»[20]

Первым редактором «Ведомостей» был директор Печатного двора, историк и литератор Федор Поликарпов, автор словаря трехъязычного; он готовил материал для газеты, обрабатывал переводы из иностранной печати, добывал известия из других ведомств и канцелярий. После перевода газеты в Петербург (1711 г.) ее редактировал составитель знаменитой «Книги Марсовой» Михаил Аврамов; с 1719 г. активное участие в редактировании газеты принимал известный русский переводчик первой четверти XVIII в. Борис Волков.

Для расширения в газете информации о жизни России указом Петра I (апрель 1720 г.) был выделен переводчик Иностранной коллегии Яков Синявич. На попечении Синявича находилась хроника придворной жизни и деятельность коллегий, и его можно, пожалуй, считать первым русским репортером.

Петр I принимал непосредственное участие в выпуске «Ведомостей». Он отбирал материалы к очередным номерам, снабжал газету поступавшими к нему донесениями и письмами.

Переводы из Иностранной коллегии, помещенные в «Ведомостях», представлены в архиве Синодальной типографии наиболее полно, особенно после 1719 г., когда по требованию переводчика Бориса Волкова их регистрировали и подшивали в особые тетради[21]. Оригинальные русские материалы специально не собирались и поэтому не сохранились, их следует искать в тех ведомствах, откуда они поступали. Материалы для газеты поставляли приказы, потом сменившие их коллегии, Сенат, городские магистраты. Зарубежную информацию, кроме Посольского приказа, присылали русские послы, находящиеся за границей, очевидцы и участники военных событий.

Авторы некоторых «Ведомостей» известны — их фамилии зачастую вынесены в заголовок «Ведомости» — это сподвижники Петра I: Меншиков, Шафиров, Долгоруков, Куракин и др. Анонимы других оригинальных материалов ждут своего раскрытия.

Оригиналы русских материалов могут быть обнаружены в самых различных архивных фондах. Так, рукописный текст «Ведомости» № 3 1709 г. был обнаружен нами в деле, где содержится переписка Федора Поликарпова с начальником Монастырского приказа Иваном Алексеевичем Мусиным-Пушкиным, П. П. Шафировым и другими политическими деятелями России

[19] ЦГАДА, ф. 381, д. 964, л. 133.
[20] Там же, д. 966, л. 228 об.
[21] Наиболее типичная запись Б. Волкова на полях рукописного оригинала «Ведомости»: «Извольте записывать, когда вы получаете мои ведомости, а я у себя замечаю, когда к вам присылаю, также числа нумеров», или «Благоволите считать нумера, чтоб не было затерянных и потерянных». ЦГАДА, ф. 381, кн. 966, л. 97 об., 156.

XVIII в. Между письмами вклеен листок (№ 72), который начинается точно такими же словами, как и печатная «Ведомость»: «В нынешнем 1709 году, апреля в 29 день. Писал к его царскому величеству из армии господин генерал от кавалерии князь Меншиков, что командированный полковник Яковлев, пришед в Запорожье с тремя полками и увидев запорожцев противных, которые собравшись, в местечке Переволочне засели, где их, запорожцев, было с три тысячи человек и с ними полковник запорожской Зилинец. . . и т. д.» [22] Таким образом, донесение прошло сложный путь, прежде чем попасть в «Ведомости»: из Запорожья от полковника гвардейского Семеновского полка П. И. Яковлева 18/19 апреля Меншикову в армию, от Меншикова дважды (26 и 29 апреля) к Петру I. Петр получил эти сведения в Троицком [23], где находился также и Мусин-Пушкин, который отослал текст в Москву Федору Поликарпову 9 мая, о чем свидетельствует помета на рукописном оригинале «Ведомости»: «писал граф (И. А. Мусин-Пушкин. — *С. Д.*) из Троицкого мая в 9 день»; 18 мая «Ведомость» была напечатана.

В архивном фонде Сношения России с Англией (ф. 35) была обнаружена корреспонденция «Из лагеря под Стралзунтом (Штралзунтом) ноября 24 дня»; помещенная в «Ведомость» 8 декабря 1715 г. Корреспондентом оказался дипломат Б. И. Куракин, который в донесении от 13 ноября 1715 г. к канцлеру Г. И. Головкину писал: «Короли оба пруской и дацкой, оставя несколько числом войск дацких на острове Ругине (Рюгине), переехали на сю сторону в лагерь третьего дня, но дацких войск там оставлено 4 батальона и 16 эскадронов. Губернатор того острова учинен генерал Девиц с награждением земель капиталу 100 000 ефимков, которые земли были во владении генерала Мейдерфелта. Король швецкой еще в Стралзунте обретается, о котором все выходцы согласно сказывают, что взял свою резолюцию сидеть во осаде и боронится до последнего человека» [24]. Известие это напечатано в «Ведомости», которая начинается словами: «Оба королевские величества, дацкое и прусское, также и бывшие командированные прусские и саксонские войска с Рюгена третьего дня сюда прибыли. . .» [25]

«Ведомость» 1 сентября 1715 г. составлена на основе донесения русского посла в Дании В. Л. Долгорукова Г. И. Головкину.

[22] «Ведомости времени Петра Великого», вып. 2, стр. 16—17. Письма и бумаги Петра Великого, т. IX, вып. 2, стр. 835 (Напечатанные по ф. 381. Рукописный отдел Синодальной типографии, № 423, л. 72).

[23] «Письма и бумаги Петра Великого», т. IX, вып. 1. М.—Л., 1950, стр. 168; т. 9, вып. 2. М.—Л., 1952 г., стр. 829 и 855. Петр был в Троицком с 26 апреля по 27 мая, в том числе и 9 мая. См. т. 9, вып. 1, стр. 168, 174—175, 198.

[24] ЦГАДА, ф. 35, ед. хр. 409, л. 199.

[25] «Ведомости времени Петра Великого», вып. 2, стр. 221. Московская Синодальная типография, № 13.

Наиболее красочный отрывок из письма — о победе датчан (союзников России) над шведами — почти без изменения вошел в газету: «Сего месяца 27 на утренней заре, шведы, увидя большой дацкой флот, дали сигнал пяти их кораблям, стоящим между островами Орифишвалом (Грейфевальдер) и Узедомом, чтоб случились с большим флотом. И хотя те пять кораблей до половину дня ходили на парусах, однако же за противным ветром два из них не могли прежде начала бою поспеть на случение. . .» [26]

Вторая, зашифрованная, часть письма, где идет речь о предстоящем десанте на остров Рюген, в ведомость не попала как секретная.

Существенный источник материалов зарубежной жизни составляли для «Ведомостей» различные периодические издания европейских стран — газеты, поступавшие в Посольский приказ из Гамбурга, Амстердама, Вены, Лондона, Парижа. Эта ценная группа печатных источников представлена в архивном фонде 155 (Иностранные ведомости — куранты и газеты). В этом фонде хранятся также черновики переводов, составленных в Посольском приказе (или Иностранной коллегии) и отосланных в типографию.

Что дает изучение этого архивного фонда исследователю «Ведомостей»? Во-первых, точное название западноевропейских газет, которые служили источником тех или иных сведений для русских «Ведомостей». Например, за 1715 г. в архивном фонде сохранились следующие газеты: «Reichs-Post-Reuter», «Extract der neuesten Zeitungen», «Berlinische Ordinaire Zeitung», «Hambourger Relation-Courier», «Amsterdam u Suite des Nouvelles d'Amsterdam», «Nouvelles extraordinaires de divers endroits», Amsterdamse (Saturdaegse, Dingsdaegse, Donnerdaegse) Courant», «Gravenhaegse (Vrydaegse, Woendaegse, Maendaegse) Courant», «Oprechte Haerlemse (Saturdargse, Dingsdaegse, Donnerdaegse) Courant», «Opregte Leydse (Maandagse, Vrydagse, Woendagse) Courant» [27].

Во-вторых, сравнение черновых рукописных переводов (ф. 155) с беловыми (ф. 381) и с печатными «Ведомостями» дает возможность определить метод отбора статей для русской газеты, который существовал в Иностранной коллегии, а также проследить работу по редактированию непосредственно в типографии.

Даже беглый просмотр западноевропейских газет свидетельствует о том, что все западноевропейские газеты по своему содержанию и оформлению были однотипны. Большинство из них также занималось перепечаткой материала друг у друга, таким образом, русские газеты не были исключением.

[26] ЦГАДА, ф. 53, оп. 1, 1715, № 5, л. 346. Реляции и письма русского посла в Дании В. Л. Долгорукова Петру I, канцлеру Г. И. Головкину. Данное письмо получено Головкиным в Ревеле 15 августа 1715 г.; «Ведомости времен Петра Великого», вып. 2, стр. 216—217.

[27] ЦГАДА, ф. 155, 1715 г., № 3—12.

Так, газета «Berlinische ordinare Zeitung» от 27 августа 1715 г. печатала информации из Вены 14 августа, Рима 3 августа, Варшавы 16 августа [28].

В фонде сохранились далеко не все комплекты иностранных газет, получаемых Посольским приказом, однако большинство сохранившихся комплектов были именно те экземпляры, материалы из которых были использованы в «Ведомостях». Например, в «Ведомости» от 8 декабря 1715 г. удалось установить источники иностранных известий. Раздел «Из Варшавы» взят из «Hambourger Relation Courier» от 22 ноября 1715 г. и начинается со слов: «Vorgestern sind der Bischoff von Cojevin, Kron-Canzler schatzmeoster Graf Ossolinski von hier ausgebrochen; und theils zu Wasser, theils zu Lande nach Tohrn herunter gereiset, welchen der Litthauische unter Feldherr Graff Donhoff des andern Tages darauf gefolget. . .» [29].

Вот как этот текст был передан в русской газете: «Здесь в великой опасности находятся от нападения конфедератов, и для того некоторые знатные особы, а именно епископ куявский, канцлер коронный, и подскарбий коронный отсюда иныя водою, иные сухим путем в Торунь поехали, за которыми граф Дянглов следовал. . .» Этим сообщением редактор сразу вводил читателей в сложную политическую обстановку: русское правительство было обеспокоено борьбой различных партий в Польше, что, возможно, послужило причиной того, что «Ведомости» не были отпечатаны массовым тиражом.

Другой раздел этой же «Ведомости» «Из Парижа, ноября 15», сообщающий о гибели французской флотилии, был заимствован из выходившей в Амстердаме на французском языке «Suite des Nouvelles», которая получила это известие из Гаваны 17 сентября [30]. Работу по составлению списка иностранных газет, послуживших источником для русских «Ведомостей», начал А. А. Покровский. Он составил перечень за 1703—1707 гг. и подробно описал русские «Ведомости» за 1719 г. с определением иностранного источника. Эту работу необходимо продолжить, результаты ее должны окончательно решить спор о количественном соотношении переводных и оригинальных статей в «Ведомостях», а также вопрос о методе отбора сведений для русской прессы начала XVIII в.

Большой интерес также представляет изучение содержания сохранившихся в единственном экземпляре сигнальных номеров, что поможет ответить на вопрос, почему газета не была опубликована. Так, «Ведомость» № 4 1715 г. сообщила чрезвычайно важное для русских событие:

[28] ЦГАДА, ф. 155, 1715 г., № 5.
[29] Там же, № 6.
[30] Там же, № 7.

«Сего июня 19 дня по полудни, прибыл в Ревель англинской и галанской флот, состоящей в 26 военных кораблях, под командою англинского адмирала Нориса, шаутблинахта Гарлея, да галанского шаутблинахта де Фетта. При том флоте торговых с разными товары 108 кораблей, из которых пришло к Санктпитербурху 45, а протчие остались у Ревеля, а иные пошли к Риге.
Печатано в Санктпитербурхе июня 27 дня 1715» [31].

Отношения между Швецией и Англией в это время резко ухудшились. В январе 1715 г. английский представитель в Стокгольме Джексон предъявил шведскому правительству формальное требование о возмещении стоимости захваченных шведами 24 судов и их груза на сумму более 65 тыс. фунтов стерлингов. Карл XII не только не удовлетворил требование английского правительства о возмещении убытков и о разрешении свободной торговли в Балтийском море, но, наоборот, решил перейти к более суровым мерам пресечения этой торговли, нарушая таким образом английский нейтралитет. 8 февраля 1715 г. он издал «каперский устав», фактически запрещавший торговлю англичан с Россией и с занятыми ею провинциями, а также поляками, датчанами и другими врагами Швеции, балтийскими портами. Захваты и конфискация английских торговых судов и их грузов шведскими каперами создавали настолько сложное для английских торговцев положение, что английское правительство не могло более оставаться безучастным. Адмирал Норрис получил приказ направиться в Балтийское море с эскадрой военных кораблей для эскорта торговых судов [32].

О благополучном прибытии кораблей союзников как раз и оповещала газета. Почему же она не была отпечатана полным тиражом и сохранилась в единственном экземпляре? В июне прибывшие корабли находились еще у побережья России, и разглашение сведений о количестве и местонахождении английских и голландских кораблей через «Ведомости» было бы в интересах противника. По политическим соображениям «Ведомость» не увидела света.

Погорелов так описывает рукописный оригинал этого номера: «Ведомость о прибытии аглинского и галанского флота, полученная из Ревеля от 19 июня 1715 году (военных 26 с разным количеством пушек — от 90 до 40 и торговых с разными товарами по 8-ми кораблей); к этому карандашом приписано небрежным почерком: и которых пришло к Петербурх 4 (зачеркнуто 56), а протчие у Ревеля, а иные пошли к Риге» [33].

Небрежный почерк, о котором упомянул в описании Погорелов, принадлежит, как удалось установить, кабинет-секретарю

[31] «Ведомости времени Петра Великого», вып. 2, стр. 216. Московская Синодальная типография, № 13.

[32] *Л. Н. Никифоров.* Русско-английские отношения при Петре I. Госполитиздат, 1950, стр. 120.

[33] «Библиотека Московской Синодальной типографии», вып. 4. *В. Погорелов.* Материалы и оригиналы Ведомостей 1702—1727 гг. М., 1903, стр. 39.

А. Макарову. Этим «летающим» почерком правлены его многочисленные черновые письма к Петру. В официальных письмах или письмах под диктовку почерк его становится аккуратным-бисерным. При сверке публикации Погорелова с оригиналом оказалось, что он не передал все особенности правки: Макаров зачеркнул имена адмиралов (Ян, Томас), которые стояли перед фамилиями, снял часть текста, содержащего сведения о военном оснащении кораблей, «между которыми — 1 : 90 пушек; 2 : 80 : 3 : 74; протчия от 60 до 50, 44 и 40 пушек» [34].

Только подробное сличение рукописных «Ведомостей» и всех сохранившихся печатных экземпляров поможет решить вопрос, могут ли некоторые материалы считаться изданием «Ведомостей» или они являются самостоятельными. Например, такое, как «Ведомость, в письме его царского величества тайного советника и барона Шафирова к его светлости князю Меншикову из Копенгагена в 7 день августа 1716», Т. А. Быкова относит к книгам, в связи с тем, что текст «Письма» напечатан на большом по формату листе и к нему приложена большая гравюра, никогда не встречающаяся в «Ведомостях» [35].

В комплекте «Ведомостей» Московской Синодальной типографии были обнаружены два листа письма Шафирова с обычным для газеты размером и без гравюры; на обороте листов рукою редактора проставлено: «номер 10, 1716 сен.». Один из этих экземпляров отличается по тексту от всех остальных: он имеет дополнительный, обычный по содержанию для газет, абзац:

«Сего числа прибыли сюда к пристани 28 купецких англинских и галанских кораблей с двумя капвоями благополучно. На которых довольное число парчи, сукон и оловянной пасуды и всяких товаров и сказывают шипоры, что прибыли сюда в 8 день без всякого препятия и товары выгружать начали, потом грузить будут российскими товары и паки марш восприимут» [36].

Директор и историк Санкт-петербургской Синодальной типографии А. В. Гаврилов сообщает, что в 1716 г. среди указов и «Ведомостей» продавались «печатные грыдорованные досками листы, на которых означен Санктпетербурх и четыре флота, 21 и 4 алтына» [37]. Пекарский также помещает это издание среди «Ведомостей» [38].

В связи с тем, что в Синодальной типографии обнаружены листы письма Шафирова небольшого формата и без гравюр, мы присоединяемся к мнению Пекарского о принадлежности «письма»

[34] ЦГАДА, ф. 381, е. х. 962, л. 81—82.
[35] «Описание изданий гражданской печати 1708—янв. 1725». М.—Л., 1955, стр. 194—195.
[36] Московская Синодальная типография, № 14.
[37] *А. В. Гаврилов.* Очерк истории С.-Петербургской Синодальной типографии, вып. 1, 1911 (Прилож., стр. XVII).
[38] *П. П. Пекарский.* Наука и литература в России при Петре Великом, т. 2. СПб., 1802, стр. 373.

к «Ведомостям». Можно предположить, что листы с текстом письма продавались отдельно от гравюр, кроме того, дополнительный абзац в одной из «Ведомостей» является характерным для газет того времени сообщением о беспрепятственном прибытии английских кораблей. А снят он был в связи с особой парадностью данного номера, посвященного признанию России как сильнейшей морской державы [39].

Исследователи уделяли первой русской газете много внимания, и все же петровские «Ведомости» недостаточно изучены. Бо́льшая часть работ имела описательный характер, архивные материалы к изданию «Ведомостей» почти не привлекались. Данная статья не претендует на полноту освещения всех вопросов, связанных с историей первой русской газеты, но имеет целью показать методы изучения ранней периодики в связи с исторической эпохой, с привлечением архивных материалов и прежде всего документов ЦГАДА. Мы видим, что для всестороннего изучения «Ведомостей» необходимы объединенные усилия книговедов, историков, архивистов, литераторов. Впрочем, все эти науки должны в той или иной мере применяться при изучении старой русской книги вообще.

Приложение. Неизданная «Ведомость» 4, 1720 г.

Ведомости [40]

Июня 27 дня его царское величество изволил сей день торжествовать во память славной под Полтавою над шведским королем Каролусом вторым на десять, полученной виктории. И оная церемония следовала таковым образом: Около 9 часу по утру, его царское величество, надев те одежды, в которых при баталии Полтавской был и над воиски своими командовал, и с гвардиею, с Преображенским и Семеновским полками, изволил итти от Литейного двора до Троецкой пристани. И вышед из галер, которыя украшены были по морскому обычаю разными флагами и вымпилами, изволил сам своею высокою особою, яко полковник пред

[39] В письме к Меншикову Шафиров сообщает о том, что 5 августа 1715 г. Петр принял, находясь на корабле «Ингерманландия», командование над соединенным русским, английским, голландским и датским флотом.

[40] При публикации сохраняется транскрипция подлинника.
Печатный экземпляр «Ведомости» обнаружен в Московской Синодальной типографии, № 17. Рукописный оригинал «Ведомости» см. ЦГАДА, ф. 381, е. х. 964, лл. 106—109 об. На л. 109 об. приписано: «40 — негодны». В. Погорелов сообщает: «Этот номер был набран, т. к. в Типографской библиотеке имеется № 40 (печ. 29 июня), но в свет не был выпущен — содержит описание празднования Полтавской победы». См. *В. Погорелов.* Библиотека Московской Синодальной типографии, вып. 4, стр. 51. П. П. Пекарский под № 40 описывает известные в настоящее время «Ведомости», с другим содержанием: «Санктпитербурх. Ведомости. 8 нул. стр. 40. Печатано в СПб. июля 1720 г. На галерах 22 июня привезено 1850 финских жителей, изъявивших желание служить в русской военной службе и т. д.» См. «Наука и литература в России при Петре Великом», т. II, стр. 495.

оными полками маршировать. И при церкве Святыя Троицы помянутыя полки гвардии и еще другия полки на площади пред городом. А розставя все те полки в батальон кареи, изволил с своими министры, генералы, офицеры и иными знатными персонами воитить в церковь. И по отслушании святыя литоргии, и по совершении панегирического поучения, которое в честь и в похвалу российскому храброму воиску преосвященный митрополит рязанской и наместник патриаршеский кир Стефан сказывал. И по сигналу во время тоя службы была с города и из Адмиралитейства, трижды переменяя, пушечная стрельба. А по отправлении литоргии вышли архиереи в постановленной при тех полках шатер, отправляли благодарный молебен. По которого совершении была троекратная стрельба из постановленных полковых пушек, и от тех полков беглым огнем, которую стрельбу его царское величество сам командовать изволил. При которой церемонии ее величество государоня царица со всею своею высочайшею царскою фамилиею, со многими министерскими и генеральскими дамами изволила быть, також и полномочной посол польской, воевода Мазовецкой господин Хоментовской с своею супругою и протчие чужестранные министры присутствовали. По отправлении того его величество сам те полки к тем галерам привесть изволил. И по тому его царское величество и ея величество государыня царица с министры своими, генералы, офицеры и другими знатными персонами обоих полу изволили кушать в галареи, где присутствовали все при дворе его царского величества обретающияся чужестранныя министры. И когда при том столе пили за здравие, то с фрегата шведского (прежде сего взятого) стреляли из пушек. Тот фрегат был украшен разными флагами и вымпелами днем, а ночью — фонарями. А после обеда изволили их величествы гулять в огороде со всеми вышеописанными особами даже до 12 часа пополудни. А потом сжен фейеверк, стоящей против помянутого огороду на судах, планы со изрядными фитилными огнями и со многими верховными ракетами и водяными огнями, которого абрис (чертеж. — *С. Д.*) при сем следует, а по совершении того фейеверка в I часу пополуночи все розъехались по своим домам.

А вышепомянутым лейбгвардии Преображенскому и Семеновскому полкам и протчих полков салдатом был его царского величества погреб, уготованной на лугу против Летняго дворца.

Печатано в Санктпитербурхе 1720 году, иуня 29 дня.

Печатная и рукописная книга в России в первом сорокалетии XVIII в. (проблема сосуществования)

С. П. Луппов

Появление книгопечатания в каждой стране имеет своим неизбежным следствием резкое уменьшение роли переписки книг как средства размножения литературы. Однако рукописная книга далеко не сразу сдает свои позиции и на протяжении ряда лет не только продолжает существовать наряду с книгой печатной, но и способна конкурировать с ней.

Успехи русского книгопечатания в XVII в. почти не отразились на развитии рукописной книжности, вследствие того, что печатная книга этого времени не отвечала многим существенным запросам населения. Книгопечатание в допетровской Руси, в силу сложившихся исторических условий, находилось в руках церкви, выполняло задачи, поставленные перед ним духовными властями; поэтому печатная книга не отражала развитие русской общественной мысли, и русская литература успешно развивалась лишь в рукописных книгах.

Петровские реформы внесли коренные изменения в развитие русского книгопечатания. Оно было целиком поставлено на службу преобразования страны и руководство им перешло в руки светской власти. Резко возросли темпы книгопечатания, расширилась его тематика. Появились новые виды произведений печати и новые литературные жанры.

Однако и при Петре в России продолжали создаваться новые рукописные материалы, имевшие большое хождение среди различных кругов населения, и рукописная книга почти не утратила своего значения в культурной жизни страны не только в петровское, но и в значительно более позднее время.

В чем же заключалась причина устойчивости позиций рукописной книги в новых условиях развития России? Было ли это результатом имеющихся пробелов в тематике книгопечатания, или число выходивших книг не соответствовало потребностям страны, или эти книги не пользовались спросом у широких кругов населения, или по каким-то причинам были для них недоступны?

Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо рассмотреть состояние книгопечатания в России в петровское и послепетровское время.

Наиболее характерной чертой петровского книгопечатания, в отличие от русского книгопечатания XVII в. (когда в России выходили лишь единичные издания светского содержания), является его светский характер. По числу книг и брошюр (объемом не ме-

нее 5 стр.) религиозные издания составляли не многим более 30% общей печатной продукции. Если же учитывать мелколистные издания, т. е. все выпуски газеты «Ведомости», отдельные указы, реляции и т. д., то доля религиозной литературы будет еще меньше (около 14%), причем этот процент имел явную тенденцию к снижению.

Тематика изданий петровского времени характеризуется следующими цифрами (1701—1724 гг.)[1]:

издания законодательного и информационного характера — 185;
календари — 43;
военное и морское дело, кораблестроение — 69;
естественнонаучная литература — 27;
гуманитарная литература — 63;
архитектура и садово-парковое дело — 4;
азбуки и буквари — 30;
художественная литература — 84;
религиозная литература — 256. (Всего 761.)[2]

Помимо того, при Петре вышло около 600 выпусков газет, свыше 500 различных малолистных изданий (указы, реляции и т. д.) и большое число карт и иллюстративных материалов.

Приведенные данные говорят о широте тематики петровского книгопечатания, что соответствовало потребностям страны. Строительство морского флота и создание регулярной армии были связаны с необходимостью издания книг военной тематики, литературы по кораблестроению, навигации. Учреждение светских специальных школ и учебных заведений общего характера потребовало издания учебных книг по различным областям знания. Большое внимание уделялось при Петре не только распространению знаний среди населения, но и пропаганде новых идей, нового быта, а также разъяснение населению мероприятий правительства в области внешней и внутренней политики. Эти задачи выполняла различного рода информационная, политическая и даже законодательная литература, поскольку во многих регламентах и указах излагались не только правительственные постановления, но и мотивы в пользу их принятия. Потребности населения в информации о текущих событиях удовлетворяла газета «Ведомости».

[1] Отправными источниками при подсчетах послужили для нас следующие издания: «Описания изданий гражданской печати 1708—янв. 1725 г.» (М.—Л., 1955); «Описания изданий, напечатанных кириллицей. 1689—янв. 1725» (М.—Л., 1958); «Описания изданий, напечатанных при Петре I. Сводный каталог» (Л., 1972); *П. П. Пекарский.* Наука и литература при Петре Великом, т. 2 (СПб., 1862); *А. В. Гаврилов.* Очерк истории С.-Петербургской Синодальной типографии, вып. 1 (СПб., 1911).

[2] Приведенные цифры расходятся с соответствующими данными таблиц нашей монографии «Книга в России в первой четверти XVIII века» (Л., 1973), так как не учитываются издания объемом менее 5 страниц (отдельные указы, реляции, выпуски, газеты, «Ведомости» и т. д.).

Даже публикация целого ряда произведений религиозного содержания использовалась правительством в своих целях. Сюда относятся такие издания, как книга Дмитрия Ростовского «Рассуждение о образе божии и подобии в человеце. . .», довольно метко называвшаяся в то время «Книгой о брадобритии», различные молебствия о победе над врагом, антираскольническая литература и т. д.

И все же внимательное изучение репертуара петровских изданий неизбежно приводит к выводу, что в тематике их имелись существенные пробелы, способствовавшие «живучести» рукописной книги. Обращает на себя внимание полное отсутствие среди издававшейся литературы книг по медицине, хотя потребность в таких книгах у населения была немалая. Всевозможные рукописные лечебники и травники пользовались большой популярностью у русских людей еще в XVII в.

Далее, казалось бы, благополучное положение с изданием книг гуманитарной тематики, в первую очередь по истории (см. приведенные выше данные), при более близком рассмотрении выглядит иначе. Историческая литература, издававшаяся при Петре, являлась, как правило, переводной. Книги по русской истории, если не считать «Синопсиса», полностью отсутствовали. А, между тем, русские люди издавна испытывали большой интерес к истории своей страны. Вспомним, насколько популярны были среди самых различных кругов русского населения летописи, исторические повести, сказания и т. д.

Примерно так же обстояло дело и с художественной литературой. При Петре, как мы уже указывали, было выпущено большое число художественных произведений (84), однако, строго говоря, к художественной литературе можно отнести лишь немногие из них («Эсоповы притчи», «Апофегмата»). Основную же часть этого рода изданий составляли панегирики, «Слова», описания торжеств, фейерверков, триумфальных врат и т. д. Подобная литература не могла иметь большого успеха у русского читателя, привыкшего к чтению художественных произведений другого типа. Наконец, петровские издания не уделяли никакого внимания местной тематике, которой, как известно, было посвящено немало произведений рукописной литературы.

Мы указали лишь на ряд примеров существенных пробелов в тематике петровского книгопечатания, но и приведенных данных, как нам представляется, достаточно для того, чтобы установить одну из основных предпосылок сохранения рукописания в петровское время, когда бурно развивалось русское книгопечатание.

Обратимся к рассмотрению вопроса о спросе на издания петровского времени. П. П. Пекарский в своем труде «Наука и литература в России при Петре Великом» пишет: «Во времена Петра Великого круг читателей был так незначителен, потребность в чтении так ничтожна, что даже немногие печатавшиеся тогда книги не находили почти сбыта и с течением времени, как ненужные,

предавались уничтожению» [3]. В подтверждение своей мысли Пекарский приводит данные о списании, начиная с 1752 г., большого числа книг петровского времени, оставшихся нераспроданными.

Мнение Пекарского как будто бы подтверждается архивными данными о затоваривании большого числа петровских изданий в первой четверти XVIII в. Однако фактическое положение дела было иное.

Пекарский не учитывал размаха книгоиздательской деятельности петровского времени, когда книги выходили большими тиражами и зачастую неоднократно переиздавались. Так, например, книги Квинта Курция об Александре Македонском вышло пять изданий, «Юности честного зерцала. . .» и «Географии, или краткого земного круга описания. . .» — четыре издания и т. д. Затоваривание книг объясняется не ничтожно малым спросом на них, а тем, что, стремясь к возможно большему распространению публикуемой литературы, Петр издавал книги, не считаясь с реальным на них спросом, рассчитывая, что сумеет заставить русских людей читать нужную им литературу, привьет у них вкус к книге.

Материалы архивов показывают, что книги при Петре расходились неплохо. Наиболее ходовыми изданиями были календари, учебные книги, особенно азбуки, военная и морская литература, книги исторические. Так, например, в Петербурге в 1714—1722 гг. календарей продавалось свыше 80 экземпляров в месяц, военных и морских уставов свыше 70 экземпляров, «Юности честного зерцала» — свыше 20 экземпляров и т. д., азбуки в Москве расходилось по 600 и более экземпляров в месяц. Известные «Таблицы синусов, тангенсов и сенансов. . .», изданные Киприановым в 1716 г. тиражом 3000 экземпляров, разошлись уже к 1720 г.[4]

Приведенные факты говорят о том, что петровские печатные книги пользовались спросом населения, однако число имевшихся в продаже книг превышало потребность в них. Таким образом, продолжение и в петровское время традиции переписки книг нельзя объяснять ни недостатком печатных книг, ни малым на них спросом.

Но был еще один фактор, имевший немаловажное значение для создания благоприятных условий дальнейшего развития русского рукописания в петровское и послепетровское время — дороговизна печатных книг. Как известно, цены на книги в XVII в. были в России непомерно велики, причем печатные книги стоили, как правило, дороже рукописных. Во второй половине века, под влиянием успехов книгопечатания, проявилась общая тенденция к снижению книжных цен [5].

[3] *П. П. Пекарский.* Наука и литература в России при Петре Великом, т. I. СПб., 1862, стр. I—II, 17.

[4] *С. П. Лупов.* Книга в России в первой четверти XVIII века. Л., 1973, стр. 141—144.

[5] *Его же.* Книга в России в XVII веке. Л., 1970, стр. 55—74.

Изучение сохранившихся данных о ценах на книги петровского времени приводит к выводу, что книги светского содержания в петровское время стоили дешевле религиозных. Цена подавляющего большинства светских книг была значительно менее 1 рубля, в то время как среди религиозных изданий было немало таких, которые стоили гораздо дороже, например, Евангелие непрестольное — 2 р. 50 к., Триодь постная — 2 р. 80 к., Чиновник архиерейского служения — 1 р. 90 к.[6]

Цены на книги, издававшиеся в петровское время, назначались, как правило, исходя из фактических затрат. Стремясь к возможно бо́льшему распространению своих изданий, правительство избегало больших наценок на себестоимость, большие же тиражи книг позволяли контролировать книжные цены на частном рынке, которые чаще всего почти не отклонялись от цен, назначенных правительством.

Вследствие всех этих обстоятельств цены на ходовые издания петровского времени были, казалось, невелики: календарь — 12—15 к., азбука учебная — $1^1/_2$—3 к., букварь — 25 к., грамматика — 35 к., «Юности честное зерцало» — 15 к., «География малая» — 30 к., «Синопсис» — 48 к. [7] и т. д. Однако надо учитывать реальную стоимость тогдашнего рубля. В петровское время содержание работного человека в течение одного месяца стоило 1 р. Понятно, что купить, даже дешевую, книгу мог далеко не каждый, а тем более составить небольшую библиотечку хотя бы из нескольких книг.

Укажу на такой пример. На учебную азбуку Московской типографией была установлена цена 3 коп., однако наличие большого числа нераспроданных изданий заставило правительство снизить в 1723 г. эту цену вдвое (до $1^1/_2$ коп.).

Дороговизна печатных книг была причиной того, что в петровское время, как и в XVII в., продолжалась практика переписки или, по тогдашней терминологии, «списывания» как печатных, так и рукописных материалов. Это обходилось дешевле покупки книг, особенно когда владелец библиотеки собственноручно переписывал заинтересовавшую его книгу, не прибегая к найму переписчика. Вместо переписки целых книг зачастую делались выписки из них наиболее интересных мест. Библиотека лекаря Дмитрия Тверитинова состояла всего из 23 книг, но, помимо того, им было сделано до 500 выписок из разной литературы, необходимых ему для религиозных дискуссий [8].

Таким образом, в первой четверти XVIII в., несмотря на крупнейшие успехи, достигнутые в области книгопечатания, следствием которых явилось появление в книжных лавках и на рынках большого числа книг светского содержания разнообразной тематики,

[6] *С. П. Луппов.* Книга в России в первой четверти XVIII века. Л., 1973, стр. 146—151.
[7] Там же, стр. 148—149.
[8] Эти выписки опубликованы Ф. А. Терновским («Православное обозрение», 1863, август, отдел 5, стр. 323—324).

практика переписки книг продолжалась, и это объяснялось, в первую очередь, пробелами в области тематики книгопечатания, а также дороговизной печатных книг.

Следует назвать и третью причину создания в петровское время новых рукописных материалов. Рукописная книга удовлетворяла потребности населения в нелегальной литературе. Сюда относилась литература, враждебная реформам, а также старообрядческая. Этой темы, требующей специального исследования, в настоящем докладе мы касаться не будем.

Какие же изменения в области книгопечатания произошли в послепетровское время (мы берем годы, непосредственно следующие за смертью Петра: 1725—1740). Существует мнение, что это был период реакции и контрреформ, в области культуры, например, наблюдалось сокращение числа учебных заведений, свертывание издательской деятельности. Тщательное изучение сохранившихся материалов опровергает такую точку зрения. Несмотря на закрытие некоторых типографий (Петербургская, Александро-Невская) и сокращение размаха деятельности других (Московская), в русском книгопечатании наблюдался спад лишь в самые первые годы после смерти Петра. В дальнейшем же издательская деятельность только что созданной типографии Академии наук с избытком компенсировала потерянное.

Темпы развития книгопечатания в послепетровское время не уступали и даже превосходили темпы петровского времени. Это видно из следующих цифр: среднегодовое число вышедших книг и брошюр в 1701—1724 гг.— 31,7; в 1725—1740 гг. — 34,2; среднегодовое число выпусков периодических изданий в 1701—1724 гг. — 24,3; в 1725—1740 гг. — 312,6.

Если по числу вышедших книг и брошюр в 1725—1740 гг. темпы развития книгопечатания сохранились примерно на уровне петровского времени, то по числу выпусков периодических изданий они превосходили темпы четверти XVII в. более чем в 12 раз. Это и не удивительно, поскольку, помимо газеты «Ведомости», которая теперь регулярно выходила на двух языках, с 1728 г. стал издаваться, также на двух языках, научно-популярный журнал «Примечания к Ведомостям».

Однако дело было не только в темпах, но и в качественных изменениях, произошедших в русском книгопечатании в послепетровское время. Они заключались в следующем:

1. Начали регулярно издаваться труды русских академиков. Они публиковались как в продолжающемся научном издании на латинском языке»—«Commentarii Academiae Scientiarum Petropolitanae» (сокращенный перевод этих статей на русский язык печатался в «Кратком описании комментариев Академии наук»), так и в виде отдельных изданий. Тематика этих трудов охватывала все отрасли наук.

2. Помимо регулярно издававшейся газеты «Ведомости», как уже говорилось, стал выходить научно-популярный журнал «Примечания к Ведомостям».

3. Значительно возросло число изданий, выходящих в России на иностранных языках. Это было связано с тем, что первые академики русской Академии наук являлись иностранцами.

4. Уменьшилась (по сравнению с петровским временем) доля изданий, напечатанных кириллицей, с помощью которой публиковалась теперь, как правило, лишь религиозная литература.

5. Среди типографий России исключительную роль стала играть типография Академии наук, издававшая свыше половины всех книг и брошюр, выходивших в России, и всю периодику. Значительно упала роль Московской типографии, бывшей при Петре одной из двух главных типографий в России. Московская типография издавала теперь (за немногими исключениями) лишь книги религиозного содержания, и книжная ее продукция не так уж сильно превышала продукцию Киевской типографии. Если мы сопоставим тематику изданий 1725—1740 гг. с тематикой изданий первой четверти XVIII века, то заметим здесь некоторые изменения. Это наглядно видно из данных таблицы 1:

Таблица 1

Среднегодовое число книг различной тематики, выходивших в петровское и послепетровское время

Литература	1701—1724 гг.	1725—1740 гг.
Законодательная и информационная	7,7	5,1
Календари	1,8	2,3
Военное и морское дело, кораблестроение	2,9	0,6
Общенаучная	—	0,9
Естественнонаучная	1,1	2,8
Гуманитарная, азбуки	3,9	4,1
Архитектура, искусство	0,1	0,1
Художественная	3,5	9,6
Религиозная	10,7	10,2
Всего	*31,7*	*35,6*

Таким образом, по сравнению с первой четвертью XVIII в. в 1725—1740 гг. уменьшилось число выходивших книг военно-морской тематики (что было связано с тем, что правительство стало уделять меньше внимания армии и флоту), а также литературы законодательного и информационного характера. Зато возросло среднегодовое число изданий по естественным наукам и произведений художественной литературы. В целом следует сказать, что в 1725—1740 гг. в изданиях русских типографий значительно возросла доля периодической печати, научной книги и художественной литературы. Но для успешного продвижения печатной книги в массы населения имелись еще существенные препятствия. Если газета «Ведомости» и научно-популярная литература («Примеча-

ния к Ведомостям», календари) завоевывали себе все больший успех среди сравнительно широких кругов населения, то круг читателей серьезной научной литературы был еще узок, тем более что значительная часть ее выходила на иностранных языках.

Художественная литература также не была рассчитана на массового читателя. Основную часть ее составляли либретто театральных представлений, шедших в итальянском театре при императорском дворе (издававшиеся на русском и итальянском языках тиражом всего по 100 экз.), оды, панегирики и тому подобные издания, которыми могли интересоваться лишь верхи русского общества. По-прежнему отсутствовали книги по медицине.

И все же интерес к книгам в послепетровское время продолжал расти. Сохранившиеся архивные данные о продаже в 1739—1740 гг. книг, оставшихся от петровского времени, со сведениями о том, кто покупал книги в этот период и какие именно книги покупались, наглядно показывают, как расширились и круг населения, интересовавшегося книгой, и тематика покупаемых книг. Среди покупателей мы видим представителей самых различных кругов русского общества: дворянства, духовенства, купечества, чиновничества (включая самые низшие их слои), военнослужащих (включая солдат), работников типографий, переплетчиков, певчих, крестьян и т. д. Покупалась самая разнообразная литература, но особенным успехом пользовались такие издания, как книга Квинта Курция об Александре Македонском, Апофегмата, «История Иерусалимская», «Истинный способ укрепления городов. . . Вобана», «Приклады, како пишутся комплементы разные» и др.[9]

На вопрос о том, был ли полностью обеспечен возросший спрос на печатные книги, мы без колебания можем ответить утвердительно. В наследство от петровского времени осталось значительное число экземпляров целого ряда нераспроданных изданий. Так, например, в 1734 г. в книжной лавке Московской типографии находилось 1577 экземпляров Лексиконов (видимо, Поликарпова издания 1704 г.), 2017 экземпляров букварей «Первое учение отроком», 691 экземпляр книги Ц. Барония «Деяния церковные и гражданские» издания 1719 г.[10] Кроме того, продолжали выходить новые издания, поступавшие в продажу. Правда, правительство издавало книги с гораздо большей оглядкой на реальный спрос, чем это было в петровское время, но недостатка книг в книжных лавках не ощущалось.

Несомненно, что спрос на книги был бы значительно большим, если бы не их цена. В этом отношении в послепетровское время существенных изменений не произошло. Книги по-прежнему были непомерно дороги, и купить их среднему человеку было трудно.

[9] ЦГАДА, ф. 1184, оп. 1, № 313, лл. 1—32.

[10] «Описания архива Синода», т. 14, прил. XII, стб. 715—734. Именно поэтому были переизданы лишь немногие издания петровского времени, напр., «Юности честное зерцало», «Приемы циркуля и линейки».

Таким образом, и в послепетровское время, как и при Петре, не было необходимых условий для того, чтобы печатные книги могли полностью заменить русскому читателю книги рукописные, и причины устойчивости позиций рукописной литературы оставались прежними.

Остановимся на некоторых примерах рукописных материалов, сохранившихся от первой половины XVIII в. Обращает внимание большое число рукописей медицинского содержания. Всевозможные лечебники и травники восполняют пробел в области медицинской литературы, отмеченный как в петровском, так и в послепетровском книгопечатании. Популярны были «Прохладный вертоград», «Лекарственник» Блюментроста, «Домовая и походная аптечка» и др.

Не менее популярна у переписчиков книг была и географическая литература, несмотря на наличие ряда изданий по географии петровского времени («География генеральная», «Земноводного круга краткое описание»). В большом ходу были описания путешествий (путешествие Олеария, «Хождение» Трифона Коробейникова, «Путешествие иеромонаха Варлаама во святую землю», «Хождение» Стефана Новгородского и Игумена Даниила), описания различных государств и городов (описание Китая Спафария, книга Страленберга о восточной части Европы и Азии, перевод описания Турецкого государства и др.), книга «Поверстная» и т. д. Даже из этого очень краткого перечня видно, что подобного рода тематика в печатной литературе отсутствовала.

Явное невнимание книгопечатания первой половины XVIII в. к отечественной истории, особенно к событиям местного характера, является причиной переписки разнообразных произведений исторического характера: «Соловецкий летописец», «Густынская летопись», «Повесть о прихождении Стефана Батория на град Псков», «Астраханская история» и т. д.

Стремление книголюбов подобрать для себя наиболее интересные материалы явилось предпосылкой создания различного рода сборников и сборных рукописей, которые были особенно широко распространены именно в первой половине XVIII в. Примером такой рукописи является хранящаяся в БАН рукописная книга, состоящая из 19 отдельных рукописей, сброшированных в одном переплете (БАН, Тек. постл. 496), принадлежавшая купецкому человеку Великого Устюга А. М. Пономареву и составлявшаяся в течение первой половины XVIII в. Наряду с рукописями религиозного содержания здесь были и явно светские: О «зачатии» Москвы, О землетрясении в Астрахани, «Повесть о Динаре царевне», «Повесть о царице и львице», «Вопросы о мироздании», реляции о взятии городов во время Шведской войны 1700—1721 гг.

Из рукописных книг, включающих местный материал, отметим сборник БАН, хранящийся под шифром 17.16.3. В него входят такие материалы, связанные с историей Сибири, как: о княжении сибирских князей, «Описание о поставлении городов и острогов Сибири и о взятии ее», «О начале Якутского города», хроноло-

тические выпуски 1711—1727 гг. о светских и духовных деятелях Тобольска. Разумеется, подобного материала нельзя было найти в печатной литературе.

Отмеченный нами недостаток художественной литературы среди изданий первой половины XVIII в. явился причиной того, что в этот период усиленно переписывались и литературные произведения предшествующих столетий, и новые, появившиеся в петровское и более позднее время. Особой популярностью пользовалась русская драматическая сатира, бытовые повести, переводные романы. Среди художественных произведений, переписанных в первой половине XVIII в., мы встречаем такие, как «История о Варлааме и Иоасафе», «Александрия», «Повесть о Ерше», «Повесть об Антоне, цесаре римском», и мн. др.

Даже Академия наук, владевшая самой мощной в стране типографией, практиковала переписку или «списывание книг». До нашего времени сохранились копии с рукописей, сделанные в 30-х годах XVIII в. переписчиками Академии для нужд своей библиотеки. Среди них переводные и оригинальные русские произведения, например, отрывок из записок А. А. Матвеева «О бунте стрелецком» (БАН, шифр 32.4.13), перевод «Краткого описания Турецкого государства. . .» Академия практиковала и покупку ценных, по ее мнению, рукописных книг у торговцев книг.

Но не только рукописные, а и печатные материалы активно переписывались населением, и таких примеров можно привести много. Переписанное произведение печати либо становилось основным содержанием новой рукописи, либо включалось в состав рукописного сборника или сборной рукописи. Иногда из печатной книги делались лишь выписки.

Тематика переписываемых печатных книг разнообразна и наглядно иллюстрирует отмеченный нами выше интерес населения к изданиям первой половины XVIII в. Переписывались календари, такие книги, как «Апофегмата», «Экзерциции и церемонии. . .», «География, или краткое земного круга описание. . .», приветственные и похвальные слова Петру I, реляции и т. д.

Что же заставляло русских людей делать копии с книг, которые можно было купить, например, таких, как труд Г. З. Байера «Краткое описание всех случаев, касающихся до Азова. . .» (СПб., 1738)? Разумеется, дороговизна этих книг. Именно дороговизной книг объясняется то, что в первой половине XVIII в. переписывалось много учебных изданий. Среди учащихся в этот период был целый ряд представителей малообеспеченных слоев населения, которым было не под силу купить для себя необходимые учебники, поскольку они стоили дорого. Так, например, известная «Арифметика» Магницкого была куплена в 1731 г. за 2 руб. 50 коп.[11] — цена колоссальная по тому времени!

[11] «Описание изданий, напечатанных кириллицей. 1689—январь 1725 г.» М.—Л., 1958, стр. 87.

Дороговизной книг объясняется и большое число рукописей религиозного содержания, дошедших до нас от первой половины XVIII в. С репертуаром печатной религиозной книги дело обстояло вполне благополучно, но религиозная книга стоила непомерно дорого, и купить ее могли немногие.

Успехи русского книгопечатания в первой половине XVIII в., как мы видели, не так уже сильно поколебали позиции рукописных книг. Тем не менее процесс постепенного вытеснения рукописных книг печатными, начавшийся еще в XVII в., стал в первой половине XVIII в. более ощутимым.

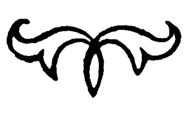
Этот процесс проявился, едва ли не ранее всего, в изменении состава книжного фонда монастырских библиотек, чрезвычайно богатых в старину рукописными книгами. Изучение характера изменения книжного фонда монастырских и церковных библиотек приводит к выводу, что на протяжении второй половины XVII — первой половины XVIII в. доля рукописных книг в этих собраниях непрерывно снижается. Рукописные книги заменяются печатными.

Если в 40-х годах XVII в. в библиотеке Троице-Сергиева монастыря рукописные книги составляли подавляющее большинство общего числа книг, то через 80 лет, в 1723 г., рукописей было лишь 64%, в менее же крупных монастырях рукописный фонд составлял всего 5—20%, а иногда и меньше [12].

Меняется даже отношение к старинным рукописным книгам, которыми когда-то гордились монастыри. Так, например, составитель описи 1723 г. библиотеки Троице-Сергиева монастыря, перечисляя подробно все богослужебные книги, в отношении двухсот с лишним старинных рукописей ограничился указанием их числа: «135 книг письменных разных ветхих», «16 книг письменных разных ветхих» и т. д.[13] В число этих «ветхих» книг попали, по-видимому, многие ценные рукописи, числившиеся по прежним описям, вроде «Осадного деяния Троицкого монастыря» — дар Авраама Палицына и др. Практика переписки книг в монастырях постепенно сходит на нет. Аналогичные изменения происходят в составе светских библиотек и частных книжных собраний.

Дальнейшее развитие книгопечатания и постепенное снижение книжных цен, давшие ощутимые результаты уже за пределами рассматриваемого периода, являются предпосылками быстрого уменьшения роли рукописных книг в культурной жизни страны. Однако пройдут еще десятки лет, прежде чем переписка книг практически почти полностью утратит свое значение как средства размножения произведений духовной культуры русского общества, и лишь при распространении нелегальной литературы ее значение сохранится в течение гораздо более длительного времени.

[12] *С. П. Луппов.* Книга в России в первой четверти XVIII века, стр. 280—281.
[13] ГБЛ, Р. О., ф. 304, I, № 822, л. 41—42 об.

К вопросу о русском книжном репертуаре второй половины XVIII в.

(проблема сосуществования и взаимодействия печатной и рукописной светской книги)

И. Ф. Мартынов

Важнейшей задачей советского книговедения является изучение исторической эволюции национального книжного репертуара. Выступая, по меткому определению А. С. Мыльникова, в качестве своеобразного «аккумулятора интеллектуальной энергии» общества[1], книжный репертуар определенной эпохи обладает свойством отражать основные тенденции ее идейного развития. В то же время невозможно понять процесс формирования национального книжного репертуара, не уяснив себе его взаимосвязи с репертуаром чтения, явлением гораздо более многогранным и емким. «Книги делаются из книг», — в этом столь характерном для Вольтера полемически парадоксальном афоризме несомненно есть рациональное зерно. Прослеживая, как опыт человечества, важнейшим материальным носителем которого является книга, превращается в сплаве с индивидуальным опытом в новые книги, мы становимся свидетелями зарождения человеческой мысли и воплощения ее в нетленных символах.

Под влиянием сложного комплекса социальных и экономических факторов репертуар чтения постоянно видоизменяется, меняется соотношение и значение отдельных его частей: книжного наследия прошлого и текущей книжной продукции, национальной и иностранной, рукописной и печатной книги. Социальные противоречия сословного общества значительно осложняют изучение национального книжного репертуара и репертуара чтения, вызывая в определенные эпохи резкое размежевание читательских интересов отдельных слоев и групп одной нации. И все-таки у нас есть все основания рассматривать национальный книжный репертуар и репертуар чтения любого конкретного исторического периода как взаимопроникающие, саморегулируемые системы, подчиняющиеся объективным законам развития общества.

Одним из наиболее сложных и интересных вопросов книговедения является проблема сосуществования и взаимодействия печатной и рукописной книги нового времени, когда последняя, постепенно теряя самостоятельную роль, приобрела характер своеобразного регулятора, выявляющего и автоматически ликвидирующего

[1] *А. С. Мыльников.* О книговедческом методе в источниковедении (к постановке вопроса). — «Книга. Исследования и материалы», сб. 25. М., 1972, стр. 19.

диспропорции между отдельными частями национального книжного репертуара. Более демократическая по способу производства (хотя и «малотиражная»), относительно независимая от конъюнктуры книжного рынка и цензурных ограничений, рукописная книга оперативно восполняла пробелы репертуара печатной книги, оказывая тем самым заметное влияние на его дальнейшую эволюцию.

Вторая половина XVIII в. была концом господства рукописной книги в репертуаре чтения русского читателя [2]. На смену старопечатной книге, обслуживавшей почти исключительно нужды церкви, и утилитарно-прагматическим изданиям петровского времени пришли книги с маркой Академии наук, Московского университета и «вольных» типографий, разнообразные по содержанию, доступные по цене, широко распространявшиеся по городам и весям необъятного Российского государства. Приоритет печатной книги прочно вошел в сознание русской читающей публики. И не случайно в школьном учебнике истории конца XVIII столетия мы находим восторженную апологию книгопечатания: «Списки книг доселе были весьма дороги. По большей части занимались сим медлительным делом только монахи, которыми переписанные книги шли больше в их монастырские библиотеки, и редкие только богатые люди покупали их. Многие древние хорошие книги уже почти не были переписаны ими, да и сами списки их часто были весьма ошибочны. Когда же превосходное искусство книгопечатания открыто было, то самые лучшие книги всякого рода в бесчисленном множестве экземпляров, четко и точно с подлинников отпечатанных, можно стало доставлять всем за малую цену. Таким образом сделалось легко заводить библиотеки, и общеполезные наставления и изобретения теперь без трудности, особливо когда они не касались религии, каждому становились известны» [3].

С середины 60-х годов XVIII в. русский печатный станок начал активное наступление на рукописную светскую книгу, за полстолетия в основном исчерпав ее традиционный репертуар. Трудами ученых-историографов В. Н. Татищева, М. В. Ломоносова, Г.-Ф. Миллера и М. М. Щербатова были подготовлены и выпущены в свет научные издания важнейших летописных источников по истории России: «Несторова летопись» (1767), «Книга степенная» (1775), «Архангелогородский» (1781) и «Новгородский» (1781) летописцы, «Казанская история» (1791), «Русский летописец» (1792) и др. Характерно, что, судя по сохранившейся до наших дней части библиотеки Белокриницкой старообрядческой митрополии, даже самые рьяные почитатели и хранители старинной рукописной книжности охотно пользовались в начале XIX в. научными изданиями летописных текстов.

[2] *Н. Н. Розов.* Русская рукописная книга. Этюды и характеристики. Л., 1971, стр. 103.

[3] *М. М. Шрекк.* Всеобщая история. . ., вновь переведенная. . . проф. Н. Е. Черепановым, ч. 1. Владимир, 1779, стр. 235—236.

Большой успех у русского третьесословного читателя (особенно в среде купечества) имели путевые заметки о «хождениях» паломников к святым местам, соединявшие элементы духовно-нравственного и авантюрно-приключенческого повествования. Русских купцов издавна манили таинственные страны Востока, новые рынки и неведомые товары, сулившие скорое обогащение. Весной 1771 г. олонецкий купец Алексей Кашин приобрел в петербургской книжной лавке за 5 рублей (значительная для того времени сумма) список «Путешествия московского купца Трифона Коробейникова с товарищи в Иерусалим, Египет и к Синайской горе» (ОРРК БАН [4], Тек. пост. № 1320), а через восемь лет предприимчивый литератор В. Г. Рубан выпустил в свет на средства книготорговца М. К. Овчинникова дешевое издание «Путешествия». Несколько переизданий «хождения» Трифона Коробейникова привели почти к полному исчезновению с книжного рынка его рукописных списков. Интерес к ним снова возродился в начале следующего века, когда скромная тетрадка со списком «Путешествия» середины VXIII столетия, принадлежавшая книготорговцу Н. Н. Кольчугину, была куплена у него графом Ф. А. Толстым (ОРРК БАН, 16.9.17). Однако для сановного библиофила этот список уже не был источником занимательной и полезной информации, а всего лишь библиографической редкостью, книжным курьезом.

Более ста лет со страниц русских журналов не сходили грозные филиппики против авантюрно-эротических рыцарских романов. И все-таки удивительные подвиги «аглинского милорда Гереона» («перекрещенного» впоследствии Матвеем Комаровым в Георга), «славных рыцарей» Еруслана и Бовы, Полициона и Петра Златых Ключей надолго пленили сердца читателей-разночинцев. «Оная история весьма полезна молодым ребятам и немало может их увеселять», — записал калязинский купец Петр Михайлович Овчинников на форзаце списка повести о Гереоне, купленной им в августе 1779 г. «в царствующем граде Санктпетербурге на Морском рынке в лавочке книжной» (ОРРК БАН, 38.4.2). Чиновники и семинаристы, мастеровые и крестьяне, как свидетельствуют дошедшие до нас мемуары той эпохи, зачитывали до дыр рыцарские романы, «жадно перехватывая их друг у друга» [5]. Самые благие пожелания критиков не могли поднять культурный уровень русской читающей публики. Трезво понимая, как трудно приохотить малограмотного человека к чтению сочинений классиков и научных трактатов, русские книгоиздатели XVIII столетия Н. И. Новиков, П. И. Богданович, М. П. Пономарев, А. Г. Решетников и И. Я. Сытин не считали для себя позорным издавать авантюрные романы, сборники сказок и анекдотов, пись-

[4] Здесь и далее: Отдел рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР.

[5] «Русский быт по воспоминаниям современников. XVIII век. Время Екатерины II», ч. 2, вып. 3. М., 1923, стр. 65.

мовники и песенники. Пять изданий (небывалый для России тех лет случай!) выдержала в XVIII в. литературно обработанная Матвеем Комаровым «Повесть о приключении англинского милорда Георга и о бранденбургской маркграфине Фридерике Луизе» (1782, 1785, 1789, 1791 и 1799), по два издания — повести о Петре Златых Ключей (1780 и 1796), Полиционе (1787 и 1796) и Бове-королевиче (1790 и 1791). Издание переложенного в стихи «Шемякиного суда» (1780 и 1794) и «Тяжбы и суда ерша с лещом» (1789) положило начало публикации памятников русской демократической сатиры. Все эти книги, напечатанные значительными для того времени тиражами, стали в наши дни библиографическими уникамии и нередко отсутствуют в фондах крупнейших библиотек, что несомненно является достоверным свидетельством их популярности. Первые опыты издания массовой литературы не уничтожили, но в значительной мере подорвали традицию рукописного распространения старинных русских повестей.

Внешне незаметно, исподволь в конце XVIII в. произошел серьезный переворот в судьбах русского книгопечатания. Длительный процесс эволюции русской печатной книги завершился превращением ее из орудия учености в продукт массового потребления. В 1775 г. Н. И. Новиков писал: «У нас только те книги третьими, четвертыми и пятыми изданиями печатаются, которые простосердечным людям (мещанам), по незнанию ими чужестранных языков, нравятся. . . Напротив того, книги, на вкус наших мещан не попавшие, весьма спокойно лежат в хранилищах, почти вечною для них темницею назначенных» [6]. Возросший интерес читателей-разночинцев к печатной книге, а через нее — опосредствованно — и к новейшим достижениям отечественной науки и словесности был определенным стимулом для дальнейшего развития книгопечатания. Медленно, но верно русская книга пробивала себе дорогу в высшие слои образованного общества. Правда, еще долго в среде «интеллектуальной элиты», воспитанной на чтении оригинальных сочинений французских философов, немецких поэтов и английских политэкономов, сохранялось пренебрежительное отношение к продукции отечественного печатного станка, как к чему-то низкому, второсортному. «Русское общество, — сетовал П. А. Вяземский, имея, конечно, в виду его образованную часть, — не воспитано на чтении отечественных книг: вы не найдете людей, которые чувствовали бы по Державину, мыслили бы по Княжнину, коих мнения развились бы и созрели под влиянием тех или других русских авторов» [7]. Поэт и критик пушкинской поры чутко уловил несоответствие между высокими духовными запросами образованного русского общества конца XVIII столетия и тем скудным интеллектуальным рационом, который могла предложить ему юная оте-

[6] *Н. И. Новиков.* Избранные сочинения. Под ред. Г. П. Макогоненко. М.—Л., 1954, стр. 96.
[7] *П. А. Вяземский.* Полн. собр. соч., т. 5. Фонвизин. СПб., 1880, стр. 3.

чественная Муза. И все-таки выводы Вяземского представляются нам чрезмерно пессимистическими. В декабре 1806 г. воспитанник Благородского пансиона при Московском университете, однокашник Жуковского и братьев Тургеневых С. П. Жихарев рассказывал Державину о том, что «с малолетства начитан был его сочинениями, и едва только выучившись лепетать, знал уже наизусть некоторые его оды», служившие мальчику «лучшим руководителем в нравственности, нежели все школьные наставления» [8]. О возраставшем интересе просвещенных россиян к отечественной книге свидетельствует уже самый беглый анализ каталогов их библиотек. Если в 1740 г. среди 400 книг вельможи елизаветинского времени А. Д. Янькова мы находим только восемь русских (Евангелие, Псалтирь и несколько сочинений по военному искусству) [9], то в библиотеке пермского и тобольского генерал-губернатора 80-х годов XVIII в. Е. П. Кашкина около трети книг (81 из 284) на русском языке [10]. Можно привести еще десятки примеров подобного рода.

Расширение социального диапазона читателей русской книги способствовало повышению требований, предъявлявшихся обществом к национальному книжному репертуару, усложняло процессы его формирования. В этих условиях возникла рукописная книга новой генерации, книга-индикатор, чутко реагировавшая на любые диспропорции между «спросом» общества на сочинения определенного характера и тем «предложением», которым отвечали на него писатели, переводчики и книгоиздатели.

До наших дней сохранилось немного черновых авторских рукописей второй половины XVIII в. Каждая из них представляет особый интерес не только для текстолога, историка науки и литературы, но и для книговеда. Так, рукопись «Начальных оснований математики» Н. Е. Муравьева, завершенная им и поднесенная П. И. Шувалову в январе 1750 г. (ОРРК БАН, 17.11.8), увидела свет только спустя два года. За это время Муравьев основательно переработал текст рукописи и, в частности, значительно сократил посвящение своему патрону, исключив наиболее раболепные просьбы о финансировании издания «Начальных оснований». В условиях, когда набор и печатание книг оплачивались заказчиком, а выручка от их продажи была весьма проблематичной, судьба оригинального или переводного сочинения нередко зависела от умения автора найти богатого и влиятельного покровителя. Дважды перерабатывал Т. Н. Черкасов свой трактат «Благородство» о происхождении и природе гражданских добродетелей дворянства (ОРРК БАН, 16.14.27 и 32.17.7). В первый раз в 1786 г. он посвятил его Л. И. Комынину, а через два года — И. И. Шувалову. Однако

[8] «Отечественные записки», 1855, т. 99, апрель, стр. 297.

[9] Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, ф. 466 (В. В. Егерева), № 49. Далее ГБЛ.

[10] Институт русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР, Древлехранилище, собрание П. С. Богословского, № 102. Далее ИРЛИ.

просвещенному меценату едва ли пришлись по вкусу резкие нападки Черкасова на энциклопедистов и Руссо, и его трактат так и не увидел свет.

Анархия, царившая на «российском литературном Парнасе» в XVIII в., особенно болезненно отражалась на переводчиках и нередко приводила к бессмысленной затрате их сил. Так, в конце 1750-х годов студент Петербургского академического университета И. Н. Федоровский перевел прозою и подготовил к печати знаменитый «Опыт о человеке» А. Попа (ОРРК БАН, 17.5.15). Однако блестящий стихотворный перевод «Опыта», выполненный Н. Н. Поповским и напечатанный в типографии Московского университета в 1757 г., сделал ненужным его труд. Та же участь постигла анонимного переводчика, обратившегося в конце 1780-х годов к сатирическому роману Вольтера «Человек в сорок талеров» (ОРРК БАН, Музей Приенисейск. края, № 55). Его опередил П. И. Богданович, издавший в 1780 г. при поддержке директора Академии наук С. Г. Домашнева свой перевод. Стремясь предотвратить бессмысленную конкуренцию, русские переводчики начали помещать в газетах объявления, в которых предупреждали коллег о своей работе над тем или иным сочинением [11]. Правда, не всегда эти предупреждения были эффективными, особенно когда дело касалось *наиболее актуальных и злободневных* сочинений.

Одним из наиболее характерных признаков успеха книги у читателей уже в те годы служило распространение в списках подготовленной к печати рукописи до выхода ее в свет. Понятия об авторском праве были еще весьма туманными [12], издатели слишком нерасторопными, и перевод Фенелонова «Телемака», выполненный А. Ф. Хрущевым в 1734 г., сделался известным русским читателям в списках задолго до того, как был напечатан Академией наук (см., например, два списка 1740-х годов — ОРРК БАН, 31.4.27 и Музей Приенисейск. края, № 114). Случалось и так, что равнодушие читателей и издателей обрекало на годы забвения многие нужные и интересные оригинальные и переводные сочинения. Мода на английский реалистический роман пришла в Россию в конце XVIII в. Видимо только поэтому переведенные в конце 1750-х годов «Памела» Ричардсона (ОРРК БАН, 31.3.27; ИРЛИ, ф. 388, № 242) и «Истинный друг, или житие Давида Симпля» Сары Филдинг

[11] См., напр., объявление одной из первых русских переводчиц М. В. Сушковой о скором завершении работы над переводом романа Ж. Ф. Мармонтеля «Инки» («Санктпетербургские ведомости», 1777, № 64, 11 августа, прибавление). Роман был напечатан в типографии Московского университета в 1778 г.

[12] Одним из первых в России против бесконтрольного списывания назначенной к печати рукописи выступил А. С. Пушкин. 1 апреля 1824 г. он просил брата воспрепятствовать распространению текста «Бахчисарайского фонтана» до выхода его в свет, опасаясь, что «книгопродавцы, в первый раз поступившие по-европейски (т. е. заплатившие за рукопись. — *И. М.*), обдернутся и останутся в накладе, да и впредь не возможно будет продавать себя с барышом» (см.: «Исторический вестник», т. 36, 1889, июнь, стр. 637).

(ОРРК БАН, 16.9.1) так и остались в рукописях и были напечатаны через тридцать лет в других переводах. Анонимный перевод на русский язык мистического сочинения Германа Гуго «Желания благоговейные» впервые был выполнен рифмованными двустишиями еще в 1728 г. (ОРРК БАН, Тек. пост. № 624), но только много лет спустя, в разгар теософических исканий московских масонов, предприимчивый книгоиздатель Ф. Гиппиус счел для себя выгодным напечатать это сочинение.

В то же время не следует забывать, что авторы и переводчики далеко не всегда руководствовались в своей работе чисто утилитарным стремлением издать рукопись. «Сия книга мною переведена не с тем, чтобы быть пущена в свет, — предупреждал будущих читателей переводчик итальянского издания «Ночных размышлений» Э. Юнга. — Любление мое к итальянскому языку была первая причина начала сего труда, а прекрасные и выспренные мысли, подающие утешение мне в смутной и не довольно спокойной жизни, были причина к продолжению сего перевода» (ОРРК БАН, 17.10.15, л. 109. Рукопись конца XVIII в.). В узком кругу друзей и почитателей распространялись списки сочинений поэтов-самоучек (ОРРК БАН, 1.5.14), литературные опыты семинаристов (ОРРК БАН, Вятск. собр. № 150 и 1.5.82), торжественные оды и панегирики местным вельможам провинциальных поэтов (ОРРК БАН, Арх. ком. № 184). Среди бесцветных, подражательных строф терпеливый исследователь несомненно найдет отдельные стихотворения, отмеченные искрой таланта. Однако в затхлой атмосфере русской провинции быстро угасал поэтический пламень непризнанных «горациев» и «эзопов». Только к концу XVIII в., благодаря стараниям отдельных меценатов, а особенно после заведения типографий в различных городах России, лучшие творения провинциальной лиры стали известными читающей публике [13].

Определенное место в репертуаре чтения русского общества второй половины XVIII в. занимала литература, для которой путь к печатному станку был закрыт по тем или иным этическим, религиозным или политическим соображениям. Прежде всего следует указать на специфические именно для рукописной традиции фривольные сочинения Баркова и его подражателей, расходившиеся в сотнях списков. Некоторые из них зло высмеивали развращенные нравы екатерининского двора, приобретая тем самым острую антиправительственную направленность [14]. Характерно, что официальная цензура, препятствуя распространению сатирической фривольной поэзии, в которой современники легко находили намеки на конкретных лиц, смотрела сквозь пальцы на издание полупорнографических сочинений Глеба Громова и непристойных, натура-

[13] В 1774—1780 гг. в Петербурге и Москве были выпущены в свет пять частей «Школьных упражнений» Тверской семинарии. Большой успех у читателей имели сатирические стихотворения префекта Вятской семинарии А. И. Попова, выдержавшие два издания (1778 и 1786).

[14] См., напр.: «Литературное наследство», 1933, № 9—10, стр. 11—12.

листических романов типа «Анголы» Ла Морльера. Опасными представлялись не столько «запретные сюжеты», сколько их персонификация в легко запоминающейся форме.

Оживленная литературная и научная полемика, столкновения между различными политическими группировками власть имущих вызывали к жизни многочисленные сатиры и пасквили на то или иное известное лицо. Грубый, а зачастую и нецензурный характер этих сочинений нередко и в наши дни препятствует их публикации. Однако русской читающей публике из рукописных источников было хорошо известно о поэтической «перепалке» М. В. Ломоносова, А. П. Сумарокова, И. П. Елагина и В. К. Тредиаковского (см. сборник сатир — ОРРК БАН, Тек. пост. № 640) [15]. Широкое распространение в списках получили сатиры на директора Петербургской Академии наук С. Г. Домашнева, восстановившего против себя подчиненных (ОРКК БАН 16.9.4, лл. 63 об. — 65), и на клеврета всесильного временщика, придворного одописца П. С. Потемкина (ОРРК БАН, 17.7.35, 29—32). Свидетельством тому, насколько грозным оружием были эти рифмованные строфы, могут служить отставка Домашнева и самоубийство Потемкина после того, как оказались безрезультатными их попытки оправдать свои поступки перед общественным мнением.

Уже само понятие «общественное мнение» было новым явлением для России второй половины XVIII столетия. Никакие доводы в пользу «просвещенного абсолютизма» как необходимого этапа в развитии государства не могут затушевать того факта, что в условиях тоталитарного режима подавляющая часть русского общества, в том числе и «благородного сословия», была лишена возможности обсуждать и контролировать действия гражданской и духовной администрации. Правительство Екатерины II решительно пресекло робкие попытки некоторых депутатов Комиссии о сочинении нового Уложения предъявить свои претензии к верховной власти, а затем распустило Комиссию, вышедшую из-под его контроля. Освободившись от двухсотлетней государственной монополии, русское книгоиздание было немедленно зажато в тиски цензуры. Любое публичное или печатное выступление против существовавших в стране порядков влекло за собой для дерзнувшего нарушить заговор молчания суровые репрессии. Единственной «отдушиной» для независимого от правительственной регламентации общественного мнения была нелегальная рукописная книга. Большая часть подпольной русской поэзии и прозы второй половины XVIII в. анонимна. Ее авторов, среди которых были полуграмотные солдаты и важные сановники, писатели-профессионалы и самоучки-дилетанты, не привлекала участь мучеников. Желание выразить свое общественное или личное возмущение теми или иными действиями властей, ненависть к отдельным временщикам, лихоим-

[15] См. подробнее в кн. *П. Н. Берков.* Ломоносов и литературная полемика его времени. 1750—1765. М.—Л., Изд. АН СССР, 1936.

цам и утеснителям побуждала их браться за перо. Вопль погибающих от голода и стужи крымских солдат донесла потомкам их сатирическая челобитная (ОРРК БАН, 16.9.4, лл. 214 об. — 216 об.), гнев на правительство, оставлявшее безнаказанными преступления взяточников и спекулянтов, запечатлен в многочисленных анонимных баснях и сатирах (там же, лл. 68—69; 238), ненавистью к деспоту полны стихи на смерть князя Г. А. Потемкина [16]. И все-таки рукописная сатира «на лица», не затрагивавшая коренных устоев светской и духовной власти, до поры до времени мало беспокоила правительство. Основное внимание охранителей существующих порядков было направлено на то, чтобы не допустить распространения крамольных идей с помощью печатного станка.

Традиционно консервативная сила русского общества — православная церковь — настороженно встречала все новые веяния в области философии и богословии, проникавшие в Россию через ее западные рубежи. Дерзкой и вольнодумной показалась духовным цензорам знаменитая поэма Д. Мильтона «Потерянный рай», и ее первый перевод на русский язык, выполненный в 1745 г. А. Г. Строгановым, так и остался в рукописи. Однако цензурные рогатки не смогли воспрепятствовать популярности поэмы. Гуманистическая апология разуму и воле человека встретила восторженный прием у русских читателей, и перевод Строганова в многочисленных списках распространился по всей стране (см., например, список поэмы, принадлежавший нескольким поколениям устюжских купцов Новосельцовых, — ОРРК БАН, Устюж. № 57). Требования времени оказались сильнее мертвых догм. В 1780-х годах «Потерянный рай» Мильтона в переводе префекта Московской духовной академии Амвросия (А. Н. Серебренникова) можно было уже свободно купить в любой книжной лавке. Столь же бесплодно закончилась попытка церкви помешать распространению в России гелиоцентрического учения Коперника. Напрасно цензор поэмы А. Попа «Опыт о человеке» архиепископ Амвросий (А. С. Зертис-Каменский) заменил в печатном издании (1757) ряд стихов переводчика Н. Н. Поповского, не оставив, по его словам, «ничего о множестве миров, коперниканской системе и к натурализму склонного». Широкое хождение среди образованных читателей получили списки перевода Поповского без цензурных изменений (ОРРК БАН, 16.14.4). Еще чаще в русских библиотеках можно было встретить печатные экземпляры «Опыта» с вклеенными между страницами рукописными вставками запрещенных стихов Поповского (ОРРК БАН, шифр 1757/8) [17].

[16] См. публикации Г. А. Гуковского и В. Н. Орлова «Подпольная поэзия 1770—1800-х годов» и «Солдатские стихи XVIII века» в сб.: «Литературное наследство», 1933, № 9—10, стр. 5—105; 112—152.

[17] Рукописными вставками, содержащими изъятый цензурой текст, дополнялись и другие книги XVIII в., в частности, атеистическая диссертация профессора Московского университета Д. С. Аничкова «Философическое разсуждение о начале и произшествии богопочитания у разных, а особливо

«Изшедшие из тиснения» самые радикальные политические сочинения «не будут более иметь своевольного дерзновения», — утверждали французский философ-руссоист Л. Мерсье и его русские единомышленники [18]. Однако русское правительство не разделяло их мнения. Одной из первых цензурных санкций Екатерины II было запрещение ввоза и распространения в России сочинений Ж.-Ж. Руссо [19]. И все-таки книги «женевского гражданина» можно было найти в библиотеке любого образованного русского читателя 1760—1770-х годов. Больше того, сенатский переводчик С. С. Башилов через год после появления указа дерзнул перевести на русский язык самый крамольный отрывок из романа Руссо «Эмиль» (ОРРК БАН, Тек. пост. № 43), а его друзья, прибегнув к первой в истории русского книгопечатания литературной маскировке, издали «Исповедание веры савойского викария» под другим заглавием, без указания на титульном листе места и года издания, фамилии переводчика и наименования типографии. Так подтверждалась старая, как мир, истина о непобедимости идей, встречающих общественный резонанс. Гром побед русского оружия надежно заглушал в годы царствования Екатерины II стоны калек, вдов и сирот. Поэтому столь равнодушный прием у издателей и читателей встретил перевод пацифистского памфлета Эразма Роттердамского «Bellum», страстно разоблачавшего ужасы и бедствия захватнических войн (ОРРК БАН, Тек. пост. № 458). Для предотвращения его издания даже не потребовалось правительственных санкций. В то же время многочисленные списки антикрепостнического романа А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву» лишний раз подтверждали злободневность общественных проблем, затронутых писателем. Мученический ореол автора сожженной книги только способствовал ее популярности. Характерно, что владелец одного из списков «Путешествия», хранящегося в Библиотеке Академии наук СССР, поместил перед текстом романа указы Екатерины II об аресте Радищева и конфискации его книги (Тек. пост. № 137).

Попытки правительства бороться с нелегальной рукописной книгой были заведомо обречены на провал. Те рукописи, которые удавалось изъять по доносам добровольных и штатных осведомителей [20], были лишь каплей в море. Все призывы властей сдавать

невежественных народов» (Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725—1800, т. 1. М., 1962, стр. 45).

[18] *Л. Мерсье.* Философ, живущий у хлебнаго рынку. СПб., 1792, стр. 36.

[19] *В. А. Западов.* Краткий очерк истории русской цензуры 60—90-х годов XVIII века. — «Русская литература и общественно-политическая борьба XVII—XIX веков». Л., 1971, стр. 96 (Уч. зап. Ленинградского гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена, т. 414).

[20] См., напр., о следствии по делу владельца рукописной тетрадки под названием «Исповедание веры честного человека» московского купца Анисима Смыслова (1798 г.). — «Исторический вестник», т. VIII, 1882, апрель, стр. 235—236.

в полицию запрещенные книги не находили ответа. Самые тишайшие и законопослушные граждане проявляли в этом случае редкостную строптивость [21]. Только в середине XIX в. мысль о том, что лучшим способом пресечь распространение крайне радикальных сочинений является ослабление цензурного гнета, начала находить себе сторонников в высших правительственных сферах России. «Ослабление цензуры, — писал П. А. Вяземский, — обратило к правительству многих, которые, при напряженном молчании литературы, держались в какой-то тайной оппозиции, и ныне в печати те же самые мыслят гораздо умереннее и благонамереннее, нежели готовы были действовать в кругу рукописной литературы, а она, очень любимая в России, имеет несравненно более важности и ценности в глазах читающей публики» [22].

Преодолевая финансовые и цензурные препоны, книги русских писателей и переводчиков XVIII в. все нараставшим потоком устремлялись к читателям. Однако постепенно складывавшийся репертуар русской печатной книги и книжный ассортимент (т. е. часть репертуара, доступная читателю) далеко не всегда удовлетворяли запросы всех категорий и групп читающей публики. Одни из них в поисках ключа к сложным социальным, научным и эстетическим проблемам своей эпохи обращались к новейшим сочинениям отечественных и зарубежных мыслителей, долгое время остававшимся в рукописи из-за цензурных гонений, нерасторопности книгоиздателей или отсутствия широкого спроса. Другие — в первую очередь старообрядцы — культивировали традиционный репертуар рукописной книги. Кроме того, печатная книга была доступна далеко не каждому читателю. Дороговизна [23], малотиражность, отсутствие книжной торговли в провинции нередко вынуждали русских книголюбов XVIII столетия браться за перо. В этом случае нужно было только желание, свободный досуг и пачка бумаги, чтобы составить себе целую библиотеку. Так и поступил, например, тверской археограф-самоучка Д. И. Карманов, разработавший оригинальный метод реферирования многотомных трудов по русской истории [24]. Как правило, же переписывались наиболее популярные у читателей, «остродефицитные» книги.

В середине XVIII в. литературный успех Сумарокова-драматурга достиг своего апогея. Об этом лишний раз свидетельствует

[21] См., напр., рассказ помещицы Е. Д. Яньковой о том, как она, обманув полицию, сохранила в 1796 г. для семейного архива манифест об отречении от престола Петра III (*Д. Благово*. Рассказы бабушки. Из воспоминаний пяти поколений. СПб., 1885, стр. 85).

[22] *П. А. Вяземский*. Полн. собр. соч., т. 7. СПб., 1882, стр. 36.

[23] Цена печатной книги нередко превышала сумму годового оброка крепостного крестьянина (см.: «Литературное наследство», 1933, № 9—10, стр. 5).

[24] *В. Колосов*. Библиотека тверского археолога XVIII века Д. И. Карманова. Тверь, 1897.

список с печатного издания его трагедии «Хорев» (1747), принадлежавший поручику Нарвского гарнизонного полка Сергею Михайловичу Бабину. «Книга сия, — записал Бабин в конце рукописи, — списана в нашей квартире под местечком Штум в деревне Бингове, января 9 дня 1760 году» (ОРРК БАН, Никольск. № 158). Как мы видим, А. Т. Болотов был отнюдь не единственным офицером русской оккупационной армии в Пруссии, посвящавшим «досужные» часы полезному делу самообразования. Время пощадило изящный рукописный томик вольтеровского «Кандида», принадлежавший одному из многочисленных русских почитателей «фернейского патриарха» (ОРРК БАН, Никольск. № 142), и затрепанную тетрадку, куда дворовый человек Иван Федоров сын Мясоедов переписал с книги, взятой на время у своего господина, сентиментальный роман Ле Живр де Ришбурга «Селим и Дамасина» (ОРРК БАН, Музей Приенисейск. края, № 92). Списки с печатных изданий многое могут рассказать и о более тонких нюансах читательской психологии. У современного исследователя может вызвать законное недоумение цель, которую преследовал московский книготорговец И. И. Переплетчиков, переписывая в 1790—1791 гг. первое издание объемистой «Флориновой экономии» (ОРРК БАН, Лукьян. № 128). Однако, если учесть характерное для выходца из старообрядческой среды недоверие к «новомодным» сочинениям, становится понятным, чем привлекло Переплетчикова добротное, апробированное временем пособие по коммерции пятидесятилетней давности.

И все-таки в конце XVIII в. среди русских читателей осталось не так уж много любителей переписывать объемистые сочинения «от корки до корки». Зато большое распространение, особенно в разночинной среде, получили сборники выписок из различных печатных и рукописных источников. Состав рукописных сборников второй половины XVIII столетия был удивительно разнообразным. Стихи из популярных литературных журналов и альманахов и нелегальная рукописная сатира, исторические документы и анекдоты о великих людях, медицинские и кулинарные рецепты перемешивались на их страницах в самых причудливых комбинациях. Изучение этих материалов позволяет нам с достаточной степенью достоверности судить об эволюции вкусов читателей определенных социальных категорий, о популярности тех или иных жанров, авторов, книг и периодических изданий. Составитель сборника 1760-х годов включил в него стихотворения М. В. Ломоносова и А. П. Сумарокова, выписанные из первого русского литературного журнала «Праздное время» (1760), сатирическую «перепалку» властителей петербургского литературного Парнаса и реляции с театра военных действий русско-прусской войны (ОРРК БАН, Тек. пост. № 640). Вытегорский мещанин Василий Дмитриевич Федотов в 1787 г. счел «примечания достойными» сатирические объявления новиковского «Трутня», челобитную крымских солдат и хроникальные газетные сообщения об открытии

наместничеств (ИРЛИ, Тк. пост., оп. 24, № 73)[25]. В заветной тетради провинциального семинариста конца 1790-х годов среди многочисленных выписок из книг медицинского содержания встречаются стихотворения Г. Р. Державина и Н. М. Карамзина, И. И. Мартынова и Д. П. Горчакова (ОРРК БАН, 31.3.8).

Появление в середине XVIII в. первых тематических рукописных сборников — альбомов стихотворений любимых поэтов и песенников (см., например, сборник од, надписей и похвальных слов М. В. Ломоносова 1760-х годов — ОРРК БАН, 16.6.3) — предопределяло их громадный успех.

Целенаправленный отбор лучших, с точки зрения читателя, печатных и рукописных материалов невозможен без активного, критического отношения к прочитанному. В то же время такое чтение всегда представляло собой необходимое условие и первую ступень к самостоятельному творчеству. Русские писатели и переводчики XVIII столетия жадно впитывали, аккумулировали и трансформировали в соответствии со своими убеждениями все ценнейшее, что мог им дать современный национальный книжный репертуар. Из идей рождались идеи, из книг — книги. И одним из наиболее мощных катализаторов этого беспрерывного процесса повышения интеллектуального потенциала русского общества была рукописная книга.

Предыстория рукописной и печатной русской математической книги (древнерусский учебно-математический «фольклор» и «пособия» табличного типа)

Р. А. Симонов

Русская математическая книга в виде блока, состоящего из скрепленных бумажных листов, покрытых переплетом, окончательно сложилась в XVII в. Это так называемые «русские математические рукописи», фигурирующие в библиотечных каталогах под различными названиями.

Наиболее всего эти книги известны по заголовку «Счетная мудрость», или, точнее, «Сия книга, глаголемая по-гречески

[25] См. также сб. нач. 1780-х годов с выписками из «Живописца» и «Опыта исторического словаря о российских писателях» Н. И. Новикова, Фонвизинским «Посланием слугам моим Шумилову, Ваньке и Петрушке», стихотворениями М. В. Ломоносова, А. П. Сумарокова, И. Ф. Богдановича, Г. Р. Державина и др. в Отделе рукописей ГБЛ, ар. 299 (Н. С. Тихонравова), № 323.

арифметика, а по-немецки алгоризма, а по-русски цифирная счетная мудрость». Кроме арифметических, к математическим рукописям XVII в. относятся геометрические книги, которых по количеству меньше (например, «Начала философии, риторики и иных мудростей, относящихся к геометрии»). Русские математические рукописи в основном исследуются историками математики [1]. В книговедческом отношении эта литература изучена недостаточно.

Важно учитывать средневековые средства и особенности обучения математике, в связи с которыми могла складываться русская рукописная, а затем — с конца XVII в. — печатная учебная математическая книга.

Открытие берестяных грамот выявило, что особым объектом обучения в Древней Руси были числовые знаки, при этом применялись особые учебные пособия табличного типа. Известно, что в средневековой византийской математике и в других странах использовались таблицы при выполнении арифметических операций. Так, набор учебных таблиц был составлен армянским математиком Ананием Ширакаци в VII в. н. э.

В подлинниках XVI в. сохранилась древнерусская таблица умножения от единицы до ста — «Счет греческих купцов» — размером в одну страницу [2].

С текстом рукописей, в которых встречаются такие таблицы, они не связаны, являясь неким инородным документом, по-видимому, включенным в рукопись позднее. Об этом как будто некоторым образом свидетельствует и расположение таблицы в указанной рукописи Псалтири — в самом ее конце. Возможно, такие таблицы первоначально существовали в качестве самостоятельных документов; в книгу они вкладывались для сохранности, а затем копировались на чистый крайний лист.

В Москве в 1682 г. были изданы сшитые в блок таблицы умножения чисел от 1×1 до 100×100 с предисловием, где разъяснялось, как ими пользоваться [3]. В отличие от «русских математических рукописей», здесь употреблялась исключительно архаичная («буквенная») нумерация. Об успехе и спросе книги говорит ее переиздание в 1714 г., но уже с использованием современной нумерации (индоарабской) [4]. Последнее обстоятельство связано

[1] *В. В. Бобынин.* Очерки истории развития физико-математических знаний в России, вып. 1—2. М., 1886—1893; *Ю. А. Белый, К. Н. Швецов.* Об одной русской геометрической рукописи первой четверти XVII в. Сб. «Историко-математические исследования», вып. XII. М., 1959, стр. 185—224; *А. П. Юшкевич.* История математики в России до 1917 года. М., «Наука», 1968, стр. 23—51.

[2] Псалтирь, рукопись XVI в. ГБЛ, ф. 310, № 53, л. 611. О другом экземпляре «Счета греческих купцов» в рукописи конца XVI в. см. *И. В. Ягич.* Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке. — «Исследования по русскому языку», т. 1. СПб., 1885—1895, стр. 991.

[3] Считание удобное. . . М., в лето 7190.

[4] Книга считания удобного. . . СПб., 1714.

с официальным реформированием Петром I в начале XVIII в. русской письменности с заменой прежней («буквенной») нумерации современной.

Можно ли на существовавшие до XVII в. математические тексты в виде таблиц распространять термин «русская математическая книга», и если да, то в каком смысле? Для этого, в свою очередь, необходимо учесть историческую изменяемость понятия «математический текст».

Под «математическим» будем условно понимать текст, который предназначен для обучения уже известным математическим знаниям (текст учебного назначения) или для сообщения новых неизвестных ранее сведений (текст научного характера). Математическим в таком смысле не будет текст, в котором математические знания привлекаются в качестве вспомогательного средства. Однако здесь нужна оговорка, поскольку не всегда можно провести четкую грань между математическим текстом в указанном толковании и «нематематическим» со значительным использованием математических методов. Использование математики первоначально во вспомогательных целях может привести к возникновению теоретической отрасли математического знания. Например, так возникла «математическая теория эксперимента» [5].

Четкой грани между математической и «прикладной» (использующей математику) литературой нельзя провести, вообще говоря, уже для русских средневековых текстов математического характера. Наиболее древними из сохранившихся в подлинниках математическими текстами учебного характера являются так называемые «цифровые алфавиты», более или менее полные фрагменты которых сохранились в виде трех берестяных грамот рубежа XIII—XIV вв. и XIV в.[6] Более поздние аналогичные тексты известны в рукописях, одна в пергаменной XV в., остальные в бумажных — конца XV—XVIII в.[7]

«Цифровые алфавиты» подобны буквенным алфавитам. На первый взгляд их трудно отличить друг от друга. Дело в том, что

[5] *В. В. Налимов.* Математика как язык науки. — Научный симпозиум «Семиотические проблемы языков науки, терминологии и информатики», ч. 1. М., изд. МГУ, 1971, стр. 224—225.

[6] *А. В. Арциховский, В. И. Борковский.* Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1956—1957 гг.). М., изд. АН СССР, 1963, стр. 114—115, гр. № 287; *А. В. Арциховский.* Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1958—1961 гг.). М., изд. АН СССР, 1963, стр. 29—30, гр. № 342, стр. 75—76, гр. № 376; *Р. А. Симонов.* «Цифровые алфавиты» Древней Руси. — «Русская речь», 1973, № 1, стр. 134—140.

[7] *Р. А. Симонов.* Древнерусский цифровой перечень в пергаменной рукописи XV века. — Сб. «Проблемы истории математики и механики». М., изд. МГУ, 1972, стр. 46—47; *его же.* Текст XV в. с наименованиями числовых разрядов. — Сб. «Восточнославянские языки. Источники для их изучения». М., «Наука», 1973, стр. 273—278; *А. Х. Востоков.* Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума. СПб., 1842, стр. 11, 353, 463, 729; *И. В. Ягич.* Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке, стр. 671—673 и др.

древнерусские цифры, не похожие на современные 0, 1, 2, 3 и т. д., совпадали по начертаниям со многими буквами средневекового славянского кириллического письма.

К концу XIII в. в древнерусской цифровой системе фактически сохранялся только один небуквенный знак, обозначавший 90, являвшийся вариантом греческой «коппы». Этот «рудимент» свидетельствовал о византийском происхождении древнерусской архаичной нумерации, которая в процессе употребления славянами постепенно «славянизировалась». Так, в древнерусской цифровой практике к концу XIII—началу XIV в. вместо греческого знака «омега» (-800) стала употребляться кириллическая диграфа «от» (-800), а на месте греческой «сампи» (-900) использовалась кириллическая буква «юс малый» (-900). Вариант греческой «коппы» (-90) был вытеснен буквой «червь» (-90) позже, в XVI в.[8]

Аналогично, т. е. на основе употребления византийской цифровой системы, складывалась южнославянская нумерация в кириллице. И здесь отдельные греческие цифровые знаки вытеснялись кириллическими, но по иному принципу, чем в древнерусской практике. На Руси греческие цифры заменялись кириллическими буквами, так сказать, по «закону» сходства начертаний. В формировании южнославянской цифровой системы кириллицы важная роль принадлежала нумерации, которая употреблялась в другом славянском письме — глаголице [9]. На древнерусскую нумерацию определенное влияние оказывала южнославянская цифровая система кириллицы, а в целом на обе — византийская, из которой они развивались и на которую «равнялись», правда, в отдельные периоды по-разному. Посредством «цифровых алфавитов» наши предки обучались тому, в каком числовом значении употреблять те или иные знаки. Обучение проводилось сходно с тем, как изучали алфавит. Интересно, что древнейшие русские примеры буквенных азбук приводятся не в книгах; например, образец азбуки XI в. процарапан на стене Софии Киевской [10]. В 1954 г. археологи в Новгороде нашли деревянную дощечку, предназначенную для писания по воску (XIII—XIV вв.), на ее обороте была вырезана древнерусская азбука. Теперь известен ряд фрагментов азбук на берестяных грамотах [11].

[8] *Р. А. Симонов.* О происхождении и историческом развитии цифровой системы, употреблявшейся в древнерусской кириллице. — Сб. «История и методология естественных наук», вып. XI. М., изд. МГУ, 1971, стр. 138—151.

[9] *Р. А. Симонов.* Византийская нумерация в эпиграфике Первого Болгарского царства и начало славянской письменности. — «Советская археология», 1973, № 1, стр. 71—82; *его же.* Об особенностях цифровой системы, употреблявшейся в кириллических рукописях X—XV вв. — «Методическое пособие по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР», вып. 1. М., 1973, стр. 205—213.

[10] *С. А. Высоцкий.* Древнерусская азбука из Софии Киевской. — «Советская археология», 1970, № 4, стр. 128—139.

[11] *А. В. Арциховский, В. И. Борковский.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953—1954 гг.). М., изд. АН СССР, 1958, стр. 79—81;

Азбука, вырезанная на дощечке, открыла новую страницу в обучении грамоте в Древней Руси. А. В. Арциховский писал: «До этой находки наша древнейшая школа ускользала от изучения. Никаких археологических материалов и никаких надежных письменных известий по древнерусскому школьному делу нигде не было». По его мнению, «это своего рода учебное пособие. Ученик мог держать дощечку в руках и списывать буквы (нижняя часть поэтому свободна от надписей). Форма и отделка предмета заставляют предположить, что такие азбуки изготовлялись на продажу» [12].

Нумерацию изучали независимо от алфавита — параллельно или последовательно (сперва, видимо, буквы, затем цифры). Архаичных цифровых знаков, которые употреблялись в кириллице, было 27 (кроме дополнительных символов для выражения больших числовых разрядов — единиц тысяч, десятков тысяч, сотен тысяч и пр.), т. е. меньше, чем букв. Кроме того, их порядок не совпадал с последовательностью букв кириллического алфавита. Учебных берестяных грамот цифрового характера сохранилось меньше, чем фрагментов буквенных алфавитов.

«Цифровые алфавиты» на бересте свидетельствуют об определенном единстве древнерусской «методики» обучения письму и счету. Так же, как при обучении письму, основным «учебным пособием» в изучении нумерации, по-видимому, служил некий «эталон» состава цифровых знаков и их начертаний. Такого рода цифровым «эталоном» является берестяная грамота № 342 (XIV в.), содержащая цифры от единицы (передано графемой «аз») до 40 тысяч (обозначено графемой «добро», обведенной окружностью). Береста частично оборвана вместе с рядом находившихся на ней цифровых знаков. Упражняясь в записи букв алфавита на отслуживших службу кусках бересты от старых туесов и пр., ребята попутно любили делать рисунки. При изучении нумерации они поступали аналогичным образом. Об этом свидетельствуют грамоты № 287 и № 376 рубежа XIII—XIV вв. или несколько более позднего времени, содержащие начала цифрового ряда. Причем грамота № 376 типично детского типа — с рисунками, материалом для нее послужило донце туеса.

Для понимания учебного процесса в Древней Руси необходимо вновь вернуться к дощечке с вырезанной азбукой. Археологами в Новгороде были обнаружены и другие подобные дощечки (но без азбуки); древнейшая из них датируется концом XI столетия [13].

В. Л. Янин. Я послал тебе бересту. . . М., изд. МГУ, 1965, стр. 49—60; *Б. А. Рыбаков.* Просвещение. — «Очерки русской культуры XIII—XV веков», ч. 2. Духовная культура. М., изд. МГУ, 1970, стр. 162—166.

[12] *А. В. Арциховский, В. И. Борковский.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953—1954 гг.), стр. 81.

[13] *Б. А. Колчин.* Новгородские древности. Резное дерево. — «Свод археологических источников», вып. Е 1—55. М., «Наука», 1971, стр. 18—19.

Предназначение дощечек установлено. Это — церы, особые приспособления для писания по воску.

В византийском средневековом обществе церами, или вощечками, пользовались при первоначальном обучении письму. На них также писали деловые документы (долговые расписки, завещания), изредка находят вощечки с литературными фрагментами [14]. Находимые археологами древнерусские церы оказываются, к сожалению, «пустыми». Для вывода о значении «восковой письменности» в культуре Древней Руси очень важно замечание В. Л. Янина о том, что «если, обучаясь письму, маленькие новгородцы прибегали в основном не к бересте, а к воску, то и редкость школьных упражнений не должна нас удивлять» [15]. С учетом редкости цифровых учебных грамот на бересте можно предположить, что и счету обучали в Древней Руси, прибегая, в основном, к вощечкам.

Не свидетельствует ли использование восковых дощечек о необходимости рассматривать еще один «материальный» аспект духовной культуры в рамках существующей до сих пор классификации? Обычно под явлениями средневековой «книжной» духовной культуры понимается всевозможная «книжная продукция» в виде книг типа блоков, тетрадей. Их разновидностью можно считать документы (акты), написанные на пергамене и бумаге, сворачиваемые в трубку и скрепляемые печатью, и пр. К ним примыкают делопроизводственные и канцелярские записи типа столбцов, представлявшие собой иногда большие рулоны подклеиваемых материалов по мере их поступления. В размотанном виде столбец мог достигать многих метров. С открытием берестяных грамот человечество познакомилось еще с одним видом «книжности». Если к этим различным материальным формам «письменного слова» добавить надписи на твердом материале (камне, дереве, металле, кости и пр.), то все их можно характеризовать свойством относительной «долговечности» текста. Записи по воску, наоборот, характеризуются недолговечностью создаваемых текстов, которые перманентно заменялись новыми. Надписи на вощечке производились и «ликвидировались» особым стержнем — стилом (писалом), имевшим с одной стороны заострение (им писали), а с другой — лопаточку, которой разравнивали воск, подготавливая его для новой записи.

Если древнерусская система обучения письму и счету в основном опиралась на «самоисчезающую» «восковую книжность», то спрашивается, что обеспечивало «сохранность» соответствующей учебной информации? Кроме книжной «формы» сохранения информации, известна еще фольклорная. Из уст в уста передавались сказания, былины. Изучение фольклора показывает, что за напластованиями позднейших привнесенных элементов в нем

[14] *А. П. Каждан.* Книга и писатель Византии. М., «Наука», 1973, стр. 7—8.
[15] *В. Л. Янин.* Я послал тебе бересту. . ., стр. 60.

содержатся крупицы ценной информации об историческом прошлом.

Не исключено, что фольклорная форма хранения и передачи информации первоначально была более распространенной, охватывавшей не только литературно-художественную сферу, но и учебную. Впоследствии «учебный фольклор», так сказать, себя изжил, будучи замененным собственно книжными формами, которые хранили в себе обучающую информацию. Литературно-бытовой фольклор продолжал и продолжает существовать как средство общения между людьми. Вероятно, «фольклорно-восковая» форма была присуща обучению письму в меньшей степени, чем изучению счета.

Дело в том, что уже в X в. у славян существовали так называемые «азбучные молитвы», в которых каждая следующая фраза начиналась с новой буквы в порядке алфавита. Знание наизусть такого акростиха обеспечивало запоминание звукового значения каждой буквы в правильном алфавитном порядке. В то же время такое пособие обладало внутренним единством, было своеобразным литературным произведением. По-видимому, учебно-литературный жанр «азбучных молитв» был заимствован славянами у византийцев. Так, в «Пандектах Антиоха» конца XI в. сохранился древнерусский перевод акростиха греческой азбуки: А, В, Г и т. д. до «омеги» [16].

Никаких подобных литературно оформленных пособий по «кириллическому» счету неизвестно. Более того, древнейшие сохранившиеся «цифровые алфавиты» не содержат пояснительных слов. Это относится не только к берестяным грамотам, но и к цифровым перечням, встречающимся в древнейших (пергаменных) рукописях. Древнейший южнославянский «цифровой алфавит» внесен на рубеже XIII—XIV вв. на свободное место страницы одной рукописи третьей четверти XIII в., т. е. несколько лет спустя, как книгу написали для использования в церковной службе [17]. «Цифровой алфавит», встречающийся в русской пергаменной рукописи XV в., приводится на обороте первого свободного от текста листа [18]. Видимо, этот цифровой перечень был вписан в рукопись также спустя некоторое время, как книга была готова.

Если основным средством ознакомления и закрепления начальных математических знаний (по нумерации) был воск, то древнейшие «цифровые алфавиты» XIII—XV вв. на бересте и пергамене, вероятно, появились в известной мере случайно. По-видимому, учебный материал о цифровой символике заносился сразу на церу, необходимые пояснения давались устно, а ученик

[16] *Н. М. Каринский.* Византийское стихотворение Алфавитарь в русском списке XI в. — ОРЯС, т. III, кн. 1. Л., 1930, стр. 259—268.
[17] Евангелие апракос и апостол, 3-я четв. XIII в., ГПБ, Гильф. 16, л. 223 об.
[18] Ирмологий, XV в., ГПБ, Соф. 487, л. 1 об.

их усваивал со слов без записи. Иногда, прежде чем разравнивался воск с неизбежным уничтожением «цифрового алфавита», он копировался — на кусок бересты или в книгу, на свободное от текста место. Поэтому такие копии не содержали словесных пояснений.

Таким образом, возможно, в XI—XIV вв. важное место в древнерусском математическом просвещении занимали записи по воску, сопровождавшиеся словесными пояснениями. Это определяло наличие особого учебно-математического «фольклора», вопрос о котором ставится в настоящей статье впервые. Параллельно с фольклорным существовал текстовой «аспект» древнерусской учебной математики. Его характеризуют специальные учебные упражнения типа дополнительных статей-задач Карамзинской группы списков «Русской Правды» и «сгустки» фольклорной учебно-математической информации, которые копировались с вощечек на бересту и на свободные места пергаменных рукописей. Впоследствии на основе этих «сгустков» и других сведений могла складываться русская учебная математическая литература табличного типа со словесными пояснениями и без них, которая с конца XV в. представлена «цифровыми алфавитами» с обозначениями больших числовых разрядов, а в XVI в. — также «Счетом греческих купцов».

В XVII в. получает распространение математическая рукописная книга блочного типа («русские математические рукописи»).

Их широкое распространение, вероятно, связано с тем, что принцип книжного изложения математических знаний был подготовлен традицией древнерусского математического просвещения, характеризующейся использованием самостоятельных элементов книжной культуры — «сгустков» учебно-математической информации в виде таблиц и др. В этой связи, может быть, следовало охватывать понятием «русская математическая книга» не только объекты книжной письменности, оформленные в виде блока, но и письменные документы в виде таблиц и другие на бересте, пергамене, бумаге, если они имели самостоятельное учебно-математическое назначение.

Некоторые актуальные проблемы изучения истории русской (рукописной и печатной) нелегальной революционной книги

И. Е. Баренбаум

Россия явила миру невиданный размах революционного героизма масс — крестьянства, рабочего класса, интеллигенции. История русской нелегальной революционной книги тесно переплетается с историей русского освободительного движения, порождена им и в свою очередь активно воздействовала на революционный процесс.

Истоки русской нелегальной книги, своеобразный предэтап ее истории можно усмотреть, разумеется, с оговорками, в русской рукописной традиции, связанной с инакомыслием, в частности, в апокрифических сочинениях, преследуемых церковью. Известно, что первый известный на Руси список запрещенных «отреченных» книг был помещен в статье «Богослов от словес» в составе «Изборника Святослава» 1073 г. Н. В. Здобнов полагает, что подобные списки могли составляться уже при Ярославе Мудром, возможно, в славянском переводе «Кормчей», и ссылается при этом на позднейшие русские списки «Кормчей», в которых начиная с XIII в. имелись подобные списки [1]. Поскольку, несмотря на запрет, апокрифические сочинения все же появлялись, переписывались и читались, их можно и должно рассматривать для своего времени как нелегальные. Популярность «ложных» книг в народных массах постоянно росла, в связи с чем усиливались одновременно запретительные меры воздействия со стороны православной церкви. Так, например, в «Кирилловой книге», напечатанной в 1644 г., в специальной обширной статье о «ложных» книгах требовалось, чтобы подобные книги сжигались, а те, кто их читает, предавались церковному проклятию: «Кто ложное писание прочитает, да будет проклят». Эти угрозы распространялись и на священников, которые не могли уберечь свою паству от чтения «отреченных» книг или тем более сами в них уверовали. «Аще ли кто ложная писания книжная полагает в церкви и почитает яко святыя на соблазн людям, аще будет причетник, да извержется, а книги да сожгутся» [2], — говорилось в «Кирилловой книге». Если на первых порах «отреченными» были только переводные произведения, то

[1] *Н. В. Здобнов.* История русской библиографии до начала XX века, изд. 3-е. М., 1955, стр. 23.

[2] *Н. С. Тихонравов.* Соч., т. 1. Древняя русская литература. М., 1898, стр. 129.

в дальнейшем они пополнялись и оригинальными сочинениями русского происхождения. Следует отметить народные демократические тенденции многих апокрифических сочинений («Сказанные о Соломоне и Китоврасе», «По мукам хождение Богородицы» и др.), что еще более сближает подобную литературу с запретной, нелегальной более позднего времени [3].

С еще большим основанием к предэтапу нелегальной революционной книги мы можем отнести так называемые «прелестные» или «подметные» письма XVII и XVIII вв., которые отражали чаяния народных масс, поднявшихся на борьбу с княжеско-боярской знатью. Получившая распространение во времена Ивана Болотникова, а позднее во время восстания Степана Разина, эта литература была направлена против угнетателей народных, призывала боярских холопов «побивати своих бояр» [4]. Естественно, летучие листки, отражавшие идеологию закрепощенного крестьянства, могли распространяться лишь тайно, но наводнили собой всю Россию от Белого до Черного моря. Ее жадно читали в народе, в феодальных же верхах она вызывала страх и ненависть. В официальных доктринах того времени она иначе не именуется, как «воровская», «проклятые листы» [5]. Не удивительно, что распространение и чтение «подметных» писем каралось самым жестоким образом.

В XVI—XVIII вв. мировоззрение «крепостных вольнодумцев» было связано с такими проявлениями русской народной мысли, как «плебейско-крестьянские» ереси, пародийные «челобитные» крестьян и солдат (где в форме жалоб фактически выдвигались обвинения), «подметные» и «пасквильные» письма, народные «действа» и сатирические повести, «грамоты» и «указы», составлявшиеся участниками крестьянских войн» [6]. В ряду подобного рода антикрепостнических по своей направленности образцов письменного народного творчества мы находим сочинение и одного из видных публицистов XVI в. постриженника Печерского монастыря Артемия, и челобитную «Просьбу, сочиненную в Крыму от военнослужителей» конца XVIII в., и знаменитый «Плач холопов», принадлежащий неизвестному крепостному автору 60-х годов XVIII в., и многое иное. Особо должна быть отмечена рукописная публицистика крестьянской войны 1773—1775 гг. — «манифесты», «указы», «повеления» и другие документы пугачевцев. «Значительное число сохранившихся архивных экземпляров некоторых из этих документов свидетельствует об их распростра-

[3] По утверждению В. П. Адриановой-Перетц, «Хождение Богородицы по мукам» на русской почве оказалось удобной рамкой, в которую до XVIII в. включительно вмещались отголоски социальных противоречий (История русской литературы, т. 1. Литература XI—начала XIII века. М.—Л., 1941, стр. 81).

[4] Восстание И. Болотникова. Документы и материалы. М., 1959, стр. 197.

[5] Там же.

[6] *Л. А. Коган.* Крепостные вольнодумцы (XIX век). М., 1966, стр. 33.

нении и популярности» [7], — констатирует исследователь русского народного вольнодумства Л. А. Коган.

Таким образом, появление нелегальной книги в России восходит к эпохе рукописной традиции. При этом следует отметить, что и после изобретения книгопечатания нелегальная запретная литература размножается по преимуществу рукописным путем. И это понятно, если учесть централизованный государственный характер русского книгопечатания, в значительной мере церковную монополию в этой области вплоть до начала XVIII в. Должно быть принято во внимание отсутствие длительное время частных типографий в России, а также сложность дорогостоящего печатного оборудования, что не позволяло использовать типографский станок широкими представителями московского общества, тем более из числа демократических низов.

В истории книги наблюдается определенная закономерность, которую мы уже имели возможность сформулировать следующим образом: «нелегальная литература — листовки, прокламации, газеты, книги — возникала преимущественно в годы реакции, контрреволюционных переворотов, в связи с усилением гонения на передовую прогрессивную мысль, а также в периоды назревания революционных кризисов» [8]. Это положение действительно, как свидетельствует история, для всей нелегальной литературы как русской, так и зарубежной. При этом масштабы, сила воздействия нелегальной литературы необычайно возросли с появлением печатного станка. Это впервые подметили К. Маркс и Ф. Энгельс. Называя изобретение книгопечатания необходимой предпосылкой буржуазного развития [9], Маркс не в последнюю очередь усматривал эту предпосылку в возможности буржуазии использовать печатный станок в борьбе с феодальной и клерикальной реакцией, за утверждение своего политического, классового господства. Изобретение книгопечатания лишило духовенство, подчеркивали Маркс и Энгельс, «монополии не только на чтение и письмо, но и на более высокие ступени образования» [10]. На Западе, в силу частнопредпринимательского характера книгопечатания, наблюдается раннее появление печатной оппозиционной, «еретической» антиправительственной литературы. Книжное дело в этих условиях становится не только уважаемым и прибыльным делом, но и объектом нападок, жестоких гонений и преследований. Распространение протестантизма и религиозные войны в Германии, Франции, Чехии и других странах Европы, с одной стороны, вызвали появление предварительной цензуры как средства подавления неугодной властям литературы, с другой — обусловили, как контрмеру, появление «вольной» печати за пределами госу-

[7] Там же, стр. 39.
[8] *И. Е. Баренбаум, Т. Е. Давыдова.* История книги. М., 1971, стр. 18.
[9] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 30, стр. 262.
[10] Там же, т. 7, стр. 351.

дарства. Так, например, уже в XVI в. запрещенные французские сочинения реформаторов, направленные против католической церкви и поддерживающей ее королевской власти, печатались за границей — в Страсбурге, Базеле, Антверпене и доставлялись оттуда тайно во Францию. В течение 1660—1756 гг. 556 представителей книжного дела были заключены в Бастилию за распространение сочинений «противных нравственности, религии, королю и правительству» [11].

В России, как уже отмечалось, нелегальное издательство не получило в первые века книгопечатания какого-либо распространения. Должны быть все же отмечены лубочные антипетровские сатирические листы, в том числе самый знаменитый из них «Как мыши кота хоронили», побудившие Петра I принять первый в России цензурный указ (1721 г.), который запрещал печатать и распространять «листы» и «куншты» без разрешения Синода.

Определенным рубежом в истории русской нелегальной книги с точки зрения условий книгопечатания следует считать последнюю четверть XVIII в., когда после указа 1783 г. приходит конец правительственной монополии в книжном деле, и с появлением первых русских «вольных» типографий книгопечатание в нашей стране вступает в период частного — сначала дворянско-купеческого, а затем и чисто буржуазного — предпринимательства. Именно на этот период приходится кульминация оппозиционного по своему пафосу книгоиздательского дела, созданного Н. И. Новиковым, в это же время трудится русский издатель Вольтера — И. Г. Рахманинов, молодой Крылов «с товарищи». Наконец, к этому же времени относится первый серьезный случай запрещения печатной книги в России. Речь идет о «Путешествии из Петербурга в Москву» Радищева. Хотя само издание не было нелегальным, но запрет, который лежал на нем более столетия, породил богатую нелегальную рукописную традицию. Многочисленные рукописные копии «Путешествия» сделали это произведение известным в самых различных кругах русского общества, в том числе и среди крепостных крестьян [12].

С появлением «Путешествия» мы впервые сталкиваемся в России с феноменом, возможным лишь в условиях своеобразного «сосуществования» двух способов размножения текстов — рукописного и механического: запрещенная печатная книга доходит до читателя в рукописных списках, число которых бывает порой весьма велико. Конечно, и легальная печатная книга, допущенная к обращению цензурой, существует сплошь да рядом в своих рукописных «двойниках». Это в первую очередь касается поэтических

[11] *P. Dupont.* Histoire de l'imprimerie, t. 1. Paris, 1854.

[12] По данным Г. Шторма, в настоящее время известно более семидесяти списков «Путешествия», первые из которых появились вскоре после отъезда Радищева в сибирскую ссылку. См. *Г. Шторм.* Потаенный Радищев. Вторая жизнь «Путешествия из Петербурга в Москву». М., 1968, стр. 15.

творений, копируемых усердно любителями поэтической музы. Встречаются и копии полюбившихся читателям прозаических сочинений. Представляя интерес для истории «литературных репутаций», истории читателя и чтения, эта традиция не может, однако, идти ни в какое сравнение с тем широким общественно-политическим, идеологическим резонансом, какое приобрело переписывание, размножение в рукописных списках произведений печати, подвергшихся официальному запрету. Трудно перечислить все то, что изгнанное царской цензурой, судебными постановлениями и полицейскими распоряжениями из свободного обращения проникало в русское читающее общество в рукописных списках. Помимо «Путешествия», это — многие бунтарские стихи Пушкина и Лермонтова, «Горе от ума» Грибоедова, вольнодумные произведения поэтов-декабристов, бесцензурные сочинения Герцена и Огарева, многочисленные издания Вольной Лондонской типографии; произведения Белинского, Чернышевского и Добролюбова, народнических публицистов 70-х годов, наконец, марксистская литература, сочинения Маркса, Энгельса, Ленина, большевистских литераторов.

История русской нелегальной революционной книги XIX— начала XX в. соответствует трем этапам русского освободительного движения, намеченным В. И. Лениным, — дворянскому, разночинскому и пролетарскому, и, конечно же, не случайно классическая ленинская периодизация была создана им в связи с работой над статьей, посвященной истории русской рабочей печати. Напомним известные слова, которыми начинается ленинская статья: «История рабочей печати в России неразрывно связана с историей демократического и социалистического движения. Поэтому, только зная главные этапы освободительного движения, можно действительно добиться понимания того, почему подготовка и возникновение рабочей печати шли таким, а не другим каким-либо путем» [13].

Статья «Из прошлого рабочей печати в России» содержит ключ к изучению русской нелегальной революционной книги XIX и начала XX в. «Самыми выдающимися деятелями дворянского периода» Ленин называет декабристов и Герцена. Если до Герцена с произведениями декабристов можно было ознакомиться преимущественно по нелегально распространяемым рукописным спискам, то после создания Вольной Лондонской типографии, с выходом «Полярной звезды», сборников «Голоса из России», «Колокола» и других изданий Герцена — сочинения декабристов и литература о них стали достоянием русского читателя в нелегальных изданиях Вольной Русской печати, тайно доставлявшихся в Россию. Это не отменяло рукописной традиции их воспроизведения —

[13] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 25, стр. 93.

переписывались уже напечатанные Герценом издания [14]. Новое состояло в том, что была создана Вольная русская заграничная печать — могучий фактор русского освободительного движения. «. . . Герцен первый поднял великое знамя борьбы путем обращения к массам с *вольным русским словом*» [15], «создал вольную русскую прессу за границей — в этом его великая заслуга» [16], — писал Ленин в статье «Памяти Герцена».

Вольная русская печать — это выдающееся явление в истории русской революционной книги и книгопечатания. Созданная Герценом, она была подхвачена и умножена рядом поколений русской революционной эмиграции. Уже параллельно, рядом с Герценом, работали вольные русские станки в Берне, Женеве, Париже. За границей занимались изданием пропагандистской литературы члены Русской секции I Интернационала, революционные народники. Новый этап в распространении марксистской литературы в России начался с деятельности Плехановской группы «Освобождение труда». В конце 90-х—начале 900-х годов за границей появились первые русские социал-демократические, большевистские издательства, деятельностью которых руководил В. И. Ленин. От Герцена до Ленина — таков путь, пройденный Вольной русской зарубежной печатью.

Значение Герцена для истории русской нелегальной революционной печати в ином. Ленин писал: «Предшественницей рабочей (пролетарски-демократической или социал-демократической) печати была тогда общедемократическая бесцензурная печать с «Колоколом» Герцена во главе ее.

Как декабристы разбудили Герцена, так Герцен и его «Колокол» помогли пробуждению *разночинцев*, образованных представителей либеральной и демократической буржуазии, принадлежавших не к дворянству, а к чиновничеству, мещанству, купечеству, крестьянству» [17]. Герцен содействовал появлению в России первых нелегальных типографий, помогал советами, поощрял их деятельность. Первыми печатными нелегальными литографированными еще изданиями, выпущенными так называемой Московской вольной типографией в конце 50-х годов XIX в., были перепечатки книг и листовок Герценовской типографии. Связь здесь — самая непосредственная. В то же время в Лондоне печа-

[14] В качестве примера можно привести составленный в Иркутске в начале 60-х годов XIX в. рукописный сборник «Либералист, или собрание разных либерально-литературных произведений русских авторов». В него вошли материалы «Колокола», «Полярной звезды», сочинения Герцена и Огарева, прокламации «Великорусс», «Что надо делать войску?», «Письмо Белинского к Гоголю», вольнолюбивые стихи Пушкина, Лермонтова, Рылеева, Добролюбова, Некрасова, Михайлова и др. — См. *Л. А. Коган.* Крепостные вольнодумцы, стр. 253—257.

[15] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 21, стр. 262.

[16] Там же, стр. 258.

[17] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 25, стр. 93—94.

тались прокламации, воззвания, написанные в России руководителями и членами тайного русского общества «Земля и воля», и затем вновь возвращались в Россию и распространялись повсеместно. Вольная зарубежная и «вольная», в смысле бесцензурная, русская нелегальная печать находились в постоянном взаимодействии, питали друг друга, своим параллельным сосуществованием удесятеряли силы революции в борьбе с самодержавием, с буржуазно-помещичьим строем.

На гребне демократического подъема в годы первой русской революционной ситуации (1859—1861) в России возникает подпольная революционная печать, тайное книгопечатание. Число прокламаций, листовок, нелегальных книг и газет, появившихся в эти годы, необычайно велико. Такой размах антиправительственных изданий был возможен еще и потому, что ему предшествовал подготовительный этап рукописного размножения запрещенной литературы. Исследователь отмечает: «Предшественниками подпольной печати в стране были рукописные прокламации и листовки, подготовленные революционными кружками, возникшими после Крымской войны. Определенную роль сыграл опыт распространения рукописных копий с различных бесцензурных произведений» [18].

Нелегальное издательство 60—70-х годов дает нам пеструю картину разнообразных пропагандистских антиправительственных материалов от рукописных литографированных и выполненных примитивной техникой «карманной типографии», отпечатанных с помощью сапожной щетки и «сидячего пресса», до вполне квалифицированных произведений печатного станка, высокая техника набора которых ставила в тупик экспертов III отделения [19]. Надо иметь также в виду, что многие пропагандистские издания, предназначавшиеся для печати, так и не увидели света, остались либо в рукописи, либо в корректурных несовершенных оттисках. В. Ф. Захарина обнаружила в фонде «вещественных доказательств» по процессам «50-ти» и «193-х» немало рукописных статей, брошюр, прокламаций, отобранных при аресте участников революционного движения 70-х годов. Дополняя опубликованную литературу для народа, эти рукописные материалы, по словам исследователя, «пожалуй, больше, чем какие бы то ни было другие, раскрывают идеи, которые несли в народ революционеры 70-х годов» [20]. «Нелегальная литература для народа, — пишет В. Ф. Захарина, — может дать действительное представление об идеологии революционеров-семидесятников лишь в том случае,

[18] *В. А. Дьяков.* Русская подпольная печать 60-х годов. — В кн. «400 лет русского книгопечатания. Русское книгопечатание до 1917 года». М., 1964, стр. 345.

[19] См. *И. Е. Баренбаум.* Нелегальные типографии 70-х и начала 80-х годов. — «400 лет русского книгопечатания. Русское книгопечатание до 1917 года», стр. 358.

[20] *В. Ф. Захарина.* Голос революционной России. М., 1971, стр. 96.

если будет изучена во всей ее совокупности (. . .). Это делает необходимым для исследователя выявить и проанализировать по возможности все, в том числе и неопубликованные, произведения, специально созданные в 70-х годах для революционной пропаганды в народе» [21]. С этой позицией исследователя нельзя не согласиться. Нетрудно понять, какие преимущества представляет подобное совокупное изучение рукописных и опубликованных нелегальных материалов, и, наоборот, — те трудности, которые проистекают из-за отсутствия каких-либо из них. В качестве примера можно сослаться на судьбу прокламации «Барским крестьянам», написанную, по свидетельству Н. В. Шелгунова и А. А. Слепцова, в реализацию так называемого «прокламационного плана» Н. Г. Чернышевским, но атрибуция которой все еще оспаривается [22] и только потому, что не сохранилось рукописного оригинала (известна лишь копия, сделанная неизвестной рукой), который мог бы пролить свет на авторство знаменитой прокламации [23]. Для нелегальной литературы, как правило, сплошь анонимной, наличие рукописных автографов является подчас единственным источником для атрибуции того или иного конкретного документа. В то же время существенно и обратное — наличие печатного издания для установления авторства анонимного автографа, ибо последний мог быть переписан рукой (как в случае с прокламацией «Барским крестьянам»), рука может быть все же не установлена, если почерк документа нельзя сличить с иными известными автографами того же автора. Прокламации и иные издания 60-х годов в силу анонимности и законспирированности до сих пор таят немало загадок — не позволяют назвать ни имени их авторов, ни имен печатников, скрывают имена членов тех тайных организаций, которые были непосредственно причастны к их изданию. Это относится, например, к листовке — газете «Великорусс», о которой достоверно известно лишь то, что к ее выпуску и распространению имел прямое отношение офицер генерального штаба В. А. Обручев, утаивший, однако, имена всех прочих участников этого издания, в том числе и ее авторов.

Исследования, проделанные в этой связи дореволюционными и советскими историками (в первую очередь, должны быть названы

[21] *В. Ф. Захарина.* Голос революционной России, стр. 8.

[22] *Н. А. Алексеева.* Был ли Чернышевский автором прокламации «Барским крестьянам» (материалы к постановке вопроса). — Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы, вып. 5. Саратов, 1968, стр. 187—204; а также статьи В. И. Азанова, А. М. Гаркави, Х. С. Гуревич, А. А. Демченко в кн.: «Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы», вып. 6. Саратов, 1971.

[23] *С. А. Рейсер.* Прокламация Н. Г. Чернышевского «Барским крестьянам». (Историография. Текстология). — «Книга. Исследования и материалы», сб. 14. М., 1967, стр. 206—235. В 6 выпуске сб. «Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы». (Саратов, 1971, стр. 222) С. А. Рейсер привел образец шрифта, которым производили набор прокламации «Барским крестьянам».

работы Н. Н. Новиковой), дали немало для изучения самой листовки «Великорусс» и комитета, от имени которого она была издана, и все же многое остается проблематичным и все еще не документировано. Дискутируется по-прежнему вопрос об авторстве и печатниках многих иных нелегальных изданий периода первой революционной ситуации, связанных с деятельностью «Земли и воли» и ряда других тайных организаций и кружков этого времени.

В. И. Ленин придавал большое значение нелегальной антиправительственной печати разночинного периода. Он писал: «Эпоха 60-х и 70-х годов знает целый ряд начавших уже идти в «массы» бесцензурных произведений печати боевого демократического и утопически-социалистического содержания» [24].

С возникновением группы «Освобождение труда» «началось непрерывное рабочее движение в связи с социал-демократией» (Ленин), а затем, с 1895—1896 гг., — массовое рабочее движение с участием социал-демократии, новый — пролетарский период освободительного движения в России. К этому времени относится зарождение русской марксистской социал-демократической рабочей печати, которая составляет отныне основную массу нелегальных революционных изданий. Ленин отмечает «громадный расцвет [25] заграничной русской социал-демократической литературы уже с 1896 г.» Он обращает также внимание и на следующую особенность — чисто полиграфическую — изданий, выходящих в эту пору подпольно в России, а именно на то обстоятельство, что их основную массу (Ленин называет их «главными произведениями рабочей печати») составляли не печатные, а гектографированные издания. Существенное замечание. Если для предшествующего — разночинного — периода были типичны литографированные материалы, то социал-демократическая нелегальная литература представлена в значительной мере гектографированными, мимеографированными, выполненными с помощью трафаретов, на автокописе образцами. Подобную множительную технику следует рассматривать как переходную от рукописной к полиграфической. Несовершенная техника определяла плохое качество воспроизведения, а главное — препятствовала массовому размножению пропагандистской и агитационной литературы. Отметим, что многие социал-демократические листовки, брошюры и иные виды литературы размножались от руки и не знали иных способов воспроизведения. Так, например, первая агитационная листовка в истории русской марксистской печати — обращение к бастовавшим рабочим Семянниковского завода, написанная В. И. Лениным и И. В. Бабушкиным, была переписана членами Петербургского «Союза борьбы» от руки и в таком виде распространена среди ра-

[24] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 25, стр. 94.
[25] Там же, стр. 97.

бочих [26]. Переписывалась от руки под копирку газета, которую выпускала группа Бруснева. По свидетельству последнего, «газета» несмотря на свой примитивный характер, бралась рабочими нарасхват и зачитывалась до окончательного распыления» [27]. И даже после того, как нелегальная социал-демократическая литература стала широко размножаться с помощью печатного станка, ее рукописное воспроизведение не прекратилось. От руки переписывались и уже отпечатанные материалы членами социал-демократических кружков и групп, и в таком виде распространялись на заводах и фабриках, среди рабочих, крестьян и солдат.

Мы можем подвести некоторые итоги. На всех основных этапах русского освободительного движения рукописная нелегальная литература сосуществовала с печатной, а созданию последней, в различных ее вариантах — литографированном, гектографированном, машинописном, типографском — предшествовали рукописные оригиналы. Представляя самостоятельную историко-научную ценность, рукописные листовки, прокламации, брошюры, сборники, газеты и журналы являются в то же время единственным подчас источником для атрибуции и идентификации безвыходных нелегальных изданий. Стоит в этой связи напомнить судьбу второго выпуска книги «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов». Так как большая часть тиража была уничтожена полицией, этот выпуск до сих пор все еще не обнаружен. Поиски ведутся в различных направлениях; особое значение при этом имеет разыскание рукописных копий, ибо известно, что на местах работа Ленина распространялась в рукописном виде. Ленинградскому историку Г. С. Жуйкову удалось обнаружить в историческом архиве Московской области конспект двух страниц второго выпуска книги «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов» [28]. Это может послужить основой для дальнейших разысканий. Так подтверждается наша мысль о важности выявления и учета рукописных нелегальных материалов даже в том случае, если было предпринято их типографское или иное механическое воспроизведение. Только комплексное широкое изучение печатных и рукописных нелегальных источников обеспечивает воссоздание подлинно научной истории русской подпольной революционной книги, ее издания и распространения, глубину и степень ее влияния на общественное мнение.

*

Специальное выявление и изучение нелегальных русских изданий началось еще до революции. Ценными явились публикации

[26] *Ю. З. Полевой.* Из истории рабочей печати. Очерки литературно-издательской деятельности первых марксистских организаций в России. 1883—1900 гг. М., 1962, стр. 111—112.

[27] «Леонид Борисович Красин. Сборник воспоминаний, статей и документов». М.—Л., 1928, стр. 72.

[28] «История СССР», 1959, № 2, стр. 150—153.

и исследования В. Л. Бурцева [29], В. Я. Богучарского [30], М. К. Лемке [31]. Однако работа эта велась спорадически, не носила систематического целенаправленного характера, являлась результатом деятельности энтузиастов-одиночек. И это понятно, учитывая условия времени.

После революции история русской нелегальной печати оказалась в центре внимания советских историков, книговедов, библиографов. За годы Советской власти создано немало специальных трудов-монографий, статей, публикаций, посвященных различным аспектам истории бесцензурной русской печати, книгоиздательского дела и книгораспространения, выявивших много существенных фактов, систематизировавших разбросанный по многим источникам материал; дающих представление о развитии нелегального издательства на различных этапах русского освободительного движения. У нас нет возможности охарактеризовать сколь-либо полно все сделанное в этой области. Ограничимся поэтому указанием лишь на самое существенное. Прежде всего следует назвать факсимильное воспроизведение некоторых основных дореволюционных нелегальных органов печати, в их числе издания Герцена, народовольцев, большевистские искровские издания, а также публикации текстов нелегальных сочинений-листовок и брошюр в виде специальных сборников [32]. Являясь

[29] За сто лет (1800—1896). Сборник по истории полит. и обществ. движений в России. В 2-х т. London, 1897.

[30] Литература партии народной воли, 3-е прил. в сб. «Государственные преступления в России», изд. под ред. Б. Базилевского (В. Я. Богучарского). Paris, 1905. Материалы для истории революционного движения в России в 60-х гг. 2-е прил. к сб. «Государственные преступления в России». Революционная журналистика 70-х годов. Ростов/Дон, 1907.

[31] Политические процессы в России 1860-х гг. (М.—Пг., 1923) и «Очерки освободительного движения «шестидесятых» годов по неизданным документам» (СПб., 1908).

[32] «Колокол» А. И. Герцена и Н. П. Огарева. Вольная русская типография 1857—1867. Лондон—Женева. Факс. изд. (В 11 вып.). М., 1960—1962; «Полярная звезда». Журнал А. И. Герцена и Н. П. Огарева. В восьми книгах. 1855—1869. Вольная рус. тип. Лондон—Женева. Факс. изд. кн. 1—9. М., 1966—1968; Русско-польские революционные связи, вып. I—II. М., 1963 (Восстание 1863 года. Материалы и документы); Черный передел. Орган социалистов-федералистов. 1880—1882 гг. М.—Пг., 1923; Литература партии «Народная воля». М., 1930; Газета «Работник» (1875—1876). М., 1933; Революционное народничество 70-х годов XIX века. Сб. документов и материалов, т. 1—2. М., 1964—1965; Агитационная литература русских революционных народников. Потаенные произведения 1873—1875 гг. Л., 1970; Рабочее движение в России в XIX веке. Сб. документов и материалов, т. 2, ч. 1—2. М., 1950; Листовки петербургских большевиков. 1902—1917, т. 1—2. М., 1939; Листовки московских большевиков в период первой русской революции. М., 1955; Листовки большевистских организаций в первой русской революции 1905—1907 гг., сб. в 3-х частях. М., 1956. В этом же ряду должны быть названы сборники — «Вольная русская поэзия второй половины XVIII—первой половины XIX века». Л., 1970; «Вольная русская поэзия второй половины XIX века». Л., 1959; «Революционная поэзия (1890—1917)». Л., 1954; «Русская революционная поэзия. 1895—1917. Антология». Л., 1957 и др.

важнейшим источником для изучения нелегальной печати, подобные издания представляют большую научную ценность наличием комментария, вступительных статей, системы указателей, сложного вспомогательного научно-справочного аппарата, являющегося результатом кропотливой исследовательской работы, архивных и иных разысканий, и служащего неоценимым подспорьем для историка. Что же касается собственно исторических исследований по истории нелегальной революционной литературы, то их еще более. Среди изданий последнего времени выделяются работы И. Г. Левитаса, М. А. Москалева, Е. М. Фингерита [33], Ю. З. Полевого [34], З. П. Базилевой [35], Н. Н. Новиковой [36], Ю. Г. Иванова [37], Б. П. Веревкина [38], В. Ф. Захариной [39]. Несколько специальных глав отведено истории нелегальной русской книги в коллективном труде «400 лет русского книгопечатания» (М., 1964). Этому вопросу уделяется также немало места в учебной литературе по истории книги и журналистики. И все же до сих пор не создан обобщающий труд по истории нелегальной революционной печати в России. Значение же и потребность в работе подобного рода не может вызывать сомнений. Воссоздающий целостную последовательную систематизированную картину возникновения и развития бесцензурной русской печати, определяющий ее место в общественной жизни и борьбе русского общества с царским самодержавием, характер ее влияния на самый ход исторического процесса, на движение свободолюбивой мысли — пройденный ею путь, — труд такого охвата и назначения явился бы крупным вкладом в советскую историческую науку, в наше книговедение.

В этой связи стоит обратить внимание на следующее обстоятельство. До сих пор русской дореволюционной и советской историографией преимущественное внимание уделялось изучению *печатных* нелегальных изданий. Значительно слабее исследована русская *рукописная* нелегальная литература. Конечно, рукописные документы так или иначе попадали в поле зрения наших историков, выявлялись в архивах, изучались с различных сторон и прежде всего как источники мировоззренческого порядка. И все же специальных книговедческих исследований не так уж много. Особый интерес представляет в этом плане монография

[33] «Революционные подпольные типографии в России (1860—1917 гг.)». М., 1962.
[34] «Из истории рабочей печати». 1883—1900 гг. М., 1962.
[35] «Колокол» Герцена (1857—1867 гг.). М., 1949.
[36] «Революционеры 1861 года. «Великорусс» и его комитет в революционной борьбе 1861 г.» М., 1968.
[37] «Подпольные типографии ленинской «Искры» в России 1901—1903 гг.» Кишинев, 1962.
[38] «Русская нелегальная революционная печать 70-х и 80-х годов XIX века». М., 1960.
[39] «Голос революционной России. Литература революционного подполья 70-х годов XIX в. Издание для народа». М., 1971.

Л. А. Когана «Крепостные вольнодумцы» (М., 1966), самый сюжет которой потребовал от исследователя непосредственного и преимущественного обращения к рукописному народному творчеству. Хронологические рамки монографии ограничены XIX в. Было бы желательно столь же обстоятельно проанализировать рукописное народное творчество предшествующего этапа. Наконец, необходимо сквозное исследование рукописной бесцензурной литературы за весь дореволюционный период. В будущем обобщающем труде рукописное бесцензурное народное литературное творчество должно будет занять достойное место, ибо только такое целостное, нераздельное, синкретическое изучение нелегальной рукописной и печатной книги может дать желаемые результаты, обеспечить высокий научный уровень исследования, его непреходящее значение.

И последнее (по месту — не по значению) — это состояние библиографического изучения вопроса. Регистрация, учет русских дореволюционных печатных нелегальных изданий в настоящее время осуществлены с достаточной полнотой. Вышедший в 1971 г. «Сводный каталог русской нелегальной и запрещенной печати XIX века (книги и периодические издания)» охватывает более 2000 книг и 112 периодических изданий. Он перекрывает такие известные работы, как указатель «Вольная русская печать в Российской публичной библиотеке» (под ред. В. М. Андерсона. Пб., 1920) и «Русская подпольная и зарубежная печать», изданный в 1935 г. под ред. С. Н. Валка и Г. П. Козьмина. Высоко ценится специалистами библиографическое исследование Л. М. Добровольского «Запрещенная книга в России 1825—1904 гг.» (М., 1962), дающее цензурную историю книг, напечатанных легально, а затем запрещенных к выпуску в свет или конфискованных и уничтоженных на основании постановления административных органов.

В 1970 г. в Парижском издании «Cahiers du Monde russe et soviétique» (т. XI, ч. 4) был помещен указатель «Периодические издания на русском языке, опубликованные в Европе с 1855 по 1917» (составители Т. О. Оссоргина, Е. Ланж и П. Шэ). В нем учтены 285 названий, включающие эмиграционные издания различных направлений, выходивших во Франции, Швейцарии, Англии, Германии и Бельгии. Это добротный по своему фактическому материалу справочник, дающий дополнительные сведения по сравнению с «Сводным каталогом». Историк нелегальной русской книги не может сегодня пройти мимо замечательного по полноте и тщательности описания «Словарного указателя по книговедению» А. В. Мезьер, к третьей части которого, в качестве приложения, даны разделы «Прокламации» и «Подпольные типографии в России» [40]. Перечень изданий сочетается в указателе Мезьер со сведе-

[40] *А. В. Мезьер.* Словарный указатель по книговедению. Часть третья. Р.—Я. М.—Л., 1934, стр. 505—806.

ниями о литературе вопроса и фактографической информацией (даты выхода, имена авторов и печатников, обстоятельства публикации и т. п.).

Как видим, в распоряжении исследователя печатной нелегальной русской книги имеется вполне удовлетворительный библиографический инструментарий. И опять-таки возникает вопрос о необходимости столь же тщательного библиографического учета рукописной бесцензурной продукции. Выполнить подобную работу намного сложнее, нежели обеспечить учет печатных изданий. Для этого следует не только скрупулезно изучить литературу, содержащую интересующие нас сведения, но также обследовать архивы, библиотеки, музеи, государственные и частные книгохранилища (здесь особую помощь могут оказать библиофилы, энтузиасты коллекционеры, обладающие подчас уникальными экземплярами). Работа эта должна быть, конечно же, коллективной, учитывать накопленный нашими рукописными отделами опыт по выявлению, систематизации и описанию рукописных материалов. Здесь в первую очередь должны быть названы Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина, Государственная Публичная библиотека в Ленинграде, Библиотека АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский дом), библиотека Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Эти и другие столь же авторитетные учреждения могли бы возглавить работу по созданию сводного каталога русской рукописной нелегальной и запрещенной книги в России.

Так, примерно, вырисовываются сегодня некоторые насущные задачи изучения истории русской нелегальной революционной книги. Задачи эти, как мы видим, достаточно обширны, носят комплексный характер и осуществление их нуждается в «стыковке» усилий специалистов различного профиля: историков, архивистов, библиографов и библиотековедов, палеографов. Задачи эти в самом непосредственном смысле книговедческие, требующие очень тонкого и точного употребления специфических книговедческих методов, высокая результативность которых засвидетельствована и составителями «Сводного каталога» [41].

[41] «Сводный каталог русской нелегальной и запрещенной печати XIX века». М., 1971, стр. XI—XII.

Рукописность—печатность—книжность

А. А. Сидоров

Итоги и размышления

Парадоксальное выражение «Галактика Гутенберга» выдвинул не столь давно североамериканский канадский ученый Д. Мак Клюэн. «Галактика» — это нечто безмерно большое, но «конечное», замкнутое в себе, и Мак Клюэн предполагает ее конец, как многие иные предвидя замену печати новыми видами информации. Очень хорошо ответил ему видный советский книговед Е. С. Лихтенштейн на страницах журнала «Наука и жизнь». Прогнозирование производства печатной продукции — не наша задача в данном опыте подведения некоторых итогов, не только ставшей основой сборника докладов Конференции, проведенной в апреле 1973 года на темы о взаимоотношении рукописной и печатной книги, но и некоторых иных вопросов комплексной науки книговедения.

«Предметом» книговедения является к н и ж н о е д е л о. Мы снова не собираемся здесь повторять результаты достаточно многих обсуждений методологического характера, приведшие, думается, к положительному итогу, данному в статьях общей и конкретной, «отраслевой», энциклопедий — «К н и г а» и «К н и г о в е д е н и е». Во вступительной статье к данному сборнику академик Д. С. Лихачев упоминает имя автора этих строк в связи с употреблением последним слов «вселенная книги»: Вселенная, космос — конечно, шире и безграничнее понятия «галактики», тем более «Гутенберговой» Мак Клюэна. В 1961 г. в Париже издана была книга А. Флокона «Univers des livres». Как будто понятие «вселенной книг» должно было быть отнесено как авторская находка на счет французского ученого. Это не совсем так. Книга входит в особую серию «Univers de. . .», куда относятся различные области кроме книжного дела, хотя бы театра и других видов искусств. И термин «Univers» и самое понимание его у А. Флокона в переводе на русский язык правильнее передать словом «мир», «в мире книг» (у А. Флокона неслучайно «книги» названы во множественном числе). «В м и р е к н и г» — заглавие популярного советского ежемесячного журнала. Наше же понимание вселенной — космоса книги — и шире и конкретнее. Оно прежде всего не хочет и не может ограничить себя пределами «Гутенберговой галактики», зная и учитывая многовековое — многотысячелетнее, быть может, существование книги в ее подобиях и предпосылках, позволивших международной организации ЮНЕСКО в 1973 г. опубликовать особое издание «Книга книг» с подзаголовком «Пять тысяч лет искусства книги». В пос-

леднее понятие «Искусства книги» включалось все: и иллюстрация ее содержания, и орнаментация страницы, и каллиграфия письма, и цветность, и различная стилистика книг за тысячелетия менявших свой облик много, слишком много раз. И наука, и непосредственная критическая оценка качества достижений, и проверка опытов опытом — все настолько меняется, что, думается, не синтез или комплекс, не контекст — определяемый всякий раз исторически-конкретно, а конгломерат показан зрителю — читателю в огромном томе, выход которого стал своего рода историко-культурным итогом последних времен изучения книжного дела, вовсе не только его искусства. Но «конгломерат» — никак не космос, искомый и посильно изучаемый нами.

Все эти замечания — предварительны. Задачей данных страниц остается — дать некое «заключение» материалам, отобранным из трудов Конференции апреля 1973 г. Повторить в несколько ином аспекте глубокие мысли и верные наблюдения, даваемые Д. С. Лихачевым во вступительной статье. И главное — поставить на очередь то, что, по нашему мнению, наиболее созрело и стало важным в данный момент для нашей, для советской науки, русской, украинской, армянской, эстонской, любой из развивающихся национальных научных школ нашей многонародной культуры.

Такою главной или первой задачею, вставшей перед Конференцией, было изучение взаимоотношений между рукописной и печатной книгой в эпоху возникновения последней, — но никак не только в эпоху XV—XVI вв., и не только в одной нашей стране (или одной из наших стран). Учесть состояние науки (или наук, и снова в возможно более широком «горизонте внимания») на данном этапе, изучающих книгу и ее дело в разных аспектах и пользуясь различными методами. И поставить серьезно вопрос о координации работ отдельных ученых, отдельных институтов, библиотек, музеев, отдельных отделов, — еще множества «отдельных», которым, быть может, пора серьезно подумать об объединении, если не о «преодолении» своей «отдельности». Мы не ставим здесь вопроса об интеграции многих аспектов наук, занимающихся книгой или книжным делом в его широком или более узком смысле. Это дело иных общих размышлений, более широких конференций, таких, первый опыт которых был проведен в 1971 г., причем в постановлениях его было высказано пожелание о регулярных повторениях встреч книговедов страны. Интеграция — создание единого комплексного книговедения, обобщенной, глубокой и серьезной науки о книге — дело, над которым мы работаем все в данное время, по-своему, плодотворно или нет, производя опыты, выставляя атотезы, выдвигая формулировки, вводя книгу и науку, ей посвященную, в общую теорию информации, или, строя энциклопедию «знаний о книге», как это недавно сделали наши польские товарищи, «информацию», рассматривая точно и практично как «библиотеч-

ное обслуживание». Представляется, что все это — и правомерно и нужно, что «дифференциация» или специализированное знание отдельных сторон книги, ее делания, «художественного конструирования», изучения ее шрифтов, ее иллюстрирования, отдельных социальных аспектов функционирования книги в общественном бытии различных эпох — все это необходимые именно в данный момент отдельные звенья или детали создаваемого нами общего.

И, думается, осознание того, что библиотекарь и библиотековед, художник, оформляющий книгу, редактор, помогающий автору и издателю «строить» из рукописи книгу как завершенное целое, ученый, изучающий как можно более тщательно отдельные экземпляры книг или группы изданий, — все заняты одним большим, исключительно важным и живым видом деятельности общественного человека.

Книга входит в тот очень широкий круг того, что философы-теоретики готовы назвать «семантической информацией», что требует от нас, специалистов конкретной профилировки, более точного, более доходчивого для друзей и читателей книг, которых множество, — практического определения тематики и методики своей работы над изучением «космоса книги», ее закономерностей и конкретных примеров.

Когда мы, как об этом говорится в очень, по нашему мнению, удачной и проницательной статье Н. Н. Розова, учитывая «многоаспектность», «многофункциональность» и универсальность книг в истории человеческого общества, были как будто готовы прийти к пессимистическому выводу, что точно научного и «общепринятого» определения «что̀ есть книга» доселе нет (как нет и такого же обязательного как будто определения границ книговедения), — то возникает совершенно справедливое сомнение в том, нужно ли такое определение, если хотим мы быть не схоластами, а живыми деятелями или, пользуясь старым хорошим словом, «делателями» общего книгознания, научного, теоретически осмысленного и исторически проверенного комплекса сведений о том, чем была, какою была в прошлом, какой является и какой становится книга в настоящем и будущем.

В прочитанном на конференции (не вошедшем в состав данного сборника) докладе канд. ист. наук Т. Н. Копреевой правильно подчеркивался историзм как текстологии, изучения реального содержания книги (здесь докладчица опиралась на высказывания акад. Д. С. Лихачева), так и всей совокупности материалов и методов изучения книги. Книга — «исторически обусловленное общественное явление». Во вступительной статье к данному сборнику Д. С. Лихачев, выдвинув понятие *единости* книги, рукописной ли была она в прошлом, печатной в наше время, или какой-либо «сверхпечатной» фотонаборной в будущем, вспомнил сыгравший очень большую роль в истории нашей науки сборник «Иван Федоров — первопечатник» 1936 г., настоятельно увязав-

ший изучение книги с общественно-социальным контекстом эпохи ее созидания. Труды Д. С. Лихачева, вплоть до его последней работы «Развитие русской литературы X—XVII веков», дают блестящее доказательство основным положениям, проходящим сквозь все материалы апрельской Конференции 1937 г., в данном сборнике образовавшие его главное содержание. Книга изучается и мыслится советской наукой как средство и орудие общения, как информация и коммуникация, как факт и одновременно фактор всех аспектов жизни общества. К справедливо упомянутым в статье Д. С. Лихачева именам сотрудников коллективного труда 1936 г., академика А. С. Орлова, историка русской литературы И. В. Новосадского, первого книговеда-марксиста проф. А. И. Некрасова, с которым много лет сотрудничал автор данных строк, — хотелось бы добавить имена М. Н. Куфаева, В. С. Люблинского, создавшего свою школу книговедения как общественной дисциплины при сохранении ее четкой специализации, П. Н. Беркова, поставившего на научную почву такое как будто зыбкое явление, как библиофильство, создание частных библиотек, изучение «особенностей» книгоиздания. Вместе с тем все данные авторы были в основном изучателями книги «в процессе общения» ее с читателем путем массового ее распространения через печать. «История книги» и у нас и на Западе отождествлялась с историей книгопечатания, и когда специалисты по древнерусскому искусству недавно опубликовали заслуживающий очень высокой оценки том, посвященный книге, они его назвали «рукописная книга», тем самым как бы молчаливо исключив книгу печатную, даже первопечатную середины XVI в. из круга своего изучения.

Установить единство между двумя крупными специальными дисциплинами, имеющими в прошлом, давнем и настоящем немало заслуг, по нашему убеждению, долженствующими и в дальнейшем сохранять свою специфику и быть в то же время предельно родственными, — и было побудительной причиной для Комиссии комплексного изучения книги, работающей в Научном Совете «Истории мировой культуры» Академии наук СССР, созвать в апреле 1973 г. специальную Конференцию, материалы которой образовали данный сборник. Конференция была посвящена изучению самого важного из часто обсуждаемого и остающегося до конца не обследованным вопроса о взаимоотношениях, о различнейших связях и судьбах двух огромных культурных явлений — рукописной книги, существовавшей с начала письменности, — и книги печатной, возникшей в Западной Европе в XV в., в нашей стране — в XVI. Книгопечатание Востока — специфично и особо. Практическая задача — сделать из исторических традиций выводы для строительства нашей, сегодняшней культуры, позволяет нам пока не касаться проблем связей и многообразных взаимоотношений между культурой книги Европы и стран Азии. Самоограничение — такая же доблесть историка и книговеда, как и всякого иного специалиста.

Нашей же личной задачею здесь, в «заключении» сборника, посвященного взаимоотношениям между книгой рукописной и книгой печатной, причем рассматриваемым преимущественно на материалах книги русской, древней и более новой, — очевидно должно стать рассмотрение того, что было достигнуто нашей наукою к моменту созыва Конференции, что было дано участниками последней в процессе обмена сведениями и мнениями, — но также и то, что было Конференцией отложено на будущее или не затронуто вовсе.

Про то, что между книгой печатной и книгой рукописной в самом длительном и нелегком, даже трагическом этапе возникновения книгопечатания (вспомним «процесс» Иоганна Гутенберга, «исходы» Ивана Федорова из Москвы и Заблудова), — взаимоотношения были предельно тесными, — сомнений быть не может, как и в том, что нельзя преуменьшать великий подвиг изобретателей книгопечатания, «качественного скачка развития» и «нового этапа информации» (о чем до Конференции и на ней говорили В. С. Люблинский и Т. Н. Копреева). Но неясным оставалось в этих взаимоотношениях и на Западе и в восточнославянских землях, в том числе в Москве и на Украине, многое. Поскольку доклады Конференции, за исключением, по нашему мнению, очень нужных этюдов А. Капра (на конференции не прочитанных) и некоторых других, в основном касались книжного дела в России, нам хотелось бы напомнить иные сложные и интересные аспекты этих взаимоотношений на Западе. Неслучайно Д. С. Лихачев говорит в своей статье о том, что середина XVI в. «явилась . . . эпохой «лавинообразного» влияния Запада»: самая база нового способа книгопроизводства, печатная, пришла оттуда, если и была использована по-своему. Подчеркнем вначале основной социально-экономический момент. На Западе книгоделание было мануфактурным, ремесленным, частнопредпринимательским, становилось скоро орудием напряженной общественно-политической борьбы. В Русском государстве Ивана Грозного и Бориса Годунова книгопечатание было изначала государственным мероприятием, не имело *своей* экономической базы; здесь проходит грань между московским и литовско-украинскими периодами деятельности Ивана Федорова, о чем на апрельской Конференции 1973 г. не говорилось, но о чем было много сказано и раньше и будет сказано еще в будущем.

Взаимоотношения между обоими крупными «ипостасями» единой «книжности» (так хотелось бы нам здесь говорить о «веленной книги») — ее «рукописностью» и ее «печатностью» на Западе с XV в. рисуются четко и поучительно.

Первый этап: создается произведение (лист, «индульгенция», или «блок-бух») *печати* — гравюры или набора с необходимым добавлением *рукописного* текста. Из него вырастает вариант «рукописности» с введением *в нее* печатного материала: припечатанной или вклеенной гравюры, и такие варианты, в которых

рукописное и печатное сосуществуют на равных правах. Все это — только начало.

Несравненно более жизнеспособным оказывался второй этап, в сущности начатый библией Гутенберга: полнопечатный текст книги с необходимым, предвидимым заранее, участием в ней представителя «рукописности», в данном случае — художественной. В печатную книгу входит рисованный, в первую очередь, многоцветный орнамент, или инициал. Печать приобретает — подчеркнем, заранее предусмотренную, необходимую по замыслу «перводелателя» (термин этот для нас не является неологизмом, а естественен, поскольку «делателями» книги себя именовали наши первопечатники), — декоративность, художественное завершение; и не надо забывать опять-таки наш, восточнославянский момент оправдания вводимых в книгу заставок и концовок, тот, который формулирован Георгием-Франциском Скориною: они предназначены для человека, пользующегося книгой, для читателя, дабы мог он «лепше разумети». Сюда же будет отнесено и столь характерное для славянской старопечатной книги употребление киновари в самом процессе печати, обходящейся без «рукописности». Искусство декора книги входит в общее дело книгопроизводства вначале именно как «рукоделие», «рукомесло», и для пишущего эти строки представляется закономерным видеть внедрение рукописной традиции (точнее: достижений искусства рукописной книги) в исключительном значении, какое имела для всей нашей восточноевропейской книги ее орнаментика: заставки, инициалы, затем концовки и обрамления. Любопытно, что основной элемент современного, нашего, искусства книги — иллюстрация — в печатную книгу у нас вошел последним, тогда как на Западе был одним из наиболее ранних.

Но требования сделать книгу совершеннее, нежели выходила она из-под первых станков печати, приводившие к участию в книге писца-каллиграфа, художника-миниатюриста и гравера, по существу оказались постоянными. Искусство декора книги (не обязательно ее «орнаментации» или иллюстрирования) вошло неотторжимо в более общее понятие книжного искусства. Можно оспаривать отнесение этого начала к области именно рукописности. А, вместе с тем, остается фактом, что шрифт печатной книги был вначале почерком книги рукописной и остается доселе делом высокого мастерства ряда заслуженно ценимых у нас художников-графиков, мастеров пера и кисти.

В сборнике, заключением которого хотели бы быть данные историко-художественных или историко-книговедческих наблюдений, очень естественно и правильно говорят об этом в своих статьях и Н. Н. Розов (очень уместно вспомнив и о «парадоксе тератологического стиля», о наличии в ранних рукописных книгах живущею самостоятельно своеобычной жизнью изобразительного начала), и И. Н. Лебедева и, на более позднем материале, С. Р. Долгова и А. Г. Шицгал. О том, что раннепечатные книги

часто (и на Западе и у нас) «маскировались» под рукописные, данных сколько угодно, и одною из последующих задач нашего общего изучения было бы систематизировать постоянное, непрекращающееся, соучастие, взаимопроникновение или прямое «действие» («воздействие» временное или «влияние» длительное) рукописного начала в печати или на печать. Оно блистательно начато введением «курсивного» печатного шрифта Альдом Мануцием, подражанием скорописному полууставу в шрифте Ивана Федорова — и дальше, до последних дней, когда целые книги пишутся и размножаются посредством литографии или фотомеханики.

Но одним из важнейших, звучавших на Конференции особенно настойчиво во всех почти докладах, был неоспоримый факт, игнорировавшийся раньше многими, отождествлявшими историю книги с историей книгопечатания: печатность как «ипостась» книжности не убила, не отменила «рукописности», рукописной книги. А. С. Мыльников серьезно и обстоятельно поставил в своем докладе вопросы изучения позднейшей рукописной книги. На конкретном материале «Прологов» показал теснейшую связь рукописности и печатности в русском XVII в. В. А. Кучкин, о соотношении рукописных и печатных книг в русских старых библиотеках ценные материалы дали Б. В. Сапунов, затем, перейдя к книжному делу XVIII столетия, С. П. Луппов и И. Ф. Мартынов. Особо ценным в плане социально-идеологическом оказалось исследование И. Е. Баренбаума, посвященное равномерности «рукописности» и «печатности» в нелегальной русской революционной пропаганде, включаемой нами неизбежно в круг «книжности». О теснейшей связи рукописных истоков печатных текстов ценные и интересные материалы были даны в докладах А. С. Демина, А. Л. Гольдберга, С. Р. Долговой. Доклад Е. Л. Немировского показал оригинальное русское использование того западного, сравнительно редкого, варианта взаимоотношений рукописного и печатного начал, когда печатная — гравированная на металле вклеенная заставка обнаруживается неожиданно на страницах русской рукописной книги за достаточно длительный срок до внедрения в Москве книгопечатания как такового.

Но задачей «Заключения» не должно быть простое «аннотирование» содержания сборника. По нашему мнению, в постановлениях Конференции, предложенных представителями Археографической комиссии, было правомерно указано на необходимость продолжения и углубленного изучения того огромного богатства, каким обладает наша страна в искусстве рукописных книг, в котором наука, быть может, только начинает разбираться, переходя от стадии фактологического накопления и описания отдельных памятников книжного искусства к более глубокому анализу его, к характеристике его мастеров, к обобщению его принципов. На Конференции в апреле 1973 г. очень важным представлялся нам (в сборник не вошедший) доклад доктора исторических наук

О. И. Подобедовой о двух основных типах или видах иллюстраций в древнерусской рукописной книге; об этом необходимо вести серьезные изыскания и дальше, связывая и сопоставляя их с тем, что давала своего и нового книга печатная. Наше «Заключение» должно, как мы полагаем, продолжить и развить те пожелания на будущее, которые высказаны академиком Д. С. Лихачевым в его вступительной статье к данному сборнику. Автор данных строк на Конференции выступал именно «зачинателем» разговора, учитывающим, какие общие задачи стоят перед всеми.

Концентрируя внимание на проблемах раннего русского книгопечатания, Д. С. Лихачев выдвигает в качестве желательных «контекстных» исследований пять тем. Первая из них, необходимость исследования текста первопечатных книг, нами полностью приемлется и воспринимается с несколько иной точки зрения, высказать которую автор данных строк считает нужным, указывая также, что многое в этом отношении сделано было в работах проф. Г. И. Коляды, и на Конференции в докладе А. С. Демина, говорившем о «Литературном значении русских старопечатных книг». Хотелось бы как раз здесь подчеркнуть одно из достижений современного советского книговедения, строющего свою теорию и методологию на живом деле наших дней.

Позволителен некий «шаг в сторону», представляющийся если и неожиданным, но важным.

Около полувека тому назад виднейший и наиболее заслуженный деятель русской книги, Н. А. Рубакин, правильно указал, что автором «р о м а н а» является его написавший, но «автором к н и г и» является коллектив — издатель и работники типографии. Думается, что эта глубоко верная мысль — не касающаяся, впрочем, нашей едино-двойственности «рукописность — печатность», — ибо «роман» не идентичен с понятием «рукописная книга», — за наше время пополнена двумя звеньями, о которых Н. А. Рубакин прямо не говорил: созидателями книги рядом и вместе с типографскими делателями становятся художники (или конструкторы) книги, рядом с «издателем» — редактора. Рассмотрение первой задачи, выдвинутой нами Д. С. Лихачевым, является и остается проблема р е д а к т и р о в а н и я книг, в частности, первопечатных и в особенности изданий Ивана Федорова. В Москве 1550—1560-х годов книга оказывается не тою, чем в Заблудове и на Украине, во Львове и особенно в Остроге. А на исключительно важную роль редактора в нашей современности не раз указывали в своих трудах проф. Н. М. Сикорский, Е. С. Лихтенштейн, А. Э. Мильчин и другие. Вопрос о том, как и зачем подвергали редакции тексты своих изданий первопечатники наших (ибо проблема касается и Белоруссии, и Литвы, и Украины) стран, имеет не только литературно-текстологический, но и социально-политический аспект. А. С. Демин обратил внимание, как в докладе Конференции, так и в особой статье 1971 г. на первый, литературный аспект. У нас есть право подчеркнуть и

второй. Быть может желательно пересмотреть все послесловия Ивана Федорова, его учебники, именно с этих позиций. Уже первое из заданий вступительной статьи Д. С. Лихачева приобретает для историка русской книжности очень большое значение.

Второе из пожеланий Д. С. Лихачева касалось изучения шрифтов старопечатных изданий. Отметим, что на Западе вопрос реформ шрифта, появление антиквы и курсива, деление готических шрифтов на фрактуру и текстуру, появление в XVI в. замечательных мастеров именно шрифта, создание его теорий и разработка методов его образцового строения указывают сразу же, какое огромное значение для книги имеет шрифт, какими принципиальными были ознакомление и сознательная попытка воскрешения классических эпиграфических, не только палеографических, шрифтов в книжности Возрождения. А у нас? Знакомство Максима Грека с Альдом Мануцием? Какие именно «образцы» выписывал из Италии находившийся в Москве как раз в 1554—1565 гг. итальянец? — На вопрос Д. С. Лихачева — связаны с Новгородом или с Москвой дофедоровские анонимные издания, очевидно можно ответить даже априорно: очевидно и с Новгородом, куда ездил Маруша Нефедьев и откуда происходил Васюк Никифоров, и с Москвою, где они печатались. Последовательность первопечатных книг мы принимаем в связи с наблюдениями А. С. Зерновой, Т. Н. Протасьевой, покойного академика М. Н. Тихомирова, — в связи с соображениями о назначении трех Евангелий, определяемых и различаемых именно по ширине (и общей конфигурации) их шрифтов. Что не произведено, — это более детальное, возможно, по примеру К. Хеблера, микроскопическое обследование каждой из букв шрифта Ивана Федорова, его предшественников по анонимной типографии, тех шрифтов, которые оставались у Невежи в Александровой слободе, шрифтов, какие были Федоровым увезены с собою в «земли незнаемые». Такая микроскопическая проверка шрифта попавшего в США первого из учебников Ивана Федорова была произведена там и установила неидентичность шрифта «Букваря» с московским.

Думается, что третье из пожеланий акад. Д. С. Лихачева тоже будет исполнено. Еще А. С. Зернова обратила внимание на то, что сотоварищ Ивана Федорова Петр именуется в ранних московских изданиях «Мсти́славцем», в зарубежных — «Мсти́словцем». Случайно ли это? Ударение на «и» налицо и там и здесь. Орфография самого первопечатника: «Иван Ѳедоров» (отчество без знаков ударения) в «Апостоле» 1564 г. и «Часовнике» 1565 г. В Заблудове: «Иван Ѳео́дорович москви́тин». Во Львовских изданиях себя Иван Федоров не упоминает вовсе, помещая зато в конце «Апостола» и учебника 1574 г. свою «марку» — сигнет с четырьмя буквами ІОАН. В Остроге: «Иван Ѳео́доров сын москви́тин» (Библия), «Іоанн Ѳео́доров сын з Москвы» (Новый завет). Его печатный знак, отдельно помещенный — «Іоаннъ, Ѳео́дорович. Печатник, З Москвы». Знаменитый, использованный и на москов-

ском памятнике первопечатнику сокращенный сигнет имеет только две буквы «I» и «О». Случайно ли все это? Но стоило ли бы искать дальше аналогий с Западом или вступать на зыбкую, по нашему личному мнению, почву орфографии геральдической (ибо такая была) по стопам покойного гербоведа В. К. Лукомского, искавшего излюбленную свою геральдику и сфрагистику везде, где только можно, в первую очередь и в вызывавшем много контроверсий сигнете Ивана Федорова?

Из следующих двух пожеланий Д. С. Лихачева последнее (пятое), касающееся изучения деятельности Ивана Федорова за рубежом, думается, успешно выполняется нашими товарищами, книговедами Украины во главе с учеными Львова — А. П. Запаско и Я. Д. Исаевичем, в Москве Е. Л. Немировским, написавшим специальную монографию на эту тему. Для книговеда же, изучающего, подобно автору данных строк, книгу как историк искусств, наиболее близким и особо радующим является четвертое пожелание Д. С. Лихачева. Оно касается всей проблематики, связанной с декором, с орнаментом первопечатной книги. В этой связи необходимо изучение и определение «принципов» (они, заметим, не только «эстетические»), функций орнамента. Д. С. Лихачев выделяет вопрос о расположении орнамента на странице и отношение его к тексту, на странице имеющемуся; соотношение орнамента с полями, обрамление его. Да, именно в «построении страницы, в пропорции орнаментального пятна» (здесь мы цитируем вступительную статью) заключено главное для «искусствоведа книги». Построение книг, ее страниц, разворотов, листов, ритмического хода расположения орнаментации во всей книге с начала до конца — это и есть «искусство книги», ее «художественная конструкция», выявленная и изучаемая на Украине (хотя бы в книге А. П. Запаско), в Москве — В. Н. Ляховым. Автор данных строк давно уже, в 1920-х годах, проводил опыты измерения пропорций книжных страниц на примерах русских изданий более нового времени, XVIII и XIX столетий. Рождался комплекс приемов «библиометрии», очень законный после практически принятой с XVIII в. «типометрии», тщательнейшим и вполне практически себя оправдавшим способом измерения и систематизации шрифтов. По отношению к группе русских и украинских изданий раннего, старопечатного XVI в., это сделать надо, и, конечно, в связи с двойным обследованием пропорций и «гармонии соотношений», «норм конструкции» лучших образцов русской рукописной книги.

Какие из них были если не «прототипом», то «прообразом» для Ивана Федорова? Мы вполне согласны с Д. С. Лихачевым, указавшим на то, что Иван Федоров уже в своем первом «Апостоле» 1564 г. встал ближе к лучшим достижениям древнерусской рукописной книги, нежели как бы имитировавшие их дофедоровские анонимные издания. Но полной точности нет. Достигнута иная точность была в другом. Мы определенно теперь знаем, что обрам-

ляющая фигуру Луки гравированная на дереве рамка-арка свободно копирует, пересоздает, применяет к традициям древнерусского искусства иноземный оригинал Э. Шёна, указанный еще в 1917 г. А. И. Некрасовым (в 1926 г., независимо от А. И. Некрасова, сделал это наблюдение также Н. Макаренко на Украине). Здесь возвращаемся мы вновь к проблеме «лавинообразного влияния» Запада на русский XVI в. Я считаю, что было оно иным, нежели закономерное, охотно принятое и органично освоенное «второе южнославянское балканское влияние», изучаемое историками древнерусской культуры более раннего времени. В XVI в., по-моему убеждению, говорить можно и об общем влиянии Запада, и об отдельных заимствованиях, и о конкретных уроках, которые мы охотно брали у иноземцев, и, вместе с тем, о бережном и полном уважения отношении «делателей» нашей печатной книжности к собственной вековой прекрасной традиции рукописной. Иван Федоров взял у немца Эрхарда Шёна, типичного представителя немецкого Возрождения, как будто весь рисунок триумфальной арки из так называемой «Пейпусовой» библии, изданной впервые в Нюрнберге в 1524 г., повторенной в Чехии в 1540. Мы знаем, что в библиотеке известного сочлена «Избранной рады» А. Адашева было много книг немецких и латинских. Связь, несомненное знакомство с совершенно определенным оригиналом западного, конкретно — немецкого искусства в Москве и вновь — в точно датированном произведении, в гравюре «Апостола» 1564 г. — это ф а к т, имеющий документально-историческую важность для всей истории русской культуры. Самое понятие «влияние» — широко, тем самым, как всякая лавина (или прилив!) не допускающая абсолютных ограничений. Заимствование вполне определенных частей (и общности) в конкретном произведении русского мастера из произведения столь же конкретного иноземного художника — это нечто, что может быть отмечено только в к н и ж н о й г р а ф и к е, в гравюре на дереве Ивана Федорова. Его имя законно и правомерно заняло свое место в истории нашего искусства XVI в.

А вместе с тем, зная и приемля и «лавину», и учитывая реальный пример заимствования вполне конкретного, как можем мы закрывать глаза на то, что русский мастер «з Москвы» не «предал» своей традиции, а подчинил подошедший ему западный оригинал своей национальной эстетике! «Арка» в гравюре Э. Шёна — трехмерно-объемна, построена в «правильной» ренессансной пространственной перспективе, у Ивана Федорова она двухмерна, никакой «перспективы» не имеет, и это тем более примечательно, что помещенная Иваном Федоровым в эту арку, ставшую «обрамлением», фигура Луки изображена «по-русски», с чертами, характерными для так именуемой «обратной» перспективы, и имеет свою объемность, выделяя свой, определенный и, по отношению к русской книжной миниатюре, новый монументальный реализм. Здесь стоило бы сравнить фигуру «Федоровского» Луки 1564 г. с ри-

сунками «Летописного свода» близких к нему лет, с любым из «апостолов» чудесных рукописных «Четвероевангелий» XVI в. В другом месте автор этих строк имел повод указать, что преемник Ивана Федорова в московском книжном деле, Андроник Невежа, гораздо ближе в своем изображении Давида из так называемой «Слободской псалтири» к миниатюристам «Царственного летописного свода». Здесь надо указать, что в Заблудове и на Украине Иван Федоров постоянно обращался к западным (с точки зрения церковной — «еретическим»!) образцам, особенно точно воспроизведя в Острожском «Новом Завете» 1580 г. рамку с немецкого (к тому же Лютеровского!) издания 1534 г. А Лука из Московского «Апостола» 1564 г. был во Львовском издании той же книги 1574 г. заменен другой фигурой, более простой, если угодно, более жанровой, гравированной мастером «W. S.» с рисунка местного львовского художника. Культурные связи менялись, то ослабевали, то укреплялись.

Об этом написано достаточно, надо напомнить вновь последний труд А. П. Запаско. Остается открытым все еще вопрос о наиболее многочисленной и характерной группе старопечатной орнаментики — заставках.

Об искусстве древнерусской заставки много говорилось и на Конференции — в публикуемых и не опубликованных выступлениях ее участников. После издания исключительно полного по объему труда А. С. Зерновой «Орнаментика книг Московской печати» 1952 г. к изучению заставок старопечатных книг обращались многие авторы, из трудов которых самым важным было открытие, сделанное покойным профессором Н. П. Киселевым, указавшим как на источник декоративных элементов старопечатной орнаментики русских книг XVI в. гравированный на меди «Большой Алфавит» германо-нидерландского мастера Израэля ван (т. е. «из») Мекенема, — городка немецкого вблизи от Голландии. Невольно хочется напомнить, что еще в 1940 г. академик М. Н. Тихомиров призывал наших историков искусства внимательнее отнестись к проблеме связей и возможных заимствований русским искусством мотивов или художественных элементов именно из Голландии, с которой Русь поддерживала торговые связи (заметим, так же как с Англией, которая, в свою очередь, была тесно связана с Голландией). Но открытие Н. П. Киселева — обильнейшее и теснейшее использование Иваном Федоровым в старопечатном орнаменте московских и зарубежных изданий элементов «Алфавита» Израэля ван Мекенема никак не сняло основного явления: заставки федоровских книг остались органически национально русскими, что у них были предшественницы в «клеймах», черно-белых вставках, встречаемых в многоцветных заставках ряда более ранних рукописных книг. Последние недавно специально изучены Т. В. Диановой и отражены в статье, намеченной к выходу в свет второго тома выдающегося по значению издания «Древнерусское искусство. Рукописная книга» под

редакцией О. И. Подобедовой, о котором мы говорили выше. Использование гравюр Запада русскими мастерами — в печати, в гравюре на дереве в изданиях Ивана Федорова — несомненно, но заставляет нас подчеркнуть также решающие различия русского рукописного и граверно-печатного варианта з а с т а в о к от орнамента, включаемого в очертания б у к в латинского «Алфавита» Мекенемского мастера. Из букв последнего русский мастер берет не «рапорт» орнамента, а целостные мотивы — акантовых ветвей, пластически-чеканных. Порою, как показал Н. П. Киселев, включает в виньетку целый «штамб» такой простой буквы, как «i». Но Федоров решительно переводит язык резцовой гравюры на металле в новую технику ксилографии, в рукописных клеймах мотивы Мекенема выполнялись черно-белыми штрихами пера. В результате получалось пересоздание: из элементов явно западных — характерно русское, органично слитое со всей страницей славянских литер, с формой прямоугольно-горизонтальной заставки, как правило, строго симметричной по своей композиции, а в рукописности к тому же обрамленной яркоцветностью.

Все это в целом — феноменально. Старопечатный орнамент до конца, конечно, не продуман и не изучен. Надо помнить, что «Мекенемовские» элементы наличествовали до Ивана Федорова в заставках-клеймах целой группы рукописных книг, изготовление которых, может быть, удастся точнее локализовать хотя бы в Сергиевой Лавре. Иван Федоров возможно имел в руках самый «прототип», листы букв Израэля ван Мекенема, но столь же возможно и то, что развил и перевел на язык гравюры то, что уже до него делали мастера рукописной заставки, такие художники, как Михаил Медоварцев (чью деятельность специально изучает Н. В. Синицына) или Исаак Собака (о Феодосии — изографе, которым специально занимается Е. Л. Немировский, говорить надо было бы особо). Важно, что «старопечатный стиль» русской книжной заставки достигает своей лучшей завершенности именно в «Апостоле» Ивана Федорова, и в его первом, московском, варианте 1564 г. Дофедоровские анонимные издания 1550-х годов в их орнаментации ближе к рукописным. Общим для многих из заставок нововизантийского стиля и более ранних (на это тоже обратил внимание Д. С. Лихачев) была склонность к растительному, «травному» началу. К нему же возвращаются оба Невежи в послефедоровское время московской печати, а в замечательном втором издании «Апостола» Ивана Федорова, Львовском 1574 г., весь декор обогащен элементами, выявляющими связи группы новых заставок издания с украинским рукописным орнаментом и с новыми заимствованиями Запада. Только не к Израэлю ван Мекенему (вообще в Германии как автор «инициалов» он следа не оставил) обращается теперь Иван Федоров, а к Г. З. Бехаму, нюрнбержцу. Г. П. Коляда обнаружил сходство «Апостола» с декоративной небольшой гравюрой на меди Г. З. Бехама, и любопытно, что, вновь переделанная на свой лад в технике гравюры

на дереве, эта заставка вернется в Москву в изданиях первой половины XVII в. Н. Фофанова, несомненно знавшего Львовское издание Федоровского «Апостола».

И еще один экскурс в область книжной орнаментики хотелось бы сделать здесь, как бы в качестве отклика на «четвертое пожелание» статьи Д. С. Лихачева, открывающей данный сборник.

В составе орнаментики Федоровских первых изданий скупо (только в «Часовнике» 1565 г.), но затем весьма обильно в его зарубежных — львовско-острожских — изданиях встречается мотив черно-белой «плетенки», в «Часовнике» как заставки, в львовских «Апостоле» и «Букваре» (его автор данных строк называл вначале «Грамматикией», что тоже допустимо) и в Острожской «Библии» и «Новом Завете» — как концовки. Откуда они? В рукописных книгах они как будто отсутствуют; они состоят из отчетливо черно-белых гнущихся или ломающихся под острыми углами линий, не допускающих расцветки. Что для декора русской рукописной книги, ее миниатюр, ее орнаментики цвет играл огромную, если не решающую, роль, и что здесь не мастера первой московской анонимной типографии, а Иван Федоров встал на новый путь, — показано хотя бы тем, что в наших библиотеках хранятся экземпляры изданий анонимной типографии с ярко раскрашенными заставками, превративших их «печатность» в художественную «рукописность» миниатюр; а раскрашенного «Апостола» Ивана Федорова, как кажется, никто нигде не видел. В изданиях Ивана Федорова черно-белая гравюра на дереве достигает несомненной высоты. Благостны лики апостолов в иных рукописных «Четвероевангелиях», которых много. Определенными четкими линиями, уверенно обрезанными ножом гравера, очерчено лицо Луки Федоровского «Апостола» 1564 г. Лицо его никак не «лик», не «иконно». А многоцветность снабженных драгоценными миниатюрами рукописных книг (примеров — множество) категорично заменена в изобразительных и декоративных элементах Федоровских книг линейной, черной на белом (в заставках иногда — белой на черном) определенностью линий. Создан новый художественный, графический язык.

«Плетенки», о которых мы заговорили, прекрасно соответствуют этому. Они линейны, составляющие их полосы широки, лентообразны, напоминают узоры чугунно-литых решеток. Мекенемовского в них ничего нет. Национально-традиционного как будто тоже. Их происхождением до недавнего времени мало кто интересовался. С «круговыми» в общем плетениями нововизантийского стиля цветными заставками рукописных книг они как будто не схожи, хотя бы по более свободной их общей контурности, не замыкаемой в прямоугольник. Г. И. Коляда, неутомимо искавший звенья, соединяющие русскую и украинскую книжную графику с Западом, нашел почти полную аналогию заставкам «Часовника» 1565 г. в орнаментации нескольких польско-немецких книг начала 60-х годов XVI в. Вставала мысль даже не о копиро-

вании, а о простом использовании в Москве оригинальных досок-клише из Польши. Более точные измерения размеров и пропорций плетенок как будто (и предварительно) этого не подтверждают. Дальнейшие же исследования показывают безусловно очень обильное использование «плетенок» в ряде польских изданий XVI в., встречаются они и в немецких изданиях первой половины столетия, по мотивам совпадают с литьем решеток (например — гробниц в Кафедральном соборе Вавеля в Кракове). Пришлось бы думать о немецко-польском происхождении этого типа орнаментации, использованного в целой группе Федоровских заставок и концовок; такой концовкой завершается Острожская библия, самое вообще крупное издание Ивана Федорова. Вместе с тем при всем, представляющемся «готическим», угловатом, линейном хитросплетении этих заставок-концовок несомненна их связь с иным, славянским южным истоком, не только с Западом. Югославский ученый В. Радойкович опубликовал гравюру на дереве Распятия из Хиландара, отнесенную вполне справедливо к первой четверти XVI в. Самая фигурная композиция здесь обрамлена как будто обычным нововизантийским чередованием круго-овальных элементов, но для голгофского креста и его подножия, в частях прямоугольных, орнамент принимает характер как раз наших «федоровских» плетенок, только белых на черном фоне. Это — новый повод размышлений и над связями, над общностью эстетических достижений и приемов России XVI в. с югом, греко-славянским (не обязательно с Византией, на что указывал еще акад. М. Н. Тихомиров), не только с Западом.

«Плетенки» свои Иван Федоров мог легко видеть и в Библии Шарфенбергера, странствующего типографа польской короны, и в других книгах библиотек Адашева, Грозного, Макария, а потом — в странствиях своих. Он принял их в свой «репертуар декора», однако, не случайно, а потому, что, как показано Хиландарским распятием, мотив плетенки не противоречил, а входил в состав той общности, какую мы называем «стилем», куда включается и «второе южнославянское влияние», и, как это ни парадоксально, которому не противоречил переведенный на язык черно-белой гравюры на дереве гравированный на меди «Алфавит» Израэля ван Мекенема — позднеготический.

Плетенок же, которые мы встречаем у Ивана Федорова, так много в изданиях Польши и Германии, что встал вопрос, не являлись ли они отлитыми из гарта с матриц, подобно тем малым видам орнаментации, которых стало много в зарубежных изданиях Ивана Федорова. Помещал он плетенки порою и «вверх ногами», как мы это обнаруживаем в Острожском «Новом Завете». Быть может, как раз это — наиболее наглядный пример р а з н о с т и между заставками рукописных книг, каждый раз уникальными, неповторимыми, относимыми к определенному месту текста. В старопечатных книгах XVII в., как мы в свое время проследили, различные варианты тех же книг, «Апостолов» или «Псалтирей»,

могли отличаться разными комбинациями переносимых из издания в издание гравированных на дереве инициалов; а заставки федоровских книг были выполнены с такою гравюрной добротностью, что их употребление удалось проследить в самых разных изданиях Львовского братства вплоть до XIX в.

Здесь подходим мы уже к выводам о взаимоотношениях, о сходствах и различиях между «рукописностью» и «печатностью» книг нашей страны. Основной признак и принцип печати вообще — ее т и р а ж н о с т ь, размножаемость. Рукописная книга — прекрасна, но уникальна. В алтаре храма — кому открывает она бесценность красоты своих миниатюр, инициалов, заставок? Ее украшали бережно, с большой любовью, — чтобы закрыть и уберечь от взоров как святыню. Естественно, что это было не всегда, что художественную эстетическую ценность рукописной книги знали не только служители культа во время богослужений. К числу рукописных книг всего средневековья относились и книги «четьи», о чем красноречиво в своей статье данного сборника говорит Н. Н. Розов. Рукописных книг для чтения, в том числе высокоценных по художественности их выполнения, было сколько угодно в библиотеках всех столетий существования книжности в нашей стране. В интересной статье данного сборника, говоря об отражении историко-политических идей русской письменности в западной литературе, А. Л. Гольдберг показывает несомненное знакомство с древнерусской рукописной книгою и вне границ Московского государства. А в нем самом «рукописность» продолжала жить на всем протяжении развития нашей культуры. И при Иване Федорове и после него особо драгоценными, высокочтимыми оставались рукописные «священные» книги, сохранявшие все особенности письменности и «рукописности» как особого т и п а, стиля, или, еще более широко, о б р а з а книги. Известно, что расцвет русской историко-хроникальной летописной литературы, затем светской, очень часто полемической, порою бесценной для нас по содержанию и художественному качеству языка и смысла, нерасторжимо связан именно с рукописной книгой. Здесь — оборотная сторона медали: государственная монополия типографской информации вообще, «книжности», которую мы изучаем специально, поставила с л о в о на службу церкви и государства, не общественности.

Но народное творчество не умирает. Мы гордимся старой русской художественной культурой и в ее монастырско-церковном обличии, перенесли чудотворные иконы, освободив их живопись от златокованных окладов со стен церквей в художественные музеи. Коллективы советских ученых со всею внимательной бережностью изучают миниатюры летописных сводов, чтобы показать нам, как это удачно сделал недавно С. О. Шмидт, хотя бы «Зарождение российского самодержавства»; изучение искусства миниатюры ведется давно и без ставших известными теперь всей земле шедевров «Евангелия Хитрово», самых ранних — «Остромирова Евангелия»

и «Изборника Святослава» нет возможности знать историю и искусство нашего народа. Получалась даже, на это мы позволим себе указать, некая «предилекция» историков русской «допетровской», как говорилось раньше, культуры к изучению рукописной книги при известном оттеснении на второй план книги печатной. Доселе кадры специалистов по изучению рукописной книжности средневековой России гораздо более многочисленны, нежели те, которые изучают книгу печатную, причем и здесь, очевидно, больше внимания привлекает к себе начало, происхождение, первые шаги, книгопечатания в Москве, на Украине, в Белоруссии, Литве, в других национальных республиках, нежели изучение хода развития «печатности». Последняя зато как будто полностью заслонила интерес к рукописной книге «послепечатного» (термин А. Х. Горфункеля) периода, — как это произошло и в западной специальной литературе.

И, однако, отождествлять историю книги и книговедение как комплексное знание о «книжности» с историей книгопечатания — нельзя. Между Археографической комиссией и отделами редких книг, между специалистами разных профилей, работающими в библиотеках, архивах, музеях, должна быть осуществлена научно-планированная координация, взаимообмен достижениями мысли и знания.

Академик Д. С. Лихачев в своей вступительной статье вспомнил сборник «Иван Федоров — первопечатник» 1936 г., укажем еще на коллективные труды более поздних десятилетий: «У истоков русского книгопечатания» (1959 г.), двухтомник «400 лет русского книгопечатания» (1964 г.), «Пятьсот лет после Гутенберга» (1968 г.). В 1972 г. под редакцией О. И. Подобедовой вышел прекрасный коллективный труд «Древнерусское искусство. Рукописная книга», а в 1974 г. последовал второй на ту же неисчерпаемо богатую тему. Данный сборник продолжает традиции, восходящие и к более раннему времени: в советскую эпоху первым полнообъемным трудом книговедчески-исторического характера был двухтомник «Книга в России» 1924—1925 гг. Перечислять все труды обзорно-популярного или монографически-специального характера, посвященные книжности нашей многонациональной страны, здесь, конечно, не надо. Но горизонты будущих исследований ясны. За данным сборником, который только коснулся, не претендуя на их окончательное решение, многих аспектов книжности, должны последовать иные, новые труды.

Самая область книжного дела, «книжности», очень широка, и то, что ее границы почти неопределимы, в наших глазах только усиливает интерес исследований самых различных контактов между рукописной и печатной культурой, между «книгой» и собранием книг — библиотекой, между старым и современным. Хотелось бы в «Заключении» данного Сборника коснуться четырех статей, включенных в него после завершения Конференции, давшей главный материал для постановки вопроса о взаимоотношении

между рукописной и печатной книгой. Советские и зарубежные авторы весьма поучительно ставят вопросы как раз о границах самой области «книжность».

Большая и обстоятельная статья А. И. Маркушевича, одна из важнейших в сборнике, расширяет границы «книжности», правомерно указывая на необходимость внимания к рукописным (или в новое время, добавим, машинописным) материалам, хранимым, сдаваемым в отделы библиотек или архивов. Записные книжки, черновики, собрания писем или старинных рецептов разного рода, жизнь ученого, писателя, человека отражена не только в «готовых», завершенных, или, тем более, напечатанных, опубликованных или оставшихся в корректуре книгах. Весь этот материал порою драгоценен, часто уникален. На рубеже Возрождения он для истории науки был неповторимо важен и остается таким же для всех, знающих значение «лабораторного» момента в практике точных наук, дневника и всей массы эпистолярного материала для литературы и всех видов общественной деятельности. Именно книговедение в теснейшем сотрудничестве с археографией, с библиотеками, с хранилищами разного рода призвано разработать методику и теоретические основы изучения и использования подобного материала, и такие статьи, как работа А. И. Маркушевича, крупного ученого и деятеля, открывают широчайшие перспективы перед общим трудом всех, изучающих письменность и книгу, науку и литературу.

Книга же — в жизни. Продолжая замечательные работы Н. Н. Розова в области изучения книжно-рукописных богатств русской средневековой культуры, небольшая статья Я. Н. Щапова открывает первые факты «владения» книгой, записи на рукописных книгах их читавших, владетелей, бережных ценителей, ответственных за жизнь книг в их настоящем и будущем. Из этих записей рождались затем знаки библиотек, организованных собраний, книга единичная входила в состав коллективного подбора. На библиотеку можно же смотреть как на единство, как на огромную «Книгу книг», и ее «знак», печать принадлежности данного экземпляра именно данному собранию — частному или общественному, затем — государственному, естественно становился сам предметом самостоятельного изучения. В новейшие времена экслибрис, став не просто знаком, но и выявлением определенных идей и мыслей о книге и о человеке, ею пользующемся, читающем, ее хранящем и ее полюбившем, является порою произведением настоящего искусства, создаваемого лучшими мастерами графики новых времен. Статья Я. Н. Щапова тем самым «ведет» из глубин рукописности к одной из вершин современной печатной книжности и той ее разновидности, которая ныне процветает как широко распространенное по всей земле (и особо — в нашей стране!) книголюбие.

Рукописно-печатная книжность старых времен может быть изучена в последовательности, «хронологически». Статья болгар-

ского крупнейшего книговеда П. Атанасова показывает на примере «Прологов», освещенных в их старорусском рукописном и печатных вариантах В. А. Кучкиным, их действие «вширь», их воздействие на книжность Болгарии. Связей между книгою разных стран и народов было столь много и были они столь многообразны, что и данное, очень подробное и образцово проведенное, исследование открывает широкие перспективы международного сотрудничества между специалистами книжного дела всех стран. А небольшая острая и талантливая статья крупнейшего ученого и художника книги, проф. А. Капра из ГДР, указывая на роль и значение каллиграфии, искусства шрифта, буквенного знака или титульной надписи, связывает все изыскания в области рукописной и печатной книги с художественными поисками, с искусством книги наших дней.

Так в многосложности тематики сборника выявляется единство цели, в исканиях — единая устремленность. Книга — великое орудие культуры. Строя культуру настоящего и будущего на основах нашего мировоззрения, мы заканчиваем сборник призывом к продолжению и к завершениям начатого большого общего труда.

Научные конференции по истории рукописной и печатной книги

1. Научная конференция «Рукописная и печатная книга» (к проблеме взаимосвязей)

2—4 апреля 1973 г. в Москве состоялась научная конференция «Рукописная и печатная книга (к проблеме взаимосвязей)», созванная по инициативе Научного совета по истории мировой культуры Академии наук СССР и Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. В работе конференции участвовали представители Института истории, Института мировой литературы им. М. Горького, Института русской литературы, Археографической комиссии Отделения истории АН СССР, Института истории искусств Министерства культуры СССР, Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Библиотеки Академии наук СССР, Государственного Эрмитажа, Московского и Ленинградского государственных институтов культуры, а также ряда других научно-исследовательских организаций, высших учебных заведений и библиотек. Конференция заслушала 20 докладов и сообщений, в прениях по которым выступили 12 человек.

Все выступавшие констатировали определенную активизацию научных исследований в области истории рукописной и ранней печатной книги. Отмечалось большое значение работы над созданием «Сводного каталога рукописей XII—XV вв., хранящихся в СССР»; работу эту на протяжении многих лет ведет Археографическая комиссия Отделения истории Академии наук СССР. Опубликованы предварительный список славянорусских рукописей XI—XIV вв., алфавитный указатель к нему, методическое пособие по описанию славяно-русских рукописей. Новый научно-методический уровень в области изучения истории искусства рукописной книги знаменуют монографические исследования, подготовленные Институтом истории искусств Министерства культуры СССР, а также выпущенные и подготовленные к печати этим институтом совместно с Археографической комиссией сборники «Древнерусское искусство. Рукописная книга». Актуальными и значительными представляются работы по типологии древнерусской рукописной книги, проведенные в Институте русского языка Академии наук СССР.

Говоря об успехах, достигнутых советской наукой в области изучения ранней печатной книги, выступавшие на конференции называли ряд монографических трудов, изданных в последние

годы, а также сборники «Пятьсот лет после Гутенберга» (М., «Наука», 1968) и «Книга и графика» (М., «Наука», 1972), подготовленные к печати Научным советом по истории мировой культуры.

Значительные исследования по истории рукописной книги и ее взаимосвязей со старопечатной опубликованы на страницах таких продолжающихся изданий, как «Труды Отдела древнерусской литературы», «Археографический ежегодник», «Книга. Исследования и материалы», «Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина», «Сборник статей и материалов БАН по книговедению», на страницах источниковедческих сборников Института русского языка АН СССР.

Кратким вступительным словом конференцию открыл директор Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина Н. М. Сикорский, наметивший некоторые задачи книговедения в связи с изучением взаимосвязей рукописной и печатной книги. Он подчеркнул актуальность вопроса в условиях научно-технической революции и увеличивающегося с каждым годом потока научной информации, что вызвало к жизни специальные информационные центры, хранящие депонированные рукописи.

Один из инициаторов созыва конференции, старейший советский книговед А. А. Сидоров подчеркнул необходимость совместной работы историков рукописной и печатной книги. По его мнению, методика, приемы работы, сложившиеся в той и другой отраслях книговедческой науки, способны обогатить друг друга.

А. А. Сидоров высоко оценил работы по истории рукописной книги, появившиеся в последние годы. Как об удачном опыте популяризации успехов и достижений в этой области, он говорил об очерках Н. Н. Розова «Русская рукописная книга. Этюды и характеристики» (Л., «Наука», 1971).

С большим интересом участники конференции выслушали доклад Д. С. Лихачева «Некоторые вопросы изучения преемственной сьвязи первопечатных изданий с русской рукописной книгой». По мнению докладчика, четкой границы между рукописанием и книгопечатанием нет и не может быть. История книги и книжного дела едина, и именно в таком единстве должна рассматриваться и изучаться. Значительную часть доклада Д. С. Лихачев посвятил советской историографии раннего русского книгопечатания. Ее несомненным достижением докладчик считает уяснение социально-экономических и политических истоков типографского дела. В этой связи были названы имена А. С. Орлова, М. Н. Тихомирова, И. В. Новосадского. Высокой оценки заслуживают труды А. А. Сидорова, который рассмотрел оформление первопечатных книг как факт истории русского изобразительного искусства. Тесные связи между художественным убранством первопечатной и древнерусской рукописной книги установлены исследованиями А. Е. Зацепиной и Н. П. Киселева. Работы многих историков, филологов и искусствоведов, изучавших пер-

вопечатную книгу во всем многообразии связей и аспектов, подготовили почву для монографии Е. Л. Немировского «Возникновение книгопечатания в Москве. Иван Федоров» (М., «Книга», 1964). Важной задачей советской науки Д. С. Лихачев считает изучение международных связей древнерусской рукописной и печатной книги. С большим одобрением встретили собравшиеся слова докладчика о необходимости скорейшего создания в нашей стране общесоюзного Музея книги, который должен стать научно-исследовательским центром комплексного изучения рукописной и печатной книги.

Доклад Н. Н. Розова «К определению понятия «книга» в историческом аспекте (по русским материалам XI—XIV вв.)» был посвящен, главным образом, вопросам типологии древнерусской книги. Используя предварительный список славяно-русских рукописей XI—XIV вв., опубликованный Н. Б. Шеламановой («Археографический ежегодник за 1965 год». М., 1966, стр. 177—272), и алфавитно-тематический указатель к нему, составленный Л. П. Жуковской («Советское славяноведение», 1968, № 1, стр. 57—71), докладчик попытался реконструировать древнерусскую рукописную книжность.

Доклад А. С. Демина «Литературное значение русских старопечатных книг XVI—XVII вв.» был посвящен почти не изученному в нашей историографии вопросу. Докладчик убедительно доказал, что предисловия и послесловия старопечатных книг являются памятниками древнерусской литературы; их филологическое и лингвистическое изучение дает исключительно интересные результаты. Как памятники литературы и языка надо рассматривать и сами тексты старопечатных книг, которые хранят следы деятельности древнерусских текстологов и редакторов.

Во многих выступлениях на конференции была показана ошибочность традиционной точки зрения о почти немедленном вытеснении рукописной книги сразу же после появления печатного станка. Проблемам сосуществования рукописной и печатной книги были посвящены доклады С. П. Луппова «Печатная и рукописная книга в России в первой половине XVIII в.», Б. В. Сапунова «Изучение соотношения рукописных и печатных книг в русских библиотеках XVI—XVII вв.» и И. Ф. Мартынова «К вопросу о репертуаре светской книги второй половины XVIII в. (Взаимоотношения рукописной и печатной книги, тематика рукописной книги и ее читатели)».

На примере Италии XVI в. А. Х. Горфункель показал, как специфические условия католической реакции и контрреформации способствовали возрождению рукописной книги в эпоху казалось бы безраздельного господства печатного станка. В это время широко распространяются списки произведений писателей и мыслителей, которые церковь внесла в индекс запрещенных книг.

Широкий круг проблем, связанных с изучением так называемой поздней рукописной книги, затронул в своем докладе А. С. Мыльников. В XVII—XVIII вв. сохранению рукописания способствует ряд причин, в полной мере еще не изученных. Среди них интересы политических или религиозных группировок, национально-освободительного движения, все еще бытовавшая сила традиции, библиофильские устремления к уникальности. Докладчик считает важной задачей книговедения выявление функциональной роли поздней рукописной книги, ее связи с определенными классами и общественными группами.

Доклад И. Е. Баренбаума был посвящен актуальным проблемам изучения истории русской нелегальной революционной книги. Превосходной источниковедческой базой для монографических исследований в этой области является изданный в 1971 г. «Сводный каталог русской нелегальной и запрещенной печати XIX в. (книги и периодические издания)», а также ряд других появившихся в последние годы публикаций. Революционная рукописная книжность, к великому сожалению, по сей день не учтена и не изучена. Докладчик считает необходимым сделать это в самое ближайшее время.

Древнерусская рукописная книга оказала воздействие на формирование тем и сюжетов, бытовавших в западноевропейской книжности. Это положение иллюстрировал, в частности, доклад А. Л. Гольдберга «Отражение историко-политических идей русской письменности в западноевропейской печати XVI—XVII вв.»

С. Р. Долгова рассказала на конференции об обнаруженных ею в Центральном Государственном архиве древних актов неизвестных рукописных оригиналов и корректурных экземпляров петровских «Ведомостей». Доклад В. А. Кучкина был посвящен рукописным источникам первых изданий русских Прологов (1661—1662 гг.).

Почву для возникновения книгопечатания в Москве подготовили первые опыты гравирования на дереве и металле, связанные с орнаментальным убранством рукописной книги. Об этом свидетельствуют гравированные заставки и «цветки», наклеенные на страницы рукописей. О гравюре на меди в русской рукописной книге XVI—XVII вв. рассказал на конференции Е. Л. Немировский.

Большой интерес вызвал доклад Н. В. Синицыной, которая в течение нескольких лет занимается выявлением индивидуальных особенностей почерков русских писцов конца XV — первой половины XVI в. Предложенная ею методика таит в себе многообещающие возможности для атрибутирования рукописей тем или иным историческим личностям; Н. В. Синицына доказала это, анализируя автографы Максима Грека, Гурия Тушина, Михаила Медоварцева. Если удастся атрибутировать почерк, положенный в основу первых московских типографских шрифтов, это, возможно, будет способствовать выявлению среды,

в которой зародилась мысль о создании первой русской типографии.

Доклад О. И. Подобедовой был посвящен системе иллюстрирования средневековой рукописной книги. И. Н. Лебедева говорила о влиянии на книжность других народов рукописной и печатной греческой книги XV—XVII вв.

Широкий круг проблем, связанных с изучением древнерусской рукописной и печатной книги, был затронут в выступлении С. О. Шмидта, который, в частности, говорил и о необходимости скорейшего решения вопроса о подготовке молодых кадров для комплексного изучения рукописной книжности.

Конференция приняла рекомендации, в которых намечены важнейшие направления научно-исследовательской работы в области истории рукописной и печатной книги, а именно: изучение совместного бытования рукописной и печатной книги в связи с функциональной задачей, решаемой ими применительно к потребностям тех или иных классов и общественных групп; изучение генезиса рукописной и печатной книги в свете последовательного становления книги как информационно-коммуникативной системы в свете ее значения для удовлетворения культурных и эстетических потребностей людей; изучение типологии рукописной и печатной книги на всем протяжении их существования; изучение взаимосвязей русской и зарубежной рукописной и печатной книги; изучение взаимосвязей в области искусства книги.

Конференция рекомендовала Археографической комиссии Отделения истории АН СССР, а также организациям и учреждениям, связанным с описанием и хранением рукописных книг, продолжить работу по составлению «Сводного каталога рукописей XI—XV вв., хранящихся в СССР», всячески способствовать скорейшему завершению этой работы. Признано целесообразным составить и издать описания крупнейших рукописных собраний страны. Должен быть подготовлен многотомный справочник, раскрывающий корпус рукописных книг Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина

Важной задачей советского книговедения признана реконструкция репертуара древнерусской рукописной книжности, а также реконструкция крупнейших древнерусских библиотек.

Конференция рекомендовала Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина обеспечить подготовку и издание описаний греческих и западноевропейских средневековых рукописей, а также скорейшую публикацию подготовленного к печати каталога рукописей Бастильского архива.

Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина и Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина конференция рекомендовала предусмотреть в перспективных планах Отдела рукописей, Отдела редких книг и Научно-исследовательского отдела общих проблем книговедения и исто-

рии книги разработку тем по истории рукописной книги и ее взаимосвязей с печатной книгой, а также тем по истории рукописной и печатной революционной книги.

Конференция признала желательным и целесообразным выпуск факсимильных изданий замечательных памятников древнерусского рукописания, таких, как Остромирово Евангелие, Евангелие Хитрово, Хроника Георгия Амартола. . .

Собравшиеся обратились с просьбой к Министерству культуры СССР и Госкомиздату Совета Министров СССР изыскать возможности для создания в ближайшие годы Музея книги, который мог бы стать научно-исследовательским центром комплексного изучения рукописной и печатной книжности.

2. «Федоровские чтения»

400 лет назад в «преименитом граде» Львове московский первопечатник Иван Федоров выпустил в свет первые на украинской земле печатные книги — Азбуку и Апостол. Отмечая юбилей этого примечательного события в истории отечественной культуры, Научный совет по истории мировой культуры Академии наук СССР, Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина и Московское правление Научно-технического общества полиграфии и издательств провели 17 декабря 1973 г. научную сессию — «Федоровские чтения».

Инициатором чтений был старейший советский книговед, член-корреспондент Академии наук СССР А. А. Сидоров. 15 лет назад, 16 декабря 1958 г., выступая на расширенном заседании Ученого Совета Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, посвященном 375-летию со дня смерти Ивана Федорова, он сказал, в частности, следующее: «Я высказываю пожелание, к которому, думаю, присоединятся многие, чтобы мы установили обычай в эти самые дни, в середине декабря, в дату кончины Ивана Федорова, ежегодно проводить «Федоровские чтения», которые посвящены изучению деятельности нашего первопечатника Ивана Федорова, — подобно тому, как установлены «Ломоносовские чтения» в Московском государственном университете» [1].

Предложение А. А. Сидорова было поддержано научной общественностью. В последующие годы состоялось несколько «Федоровских чтений», на которых выступали с докладами и сообщениями член-корреспондент АН СССР А. А. Сидоров, академик АН БССР Т. С. Горбунов, член-корреспондент АН УССР П. Н. Попов, книговеды и историки книги А. С. Зернова, Т. Н. Каменева, Б. И. Козловский, Е. Л. Немировский, В. В. Попов, И. М. Полонская, А. П. Рыбин. В последний раз

[1] *А. А. Сидоров.* Иван Федоров — художник и просветитель. — «Труды ГБЛ» 1959, т. 3, стр. 183.

«Федоровские чтения» состоялись в 1964 г., когда отмечалось 400-летие русского книгопечатания.

Принимая решение о возобновлении и регулярном отныне проведении «Федоровских чтений», Научный совет по истории мировой культуры Академии наук СССР, Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина и Московское правление НТО полиграфии и издательства собираются превратить их в ежегодную научную конференцию, посвященную актуальным проблемам истории книги в нашей стране как в дореволюционный период, так и — особенно — после Великой Октябрьской социалистической революции.

Открывая первые после возобновления «Федоровские чтения», заместитель директора Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина доктор педагогических наук, профессор О. С. Чубарьян говорил о том, что чтения названы именем Ивана Федорова. Это — дань уважения и признательности человеку, стоявшему у истоков русского, белорусского и украинского печатного дела. Советская наука давно покончила с легендой об Иване Федорове как «дьяконе церкви Николы чудотворца Гостунского», полуграмотном мастеровом, техническом исполнителе воли сильных мира сего. Мы видим в Иване Федорове высокообразованного человека, отважного гуманиста-просветителя, талантливого писателя и художника, умелого и проницательного педагога — создателя первых наших учебных книг. «Рассевать по вселенной духовные семена, знания!» — в этом видел он свою задачу и цели этой оставался верен до последнего дня своей многотрудной жизни.

В постановлении коллегии Министерства культуры СССР «Об основных направлениях развития Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина в 1971—1975 гг.», отметил О. С. Чубарьян, — специально подчеркнуты важность и актуальность исследований в области истории книги в СССР. В 1973 г. в библиотеке был создан научно-исследовательский сектор истории книги, который должен стать координационным и методическим центром в этой области.

«Слово об Иване Федорове» произнес член-корреспондент Академии наук СССР А. А. Сидоров. Рассказав о возникновении книгопечатания в Москве, о первых книгах Ивана Федорова, выпущенных здесь, он более подробно остановился на деятельности первопечатника в Белоруссии и на Украине. Основное же в «Слове» — характеристика Ивана Федорова как Человека и Гражданина, который «отказался от предложенной ему обеспеченной жизни «помещика», чтобы продолжать многотрудную жизнь странствующего печатника, издателя, мастера гравюры и просветителя» [2]. По словам А. А. Сидорова, Иван Федоров

[2] Здесь и ниже цит. по машинописным текстам докладов, представленных докладчиками в оргкомитет «Федоровских чтений».

в своей творческой деятельности «сливает лучшее, что было в русской рукописной традиции, с лучшим в передовой иноземной художественной культуре». Был подчеркнут демократизм первопечатника, его «контакты не только с поддерживавшими его меценатами, вроде гетмана Г. А. Ходкевича или князя К. К. Острожского, но и с простыми людьми, с «братствами», с художниками и ремесленниками тех мест, куда его забрасывала судьба и непокорная доля вечного искателя, новатора, труженика, Мастера Книги».

Со слов А. В. Луначарского, А. А. Сидоров рассказал по сей день не известный и не описанный в нашей литературе факт: в первые годы революции, когда «кто-то не в меру ретивый предлагал снять памятник Ивану Федорову», на котором было начертано, что поставлен он «дьякону», В. И. Ленин рассердился и сказал А. В. Луначарскому, что Ивана Федорова «все должны знать».

С большим докладом «400 лет книгопечатания на Украине» на «Федоровских чтениях» выступил доктор филологических наук А. И. Дей (Академия наук УССР). Книжное дело на Украине прошло большой и славный путь. Деятельность Ивана Федорова на украинских землях принесла богатые и щедрые плоды. Из года в год ширилось число типографий, увеличивалось количество книг, выпускаемых здесь. Большую роль в становлении книжного дела на Украине сыграла типография Киево-Печерской лавры, активно работавшая на протяжении XVII—XVIII вв. А. И. Дей рассказал о просветительской деятельности Петра Могилы, о замечательном киевском «архитипографе» Памве Берынде, авторе известного «Лексикона словенороссского». В XVIII в. начинается гражданское книгопечатание на Украине. Появляются типографии в Елисаветграде и Кременчуге, Харькове и Николаеве. В первой половине XIX в. активную издательскую деятельность ведет Харьковский университет, типография которого начала работать в 1805 г. Здесь издаются произведения классиков украинской литературы И. П. Котляревского, Г. Ф. Квитко-Основьяненко, П. П. Гулак-Артемовского; выходят в свет первенцы украинской периодики — «Украинский вестник» и «Харьковский Демокрит», газета «Харьковский еженедельник». Издательскую деятельность ведет и Киевский университет, основанный в 1834 г.

А. И. Дей рассказал о том, какую большую роль в истории украинской книги сыграло русское книжное дело. Крупнейшие произведения украинской литературы — «Кобзарь» и «Гайдамаки» Т. Г. Шевченко, «Энеида» И. П. Котляревского впервые увидели свет в Петербурге. В Москве были изданы «Малороссийские повести» Г. Ф. Квитко-Основьяненко.

Яркие страницы в истории украинской книги связаны с революционно-демократическим движением. Иван Франко переводит на украинский язык 24-ю главу «Капитала» К. Маркса

и один из разделов «Анти-Дюринга» Ф. Энгельса. Подпольные типографии издают революционные брошюры и прокламации. В 1902 г. во Львове выходит в свет первое украинское издание «Манифеста Коммунистической партии». Широко распространяется на Украине ленинская «Искра».

Значительная часть доклада А. И. Дея была посвящена развитию книжного дела на Украине после Великой Октябрьской социалистической революции. В 1919 г. было образовано первое большое государственное издательство — «Всеукрдержвидав», в 1922 г. преобразованное в Государственное издательство Украины. Издательство выпускает труды В. И. Ленина, общественно-политическую, научно-техническую, художественную и детскую литературу. Харьковское издательство «Пролетарий» в 1923 г. впервые на Украине выпускает «Капитал» К. Маркса (на русском языке). В переводе на украинский язык издаются произведения классиков русской литературы: А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова.

Докладчик рассказал о восстановлении книжного дела на Украине после Великой Отечественной войны, о крупных издательских начинаниях 50-х и 60-х годов. На украинском языке выпущено Полное собрание сочинений В. И. Ленина, труды К. Маркса и Ф. Энгельса. Впервые в истории украинской культуры вышло в свет многотомное энциклопедическое издание — «Украинская советская энциклопедия» в 17 томах. Значительным событием культурной жизни республики явился выпуск 26-томной «Истории городов и сел УССР». Издаются «Советская энциклопедия истории Украины», «Энциклопедия народного хозяйства УССР», «Украинская сельскохозяйственная энциклопедия». Выпущены многотомные собрания сочинений классиков украинской литературы: Т. Шевченко, И. Франко, Л. Украинки, М. Коцюбинского, И. Нечуя-Левицкого. В 1972 г. в республике издано 9441 название книг общим тиражом 140 млн. экз.

В заключение А. И. Дей сказал: «Вместе с русской книгой и печатью других братских народов Советского Союза украинская книга играет сегодня громадную роль во всех сферах жизни советского общества. Печать в руках советского народа и Коммунистической партии является могучим средством технического прогресса, идейного воспитания строителей коммунистического общества».

Кандидат исторических наук Я. Д. Исаевич (Институт общественных наук АН УССР) прочитал на «Федоровских чтениях» доклад «Иван Федоров и возникновение книгопечатания на Украине», насыщенный интересными фактическими данными. По его словам, «на Украине во второй половине XVI в. обострение борьбы против социального и национального угнетения ставило вопрос об использовании печатного слова как могучего средства воздействия на массы». Деятельность Ивана Федорова во Львове и Остроге имела в этом смысле исключительно боль-

шое значение. Я. Д. Исаевич познакомил собравшихся с недавно обнаруженными в львовских архивах документами, дополняющими факты жизни и деятельности первопечатника. Стало известно, например, что, приехав во Львов, Иван Федоров снял помещение в доме Ивана Бондаря на Краковской улице — в самом центре города. Докладчик осветил украинские связи типографа, назвал имена людей, помогавших Ивану Федорову основать первую на украинской земле типографскую мастерскую.

Подробно рассказал Я. Д. Исаевич о книгах, выпущенных Иваном Федоровым на Украине — о львовской Азбуке 1574 г., львовском Апостоле 1574 г., об острожских изданиях, наиболее известным среди которых является прославленная Библия 1580—1581 гг. Он привел интересные сведения о распространении всех этих изданий в XVI—XVII вв.; источником этих сведений послужили вкладные и владельческие записи на сохранившихся экземплярах книг.

В заключение Я. Д. Исаевич подчеркнул, что «самой характерной чертой деятельности Ивана Федорова на Украине была тесная связь с общественно-политической жизнью страны». Деятельность московского печатника имела большое значение в истории украинской культуры, она содействовала упрочению русско-украинских культурных связей.

Доктор искусствоведения А. П. Запаско (Львовский институт прикладного и декоративного искусства) посвятил свое выступление художественному убранству украинских изданий Ивана Федорова, специально остановившись на дискуссионном вопросе о связи творчества первопечатника с украинскими художественными традициями. По его словам, «украинский период деятельности великого мастера преисполнен напряженной творческой работы, поисками новых средств оформления и новых форм изобразительного языка, тщательным изучением местной и западной художественной культуры». А. П. Запаско считает, что «новая культурная среда оказала значительное воздействие на творческие поиски печатника». В докладе были приведены примеры воздействия украинской рукописной традиции на художественное убранство изданий, выпущенных Иваном Федоровым во Львове и в Остроге. Так, например, по мнению А. П. Запаско, заставки и инициалы острожских изданий имеют общие черты с орнаментикой рукописного Пересопницкого Евангелия 1556—1561 гг.

Заканчивая доклад, А. П. Запаско сказал: «Уважение и любовное отношение московского первопечатника к национальным традициям украинского народа, к его культуре и искусству способствовали чрезвычайно большой популярности художественного наследия выдающегося мастера на Украине, заботливому его сохранению и долголетнему использованию». А. П. Запаско обнаружил, что гравированная орнаментика Ивана Федорова

использовалась на Украине еще в начале XIX в. — оттиски с досок первопечатника найдены им в львовских изданиях 1819 г.

Отмечая в 1974 г. 400-летие книгопечатания на Украине, мы, вместе с тем, отмечаем и 400-летие отечественной историографии русского и украинского книгопечатания. Этой памятной дате был посвящен доклад доктора исторических наук Е. Л. Немировского (Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина).

У истоков историографии — два замечательных памятника старой письменности: послесловие Ивана Федорова к Апостолу 1574 г. с взволнованным рассказом об обстоятельствах начала книгопечатания в Москве и на Украине и предисловие известного деятеля польско-литовской реформации Симона Будного к Новому завету, изданному им в 1574 г. в Лоске; в предисловии идет речь и о деятельности московских первопечатников Ивана Федорова и Петра Мстиславца, с которыми Будный встречался лично.

Е. Л. Немировский рассказал о работах старых русских изучателей первопечатания — К. Ф. Калайдовича, П. И. Кеппена, Е. А. Болховитинова, А. Е. Викторова, Л. А. Кавелина. Наиболее подробно докладчик остановился на достижениях советской историографии предмета, в связи с чем были названы имена академика А. С. Орлова, академика М. Н. Тихомирова, члена-корреспондента АН СССР П. Н. Беркова, члена-корреспондента АН СССР А. А. Сидорова, А. А. Гераклитова, А. С. Зерновой, Н. П. Киселева, Т. Н. Протасьевой, Б. В. Сапунова.

Содержание

РУКОПИСНАЯ И ПЕЧАТНАЯ КНИГА

*

Утверждено к печати
Научным советом АН СССР
по истории мировой культуры

*

Редактор издательства *Древлянская И. Г.*
Художник *Б. Е. Захаров*
Художественный редактор *Т. П. Поленова*
Технический редактор *Ф. М. Хенох*

*

Сдано в набор 9/I 1975 г. Подписано к печати 7/IV 1975 г. Формат $60 \times 90^1/_{16}$. Бумага типографская № 2. Усл. печ. л. 16,5. Уч.-изд. л. 17,8. Тираж 5600. Т-04269. Тип. зак. № 20. *Цена 1 р. 20 к.*

*

Издательство «Наука». 103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

1-я типография издательства «Наука». 199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12